

ЭНДРЮ НОРТОН

Э.Нортон

Эндрю Нортон

КОШАЧЬИМ ВЗГЛЯДОМ

ЗВЕЗДНАЯ СТРАЖА

ЗЕРКАЛО МЕРЛИНА

Москва 1992

ББК 84.7 (США)

Н83

Эндрю Нортон

Н83 «Кошачьим взглядом», «Звездная страж», «Зеркало Мерлина»: Романы (пер. с англ.) — М.: МП «Энталпия», 1992.— Выпуск 2—416 с. (Серия «Мифы Вселенной»).

ISBN 5—88602—002—0

Действие романов Э. Нортона относит читателя в далекое прошлое («Зеркало Мерлина») и в сказочное будущее («Звездная страж», «Кошачьим взглядом»), но всех их объединяет вера автора в торжество разума и доброе начало в душе каждого человека.

Н 4703010000—002 Без объявления
Э16(03)—92

ББК 84.7 (США)

ISBN 5—88602—002—0

© Составление, оформление: МП «Энталпия», 1992 г.
© ТОО ПКФ «Пилигрим»

КОШАЧЬИМ ВЗГЛЯДОМ

ГЛАВА 1

Тикил в сущности представлял собой три города, два из них отмечены на карте северного континента Корвара, а третий — рана, нанесенная войной и все еще не залеченная. Северная и западная части Тикила были экзотическим цветком планеты, которая вбирала в себя богатство с первого поселения. В восточной части Тикила, примыкающего к космопорту, находились мастерские и магазины — тысячи различных заведений, необходимых для безмятежного течения жизни, осуществления капризов и прихотей трех четвертей элиты галактического сектора.

В южной части находился Дипил — собрание мрачных, непривлекательных построек. Жить здесь — значило принадлежать к низшему классу. У человека из Дипила были три возможных варианта будущего. Он мог, подобно многим, попытаться прожить в Центральном распределительном пункте без гражданства и разрешения на работу, надеясь на ее предоставление. Он мог каким-нибудь образом собрать необходимую для уплаты большого вступительного взноса сумму и попытать счастья в незаконной, но процветающей воровской Гильдии; наконец, он мог подписать контракт на работу вне планеты и улететь в замороженном состоянии, не имея представления, что его ожидает.

Война двух секторов зашла в тупик пять лет назад. Две главные соперничающие силы — Конфедерация и Союз — разделили добычу — «сферу влияния» (окраинные миры перешли в их владения). Несколько больших и некогда богатых планет были списаны со счетов, потому что ни один человек не осмеливался высадиться на мирах, превращенных в шлак. В результате представители нескольких маленьких наций оказались бездомными.

В начале войны проводилась насильственная эвакуация с таких окраинных мест: пионеров сгоняли с их земель, чтобы

разместить на них военные базы и замаскировать солнечные батареи. Так далеко от линии фронта появился Дипил на Корваре. Коренные жители, воодушевленные патриотизмом, встретили новых жителей Дипила поначалу доброжелательно. Но позже, когда их родные планеты были уничтожены или проданы за столом переговоров, последовали вспышки возмущения и на нескольких планетах прошли демонстрации с призывом избавиться от докучливых поселенцев.

И вот теперь в Тикиле на рассвете люди из Дипила сидели с поникшими плечами у внешней стены Центрального распределительного пункта или слонялись у двери, где проходила граница между имущими и неимущими.

Трой Хоран следил, как все ярче становится бледное золото неба. Слишком поздно, чтобы наблюдать звезды. Он попытался вспомнить небо на Вордене, и в его сознании снова вспыхнула одна из ярких картин-воспоминаний.

Серебряная чаша неба опрокинулась над волнистой травяной равниной; трава была одновременно бледно-зеленого, розовато-лилового и серебряного цвета, оттенок ее менялся, когда она волновалась под ударами ветра. Трой ощущал тепло солнца, постоянно полуоткрытое радужной туманной вуалью, чувствовал игру мускулов животного, на котором сидел.

Именно в это утро с неба спустились корабли Совета, выжигая своими выхлопами большие круги на равнине. Через три дня Трой вместе со всем своим народом покинул Ворден, направляясь на Корвар. Их было трое Хоранов — маленькая семья. Но они недолго оставались втроем: отец Ланг Хоран — могучий человек со смеющимся голосом и умелыми руками — надел мундир и навсегда исчез в пасти транспортника.

После этого Дипил поразила эпидемия «большого кашля», оставив в живых из семьи только Троя Хорана, долговязого юношу с унаследованными от отца навыками и желаниями, для которых не было места на Корваре. Он обладал также упрямой яростной независимостью, удерживающей его от искушения подписать контракт или вступить в Гильдию. Трой Хоран был индивидуалистом, он не воспринимал приказы. После смерти матери у него не осталось в Дипиле близких. Друзей и знакомых вообще не было: мужчины вступили в армию, а их семьи по какой-то причине оказались восприимчивы к эпидемии.

Дверь пункта отворилась. Мужчины, сидевшие у двери, встали. Механически Трой провел руками вдоль своего длинного торса, хотя ему нечего было приводить в порядок: фор-

менные брюки, выношенные так, что их некогда синий цвет стал серым; башмаки, немного широковатые для его узких ступней (их магнитные включения звякали при ходьбе); верхнее платье, напоминающее камзол без рукавов,— все это резко контрастировало с единственным в его костюме напоминанием о прежней жизни.

Этим напоминанием служил пояс ворденского всадника, хорошо смазанный, каждое его серебряное звено отполировано и сверкает. Звенья пояса образовывали рисунок, который был единственным наследием Троя. Если бы он сейчас ехал верхом по волнистым травяным равнинам, а впереди галопировали тупаны, на их кремово-белых шкурах было бы клеймо такой же формы. Ланг Хоран был хозяином пастбища и владельцем стада.

Молодой, сильный и упрямый, Трой находился поблизости от механического приемщика и ревниво следил, как три человека перед ним побежали к штамповщику, чтобы получить рабочий знак. Этот знак на запястье давал им свободу передвижения в городе, правда лишь на один день.

Наконец настала очередь Троя вставать перед бездушным микрофоном.

— Хоран, класс два, Ворден, законная работа...— Эту старую формулу он произносил день за днем. Он стоял слегка расставив ноги, балансируя, как будто перед ним находилась не машина, а готовый к схватке противник. Про себя он считал до пяти, и в нем росла надежда, что, поскольку он не был отвергнут немедленно, у приемщика есть требование, которому Трой удовлетворяет.

Он успел посчитать до десяти, прежде чем приемщик задал вопрос:

— Знание животных?

— Как у каждого ворденского всадника.— Это было не совсем верно, но надежда Хорана быстро росла.

Приемщик задумался. Трой, несмотря на возбуждение, чувствовал напряжение стоявших за ним людей.

— Нанят,— послышался голос из микрофона.— Срок найма — неопределенный. Наниматель — Косси Кайгер, первый уровень, шестой квадрат. Немедленно явитесь туда.

Хоран направился к штамповщику, сунул в щель руку и почувствовал мгновенный жар — на его загорелое запястье нанесли рабочий знак.

— Первый уровень, шестой квадрат,— вслух повторил он не для того, чтобы запомнить, а из чистого удовольствия: он может назвать адрес своей работы!

Шестой квадрат находился на окраине делового района. Это означало, что Кайгер занимается торговлей предметами роскоши высшего класса. Удивительно, что такой торговец нуждается в работнике, лишенном гражданства. Все служащие и высококвалифицированные продавцы таких магазинов обычно бывают полноправными гражданами. И почему его спросили о животных?

Хоран свернул на одну из быстroredвижущихся дорог, выставляя напоказ временно татуированную руку, чтобы избежать вопросов патрульных.

Было еще рано, и поэтому на дороге было мало пассажиров. Над головой по воздушным линиям двигалось лишь несколько частных флиттеров. Большинство витрин магазинов было закрыто ставнями. Ближе к середине дня туристы и покупатели из вилл двинутся в город. На Корваре посещение магазинов служило одной из форм развлечения, сокровища половины Галактики — поток увеличивающегося после войны производства предметов роскоши — тек в Тикил.

Трой перешел на другую движущуюся дорогу. Чем дальше на запад он продвигался, тем больше подозрения вызывал. Все прохожие независимо от фасонов одежды были одеты в костюмы из дорогих материалов; у мужчин были сложные прически, сверкали драгоценные браслеты, шейные цепи, поясные ножи. На фоне такого великолепия коротко остриженные светлые волосы Троя, его лишенный ножа пояс и слишком худое лицо становились очень заметными. Дважды патрульные на контрольном пункте настораживались, но, заметив рабочий знак, теряли к нему интерес.

Движущаяся дорога подвезла Троя к зеленому массиву шестого квадрата, он спрыгнул с дороги и подошел к указателю на столбе.

— Кайгер, — произнес Трой в микрофон.

— Кайгер, — отозвался указатель. — Джентель хомо, Джентель фем, посетите Кайгера, где перед вами парадом пройдут живые сокровища тысячи миров! Смотрите и слушайте лимианских говорящих рыб, дофулда, бесценный факсианский меняющийся наряд, единственный экземпляр, пойманный живьем. Следуйте за огоньком, Джентель хомо, Джентель фем, к Кайгеру — торговцу экзотическими животными!

Маленькая искорка вспыхнула на стене под указателем, отделилась от стены и теперь дрожала в воздухе впереди.

Магазины животных — теперь Трою стал ясен вопрос о знании животных, но энергии у него поубавилось, так как ответ

распределителю казался теперь более неточным. Он уже десять лет как с Вордена, десять лет вне контакта с животными. И все же у Троя осталась надежда. Считалось, что машина никогда не ошибается.

Он осмотрелся. Вокруг простиралась роскошная растительность: растения и кустарники с полдюжины миров. Их листья составляла сложный рисунок красно-зеленого, желто-зеленого, сине-зеленого, серебряного цветов... И каждая клетка тела Хорана вдруг страстно захотела, чтобы Кайгер оставил его у себя, пусть даже на один день.

Искорка-проводник танцевала, привлекая его внимание к двери. Он остановился, искорка погасла. Трой удивленно выдохнул, увидев витрину магазина: она делилась на четыре части, каждую из которых занимал ландшафт. Ландшафты представляли собой перенесенную сюда миниатюрную часть какой-то планеты. В каждом суетились маленькие существа, занятые игрой жизни и смерти. Все это было голограммическим изображением, но съемка была превосходная, она совершенно очаровывала.

Трой неохотно приблизился к двери, в нее было вделано множество странных насекомых из плексигласа, ни одно из них не было известно ему. Магазин казался закрытым и было не ясно, как пройти к служебному входу. Трой колебался, стоя у запертой двери, но тут среди изображений насекомых появилось явно человеческое лицо. Круглые темные глаза на смуглом желтом лице смотрели на него безо всякого выражения или интереса.

Трой поднял руку, чтобы ясно был виден рабочий знак на запястье. Глаза не мигая уставились на этот знак, потом лицо исчезло. Когда дверь поднималась, казалось, что насекомые взлетают. Поток теплого воздуха, насыщенного разнообразными запахами, окутал Троя, входящего в магазин Кайгера.

У него не было времени внимательно осмотреть приемное помещение с его стальными шкафами и множеством миниатюрных сцен чужих миров: владелец глаз нетерпеливо ждал его. Привыкший к странностям людей, гуманоидов и негуманоидов, Трой все же нашел маленького человечка необычным. Он мог пройти под вытянутой рукой Хорана, но его маленькое жилистое тело было очень пропорционально и совсем не походило на тело гнома. Черные волосы росли пучками на круглом черепе. Вдобавок, пучки таких же черных волос росли на верхней губе и на подбородке.

Одет он был в обычный гражданский костюм с добавлением кожаных перчаток. Живот опоясан кожаным поясом, с него

свисал нож, не только более длинный, но и более широкий, чем обычно носили в Тикиле.

— Пошли... — У него был гортанный голос.

Согнутый палец указывал направление, и Трой следом за маленьким человеком вышел в коридор, из которого вели закрытые двери. Здесь сильно сгущался специфический запах большого количества животных, да и звуки из-за запертых дверей также свидетельствовали о том, что у Кайгера множество животных. Проводник Троя дошел до конца коридора, вложил руку во впадину замка и посторонился, пропуская Хорана.

Если желтолицый был необычным, то человек, сидящий перед Троем, оказался уж совсем необычен. Хоран видел в Тикиле немало торговцев, все они сверкали и блестели. Их драгоценности, роскошные наряды необычных фасонов и замысловатые прически — все должно привлекать всеобщее внимание.

Но Кайгер, если это был он, вовсе не сверкал побрякушками. Его мускулистое тело было затянуто в костюм из дорогой ткани темного цвета. На правом запястье виднелся широкий браслет ветерана-космонавта, а на нем — не менее двух созвездий; его череп был гладко выбрит, как будто под шлем космического разведчика. На голой, сильно загорелой коже черепа заметно выделялся шрам за правым ухом. Трой мимоходом удивился, почему Кайгер носит этот уродливый шрам: пластическая операция легко бы его уничтожила.

Сидящий долго и пристально разглядывал Троя.

— Распорядитель сообщил, что вы с Вордена, — наконец заметил он с легким акцентом, незнакомым Трою. — Я бы скорее подумал о Мидгарте...

Трой встретил его взгляд. Этот человек обладал знаниями космонавта о расовых типах других миров.

— Я родился на Вордене...

Тот, казалось, не слышал:

— Мидгарт или даже Земля...

Трой вспыхнул.

— Ворден, — упрямо повторил он. Отец Лонга Хорана был родом с Мидгарта. А раньше — кто же может проследить родословную пионеров космоса до самого истока?

— Ворден. И вы считаете, что кое-что знаете о животных? — Серые глаза, холодные, как космическое пространство между пылающими звездами, перешли с лица Троя на его пояс с любовно отполированными серебряными звеньями. — Хозяин пастбища?

Трой не ответил. Он пожал плечами, не зная, почему

собеседник старается поймать его. Всем известно, что теперь Ворден принадлежит конфедерации и ни один из его прежних обитателей не может вернуться на родину.

— Ладно. Если распределитель прислал вас, значит, ничего лучшего не сумел найти.— Кайгер встал с узкого кресла. Желтолицый человек скользнул к нему.— Зул отдаст вам нужные распоряжения. Мы ждем груз с Часгара. Вы отправитесь в порт вместе с Зулом и будете делать то, что он велит. Не меньше, разумеется, но и не больше. Ясно?— В его голосе послышалась резкая нотка, похожая на лезвие бритвы.

Трой кивнул.

Зул оказался неразговорчивым спутником. Он поманил за собой Троя, и через другую дверь они вышли во двор, заставленный загонами и клетками, но у Троя не было времени рассматривать его обитателей. Зул провел его в готовый к взлету флиттер. Как только Трой занял место, маленький человечек взялся за руль и они взлетели. Зул сделал круг и направился на запад к космопорту.

Движение в воздухе стало более интенсивным, чем утром. Летело множество частных флиттеров, тяжелых фургонов и маленьких флайеров, таких же, как и у них. Зул несся с максимальной скоростью и рывком посадил машину.

Снова следуя за Зулом, Трой через один из множества входов оказался в помещении таможни. Его маленького спутника здесь хорошо знали: стражники пропускали их через посты без объяснений.

У третьей решетки Зул сказал:

— Кайгер,— и положил перед стражником опознавательный знак-диск.

— Правая секция, третий блок...

Теперь они находились в коридоре, с одной стороны которого шла стена, а с другой — ряд бункеров, заполненных упаковочными корзинами, тюками и контейнерами. Тут и там виднелись грузчики. Это значило, что содержимое багажа было слишком ценным, чтобы доверить его роботам.

Зул нашел нужный бункер и опустил диск в замочную щель. Защитная решетка отодвинулась, вспыхнул свет. В бункере находились две корзины и большая, тщательно упакованная клетка. Все три места были громоздкими, и Зул, тщательно осмотрев их, бросил через плечо:

— Привези тележку.

Трой вышел в коридор, чтобы поискать моторную тележку. Он как раз выводил ее со стоянки, когда увидел знакомое лицо.

Нажав на активирующую кнопку и направляя тележку по коридору, он думал, что будет, если крикнуть, что в самом центре святая святых перевозки сокровищ на Корваре работает член воровской Гильдии. Каждый входящий сюда подвергался многократной проверке, в том числе и психопроверке. Всякий человек с незаконными намерениями будет немедленно обнаружен. Однако Трой был уверен, что в рабочем, поднимавшем корзину, он узнал Джулнака Вармса, который недавно вступил в Гильдию.

Платформа остановилась перед Зулом, и они вдвоем стали переносить на нее груз. Он оказался тяжелым, и когда была установлена первая корзина, Трой вытер пот с лица. Он внимательно смотрел на клетку и старался отгадать, какие испуганные существа сидят там.

Испуганные? Неподходящее слово. Обитатели клетки заинтересованы, оживлены, но не испуганы. Обитатели? Да, он уверен, их там двое...

Трой стоял неподвижно, глядя на тщательно укутанную клетку. Откуда он это узнал?

Что-то тронуло его, но не физически, как будто что-то мягкое коснулось его руки, проверяя гладкость кожи, силу мышц, их крепость. Коснулось и тут же отстранилось.

Трой помог Зулу поднять клетку на платформу. И теперь он уже ничего не чувствовал.

Что же это было?

ГЛАВА 2

Клетка с большой осторожностью была установлена на сидении позади водителя флиттера, и за все время пути изнутри не доносилось ни звука. Но Трой еще два раза ощущал мягкое прикосновение, немедленно исчезающее, как только он напрягался. Возвращая тележку на место, Трой напряженно размышлял. Никто не проявлял удивления или интереса к содержимому клетки. Считал ли Зул эти мягкие прикосновения чем-то обычным? А может, он вообще не замечал их? И что же за существа находятся там внутри?

Теперь космонавтам, исследователям, пионерам известно о туземной жизни тысяч миров. Трой слышал в Дипиле рассказы людей, живших на самых разных планетах, в обширном секторе Галактики. Но никто не высказывал даже предположения, что возможно существование жизни, которая устанавливает контакт с разумом человека. С разумом!

Трой остановился. С разумом? Вот оно что. Он нашел название для этого прикосновения.

Он не ощущал, что его глаза сузились, а пальцы выбивали легкую дробь на поясе. Прошлое научило его смотреть, слушать и хранить свои мысли при себе.

Трой повернулся так резко, что уловил легкое движение. Недалеко стоял Вармс, локтем упираясь в груду ящиков и явно ожидая очередных признаний. Однако он только что смотрел на Троя, хотя сейчас делал вид, что не замечает его. Неужели Вармс думает, что Хоран вызовет патрульного? Законы Дипила предписывают, что пока Вармс ничего не предпринимает против Кайгера, которому временно принадлежит верность Троя, Хоран никому не сообщит о нем.

Он прошел мимо Вармса, ничем не показав, что узнал его, и направился к флиттеру. Но случайность помогла ему заметить неладное. Носильщик поспорил с одним из служащих таможни, и они явились к руководителю таможенного сектора. При этом они громко спорили, неся предмет своего спора. В огромном зеркале с позолоченной рамой виднелась большая трещина.

Трещина слегка искажила изображение, но не скрыла от Троя вид сзади: Трой увидел в зеркале преследователя — Вармса! Чем занимается новичок Гильдии в таможне, до сих пор интересовало Троя. Но вдруг он так неуклюже, но настойчиво интересуется содержимым их груза?

Трой вышел наружу на стоянку флиттеров. Здесь было много фургонов и несколько пассажирских флейеров. Все поле контролировал ряд двухэтажных патрульных вышек, каждый сантиметр пространства, должно быть, просвечивался специальными лучами. В таких условиях и речи не могло быть о грабеже. А когда они с Зулом будут в воздухе, их уже никому не достать.

Но тут он обнаружил, что Зул собирается двигаться по поверхности: из корпуса флиттера выдвинулись колеса, маленький человечек готовил машину к наземному путешествию.

— В чем дело? — Трой умешал свои длинные ноги рядом с ногами Зула. — Разве назад мы не полетим?

Впервые широкие губы его спутника изогнулись в чем-то, похожем на улыбку.

— Нет, назад мы не полетим. — Зул передразнил его. — Мы везем груз, с которым нужно обращаться осторожно.

«Не очень ясное объяснение, — подумал Трой. — Если обитатели клетки вынесли перелет в космическом корабле, то

уж небольшой перелет до шестого квадрата они бы выдержали. Сначала появление Вармса, теперь — необъяснимые действия Зула. Неужели маленький человечек и гильдийский новичок сговорились, а потом обвинят меня?»

Трой отбросил эту мысль. Слишком многое не стыкуется — руководит не он, а Зул. Сам же он до сегодняшнего дня не имел никаких связей с Кайгером. Ничего не знал о грузе для магазина. К тому же что-то убеждало Троя, что Зул ничего не замышляет против хозяина, вопреки присутствию Вармса. Но ведь должна быть какая-то причина этого наземного путешествия!

Тут он заметил, что движутся они не совсем прямым курсом. Трой довольно хорошо знал этот район Тикила, чтобы заметить, что они движутся кружным путем. Бросив взгляд на лицо водителя, он понял, что на его второй вопрос Зул не ответит.

Трой уселся поудобнее и стал ждать. Еще раз он ощущил исходящую из клетки умственную активность. На этот раз она была обращена не к нему, а на окружающее. У Троя захватило дыхание, он понял, что обитатели клетки с интересомзнакомятся с новым для них окружением, но как им это удавалось сквозь толстую оболочку, окутывающую клетку?

Он многое отдал бы, чтобы заглянуть в клетку, многое, но не работу. Трой хорошо понимал, что стоит ему попытаться сделать это, как Зул вызовет ближайшего патрульного, и это будет означать немедленное и постыдное возвращение в Диппил. Он не собирался рисковать из-за любопытства.

Они сделали еще два ненужных поворота. Вокруг двигались с пассажирами другие флиттеры на колесах: способ передвижения, избранный Зулом, не был чем-то необычным. Трой внимательно смотрел на экран обзора, хотелось выяснить, продолжает ли Вармс следовать за ними.

Ни один флиттер не казался подозрительным, но Трой знал, что члены Гильдии — хитрые и коварные воры, поэтому был настороже. Следует ли предупредить Зула? Тот продолжал невозмутимо править на большой скорости. Кожа на спине Троя начала зудеть от напряженного ожидания.

Его растущая тревога разделялась обитателями клетки, их интерес сменился желанием предупредить...

Трой открыл было рот и собрался заговорить, как вдруг из клетки донесся крик, такой громкий, что заглушил все слова: опасность быстро приближалась! Руки Троя ухватились за крышку ящика, где лежало оружие, но крышка не поддалась.

Зул рывком бросил флиттер вперед, и они вылетели с авеню в пространство, за которым находился первый ряд магазинов.

Маленький человечек виртуозно скользил между другими флиттерами. Трой сидел напряженно, внимание его раздвоилось. Он смотрел и вперед, и назад.

Из клетки больше не доносились ни звука, но Трой ощущал волну ожидания и понимал, что неприятности еще впереди.

Они могли бы избежать столкновения, если бы Зул не ошибся на несколько дюймов. Трой поднял руки, защищая голову, когда их флиттер ударился о другой.

Толчок отбросил крышку оружейного ящика, и Трой увидел рукоять станнера.

Рука, принявшая на себя удар, бездвижно свисала, но вторая рука была цела, и Трой быстро схватил оружие.

От удара распахнулась дверца слева от Зула, и он вылетел из машины. Маленький человечек с трудом встал, держась за раненое плечо, и оперся на флиттер. Трой распахнул дверцу со своей стороны и выскочил, держа станнер наготове. Он был уверен, что встретится с противником более опасным, чем владелец флиттера, с которым произошло столкновение.

Краем глаза Трой увидел, что Зул вытащил нож, а не станнер, тем самым показывая, что поединок — вопрос чести, хотя и запрещен законом.

Вокруг столпились зеваки, но патрульные пока не появились. Прислонившись спиной к машине, Зул защищался, лезвие ножа сверкало на солнце. Трою мешала онемевшая рука. Он пристроил на колено станнер и нажал курок, помня наставление отца: «Тщательно прицеливайся, парень. Это важнее, чем быстрота».

Послыпался слабый свист. Человек, стоявший перед Зулом, зашатался. Трой дослал второй заряд в станнер, и сделал это вовремя: послыпался пронзительный предупреждающий крик из клетки. Трой инстинктивно отступил вправо. О столб, где он только что стоял, со звоном ударился и отлетел в сторону нож. Человек, бросивший нож, отступил, и на его место тут же встал другой. Трой прицелился ему в голову, надеясь, что у него нет защитного экрана.

Весь ход нападения, время и место свидетельствовали, что люди Гильдии охотятся за очень ценным грузом или получили высокую плату. А это в свою очередь означало, что у них самое совершенное оборудование.

Трой так и не сумел проверить правильность своих предположений. В воздухе над головой нападавшего откуда-то появилась белая проволока. Она свернулась в кольцо и со свистом опустилась на нападающего, охватив его плечи, руки, ноги, все

тело. Человек яростно сопротивлялся, но через несколько секунд он был спеленут, как добыча паука. Его товарища постигла та же участь.

Трой выпрямился и бросил станнер на землю, не желая, чтобы патрульные занялись им. Оставив оружие, он подошел к Зулу.

Кровь заливала лицо Зула, одной рукой он держался за свисающую дверцу флиттера, и было видно, как трудно ему стоять без поддержки. Подходя к нему, Трой внезапно осознал, что обитатели клетки больше ничего не дают о себе знать, никакого контакта с ними не ощущалось.

Появились патрульные. Трой правдиво ответил на вопросы о том, что видел, но не упомянул о неслышном предупреждении. К удивлению Троя, из второго патрульного флиттера вышел Кайгер. Зула подхватили под руки врачи, а Трой помог Кайгеру перенести клетку на тротуар.

— Вся поклажа цела, офицер,— сообщил Кайгер патрульному, осмотрев клетку.— Очевидно, простая попытка грабежа. Но воры бы не получили от него выгоду!

— Почему?— Патрульный был со Сварцеркана, и на смуглозеленой коже его рук, державших звукозаписывающий аппарат, виднелись следы чешуек.

— Потому что эти животные не могут жить без специально импортируемой пищи и особого присмотра, офицер. Это особый заказ для Джентель фем Сан дук Бар...

Сварцерканин не моргнул, но в его голосе послышалось почтение, когда он ответил Кайгеру:

— Вам повезло, торговец, что этот груз не попал в руки бандитов.— Взгляд его мгновенно коснулся спеленутых пленников.— Вам нужно побыстрее доставить этих драгоценных животных в магазин. Но боюсь, что ваш флиттер починить не удастся.

— Мне нужен запасной флиттер.

— Хорошо. Мулла, запасной флиттер для торговца!

Один из патрульных склонился к переговорному устройству патрульного флиттера.

И тут впервые Кайгер показал, что заметил Троя.

— Это использовали вы?— он кивнул на лежавший на земле станнер.

— Да.

— Хорошо.— Кайгер поднял оружие и протянул его Сварцерканину.— Присягаю, что этот человек применил оружие для защиты моего имущества,— сказал он, используя требуемую формулу.

— Записано, торговец.

Трой посмотрел на Кайгера. Такую присягу дают только по отношению к постоянному работнику, гражданину. Неужели Кайгер хочет...

Но сейчас не было времени задавать вопросы. Приземлился запасной флиттер, и Трой помог Кайгеру перенести в него корзины и клетку. Из клетки по-прежнему ничего не доносилось. Можно было подумать, что все это приснилось Трою. Но Трой знал, что это не так.

Животные, заказанные женой сук Сарфа, действительно должны быть экзотическими и очень дорогими. Сук Сарфа был представителем Пятидесяти благородных семей на планете Вульф-3. Но Джентель фем Сан дук Бар не жила там. Если слухи говорили правду, то она с мужем жила на Корваре. Сук Сарфа не был единственным представителем, избравшим своей неофициальной резиденцией Корвар.

— У вас в Дипиле семья? — вопрос Кайгера прервал мысли Троя.

— Нет, торговец.

— Вы хотите заключить контракт на полный срок?

— С вами, торговец?

— Со мной. От Зула мало толку в ближайшем будущем. Мне нужна замена. Кто знает, — Кайгер взглянул на него и отвел глаза, — может, вас ожидает что-то лучшее, дипилмен?

ГЛАВА 3

Трой изучал животных, их голубые глаза тоже пристально рассматривали его. Других контактов не было. Однако он был уверен, что предыдущий контакт не был плодом его воображения.

Кайгер открыл клетку. Черная кошка встала, изогнула гладкую спину, вытянула передние лапы и затем осторожно вышла во двор: ее голубоватый товарищ держался позади, а черный что-то старательно вынюхивал.

— С-с... — властный голос Кайгера перешел в бормотание, он вытянул руку, чтобы черная кошка обнюхала ее.

Кошки были частью экипажа любого космического корабля. Трой видел их в доках. Но столетия путешествий среди звезд привели к радикальным изменениям в породе. Ни одна из тех кошек не обладала такими длинными и гибкими лапами, такой заостренной мордочкой, большими ушами, шерстью такого цвета и красоты. Сравнить обычных кошек с этими жи-

вотными было все равно, что сравнить свою собственную костлявую и изуродованную работой руку с холеными пальцами жителя виллы на Корваре.

Черная без всяких усилий прыгнула на крышу клетки, оттуда вышла меньшая. Из ее пасти, обрамленной серым, послышался крик, похожий на тот, который предшествовал столкновению.

Кайгер рассмеялся.

— Голодны? — обратился он к одному из служащих, — принесите пакет с пищей.

Трой смотрел, как торговец извлек из пакета содержимое и положил его в чашку, которая была прикреплена к задней стенке клетки. Содержимое пакета, сухое и твердое, в чашке стало влажным. Кошки принюхались и стали есть.

За ними ухаживал сам Кайгер. Трой обнаружил, что в магазине несколько служащих: все заняты клетками во дворе, а остальные работают в магазине. Странно, но Трой должен был работать внутри, возможно исполняя часть обязанностей Зула.

Его плечо все еще болело, но он старался выполнять все, что приказывал Кайгер.

В коридоре, который вел от торгового помещения к кабинету, было четыре двери. Две вели в комнаты птиц или летающих существ, которых можно было классифицировать как птиц. Трой урывками наблюдал за ними, наливая воду и расставляя кормушки с семенами, экзотическими фруктами и даже кусочками рыбы и мяса. Следующие два помещения были различны. Одно было заполнено баками и аквариумами с жителями моря, и Трой лишь взглянул туда: там уже работал хорошо обученный человек. Последняя комната предназначалась для мелких животных.

Кошки исчезли в кабинете Кайгера, и Трой больше их не видел. Не испытывал он и странного чувства контакта, работая меж клеток в комнате животных. Все эти создания были достаточно дружелюбны, многие из них добивались его внимания, вытягивая лапы и издавая разнообразные звуки.

Он ел во дворе отдельно от остальных служителей Кайгера. Жители Дипила и граждане никогда не дружили. А после полудня он видел, как отправляли земных кошек.

Служебный робот нес клетку и корзину с пищей во главе небольшой процессии. Затем шла, сверкая драгоценностями, высокооплачиваемая компаньонка. Дальше, в почтительном сопровождении Кайгера, шествовала вторая женщина, черты которой трудно было рассмотреть под модной окраской: на ее

щеки и лоб были нанесены сверкающие звезды. Ультрамодная вуаль скромности укрывала ее рот, подбородок и почти всю голову. Ее одежда была великолепно сшита и лишена украшений в отличие от одежды компаний:

В ее речи слышался неискорененный лимианский акцент. Было ясно, что она восхищена своим приобретением. Трой нырнул в комнату с рыбами, когда процессия проходила мимо него.

Он не понимал, почему чувствует раздражение. Джентельфем Сан дук Бар была одной из богатейших женщин Корвара, и кошки были заказаны именно для удовлетворения ее каприза. Почему он возмущается из-за того, что их унесли? У него теперь свой кусочек удачи — может, Кайгер оставит его у себя, по крайней мере до возвращения Зула.

Кайгер, проводив покупательницу, позвал Троя в свой кабинет. Коммуникационная панель на стене была включена, и на ней виднелась белая полоса длиной в ладонь, которую Трой и не надеялся увидеть.

— Контракт на семидневный срок. — Кайгер явно торопился закончить дело. — Не предусматривает вылет за пределы планеты. Вы согласны, Хоран?

Трой кивнул. Даже семидневный контракт был счастьем.

— Продление возможно?

— Возможно, — без колебаний ответил торговец, и настроение Троя улучшилось.

Он пересек помещение, приложил к белой полосе правую ладонь.

— Трой Хоран, Ворден, класс два, принимает семидневный контракт без вылета за пределы планеты у Кайгера, — произнес он необходимую фразу.

Кайгер в свою очередь приложил ладонь:

— Косси Кайгер, зарегистрированный торговец, принимает семидневный контракт у Троя Хорана. Зарегистрируйте.

Послышался голос:

— Записано и зарегистрировано.

Кайгер вернулся в свое кресло.

— Наденьте форму магазина. Вам нужно вечером вернуться в Дипил?

Трой покачал головой. Немногие вещи, принадлежавшие ему, он утром закрыл в сейф. Замок откроется только от его прикосновения в течение десяти дней. Он сможет в любое время забрать содержимое сейфа. Показалось ли ему или Кайгер был действительно доволен ответом?

— Зул дежурил по ночам. Один человек внутри, один во дворе. У нас есть дорогие животные. Будете делать два обхода.

Его прервал горн. Кайгер встал.

— Переоденьтесь и принимайтесь за работу, Хоран,— приказал ему Кайгер и вышел из комнаты.

Трой одел темно-синюю форму магазина, а поверх нее свой пояс всадника, ножа на поясе не было.

Торговля шла допоздна. Трой дважды приносил по вызову клетки с животными. Он только успел посадить в клетку визжавшего детеныша — животного с перьями вместо шерсти, с шестью лапами, болтавшимися в воздухе, большеухой головой, которая с интересом смотрела на мир, когда в дверях показался Кайгер.

— Вот так дверь закрывается на ночь. Помещение охраны рядом со складом. Если нужна помощь — нажмите на красную кнопку в двери. Такие есть в каждой комнате. Сделайте обход в три часа, потом в шесть. С помощью этого (под кнопкой была ручка, которую он повернул) вы сможете слышать животных. Клетки во дворе вас не касаются.

— Да, торговец,— согласился Трой.

Кайгер вышел в коридор, закрыл дверь в свой кабинет, приложив палец к замку. Делал он это подчеркнуто, как будто хотел, чтобы новый работник был свидетелем его действий.

Трой почувствовал груз ответственности. Он вошел в комнату для птиц. Свет был притушен, и большинство обитателей спало. В каждой из комнат был включен коммуникатор, кнопка вызова действовала. После осмотра Трой отправился в уголок склада, где находилась койка, все еще слишком возбужденный, чтобы уснуть.

За три дня он вполне освоился с порядком в магазине Кайгера. Ему удалось справиться с редким и раздражительным ястребом, с которым не мог совладать сам Кайгер. Трой начал надеяться, что его семидневный контракт действительно будет продлен. Он также обнаружил, что Кайгер не только продавал, но и покупал.

Во дворе имелся другой вход в магазин, и через него тайком входили люди, большей частью в мундирах космических служб; они несли клетки с различными дикими обитателями. Трой получил приказ всех таких посетителей сразу направлять в кабинет Кайгера. А если торговец был занят с покупателями, его следовало вызвать определенным сигналом.

В заключение таких визитов Трою или одному из служителей приходилось уносить результат сделки. Однако все эти клетки составляли во дворе, а не в магазине, где содержались

самые ценные и редкие животные. К тому же Трою казалось, что число таких продавцов не соответствует числу посетителей-покупателей, как будто некоторые из этих людей посещали торговца по другим причинам. Но и на это было легко найти объяснение: вполне могли зайти товарищи по полетам, если они останавливались в порту. Но могла быть и третья причина — с ней связано нападение на Зула и интерес, проявленный Вармсом.

Тикил — порт роскоши. А эта роскошь не всегда доставлялась законными путями. Трой мог назвать запрещенные наркотики, напитки и другие предметы, которые давали огромные доходы тем, кто сумеет пронести их через таможню. И если Кайгер занимался такими делами, то Троя это совершенно не касалось.

На четвертый день после заключения контракта Троя вызвали в торговое помещение. Здесь было два покупателя. Кайгер был занят с женщиной. Он указал Трою на ожидающего мужчину.

— Покажите Джентель хомо голограммическое изображение с Хатора. Да, Джентель фем,— и Кайгер повернулся к сверкающей драгоценностями посетительнице,— есть много других земных животных, которые по уму и красоте могут сравняться с кошками. Позвольте мне показать вам...

Трой хотел пройти за изображениями, но покупатель остановил его кивком головы. По-видимому, он хотел посмотреть, что показывает посетительнице Кайгер.

Торговец нажал кнопку. Из стены выдвинулся небольшой экран и замер на такой высоте, чтобы посетительнице было удобно смотреть. Она была старше жены Бара и гораздо роскошнее одета: полупрозрачная одежда с Цинуса совершенно не подходила к ее тощей фигуре. Трой узнал в ней Великого Первого Лидера с Сидона — группы из трех планет вокруг умирающего Солнца. Там господствовал матриархат. Три планеты занимали важный стратегический пункт на Звездной линии, и поэтому Великий Первый Лидер обладала значительным влиянием, и сейчас голос ее звучал властно и резко.

— Это, Джентель фем,— Кайгер щелкнул пальцами, и на экране немедленно появилось изображение,— это лиса, у меня как раз есть пара лис, и я могу предложить их вам.

— Да? — Великий Лидер нахмурилась.

Углы ее накрашенного рта дрогнули.

— И сколько кредитов это мне будет стоить, торговец?

Кайгер назвал сумму, которая пять дней назад показалась

бы Трою невероятной. Теперь он лишь подумал, долго ли будет продолжаться торг.

— Лиса,— сказал стоящий рядом с ним человек почти шепотом, как бы думая вслух.

Животное на голографическом изображении было совсем как живое. У него был густой желто-оранжево-красный мех, черные лапы и белый кончик хвоста. Голова почти треугольная с заостренными ушами и мордой, которой зеленоватые глаза придавали настороженное и озорное выражение. Животное было больше кошки.

Что-то в голосе покупателя, произнесшего слово «лиса», говорило Трою, что он не совсем знаком с земной экзотикой, однако он отступил в другую нишу, и Хоран последовал за ним.

— Я понял, что у вас есть ястреб?

— Да, Джентель хомо.

— Вы испытывали его в полете?

— Нет, Джентель хомо. Перелет в корабле испугал его, и мы решили дать ему отдохнуть.

Странные золотистые глаза осматривали пояс Троя.

— Вы с Вордена?

— Я там родился,— коротко ответил Трой.

— Значит, вам приходилось охотиться с ястребами?

Губы Троя дрогнули.

— Я видел такую охоту. Но это было давно, Джентель хомо. До войны.— Он старался говорить спокойно, но был слегка удивлен.

Незнакомец был не похож на бывшего космонавта, но вряд ли хоть один из десяти тысяч жителей Корвара заметил бы пояс Троя или мог знать, что всадники на Вордене охотились с ястребами.

Готовя экран, Трой изучал своего собеседника. Они были одного роста, но корварианин лет на десять старше. Он не походил на аристократического обитателя виллы, даже на такого, который дорого платит, чтобы находиться в хорошей физической форме. Поскольку он был в мундере, то не принадлежал ни к одной из трех официальных служб. Но ясно, что это — человек действия: его кожа загорела не меньше, чем у Троя. В соответствии с модой у него на макушке была длинная прядь волос, перетянутая двумя золотыми кольцами; сами волосы были тускло-золотого цвета, как металл. Свободная светло-коричневая одежда была сшита из металлопласта, в котором при движении сверкали маленькие золотые искорки. На ножнах его поясного ножа и на браслетах блестели жемчу-

жины, но все же, несмотря на весь этот блеск, он не произвоздил впечатления щеголя из виллы.

— Я раньше не встречал вас здесь. Где Зул? — В этом вопросе не было высокомерия. Незнакомец говорил так, будто интересовался на самом деле и эти сведения были ему важны.

— Он ранен при аварии флиттера, — уклончиво ответил Трой, потом добавил: — А у меня временный контракт.

— Из Дипила? — незнакомец произнес это название без акцента, который делал его бранным словом на Тикиле. — Так что за живность с Хатора?

Он наконец сел, отказавшись от предложенного ему напитка. Хоран нажал кнопку, и на экране появилась первая картина. Это было начало серии, предназначеннной для показа покупателям, интересующимся хищными птицами, которых можно было выдрессировать для охоты.

Трой показал всю коллекцию с Хатора, но покупатель покачал головой.

— Когда знаешь, что можешь получить первосортное оружие, не становишь брать второсортное. Если у Кайгера есть подходящий ястреб, я больше ничего не хочу. — Он взял курительную палочку, щелкнул ее о ноготь: палочка задымилась, испуская травяной запах. — А, Кайгер! — Он посмотрел на подошедшего торговца. — Вы закончили? Долго ли матери трех миров придется ждать новой игрушки?

Что-то возникло в воздухе, невидимое, как прикосновение из кошачьей клетки. Какое-то напряжение, легкий намек на натянутость. Но внешне оба держались естественно. Кайгер сел в другое кресло, как будто между ними не было ранговых барьеров.

— Ничуть не долго. У меня прибывает пара из Шаммора.

— Да? Играете на земном импорте, Кайгер?

Экс-космонавт пожал плечами.

— Сейчас большой спрос на земных животных. Мои друзья с кораблей передали мне, что будет разрешен их свободный вывоз.

Покупатель кивнул.

— Да. Что же, торговля лучше войны.

Снова возникло ощущение напряжения. Человек погасил курительную палочку.

— У вас есть ястреб...

Кайгер взял пластиковый шар с освежающим напитком и выдавил содержимое в рот.

— Да, но прежде чем его продавать, я должен испытать его в полете.

— Конечно. Я собираюсь в инспекционную поездку по Диким Землям. Доверьте мне испытание, пошлите со мной вашего человека.

Кайгер взглянул на Хорана.

— Хорошо. Трой знает, как обращаться с ястребом. Когда вы уезжаете и надолго ли?

— На три дня. Хочу добраться до Рукава. А что касается времени вылета — то, скажем, через два дня. Это даст возможность вашей птице отдохнуть.

— Договорились. Вы должны быть готовы к выполнению приказов охотника Рерна, — сказал Кайгер Трою.

Охотник вышел неслышной походкой, а Кайгер некоторое время продолжал сидеть, глядя на дверь.

— Рерн, — повторил он негромко. Если его тон и был окрашен каким-то чувством, то Трой не сумел его распознать.

Охотники, следопыты Диких Земель, были легендой Тикила. Они охраняли обширные пространства тщательно оберегаемых лесов и населенных пунктов, где обитатели вилл Корвара, не покидая своих флидеров, могли наслаждаться видом примитивной жизни. Занятие охотников за два столетия стало наследственным и включало членов десяти-двенадцати семей. Все они восходили к первым поселенцам Корвара.

Даже полноправный гражданин очень редко может надеяться на возможность проникнуть в Дикие Земли. Следопыты, люди леса, строго соблюдали свои привилегии. И все же через два дня Трой отправится туда с Рерном!

ГЛАВА 4

Все события приились на период затишья в магазине. Дневные покупатели уже ушли, а вечерние еще не появились. Кайгер был в своем кабинете, его служащие ужинали. Трой сидел во дворе с тарелкой на коленях. Через раскрытое окно над головой он слышал механическое повторение новостей дня в коммуникаторе.

— ...необъяснимая и внезапная смерть саттор-командующего Варена Ди.

Трой перестал жевать. В двух шагах от него стоял флиттер, а в нем ящик с едой, которую надо было доставить на виллу саттор-командующего Варена Ди для его животного.

— ...вышел в отставку из руководства Советом в прошлом году, — продолжал механический голос. — Но многолетний

опыт давал ему возможность оставаться консультантом по специальным проблемам. Утверждают, что он выступал советником при заключении договора с Панарком У. Представители правительства не подтвердили, но и не отрицали эти слухи. Передаем обращение Совета: «С глубочайшим сожалением...»

Монотонный голос замолк, тишина стала еще заметнее из-за внезапности перерыва. Трой продолжал есть. Смерть, «необъяснимая и внезапная», так сказал комментатор, недавно военного руководителя и главы Совета не касалась Троя. Десять лет назад — рука Троя остановилась на полпути к рту — все могло быть по-другому. Именно Варен Ди неожиданно решил превратить Ворден в военную базу кораблей класса «саттор». Впрочем, сейчас это уже не имело значения.

— Хоран! — У входа во двор появился Кайгер. Трой оставил тарелку, заметив раздражение своего нанимателя. — Немедленно доставьте груз на виллу Ди.

«Что ж, — подумал Трой, — животному нужна еда даже после смерти хозяина. Но почему так срочно и почему именно я? Обычно с такими поручениями отправляли служащих со двора».

Но не время задавать вопросы. Он занял место водителя и взлетел.

Лента с программой полета была уже установлена. Трою ничего не нужно было делать, кроме как смотреть вниз и быть готовым в случае необходимости взять управление на себя. Он наслаждался одиночеством и отдыхом.

Золотая дымка, предвещавшая в Корваре хорошую погоду, чем-то напоминала ему о Рерне и предстоящем путешествии в Дикие Земли. Он дважды после ухода охотника навещал ястреба. При втором посещении большая птица зашевелилась на насесте и расправила крылья, что было очень хорошим знаком. Птица была самцом примерно двухлетнего возраста, то есть самого подходящего для обучения. Хотя ястреб был совершенно диким, он не ударил Троя, как пытался ударить Кайгера и помогавшего ему работника. Может, птица спокойно поедет с Хораном?

— Посадочное предупреждение! — Эти слова вылетели из динамика, на приборном щитке загорелась лампочка.

Трой посмотрел вверх. Над ним, точно хищная птица, висел патрульный флиттер, готовый обрушиться на добычу.

— Назовите себя! — Послышился приказ.

Трой нажал кнопку, посыпая сообщение о цели и маршруте своего полета. Если патрульные расследуют обстоятельства загадочной смерти, ему не разрешат посадку на вилле Ди.

К его удивлению, продолжать полет разрешили и не остановили, когда он приблизился к вилле командующего.

Подобно всем корварским аристократам, Варен Ди соорудил себе жилище по моде другой планеты, избрав моделью Кван. Даже розово-серые кусты не могли закрыть искусно полуразрушенные стены, закрытые специальными щитами. Трой попытался представить себе, сколько кредитов стоила доставка всего этого великолепия с Квана. Вряд ли даже саттор-командующий и глава Совета мог получить все законным путем.

Трой взвалил на плечи ящик с провизией и пошел ко входу в виллу. В саду было полно людей в патрульной форме, их внимание сосредоточилось на небольшом сооружении, скрытом зарослями и очень отличающемся от виллы. Если вилла была полупрозрачна, то это сооружение представляло собой сплошной каменный блок и вызывало воспоминание о примитивной цивилизации, существовавшей тысячелетия тому назад.

Оттуда вышел человек, и Трой замер. Как в таможне, невидимое прикосновение встревожило его, так и здесь он услышал беззвучный крик о помощи. Чувство ужаса и еще большая необходимость передать какую-то очень важную информацию пронзили мозг. Не размышая, он ответил на эту мольбу немым вопросом: «Что... где... как?».

Человек, вышедший из каменного сооружения, повернулся и сделал хватательное движение, пытаясь поймать что-то вырвавшееся и скрывшееся в ветвях деревьев. Только качающаяся листва указала на движение по направлению к вилле... или к Трою? Нагнулась ветка, и с нее спрыгнуло маленькое тельце.

Трой успел поставить ящик, прежде чем оно опустилось ему на плечо. Цепкий змеиный хвост обвился вокруг его шеи, маленькие лапки отчаянно вцепились в одежду. Трой поднял руку, и она нащупала маленькое дрожащее пушистое животное: круглая широкая голова прижалась к нему, животное как бы хотело свернуться в клубок. Трой успокаивающе погладил его по шерсти.

«Убить...» — никто не произносил этого слова, оно вспыхнуло в его мозгу, а вместе с ним нечеткая дрожащая картина: человек, обвисший в кресле. Трой покачал головой, картина исчезла. Но остался страх, излучаемый животным.

Опасность... Да, опасность не только для животного, которое он держит, но и для людей.

Офицер и двое патрульных направились к Трою. В тот момент он понял, что должен защитить существо, даже вопреки законам Корвара.

— Ссс... — он успокаивал животное, поглаживая его. Трой старался установить с ним контакт, обещая защиту и помошь.

— Кто вы?

Трой поудобнее устроил животное на плече и ответил:

— Хоран.

Он подбородком указал на флиттер, на корпусе которого ясно виднелась надпись «От Кайгера».

Один из патрульных откашлялся и заговорил с ноткой уважения:

— Это поставщик животных и птиц, Джентель хомо. Наверное, саттор-командующий заказывал это животное...

У офицера, к которому обращался патрульный, было жесткое выражение лица и суровые глаза. Он смотрел на Троя так, как будто тот представлял незначительную помеху, которую без труда можно устраниТЬ.

— Что же вы здесь делаете?

Трой носком ноги коснулся ящика.

— Доставка, Джентель хомо. Особая пища для животных и птиц командующего.

Офицер взглянул на второго патрульного, тот кивнул.

— Заказано на сегодня, Джентель хомо. Это особая импортная пища для... — Он споткнулся на незнакомом названии, — ...для кинкажу.

— Для чего? Что это за существо?

— Оно земное, — ответил подчиненный. — И очень редкое. Саттор-командующий чрезвычайно гордился им.

— Кинкажу... с Земли... — Офицер сделал шаг вперед, как бы стараясь рассмотреть животное, прижавшееся к Трою. — Но если это животное, зачем оно рылось в столе саттор-командующего? У вас и на это есть ответ?

— Многие животные очень любопытны, Джентель хомо, — Трой отвечал спокойно, хотя мозг снова просигналил об опасности. — Разве корварские ктаны не разворачивают любой сверток, попадающий им в лапы?

Патрульный кивнул в знак согласия. Трой продолжал:

— Животное также подражает действиям людей, Джентель хомо. Кинкажу, возможно, повторял жесты саттор-командующего. Конечно же, тут не может быть умысла.

Трой и сам верил в то, что говорил. Неужели у офицера есть какие-либо подозрения?

— Возможно, — согласился патрульный. — Чтобы больше таких недоразумений не было, возьмите кинкажу и возвращайтесь с ним к Кайгеру. Он отвечает за него, пока не будет

завершено расследование смерти саттор-командующего. Передайте, что это приказ коменданта западного сектора.

— Будет сделано, Джентель хомо.

Трой попытался сначала посадить кинкажу во флиттер, а потом поставить ящик, но животное не отцеплялось от него. Вдобавок к страху оно излучало чувство тревоги, связанной с каменным сооружением. Кинкажу хотел вернуться в это здание, чтобы закончить выполнение какого-то задания, и начал кричать, издавая резкие трубные звуки.

Коменданта вернулся в сооружение в саду, а патрульные стали торопить Троя. Он не собирался спорить с ними и кое-как втащил ящик во флиттер. Кинкажу продолжал громко протестовать, хотя слезать с плеча Троя не пытался.

Как только они поднялись в воздух, животное успокоилось, признав поражение; сидя на руке Троя и цепляясь за него хвостом, оно рассматривало окружающее с большим интересом. Попыток общения больше не было.

Когда флиттер опустился во дворе магазина Кайгера, кинкажу передвинулся к дверце кабинки, похлопал по ней передними лапками и вопросительно взглянул на Троя. Каждая линия его закругленного тела говорила о желании освободиться. Трой ухватил его за хвост, не желая быть свидетелем того, как животное убегает своими великолепными прыжками. Выйдя из флиттера и крепко держа кинкажу, Трой отправился в кабинет Кайгера.

В коридоре показался торговец. Увидев в руках Троя кричащее животное, он остановился. Снова Трой уловил то же напряженное беспокойство, как и при встрече экс-космонавта с Рерном.

— Что случилось? — У Кайгера был обычный тон.

Он прошел в свой кабинет, Трой последовал его молчаливому приглашению, а кинкажу предоставил попытку убежать. Животное снова прижалось к груди Хорана, как бы прося о защите, но контакт полностью прервался.

Трой сжато изложил событие на вилле Ди. Но он не упомянул о контакте с кинкажу. В суровой школе Дипила он рано узнал, что знание может послужить оружием и защитой, и что-то заставило его хранить в тайне умственный контакт с двумя видами земных животных, по крайней мере до тех пор, пока он не узнает Кайгера получше.

Кайгер не пытался взять животное у Хорана, он сел в свое кресло и стал потирать шрам на лице.

— Это очень ценный образец, — спокойно сказал он, когда Трой закончил. — Вы правильно поступили, привезя его сюда.

Любопытен, как песчаный фолс. Представителям закона не нужно было доводить его до истерии. Поместите его в пустую клетку, дайте ему воды и орехов и оставьте одного.

Трой исполнил приказ, но в клетке ему было трудно отцепить кинкажу. По-видимому, животное считало Хорана наиболее надежным убежищем в этом непрочном мире. Когда же Трой закрыл клетку, пленник свернулся в клубок в дальнем углу и подставил миру пушистую спину.

За несколько дней, проведенных у Кайгера, Трой привык ожидать раннихочных часов, когда он оставался один внутри главного здания. В соответствии с приказом, он делал два основных обхода. Но каждую ночь перед сном он совершал собственные визиты: навещал ястреба, щенков с голубыми перьями, которые встречали его, протягивая к нему лапы и испуская ревнивые крики, и нескольких других питомцев-любимцев. Сегодня он подошел к клетке с кинкажу. Пушистый шар по-прежнему находился в дальнем углу.

Трой сознательно попытался вступить в умственный контакт, предлагая дружбу и понимание. Но если кинкажу и понял его, то никак не проявил этого. Разочарованный Трой покинул комнату, предварительно включив коммуникатор.

Вытянувшись на койке, он попытался сопоставить события дня. Но вспомнив о Рерне и его предложении испытать ястреба в Диких Землях, он размечтался, и скоро его мечты постепенно перешли в крепкий сон.

Трой вскочил, ударившись плечом о стену и бешено крутя головой. Перед глазами стоял туман, но боли не было. Он открыл глаза. Уже далеко за полночь, но еще рано для обычного обхода. Впрочем, раз уж он проснулся, можно совершить обход.

Он сел, надел башмаки, прижал пальцы к вискам: какое-то тупое давление оставалось, а это ненормально.

Трой протянул руку и достал из ниши над койкой оружие.

Держа станнер наготове, он бесшумно подошел к двери и выглянул в коридор.

Справа находился кабинет Кайгера, как обычно закрытый. Из коммуникатора не доносилось никаких звуков. Но отсутствие звуков тоже страшно. Трой привык к сопению, вздохам, щелканьям — множеству звуков, обычно доносящихся из клеток.

Тупое давление в голове вместе с отсутствием звуков животных могло означать только одно. Где-то в помещении действовал слиппер — незаконное устройство, которое оказывает парализующее действие на живые существа! Слип-

пер — не сильное оружие — оно действует лишь на животных, а не на человека.

Держа наготове станнер, Трой толкнул дверь кабинета Кайгера. Она не поддалась, замок не нарушен. Трой прошел вдоль стены, задержавшись у комнаты с аквариумами: бульканье воды, слабые всплески — по-видимому, подводные жители не подвержены действию слиппера.

Хоран приблизился к помещению животных, где было подозрительно тихо. За дверью находился сигнал тревоги, который разбудит охрану во дворе и прозвенит в квартире Кайгера. Прижимаясь к стене, Трой приблизился к решетчатой двери и протянул руку к кнопке.

Внезапно в мозгу вновь вспыхнуло это слово «опасность!». Трой полуобернулся, луч падал так близко от него, что он невольно вскрикнул. Полуослепленный Трой выстрелил из станнера и упал на пол.

Казалось, парализующий луч не оказал никакого воздействия на темную фигуру, возникшую в коридоре. Прежде чем Трой снова выстрелил, фигура исчезла, захлопнув за собой дверь.

Хоран с трудом добрался до стены, нажал сигнал тревоги и услышал, как ненормальная тишина помещения разрывается на части. Может быть, охрана во дворе сумеет задержать беглеца?

ГЛАВА 5

В ответ на сигнал тревоги из клеток не донеслось ни звука. Это укрепило уверенность Троя в том, что где-то в помещении установлен слиппер. Он полностью включил свет и начал поиски.

Обитатели клеток были погружены в глубокий искусственный сон. Все, за исключением кинкажу. Яркие бусинки глаз смотрели на Троя, маленькие лапки цеплялись за сетку. Трой уловил скорее оживление, чем страх. Сигнал об опасности был послан Трою и означал предупреждение, а не просьбу о помощи, как это было в саду виллы Ди.

Трой провел пальцем по сетке, глядя в эти круглые глаза.

— Если бы ты сказал мне, что за этим скрывается, — прошептал он.

— Кто-то идет...

Кинкажу отпрянул. Он мгновенно свернулся в клубок и занял прежнюю позу в углу клетки. Отходя от клетки, Трой

споткнулся о какой-то предмет на полу, нагнулся и подобрал тускло-серую трубку слиппера.

Он снова посмотрел на кинкажу. Внешне животное, как и все остальные обитатели клеток, находилось во власти глубокого гипнотического сна.

По коридору уже бежали два стражника, за ними — Кайгер с гораздо более смертоносным оружием в руке — бластером (вероятно, наследием его прежней космической службы).

Трой показал слиппер и рассказал о нападении и нападавшем, который оказался неуязвимым для стеннера.

— Должно быть, личная защита,— нетерпеливо выпалил Кайгер.— Что похищено?

Он прошел вдоль клеток, дойдя до конца, остановился и внимательно осмотрел кинкажу. Трой не сказал о том, что животное смогло противостоять действию слиппера и спасло ему жизнь своим предупреждением. Что-то удерживало его от откровенности с Кайгером. Трой не знал пока, что скрывается за вторжением в магазин.

— Я не заметил никакого ущерба,— доложил он.

Кайгер провел рукой по сетке клетки кинкажу. Пушистый шар не шелохнулся. Подойдя к Трою, Кайгер взял его за подбородок и повернул лицо Троя к свету.

— У вас ожог.— Его тон был почти обвиняющий.

— Что тут происходит?— Стражника, стоявшего в дверях, отодвинули локтем, и с бластером наготове появился патрульный.

Кайгер ответил:

— У нас был посетитель. Он принес вот это...

Он кивнул на трубку слиппера, лежавшую на клетке. Патрульный склонился над ней.

— Ущерб?

Кайгер взял Троя за плечо, выталкивая молодого человека перед собой в коридор.

— Пока никакого, если не считать этого ожога. Мангин! Тансвелл!— Стражники вытянулись.— Проверьте остальные помещения и доложите мне. Этот офицер,— Кайгер кивнул на патрульного,— поможет вам.

Трой спокойно стоял, пока Кайгер накладывал ему на ожог защитное покрытие.

— Вам повезло. Чуть задело.

— Было темно, и он торопился.

Кайгер продолжал внимательно смотреть на Троя, как бы стараясь проникнуть в самую глубину его мозга.

— Должно быть, он действительно торопился,— заметил

Кайгер.— Но все равно я удивлен. Слиппер свидетельствует, что это — работа Гильдии. У меня там есть один-два недруга, они могли бы организовать нападение.— Он слегка нахмурился.— Но люди Гильдии так не суетятся...

— Может быть, новичок?

Кайгер положил руки на стол.

— Новичок? Вам что-нибудь известно?

— Я заметил нового члена Гильдии в таможне.

Прирожденному торговцу он не стал бы ничего объяснять, разве что дело оказалось бы гораздо серьезнее. Но космонавту, который жил по другому этическому кодексу, можно было сказать многое.

— Испытание для новичка,— Кайгер подумал — Возможно. Он вас знает?

— Видел меня в таможне, как и я его.

— Между вами есть какие-то счеты?

— Личные? Нет. Он жил в Дипиле, и я знаю его по имени, но мы никогда не общались.

— Глупая попытка. Разве что он только хотел чему-то помешать. Здесь он ничего не сумел бы перепродать.

Трой и сам удивлялся этому. В Тикиле, где воровство превратилось одновременно в бизнес и разновидность искусства, охота шла только за легко перемещаемыми ценностями. Зачем пытаться похитить животных, большинство из которых требуют специальной пищи и обращения?

Существовал лишь один вариант.

— Может быть, его нанял какой-нибудь любитель? — предположил Трой.— Уникальное животное, единственное в своем роде на Корваре, могло послужить приманкой.

— Невыгодно. Его пришлось бы скрывать.— Кайгер нашел самое слабое место.— Ценность такого животного — возможности демонстрировать его ревнивым соперникам.

— Тогда, возможно, он хотел помешать кому-то получить его?

Снова Кайгер взглянул на него, и Трой решил, что нашел подходящее объяснение, оно попадало в самую точку.

— Может быть. В этом есть смысл. Можете ложиться, Хоран. Я сам все проверю.

Трой направился прямо к себе и на этот раз разделся. Спать не хотелось, он закрыл глаза, пытаясь расслабиться.

Но тут как будто рой мыслей возник в воздухе — так же нависал над бегущими животными аркан Ланга Хорана много лет назад. Каким-то шестым чувством Трой уловил обмен мыслями нескольких мозгов:

- Он умер быстро. Не было времени найти доклад...
- Нужно вернуться! — Это был приказ резкий и грубый.
- Не должно быть накаких подозрений.

Протеста, выраженного словами, не последовало, скорее ощущался сильнейший страх.

Трой открыл глаза и сел, дрожа, как будто сам испытал этот страх. Но помимо страха он ощущал и решимость бороться.

- Если возникнут подозрения, будут и вопросы.

Грубый хозяйствский голос молчал. Значило ли это, что он размышлял? Руки Троя сжались в кулаки. Правильны ли его подозрения? Кинкажу и Кайгер? Способные к коммуникации животные используются для Кайгера. Кайгер не землянин. А может, землянин? Трой слишком плохо знал миры, чтобы быть уверененным. Он вспомнил, что Кайгер расспрашивал его о прошлом в день найма.

Земля была центром Конфедерации, во всяком случае до войны. Но из войны она вышла ослабленной: слишком много ее союзников потерпело поражение. Из господствующей она превратилась во второсортную и даже в третьесортную планету. Конфедерация рассыпалась на три маленькие группировки.

Мысли Троя прервались, он снова услышал голос хозяина:

- Кто приходил ночью?
- Тот, кто ничего не знает, он за пределами схемы. Соприкосновения не было.

— Но его кто-то нанял. Для ловушки нужна приманка.

Трой понял. Если он прав, и обмениваются мыслями Кайгер и кинкажу, то такое животное может быть украдено, чтобы послужить приманкой для хозяина.

Но почему кинкажу не ответил на мысленное обращение Троя? Или кинкажу, боясь хозяина, берег Троя, как возможное средство спасения, как на вилле Ди?

— Враг за пределами схемы? Против меня?

— Против вас, — согласился кинкажу. — Ему было приказано вызвать тревогу, когда вы придетете убить.

«Убить», — билось в голове Троя. Он пытался уловить ответ, но его не было.

Наконец Трой уснул, часто просыпаясь и прислушиваясь. Кроме звуков, издаваемых животными и птицами, находившимися под влиянием гипнотического сна, он ничего не слышал.

Утром, после того как были очищены клетки и накормлены их обитатели, Кайгер вызвал Троя к клетке ястреба. Большая птица выходила из оцепенения. Высоко держа увенчанную гребешком голову, она настороженно поворачивала ее из сто-

роны в сторону. Хотя птица была еще слишком молода, чтобы отрастить хвостовой плюмаж, все же это была прекрасная особа, с радужно-черным гребешком на золотистой голове. Золотой блеск груди и алый цвет спины бледнели на крыльях, переходя в оранжевый, а темный хвост и черные лапы контрастировали с остальным оперением.

На бесчисленных мирах — человеческих, гуманоидных и даже негуманоидных — разумные существа использовали птиц, вроде ястреба, для охоты. А теперь, когда высокоразвитая цивилизация возвращалась к примитивным искусствам и развлечениям, охота не с совершенным оружием убийства, а при помощи обученных птиц и животных процветала. Ястреб с его умом, способностью к обучению, склонностью не убивать добычу, а хватать ее, оказался высокоценным продуктом торговли.

Видя состояние птицы, Трой провел пальцами перед клеткой. Ястреб не пытался наказать за такую непочтительность. Наоборот, он издал глубокий звук, выражавший заинтересованность, и двинулся к дверце клетки, как бы ожидая, что его выпустят.

— Попытаться приручить его? — спросил Трой.

Кайгер щелкнул пальцами с противоположной стороны клетки. Раньше его действия вызывали у ястреба приступ ярости, теперь он только повернул голову и снова выжидательно уставился на дверцу.

— Вот. — Кайгер бросил Трою специальную рукавицу. Ястреб закричал.

Хоран открыл дверцу и просунул защищенную руку внутрь клетки. Ястреб склонил голову, но не ударил, а лишь провел клювом по прочной ткани рукавицы. Потом перескочил с насеста на запястье, и Трой осторожно вынес птицу в коридор.

— Олла-ху-у!

Оба быстро обернулись, услышав этот охотничий крик. Рядом с ними стоял улыбающийся Рерн.

— Похоже, вашего друга можно выпускать, — заметил он.

Ястреб раскачивался, распуская крылья, радуясь освобождению из клетки. Его когти цепко держались за руку Троя, и не было похоже, что он хочет улететь.

— Прекрасно, — поздравил Рерн Кайгера. — Если он и на охоте так прекрасен, вы совершите выгодную сделку, торговец.

— Испытайте, Джентель хомо.

— Почему бы не сейчас? Похоже, что мне придется отправиться в Дикие Земли раньше, чем я рассчитывал. Прошу отпустить со мной этого человека с птицей на день раньше.

Кайгер не возражал. Наоборот, готовность, с которой он дал Трою лагерный ранец, внушала какое-то опасение.

До отъезда Трою не удалось остаться наедине с кинкажу: рядом всякий раз оказывался либо сам Кайгер, либо кто-нибудь из служащих, и животное продолжало лежать, свернувшись в клубок. Трой хотел было взять его с собой, но как он объяснит это желание хозяину?

Флиттер Рерна был хорошо приспособлен к дальним полетам. Он мог послужить и убежищем в Диких Землях. Лететь им предстояло вдвоем без пилота. Трой втащил клетку с птицей в салон и занял место рядом с Рерном. Охотник казался задумчивым. Пышный городской наряд исчез: теперь на нем были мягкие кожаные брюки и куртка пятнистого желто-коричневого цвета; драгоценные кольца, державшие его локоны, сменились ременной лентой. На талии у охотника был пояс без украшений, но зато со станнером, ножом для рубки ветвей, множеством различных приспособлений и инструментов, помещенных в особых ячейках пояса.

Искусно управляемый Рерном флиттер спирально поднялся выше обычных воздушных линий и устремился на север. Все дальнее назад уходили тщательно ухоженные сады. Перевалив через хребет, они оставили позади Тикил. Теперь под ними простиралась необитаемая территория, застроенная лишь охотничими домиками.

За Ларшскими горами присутствие человека совсем не ощущалось. Охотничьи кланы сознательно превратили Дикову Землю в загадку, без их ведома никто не осмеливался перейти Ларш.

Тишина в кабине флиттера неожиданно была нарушена требовательным криком ястреба. Пока Трой пытался успокоить пленника, Рерн впервые с начала полета заговорил:

— Выпустите его из клетки.

Трой засомневался: если птица откажется сесть ему на руку и попытается взлететь, это приведет к неприятностям. С другой стороны, если он хочет в будущем использовать птицу, ей нужно научиться путешествовать без клетки. Он надел рукавицу, просунул руку через открытую дверцу и почувствовал когти птицы через ткань. Трой осторожно положил руку на колени. Ястреб сидел спокойно, поворачивая голову с хохолком и разглядывая кабину и небо. Трой успокоился и в свою очередь взглянул на зубчатую стену Ларша на фоне неба.

Они не полетели напрямик через горы. Рерн свернулся к северу, и некоторое время они летели вдоль стены. Лишь через час показался проход — ущелье между двумя пиками. За

ущельем показалась затянутая туманом земля, о которой в Тикиле знали мало.

Флиттер начал спускаться по спирали, миновав ущелье. Под ними были путаница из маленьких холмов, виднелись две реки. Трой прижался к прозрачной кабине, стараясь разглядеть сквозь толстый слой тумана как можно больше.

И тут на контрольном щитке вспыхнул красный свет. Они продолжали свой путь по прежнему курсу.

— Предостережение! — Прозвучал приказ патруля, хотя законы Тикила здесь не действовали.

Рерн произнес в микрофон:

— Предупреждение принято. Говорит Рерн Доупрабон.

— Верно. Предостережение снимается.

Трой хотел спросить, где они летят, но словно поняв это, Рерн произнес:

— Справа от нас Рукав, мы как раз пролетаем.

Флиттер спустился по пологой дуге. Здесь землю не скрывал туман. Вокруг — никакой растительности, посреди скал и песка — развалины искусственного происхождения.

— Что это?

— Рукав, «проклятое место».

ГЛАВА 6

Они не пролетели прямо над этими остатками чужой цивилизации, более древней, чем первая высадка людей на Корваре, а направились на север. Трой знал, что то, что они видели, было лишь частью руин. На мили под поверхностью тянулись коридоры и залы: Рукав никогда не был исследован до конца.

— Сокровище... — пробормотал он.

Рерн невесело усмехнулся в ответ:

— Если оно не плод воображения, то пока не было найдено даже экспедицией Фуклова.

Флиттер миновал голую поверхность с руинами, и теперь под ними снова тянулись пышные заросли, окружавшие пустыню Рукава.

Трой был поражен странным видом поверхности.

— Почему вокруг руин пустыня? — спросил он, слишком заинтересованный, чтобы помнить о разнице в их положении.

— Существуют с полдюжины объяснений, — отозвался Рерн, — только одно из них логично и, вероятно, ложно: Рукав таков, каким он был двести лет назад, во времена первой

исследовательской высадки. Таким его обнаружили Фуклов и его люди — прежде, чем сошли с ума и перебили друг друга.

— Их вызыватель работает?

Рерн ответил уклончиво:

— Приборы спасательного отряда зарегистрировали волну откуда-то из глубины. Но едва увидели, что произошло с Фукловым и остальными, излучение немедленно заглушили. Рукав теперь находится под постоянным заглушающим действием и окружен барьером. Ни один флиттер не может приблизиться ближе двух миль к известным входам в глубину. Время от времени мы задерживаем пустоголовых искателей сокровищ, пытающихся проникнуть за барьер. Обычно поездка в нашу штаб-квартиру и просмотр голографических изображений того, что случилось во время экспедиции Фуклова, полностью излечивает их от желания исследовать Рукав.

— Если вызыватель действует... — Трой размышлял над тем, что могло произойти в подземных переходах.

Фуклов был известным археологом. Он добился выдающихся успехов в восстановлении дочеловеческих цивилизаций благодаря использованию вызывателя — прибора, находящегося в стадии экспериментальной разработки. Помещенный в сооружение, некогда населенное живыми существами, вызыватель воспроизводил картины того, что здесь происходило давным-давно. До сих пор продолжались споры о датировке и значении уловленных прибором Фуклова сцен, но все соглашались, что археологу удалось увидеть прошлое. И часто эти призрачные видения становились начальным пунктом новых многообещающих исследований.

Загадка Рукава привлекла Фуклова три года назад. Исследуя верхние уровни подземной крепости, люди не нашли ничего, кроме голых помещений и коридоров. Совет дал Фуклову разрешение использовать вызыватель с благоразумными оговорками, оставляющими за Корваром право на все, найденное с помощью прибора. Но результатом было кровопролитное убийство, подробности которого никогда не публиковались. Люди, работавшие в течение нескольких лет, очевидно, сошли с ума от перенесенного ужаса.

— Если вызыватель работает, — ответил ему Рерн, — то слишком хорошо. Спасательный отряд не нашел его: очевидно, он расположен очень глубоко. Его заглушили, как только поняли, что происходит. А вот и маяк.

В сумерках был ясно виден мигающий на земле фонарь. Рерн сделал круг и аккуратно посадил флиттер на посадочное

поле на опушке леса. Ястреб на руке Троя расправил крылья и издал крик.

Перн рассмеялся.

— Хочется поработать, крылатый брат? Но подожди до рассвета.

Из-за древесной стены показались два человека. Как и Перн, они были одеты в кожаную одежду, у одного из-за плеча торчал охотничий лук. Бегло взглянув на Перна и Троя, они принялись внимательно разглядывать ястреба.

— От Кайгера,— безо всяких предисловий Перн указал на птицу.— Это — Трой Хоран, приручающий птицу.

— Добро пожаловать к очагу,— произнес старший формальное приветствие.

Трой понял, что в этом мире он чужак, присутствие которого лишь терпят. Он уже давно понял и принял оценку жителей Дипила, но тут почувствовал себя уязвленным, может быть, потому, что Перн держал себя с ним по-другому.

И снова Перн пришел к нему на помощь.

— Всадник с Вордена,— спокойно заметил он без следа насмешки в голосе,— всегда встретит радушный прием у очага Доупрабона.

Но Трой не успокоился.

— На равнинах Вордена больше нет всадников. Я житель Дипила, Джентель хомо.

— Равнинны остаются в памяти,— возразил Перн.— Если ястреб поедет с нами, оставьте его вне клетки. Сегодня мы ночуем на пятом посту Лиги.

Меж деревьев вилась тропа, достаточно различимая в полутиме, но Трой был уверен, что трое рейнджеров Диких Земель нашли бы путь и в темноте. Тропа вела вверх, пока среди деревьев не показались уступы скал, и оборвалась у озера.

Пятый пост находился в стене утеса. Почему-то люди, охранявшие эту дикую местность, хотели скрыть свое жилище, как будто они находились вблизи вражеских линий. Пройдя замаскированную дверь, Трой оказался в большом помещении, в глубине которого виднелись ниши, служившие спальнями. В голове Троя зашевелились воспоминания: фермы Вордена тоже были сооружены из дерева и камня людьми, более полагавшимися на свои силы и умение, чем на машины.

Ястреб крикнул. В ответ послышался похожий крик из одной ниши. Трой успел перехватить лапы ястреба, прежде чем тот взлетел. Ястреб вытянул шею, поднял гребень, распустил хвост и испустил вопрошающий возглас. Перн, пройдя вперед,

отбросил занавес. В нише были три насеста, и на одном сидела птица, совершенно не похожая на ястреба.

Если ястреб был подобен пламени, то эта птица — дымная тень. Ее круглая голова без хохолка и пушистое серое оперение выглядели очень необычно. Глаза были большие и в свете костра темные, как будто целиком состояли из зрачков. Размером птица не уступала ястребу, а мощные когти и изогнутый клюв выдавали в ней хищника.

Она смотрела на ястреба, но проявляла к нему лишь интерес, а не вражду. Один из лесных жителей протянул ей руку в перчатке, и она перепрыгнула на этот новый насест.

— Овхи, — сказала Рерн. — Они хорошо уживаются с ястребами.

Трой слышал о несравненныхочных охотниках, но до этого никогда не видел их. Он смотрел, как рейнджер вынес птицу из пещеры и подбросил ее.

Мгновение спустя они услышали охотничий клич:

— Олла-ху-у!

Рерн кивком указал на насесты, и Трой поднес к ним руку с ястребом. Ястреб выбрал насест и перескочил на него, ожидая, пока Трой предложит ужин.

Рейнджеры не задержались после того, как Рерн, Трой и их багаж оказались в пещере. У каждого жителя леса была большая территория, которую нужно было обходить и днем, и ночью.

Они мало разговаривали, и Трой решил, что их сдерживает его присутствие. Он ухаживал за ястребом и старался быть незаметным.

После ухода рейнджеров Рерн распаковал ранец с едой, и они сели у огня. Стульев не было, только широкие кожаные подушки, издававшие приятный аромат травы.

Пока они ели, охотник говорил, а Трой слушал. Это был рассказ о жизни рейнджера, об изучении Диких Земель, об охране природы, о невмешательстве, о стремлении не нарушать тонкое экологическое равновесие.

Здесь была прекрасная древесина, которую можно было использовать, но только под надзором охотничьих кланов. Были травы, используемые как лекарства на других планетах, были ценные животные. Дикие Земли — это кладовая, ключи от которой держали кланы. И в случае необходимости удерживали бы их силой.

В лесистых долинах и на обширных равнинах дальше к востоку происходили сражения между браконьерами и охранниками. И только потому, что Корвар был объявлен планетой

удовольствий, кланам пока не удавалось справляться с грабителями. Многое Трой знал, но Рерн называл точное время и место, имена.

Рассказ был захватывающим, но Трой не был ребенком, которого можно было отвлечь сказкой. Он начал удивляться разговорчивости Рерна.

— На Корваре нет металлических руд,— продолжал Рерн.— Но если бы здесь нашли их месторождение и запрет на разработку был бы снят...

— А это возможно?— спросил Трой, неожиданно осознав, что сам готов защищать Дикие Земли от уничтожения; что-то в нем медленно шевельнулось, вспомнилось что-то забытое из-за чувства самосохранения. Подобно ястребу, ему хотелось испытать крылья на свободе в открытом небе.

Губы Рерна изогнулись.

— Мы мало чему научились. Я могу назвать вам сотню планет, погубленных из-за жадности, не только сгоревших во время войны, но и разоренных за многие годы. Пока мы охраняем Корвар в качестве планеты удовольствий для владык других миров, многие из которых невероятно жадны, мы можем сохранять его неприкосновенным. Никто не хочет жить на опустошенной планете. Пока обитатели вилл сохраняют власть, они заинтересованы в богатстве Корвара. Но долго ли это будет продолжаться? Могут быть иные сокровища, помимо сказочных сокровищ Рукава, и гораздо более доступные!

— У нас было двести лет,— с горечью сказал Трой.— У Вордена — меньше ста благодаря саттор-командующему Ди!

— Годы не утешат человека, когда он видит, что приходит конец образу жизни, который он любит. Что значит прошлое, когда будущее готово к убийству? Да, саттор-командующий Ди — он умер от яда в собственном саду, и убийца еще не найден — отвечает за Ворден.

Откуда Рерн знает все это о Ди? Сообщение о яде не оглашалось. Трой почувствовал себя, как крыса софару, на которую упала тень ястреба. Неужели Рерн готовит его к расспросам о кинкажу?

Но охотник не продолжил разговор о командующем Ди, а принялся расспрашивать Троя о его детстве. Любой другой коварианин показался бы Трою нахальным, но в вопросах Рерна звучала искренность, поэтому молодой человек отвечал правдиво и не уклонялся, как обычно. Он даже не скрыл, что воспоминания о Вордене подернуты в его памяти легкой дымкой грусти.

— Здесь тоже есть равнины, подумайте об этом,— загадочно сказал Рерн, вставая.— Если дать достаточно времени, сильный человек сумеет многому научиться. Крайняя койка ваша, Хоран. Пусть ночью не навестят вас злые сны,— пожелал он.

Перед тем как лечь, Трой проверил, как чувствует себя ястреб: птица уснула, привычно подобрав лапы.

Сухая трава матраса промялась под Троем, охватила тело: слабый аромат заполнил его ноздри, и он уснул. Ему ничего не снилось.

Когда он проснулся, дверь пещеры была распахнута и снаружи доносились голоса птиц. Протирая глаза, Трой поднялся с койки. Огонь в очаге погас, в помещении никого не было. Запах нового дня в Диких Землях выманил его наружу и заставил посмотреть вниз на долину и озеро.

Недалеко от берега что-то поднималось и опускалось в воде. Присмотревшись, он понял, что это пловец. Высеченные в скале ступеньки вели вниз, и Трой пошел по ним. Увидев сброшенную спальню пижаму, сбросил свою, пальцами ног проверил температуру воды и нырнул.

Трой барабанялся у берега, он не был искусным пловцом. Его движения раскачивали плавающие цветы, падавшие с деревьев у ручья, питавшего озеро. Лепестки прилипли к коже, Трой почувствовал под ногами песчаное дно и встал дрожа.

— Ужасно холодная вода, Джентель хомо,— сказал он шедшему к нему вброд Рерну.

Тот остановился и рассмеялся.

— Новое развлечение — цветочная ванна?

Они стояли рядом и снимали с себя лепестки.

— Не я его выбрал, Джентель хомо.

— Меня зовут Рерн. Мы здесь не ходим тропами Тикила, Хоран.— Рерн вытерся пижамой и сунул ноги в сандалии. Обернув вокруг себя пижаму, он постоял немного, глядя в озеро. Лицо его расслабилось.

— Прекрасный день. Мы отправимся на плато под Станси-лом и проверим, на что способен наш крылатый друг.

Флиттер понес их на северо-восток. И снова заросли растительности под ними стали реже и перешли в равнину с высокой травой и с редким низкорослым кустарником. Флиттер дважды пролетал над стадами жвачных, и рогатые головы гневно тряслись, когда тяжелые мощные животные убегали, высоко задрав хвосты.

— Дикий скот,— сказал Рерн.

— Но у них чешуйки... или что-то похожее,— Трой вспом-

нил о своих утраченных на Вордене тупанах, которые так же мирно паслись и могли убегать от летящего флиттера.

— Не чешуйки, как у рыбы или рептилии,— поправил Рерн.— Это пластиинки — затвердевшие мышцы, что-то вроде защитного кокона насекомых. Стада с каждым днем уменьшаются, рождается меньше телят, мы не знаем почему. Есть основания считать, что когда-то они были одомашнены.

— Теми, из Рукава?

— Может быть, хотя кто знает...— Рерн пожал плечами.

— Они оставили после себя только развалины? Я слышал лишь о Рукаве.

— Это еще одна загадка. Почему у цивилизации единственный город? Может, это лишь передовой пост межзвездной цивилизации, исчезнувший задолго до того, как человек вышел в космос? Эту теорию хотел подтвердить или опровергнуть Фуклов. На Корваре есть еще один их след — к северу за равнинами. Не думаю, чтобы они были аборигенами. Да и панста — дикий скот — настолько отличается от остальных животных Диких Земель, что тоже не кажется туземным — одичавшие стада давно исчезнувших рас, пережившие своих неизвестных хозяев.

Равнины оборвались, и под ними снова были хребты и холмы. И вот флиттер приземлился на ровной площадке, казавшейся отрезанной от всего мира. Под золотистым светом прекрасного утра тянулось ровное цветущее поле с разбросанными по нему деревьями. Здесь совершенно не чувствовалось присутствия человека: Трой мог бы подумать, что он первым ступил на эту землю, если бы его сюда не привез Рерн.

Рерн посадил флиттер на полоску гравия у воды. Зеркало воды было меньше, чем у озера, но больше, чем у пруда. Они вышли, ощущив свежий ветерок. Ястреб расправил крылья и закричал.

— Пусть охотится! Олла-ху-у!— Рерн подбросил ястреба. Птица поднялась по большой дуге и исчезла в воздухе.

ГЛАВА 7

Солнце грело. От травы, на которой лежал Трой, поднимался приятный аромат, давно забытый им в Дипиле. Он чувствовал сонливость, но не спал.

Они провели удивительное утро на этом гористом участке Корвара. Даже ястреб насладился свободой и ветром в облаках

и теперь спокойно сидел на насесте, сооруженном из вырезанной Троем ветки дерева.

Насекомых было мало. Не слышалось гудения, не ощущались укусы.

Трой встал. Обходя стороной насест и лежащего Рерна, он отошел от флиттера. Неожиданно в его памяти возникла картина прошлого: множество клеток и пушистый клубок — свернувшееся в поисках спасения животное.

Эти кошки, кинкажу... ястреб, легко поддающийся приручению. Земные животные как будто сделали большой шаг навстречу человеку. Троя охватило сильное возбуждение... Неужели это правда? Перед ним открывался новый мир.

Он оглянулся на Рерна, испытывая большое искушение рассказать охотнику о своих догадках. Ему казалось, что Рерн поверит. Никто на Корваре не общался с ним, как просто с Троем Хораном, свободным и равным себе человеком. С того момента, как они вступили на Дикие Земли, в нем постоянно росло ощущение жизни, полноты существования. Трой, не сомневаясь в правильности своего решения, повернулся к Рерну. Но было слишком поздно: в небе показался опускающийся флиттер.

Из кабины флиттера выскочил человек в поношенной кожаной одежде рейнджера, поверх которой была одета куртка городского жителя. Он торопливо заговорил с поднявшимся ему навстречу охотником, потом Рерн подозвал Троя.

— Харс отвезет вас в Тикил, — резким тоном сказал он, не объясняя, почему изменились его планы. — Скажете Кайгеру, что мне нужен ястреб. Заплачу позже. — Он замолчал, его взгляд на одну-две секунды задержался на Трое, как будто он хотел что-то добавить к этому краткому прощанию. Но потом отвернулся и сел в свой флиттер.

Трой, слегка сердясь на себя за свои недавние мысли, посадил ястреба на руку и присоединился к Харсу. Флиттер Рерна круто взлетел и направился на север к штабу кланов.

Харс выбрал кратчайший путь в Тикил. После полудня Трой снова оказался в магазине Кайгера.

Торговец встретил его в коридоре.

— Охотник Рерн? — Экс-космонавт заглядывал за спину Троя, ища Рерна.

Трой все объяснил. Кайгер слушал его, поглаживая шрам на лице. Трою показалось, что торговец ждет более важной информации, чем сообщение о продаже ястреба.

— Посадите его в клетку, — приказал Кайгер. — Вы как раз вовремя, поможете кормить животных.

Один из служащих наполнял водой ванночки. Он поднял голову, когда Трой подошел к клетке с кинкажу. На этот раз в углу не оказалось мехового клубка, на него смотрело совсем другое существо, остроносое и остроглазое.

— Вернулись? — Служащий прислонился к стене. — Во-время. Нам пришлось делать вашу работу. Как дела?

— Продал ястrebа...

Троя больше интересовало, что происходило здесь. Из клетки за время его отсутствия исчезло одно земное животное, на его месте оказалось другое, и Трой был уверен, что новичок — то самое животное, которое Кайгер показывал Великому Первому Лидеру, — лиса.

Посмотрев на клетку еще раз, Трой увидел второе животное, забившееся в угол, как кинкажу. Глаза первого животного внимательно изучали человека.

«Один стоит на страже, другой спит...» — подумал он.

Лиса села на задние лапы, как кошка, она больше не казалась встревоженной.

— Кто эти новые? — спросил Трой у служащего, пытаясь скрыть свой интерес к обитателям клетки.

— Вы не должны заботиться о них, дипилмен, — приказ босса. Он сам ухаживает за ними.

— Хоран!

Почему-то чувствуя себя виноватым, Трой оглянулся и увидел Кайгера.

— Уходите отсюда и помогите Джингу.

На столе в конце помещения стоял переносной аквариум, в который Джинг, обычно обслуживающий морских свинок, наливал маслянистую жидкость из другого аквариума. К стене этого аквариума прилипло существо. Трой взглянул на него, не веря, что такие существа могут быть в действительности, а не в безумном воображении.

Он видел много странных животных во плоти и на голографических изображениях. Но это существо не было странным, оно было невозможным, его вид вызывал ужас. Трой хотел отвести от него взгляд и не смог, он чувствовал тошноту.

У края стола, внимательно следя за действиями Джинга, стоял человек маленького роста в одежде чиновника из административного бюро. Это был бесцветный, с незапоминающейся внешностью человек: обе руки он положил на стол, в его глазах сверкала жадность, язык, как у ящерицы, двигался взад и вперед по бледным губам.

— Прекрасно, торговец Кайгер, прекрасно.

Кайгер быстро взглянул на обитателя аквариума.

— Не для меня, гражданин. Это хур-хур.— Он покачал головой, как бы не найдя подходящего слова, потом закончил;— Их трудно назвать прекрасными, гражданин Драгур.

Маленький человек стал похожим на ястреба, поднявшего крылья и готового ударить.

— Они очаровательны, торговец Кайгер. Великолепное пополнение моей коллекции.— Он перевел взгляд с Кайгера на Троя.— Этот человек поможет при перевозке? Надеюсь, он знает, как обращаться с такой ценностью? Вы отвечаете за него, пока этот великолепный образец не будет благополучно водружен в мой бассейн.

Трой открыл рот, чтобы сказать, что не желает иметь ничего общего с хур-хуром, но, поймав взгляд Кайгера, вовремя вспомнил о семидневном контракте, который скоро нужно будет возобновлять. В конце концов аквариум, который он понесет, прочен, и если обернуть его, то можно будет не смотреть на содержимое.

Джинг взял стержень и начал осторожно вводить его в аквариум. Потом тихонько ткнул хур-хура. Трой, неспособный отвести взгляд, с отвращением смотрел, как чудовище ощупало стержень своими щупальцами и прижалось к нему присосками. Джинг поместил стержень вместе с хур-хуром в переносной контейнер, захлопнул крышку и начал прилагивать ремень.

Трой неохотно поднял цилиндр, чувствуя, как он дрожит: очевидно хур-хур исследовал свою новую тюрьму. Пальцы его чуть не разжались.

— Осторожней!— Драгур приплясывал вокруг Троя, пока тот надевал ремень на плечо.

Кайгер пришел на помощь своему служащему.

— Они вовсе не такие хрупкие, гражданин. А вот и еда для него.

Он почти насильно всунул в руки покупателя небольшой ящик. В нем суетилось маленькое животное, визжа, как будто оно предвидело свое ужасное будущее.

Выяснилось, что Трой должен не только донести контейнер до гражданина, ожидающего флиттер, но и сопровождать его до дома, обеспечивая безопасность хур-хура, в то время как сам Драгур пилотирует флиттер со скоростью, не намного превышающей скорость пешехода. Драгур в отличие от Рерна и минуты не мог просидеть молча. В разговоре он не обращался к Хорану, а мыслил вслух, и мысли его касались соперничества

с неким Мазели, который мог превзойти Драгура в иерархии их учреждения, но в коллекции которого не было хур-хура.

— Прекрасно! — Драгур свернулся на дорогу, ведущую к окраинам Тикила. — Он никогда не поверит в это. В следующий товарищеский день я приглашу его и, скажем, еще Вилвинса и Соркера. Я проведу его по комнате, покажу лупанских улитов, бросающихся червей, дам ему возможность похвастаться тем, что есть у него, а потом... — Драгур снял одну руку с руля и похлопал ею по крышке контейнера. — Потом хур-хур!.. Он никогда не сравнится со мной! Никогда!

Тут маленький человечек впервые, по-видимому, вспомнил, что у него есть спутник.

— Верно, не так ли, молодой человек? А когда торговец Кайгер даст сертификат, что это единственный экземпляр, он ведь при жизни животного не привозит другой экземпляр? Правильно?

Трой не знал этого, но ответил утвердительно:

— Да, гражданин.

— Значит, у Мазели никогда не будет в коллекции хур-хура, никогда! Продолжительность их жизни составляет двести лет, может быть, триста. А Кайгер поклялся, что это молодая особь. Мазели может хотеть, но не получит! У него никогда не будет такого маленького красавца! — И Драгур снова похлопал по крышке цилиндра.

Возможно, что его возбуждение передалось животному, которое начало так метаться, что Трой вынужден был держать цилиндр обеими руками.

— Осторожно, молодой человек, что вы делаете? — Драгур остановил флиттер и возмущенно уставился на Троя.

— Я думаю, оно сильно возбуждено, гражданин. — Трой обеими руками держал трясущийся цилиндр. — Вероятно, хочет назад в аквариум.

— Да, конечно. — Драгур рывком тронул флиттер и поехал на гораздо большей скорости. — Скоро приедем, очень скоро...

Драгуру принадлежал один из небольших домиков на границе с торговой зоной. Одной рукой хозяин прикоснулся к замку, а другой поманил Хорана. Атмосфера, встретившая Троя, была какой угодно, только не чарующей!

В магазине Кайгера стоял устойчивый запах животных, но сложная система вентиляции и дезодорации делала атмосферу вполне пригодной для дыхания. Здесь же запахи морских животных были сильнее в тысячу раз.

Комната представляла собой морское дно в миниатюре.

Свет был приглушен и слегка зеленоват. Вдоль стен на скамьях стояли аквариумы, в центре находился бассейн.

— Оставайтесь на месте, молодой человек! — Драгур обошел бассейн и направился к столу в темном углу комнаты.

Он вытащил пустой аквариум и поставил его в ряд с остальными, потом начал переливать жидкость из нескольких стеклянных контейнеров, все время приюхиваясь к полученной смеси.

Трой переминался с ноги на ногу. Контейнер был нелегок и продолжал дергаться, ремень врезался в плечо. Хоран был бы рад поскорее убраться из этой конуры с дурным запахом и страшилищами, многие из которых оказались не менее отвратительными, чем хур-хур.

Наконец варево, по-видимому, удовлетворило Драгура. С видом художника, делающего последний мазок на полотне, он добавил что-то похожее на гнилой корень и поманил Троя.

Неужели Драгур думает, что Трой должен пересадить хурхура по методу Джинга? Коли так, то покупатель на сей раз не будет удовлетворен — Трой не собирался делать этого.

Но, очевидно, Драгур и не собирался предоставлять такую ответственную работу новичку. Как только Трой снял контейнер, Драгур велел ему отойти. Он ловко извлек хур-хура и поместил его в новый дом.

— Вот! — Драгур вернул магазинный контейнер Трою. — Теперь нужно оставить его одного, совершенно одного, на два, может, на три дня и навещать его только для кормления.

Трой подумал, что ему не хочется ни на минуту оставаться в этой вонючей комнате.

— Это все, гражданин? — коротко спросил он.

Драгур, казалось, снова заметил его.

— Что? А, да, это все, молодой человек. Мы с вами раньше не виделись? Вы не доставляли мне продукты?

— Нет. Я недавно у Кайгера.

— Да, в последний раз приходил Зул, это я помню. Вы кто, молодой человек?

— Трой Хоран.

— Хоран? Это иноземное имя.

— Я с Вордена. — Трой подошел к двери.

— Ворден? Значит, вы бывший космонавт, как и торговец Кайгер?

— Я из Дипила.

— Ага, — Драгур проявил обычную для горожанина смесь замешательства с раздражением. — Заверьте Кайгера, что я

доволен, очень доволен. Я сам сообщу ему. И, пожалуйста, напомните, что это единственный экземпляр — это должно быть совершенно точно.

— Я уверен, что торговец помнит об этом.

Драгур проводил его до двери, и указал на ближайший движущийся тротуар. Он не входил в дом, пока Трой не удалился на достаточное расстояние. Вероятно, чтобы убедиться, что выходец из Дипила убрался.

На этом не кончился день, полный разочарований. Утро начиналось так хорошо, когда он проснулся в Диких Землях! А кончил он вечером у клеток, где расхаживал Зул. Хотя маленький человечек хромал, ходил он быстро и совсем не обрадовался возвращению Троя.

Конец семидневного контракта — Трой все время помнил, что Кайгер не обязан возобновлять его. А теперь, когда вернулся Зул, он и не сделает этого. Когда Трой принес воду к клетке лис, Зул отоспал его прочь. В сущности, Зул отобрал у него всю работу, и Трой ничем не был занят. Всякий раз, когда Трой видел Кайгера, он ожидал услышать, что действие контракта кончилось.

Но торговец молчал до самых последних минут перед закрытием магазина. Тут Троя вызвали в комнату животных, где он нашел Кайгера и Зула, причем Зул был явно недоволен.

— Будете совершать ночные обходы как обычно, — приказал Кайгер.

Его широкая рука легла на плечо Зула, и он повернул маленького человечка с такой силой и легкостью, как будто тот ничего не весил. Желтолицый наградил Троя таким взглядом, что Хоран не в первый раз пожалел об отсутствии права на поясной нож.

Когда магазин закрыли и животные успокоились, Трой совершил первый обход, осмотрел каждое помещение. Что он искал и почему чувствовал растущее беспокойство, он не мог объяснить.

Торговое помещение в комнате птиц было в порядке. Трой прошел мимо ястреба. Птица позволила провести пальцем по гребню, слегка притронувшись к его ладони мощным клювом, который мог ударить и даже убить.

И вот он в помещении животных. Тут он понял, что вызвало его беспокойство. Что случилось с кинкажу? Никто не упоминал о нем после его возвращения. На его месте находились лисы. Может, животное передали наследникам саттор-командующего Ди, как ценную часть наследства?

Вдруг Трой понял, что обязательно должен найти животное, которое просило его о помощи.

Он вышел из комнаты, направился к своей койке и лег. Если он не нашел кинкажу одним способом, возможно, подействует другой.

ГЛАВА 8

Глаза Троя были закрыты. Он расслабил и нервы, и мышцы, стараясь впасть в то же состояние, в котором «слышал» обмен мыслями. Коммуникатор доносил обычные звуки животных и птиц. Трой старался не слушать.

— ...здесь ...вне...

Прозвучало не слово, а скорее сигнал, мольба. Трой открыл глаза. Он сел, шепот прекратился. Сердясь на отсутствие у себя самоконтроля, он снова лег, стараясь уловить нить разговора.

— ...вне ...вне ...опасность...

Он лежал, затаив дыхание, напряженно вслушиваясь.

— ...из...

Да, мольба, он был уверен в этом. Но откуда и от кого?

— Где? — Он старался как можно отчетливее выразить мысленный вопрос неизвестно кому.

Тут он воспринял волну удивления, такого сильного, что чуть не закрыл уши.

— Кто? Кто? — Вопрос был ясный и настойчивый.

— Трой... — Он послал свое имя, но в ответ получил импульс замешательства и разочарования. Может, имена ничего не значат в этой призрачной беседе. Трой постарался создать картину своей внешности, каким он видел себя в зеркале. Он напряженно думал о своем лице, о каждой его детали.

Чувство замешательства ослабело, он был уверен, что контакт не нарушен.

— Кто? — молча спросил он в ответ, уверенный, что обращается к кинкажу.

Он получил искаженное изображение треугольной морды, острого носа, блестящих глаз и торчащих ушей — лиса!

Трой соскользнул с койки. Он не ожидал никаких неприятностей. Если Кайгер или Зул вернутся, можно сказать, что он проверял источник неизвестного звука. Но покидая комнату, он взял из стенной ниши станнер и бесшумно двинулся по коридору в помещение животных.

Клетка лис была накрыты покрывалом. Трой поднял его. Оба животных сидели, глядя на него. Трой осмотрелся: в тусклом освещении не видно было ничего необычного. Никакого вторжения, как в том случае, когда кинкажу своим предупреждением спас ему жизнь.

— Что случилось? — В этот момент Трою не казалось странным, что он стоит перед клеткой и мысленно задает вопросы двум земным лисам.

— Большой... он опасен.

Как будто кто-то, обладающий ограниченным запасом слов, пытался выразить сложную мысль.

— Большой — Кайгер?

— Да! — Ответ последовал быстро и энергично.

— А что такоё?

— Он боится, думает, лучше смерть...

— Для кого лучше смерть? — Трой крепче сжал станнер.

— Для тех, кто знает... для всех знающих...

— Я? — быстро спросил Трой. Хотя почему Кайгер мог заподозрить его?

Ответа не последовало. Либо он поставил перед ними новую загадку, либо, неспособные дать точный ответ, они решили не отвечать вовсе.

— Вы?

— Да... — Но в этом «да» был элемент сомнения.

Он подумал о кинкажу. Одна из лис отступила к задней стенке.

— Он был здесь. Теперь не здесь.

— Где? — Трой пытался понять.

Он мысленно увидел клетку, закутанную, но не в помещении магазина.

— Во дворе? — спросил он.

Ответа не было, потом донеслось:

— Холодный воздух, много запахов, может быть снаружи...

Неужели лиса получает сведения от кинкажу? Что ж, возможно, это и правда.

— Клетка укутана, не видно...

Все совпадало: животное, должно быть, во дворе, в одной из транспортных клеток. Но найти его ночью трудно, да и что дальше?

— Спрятаться!

Они уловили его мысль и ответили на нее. Стоящая лиса тяжело дышала.

Трой обдумывал проблему. По каким причинам Кайгер спрятал кинкажу — чтобы избавиться от него? Вмешиваться

в это — значит напрашиваться на неприятности. Торговец только разорвет контракт, да и внесет имя Троя в черный список, и ему уже никогда не получить работы на Корваре. В прошлом такое случалось с жителями Дипила и из-за гораздо меньшего проступка. Нужно закрыть лисью клетку, выйти из помещения, забыть обо всем, и он будет в безопасности.

В безопасности? Он посмотрел на лису. Кинкажу, лисы, кошки знали, что он может общаться с ними. Допустим, что они передадут информацию Кайгеру. Этот прервавшийся разговор прошлой ночью... Если бы только Кайгер знал, что он «слышал» его... Да, отказ в помощи может быть опасен.

Он накрыл клетку, не делая больше попыток разговаривать с лисами. Зато сунул станнер за пояс, прокрался к задней двери и осторожно выбрался во тьму.

Точно так же, как Трой охранял магазин изнутри, старший служащий совершил обходы двора. А присутствие Троя возле клеток крупных животных может разбудить их и вызвать шумные протесты, сразу выдав его. У Хорана не было ни малейшего представления, где находится клетка с кинкажу, если она вообще здесь.

Он скользнул вдоль стены, прижимаясь к ней левым плечом, перебегая через открытые пространства от одного укрытия к другому к двери склада. Оттуда доносился запах сена, семян, сухих растений. Эти смешанные ароматы напомнили ему проведенные в Диких Землях двадцать четыре часа. Может быть, именно в эти мгновения у него впервые родилась идея — не настолько конкретная, чтобы назвать ее планом, всего лишь туманная мечта, возможность спастись, если Кайгер отправит его назад в Дипил.

Трой почувствовал, как дверь поддалась под его легким нажимом, и вошел. Дверь снова закрылась, но сквозь щель он видел большую часть двора. Где же здесь спрятана клетка?

Кайгер или скорее Зул сами спрятали ее. Зул не хотел, чтобы Трой оставался в магазине на ночь. Трой был в этом уверен.

У двери, ведущей в личные помещения Кайгера, что-то шевельнулось, и Трой узнал Зула. Зул тоже хотел, чтобы его не обнаружили, потому что укрывался в тени, двигаясь вдоль ряда загонов.

Возможно, животные, находившиеся в загонах, привыкли к его запаху, потому что ни одно не встревожилось. Потом Зул исчез, как будто прошел сквозь стену. Но если он шел беззвучно, то теперь с противоположной стороны, двора послышались шаги, и Трой затаил дыхание, когда они приблизились к складу.

Он осторожно прикрыл дверь полностью и напряженно ожидал, будет ли ее открывать проходящий стражник.

Когда шаги миновали дверь, Хоран чуть приоткрыл ее вновь. Ему не было видно уходящего охранника, но он слышал, как закрылась дверь на противоположной стороне двора. Потом он увидел, как Зул отделился от стены и двинулся дальше. Зул прятался от охранника. Это было очень интересно!

Зул миновал еще несколько загонов и остановился перед последним в ряду, где содержались два небольших траси с Лонгуса... Это были почти ручные создания, походившие на оленей.

Дверь загона открылась, и Зул исчез в ней, скрывшись в темноте.

— Повинуйся!

Трой обхватил руками голову: мысль об угрозе была как удар. Но ответа не последовало, ни согласия, ни возражения. Трой представил себе Зула, стоявшего перед закрытой клеткой и пытающегося подчинить себе пушистый комок.

— Слушай! — Снова резкий приказ. — Ты будешь повиноваться!

Снова полная тишина. Воля против воли, животное против человека? Трой прижался к холодной поверхности двери лбом, напряженно прислушиваясь.

Проходили минуты, потом Зул выскользнул из загона, прокралясь к стене и исчез в том же проходе, который использовали космонавты, приходя в магазин. Трой беззвучно считал. До-считав до пятидесяти, он вышел из склада и пошел к загону траси.

Животные зашевелились, когда он поднял щеколду и вошел. Сюда доходило лишь немного света со двора, и вначале Трой решил, что ошибся: никакой клетки не было видно. Он начал рыться в груде сена у задней стенки загона и больно ушиб палец о какую-то твердую поверхность. Сидя на корточках, он развязал покрытие клетки.

Хотя кинкажу должен был знать о его присутствии, он не двигался и не пытался мысленно обращаться. Покров был снят. Но Трой все равно ничего не мог разглядеть в клетке и начал открывать дверцу.

Он упал навзничь, когда маленькое существо вылетело из клетки, взметнув водоворот сена, прописнулось в щель под изгородью загона и исчезло прежде, чем человек сообразил, что оно заранее подготовилось к бегству. Бесполезно было пытаться найти его во дворе: быстро передвигающееся древесное животное может укрыться в сотне мест.

Трой захлопнул клетку и закрепил покрывало. Потом тщательно очистил сено со своего комбинезона, снял контрольное устройство с пояса. Зачем напрашиваться на неприятности? Кинкажу исчез, и оставалось лишь надеяться, что теперь животное в большей безопасности, чем в клетке. И пусть его пустая тюрьма послужит утренней загадкой для Кайгера и Зула.

Трой вернулся на свою койку. Теперь он был убежден, что его хозяин участвует в гораздо более важной игре, чем контрабанда, и что каким-то образом в эту игру вовлечены животные. Засыпая, он думал, сколько четвероногих землян с необычными способностями размещены на Корваре и зачем?

Если кинкажу и потеряли, то никакой тревоги на следующее утро не было. Все шло, как обычно, только Зул взял на себя большую часть работы в помещении, а Троя отправили чистить клетки и мыть помещения. Но в полдень его вызвали в комнату птиц, потому что Зул не мог справиться с ястребом.

Трой еще в коридоре услышал гневные крики птицы. Хмурый Кайгер велел ему поторопиться. Зул, приговаривая что-то на особом языке и яростно приплясывая, время от времени подносил ко рту окровавленную руку.

— Надо успокоиться,— обратился Трой к торговцу.

Тот кивнул и выгнал из помещения Зула. Ястреб бил крыльями, широко разевая клюв.

Трой медленно приблизился к птице, издавая монотонные звуки, которые по его наблюдению действовали успокаивающе на всех обитателей клеток. Торопиться было нельзя: рассердить ястреба до такой степени, чтобы он начал бросаться на стены клетки, означало причинить птице непоправимый вред, если не физический, то эмоциональный. Трой сосредоточился, неосознанно стараясь установить с ястребом умственный контакт, как с земными животными. Ответа он не получил, но ястреб успокоился, и Трой мог взять его на руку и вынести на воздух, где птица окончательно пришла в себя.

— Во двор,— предложил Кайгер.

Час спустя хорошее настроение птицы восстановилось, и Трой вернул ее в клетку.

Он снимал перчатку, когда к нему подошел Кайгер.

— Хорошо справились! Мы сможем вас использовать. Согласны на полный контракт?

Это было то, на что Трой не смел и надеяться,— контракт, который даст ему права гражданина! Он навсегда освободится от Дипила, потому что полный контракт не может быть отменен, разве что в случае серьезного преступления. Отныне

все законы Корвара будут за него, а не против. Но однако... оставалось сомнение. Где-то в глубине души Трой уже понял, что не хочет быть верным работником Кайгера, привязанным к магазину... Он лишь смутно ощущил, чего хочет, в то утро в Диких Землях. Он хочет свободы, которую невозможно найти в Тикиле!

Трой подавил неосуществимые желания и посмотрел на хозяина со всей благодарностью, какую только в состоянии был выразить.

— Да, торговец, согласен.

— Еще один день старого контракта — и заключим новый. Тем временем, — Кайгер снова посмотрел на ястреба, — нам не нужно неприятностей с ним. Я свяжусь со штаб-квартирой охотников в городе, и если все будет в порядке, вечером сможете отвезти птицу.

Но через час Зул вызвал Троя к Кайгеру. Торговец ходил взвад и вперед по кабинету, глядя шрам. Он не производил впечатления человека, легко поддающегося панике, но теперь это не был спокойный поставщик роскоши в Тикиле.

— Мы сейчас закрываемся, — сказал он Трою. — Не отвечайте ни на какие вопросы по дверному коммуникатору. Совершайте обходы как обычно. Меня не будет, но, если возникнут какие-нибудь неприятности, немедленно включайте тревогу. Не пытайтесь справиться сами. Патрульные предупреждены.

Чего ожидал Кайгер? Вооруженного нападения? Трой знал, что сейчас не время задавать вопросы. Торговец надевал темный плащ с капюшоном — обычная одежда для посещения менее респектабельных районов Тикила, на его поясе Трой заметил бластер. Мрачное выражение глаз Кайгера не позволяло задавать вопросы.

К радости Троя, Зул сопровождал хозяина. Теперь, когда магазин закрыт, а час ранний, есть возможность понаблюдать за двором. Трой не думал, что кинкажу остался здесь, разве что ему нужна импортируемая пища и он привязан к ее источнику. Но, может быть, сегодня вечером подтвердится или опровергнется эта версия?

Существовали только два места, не открытых постоянно в течение дня, — склад, в котором кинкажу прятался ночью, и личные помещения Кайгера. Их осмотреть нет надежды. Они будут закрыты и откроются только от прикосновения торговца или от луча бластера.

Но на складе, среди множества ящиков, тюков, контейнеров, есть десяток укромных местечек, где может спрятаться

испуганное животное. Лисы — в помещении для животных, кинкажу — на свободе. Трой не мог избавиться от мысли, что эти трое находятся в контакте. Нельзя ли связаться с беглецом через двоих, оставшихся в клетке? И почему они еще в магазине? Насколько знал Трой, Великому Лидеру не сообщили, что ее животные уже прибыли.

Взяв ящик с пищей, он направился в помещение для животных. Клетка с лисами снова была завешена. Трой развязал завязки. Одно животное спало или делало вид, что спит. Другое лежало с открытыми глазами. Глядя на них, Трой не мог поверить в их возможности.

— Где другой? — подумал он, стараясь заложить в свою мысль ту требовательность, которая была у Зула.

Лежащая лиса зевнула, не интересуясь Троем. Он попытался снова, подавляя нетерпение, — безрезультатно. Если между лисами и беглецом и существовал контакт, они не собирались сообщать об этом Трою. Придется действовать самому.

Он возвращался со двора, когда услышал гудение коммуникатора, и подошел к ближайшему видеоэкрану. На экране появилось лицо Кайгера.

— Хоран?

— Да, торговец.

— Передайте свои обязанности по охране Джингу и доставьте ястреба в штаб-квартиру охотников в районе Терренг. Ясно?

— Ясно, — ответил Трой. Надежды на исследование склада рухнули. Он привел в порядок одежду и выбрал клетку для перевозки птицы. Вернулся ли Рерн из своей загадочной поездки?

Он надеялся узнать это.

ГЛАВА 9

Тикил ночью, вернее поздно вечером, гораздо менее заполнен людьми, чем днем. Хоран вызвал флиттер для полета через весь город к штаб-квартире охотников, но для возвращения решил использовать движущиеся дороги. Он как раз шел к такой дороге, когда перед самым зданием его остановил Харс.

— Вы видели Рерна?

— По приказу торговца Кайгера я принес ястреба. — Трой был настроен воинственно. За короткое время их знакомства только Рерн никогда не давал ему почувствовать, что он из Дипила. А во взаимоотношениях с другими рейнджерами Трой

постоянно помнил о своем поясе без ножа и о том, что у него нет родной планеты.

- Рерн хочет вас видеть.
- Но мне сказали, что его здесь нет.
- Он в другом месте. Идемте!

Трой испытывал искушение ответить «нет» на этот приказ. В конце концов он не заключал контракта с Рерном. Но его очень интересовало, почему Харс был отправлен на его поиски.

Харс проходил через толпу, как через лес. Он привел Троя не к конторе, а к маленькому ресторанчику, одному из тех заведений, которые возникали повсюду для развлечения публики и исчезали, как только ее внимание переключалось на какое-то другое развлечение.

- Четвертый кабинет,— сказал ему Харс и отошел.

Трой обнаружил, что его костюм не вызывает здесь подозрений. Ресторан обслуживал служащих различных магазинов. В двух кабинетах занавесы были задернуты, значит, там происходил частный прием. В четвертом кабинете находились двое мужчин.

Рерн в ливрее магазинного служащего сидел, прислонившись спиной к стене. Рядом был пожилой человек в темном костюме без знаков отличия. От него исходило ощущение власти, как от человека, с ранних лет привыкшего брать на себя ответственность.

— Хоран,— Рерн произнес его имя как приветствие, но скорее всего представляя его незнакомцу.

- Рогаркил.— Незнакомец кивнул Трою.
- Вы заключили постоянный контракт с Кайгером?— пригласив молодого человека присесть, спросил Рерн.
- Заключу... завтра...— Трой почувствовал легкое беспокойство, хотя не мог сказать почему.

- А пока у вас кратковременный контракт?
- Да.
- А если вам предложат другую работу?
- Я дал слово Кайгеру.

Рогаркил сухо улыбнулся.

— Когда имеешь дело с благородным человеком, всегда возникают определенные неудобства. А связаться с бесчестным — значит заблудиться, еще не сделав первого шага по тропе. Так сейчас вы — человек Кайгера?

- Да.

Чего они хотят от него? Этот разговор о чести и бесчестии

еще больше встревожил Троя. Но Рерн не дал времени поразмыслить о том, что же скрывается за этими словами.

— На некоторые вопросы вы можете ответить, не нарушая условий контракта? Например, правда ли, что торговец Кайгер приготовил земное животное лису для Великого Лидера?

— Вы слышали этот заказ, Джентель хомо.

— И что он ввозит других земных животных?

— Да, Джентель хомо. Но это общеизвестно.

— Пара кошек для Джентель фем Сан дук Бары, кинкажу — для саттор-командующего...

— Я чищу клетки и кормлю животных, — сдержанно ответил Трой. — Я не заключаю сделок и не вижу важных покупателей.

— Но среди клеток, которые вы чистите, — прервал его Рерн, — есть и клетки этих экзотических животных. Вы видели их своими глазами, молодой человек?

— Я был с гражданином Зулом, когда он получал в порту кошек...

— И попали в неприятность тем утром?

Трой перевел взгляд с одного на другого.

— Джентель хомо, — негромко сказал он, — если я разговариваю с патрульными не в форме, то я имею право знать это. Закон защищает человека на Тикиле, даже если этот человек из Дипила.

Рогаркил улыбнулся:

— Вы вправе не доверять нам, молодой человек. Я не патрульный и не представляю закон на Тикиле. Это дело касается кланов. Вы понимаете, что это значит?

— Даже в Дипиле, Джентель хомо, у людей есть рты и уши. Да, я знаю, что кланы гораздо старше законов города. Говорят, что власть кланов превосходит власть генерал-губернатора Совета. Но это законы кланов и для кланов. Я из Дипила, и, если хочу выбраться оттуда, я должен руководствоваться законами города. Я не знаю, почему вы задаете такие вопросы, но придерживаюсь условий контракта. То, что я говорю вам, вы можете узнать из записей патрульных. Да, я видел кошек. И привез кинкажу с виллы саттор-командующего Ди. Это животное там испугали. Я видел лис, которые сейчас в магазине. Но кому нужны подобные сведения?

— Это мы и стараемся узнать, — загадочно ответил Рогаркил. — Вы правы, Хоран. Законы кланов не правят Тикилом. Но помните, что они действуют везде, кроме города...

— Это угроза или предупреждение?

— Предупреждение. У нас есть основания считать, что вы ходите по краю водоворота, молодой человек. Смотрите, как бы вам не попасть в течение.

— Это все, что вы хотели у меня спросить?

Рогаркил взмахом руки отпустил Троя, но Рерн встал следом.

— Я хочу увидеться с торговцем Кайгером.

— Не сегодня. Магазин закрыт.

Они смотрели на него так, как будто он сказал что-то необычное.

— Почему?

— Кайгер ушел по какому-то делу.

Обернувшись к своему спутнику, Рерн произнес фразу на незнакомом Трою языке, Рогаркил спросил:

— Это ведь необычно для вашего распорядка?

— Да.

— Так что, должно быть, у торговца Кайгера есть личные дела... Нельзя вмешиваться в две драки, уделяя обеим одинаковое внимание. Лисы еще у вас? — Он повернулся с вопросом к Трою. — И где кинкажу, которого вы принесли с виллы Ди? Тоже в магазине?

Трой пожал плечами.

— Когда я вернулся из Диких Земель, его в клетке не было. Возможно, его вернули наследникам саттор-командующего. Это весьма ценное животное.

— Кайгер не возвращал его, — коротко заметил Рерн. Он холодно смотрел на Троя.

— Он исчез из клетки, — упрямо повторил полуправду Трой. Он не собирался ничего добавлять к этому.

— Парень прав, конечно, — сказал Рогаркил. — Обычный работник, он не может знать больше. К тому же связан условиями контракта... Очень жаль, Хоран. В других обстоятельствах мы могли бы оказаться полезными друг другу. Всадник из Вордена по своим стремлениям и желаниям похож на охотника Корвара.

— Сегодня на Вордене нет всадников, — возразил Трой. Он посмотрел на Рерна.

Тот кивнул, разрешая уйти. Подняв руку в знак приветствия, он вышел из кабинета. Почему его мучает предчувствие, что он только что безвозвратно захлопнул дверь, которая могла привести его в новый мир? Он чувствовал разочарование.

Трой пробивался сквозь толпу, почти не замечая окружающего. Подойдя ко входу во двор магазина, он нажал сигналь-

ную пластину и стал ждать, когда ночной сторож откроет. Но от его прикосновения дверь сама открылась, и он увидел тускло освещенный проход.

Станнер Троя остался в его комнате, а войти во двор безоружным было опасно. Дверь не должна быть открыта: тусклый, необычно тусклый свет внутри — тоже предупреждение. Его может ожидать ловушка!

Он снял украшенный серебряными пряжками пояс. Полоска обшитой металлом кожи была единственным его оружием. Крепко зажав конец пояса, он двинулся вдоль стены по проходу, прислушиваясь к тишине во дворе.

Тихое бормотание животных могло таить опасность. Но откуда? Трой достиг конца прохода, прижался к стене и осмотрел дверь. Что-то не так с южной стороны...

Тут он заметил разницу. Дверь в личное помещение Кайгера, которую он никогда не видел открытой, теперь была распахнута. В центре двора стоял флиттер. Приналежал ли он магазину, Трой не мог определить.

Открытая дверь и ожидающий флиттер — это еще не все. Вся сцена была пропитана атмосферой ожидания, как будто ожидали актеров. Может быть, животные тоже ощутили это, потому что из загонов доносились лишь приглушенные звуки. Снова Трой ощущил ловушку, как будто она издавала запах. Но он знал, что ловушка предназначена не для него.

Значит, для Кайгера? Пожалуй, Трой заметил намеки на личные затруднения торговца, может, даже на кровную вражду. И клан тоже интересовался экс-космонавтом. Трой Хоран — в сущности ничтожная добыча. Эта операция проводится ради гораздо более крупной дичи!

Благоразумие советовало убраться со двора, пойти спать без дальнейших расследований — если ему удастся остаться незамеченным. Маленький человечек ушел с Кайгером, но что если Зул вернется раньше?

Какое-то движение не во дворе, а наверху одного из загонов, привлекло внимание Троя. Две маленькие тени быстро пересекли полосу света. Животные, бежавшие из клетки? Но почему они устремились во двор, а не из него?

Трой наметил расстояние между собой и ближайшим укрытием, быстро перебежал туда и встал, прислушиваясь и затаив дыхание.

Еще одна тень метнулась к полуоткрытой двери помещения Кайгера. Это было не прежнее скользящее движение, а торопливый бег, слишком быстрый, чтобы Трой мог что-то рас-

смотреть. Но он был уверен, что кто-то проник в квартиру торговца.

Трой двинулся вперед. И тут увидел круглые зеленые огоньки у двери — глаза одичавшего животного. Трой был слишком возбужден и взмахнул поясом: тень исчезла.

Теперь тревога смешивалась с любопытством. Он тоже двинулся к двери, пересек последние метры и вошел, ожидая нападения.

Здесь не слышались звуки со двора, но Трой ощутил биение крови в ушах. Это был не звук, а какое-то давление, вызывающее страх.

Ночное освещение было выключено. Трой на ощупь двинулся вперед, его нога коснулась ступеньки лестницы, биение крови в ушах все усиливалось.

Лестница кончилась. Он стоял, прислушиваясь и ощущая, что больше не один, хотя не слышал ни звука.

Трой не имел представления о том, где находился: темнота была полная. Вдруг справа от него мелькнул свет. Когда глаза привыкли к нему, Трой увидел, что свет пробивается из-за прикрытой двери.

Он находился в прихожей, куда выходили четыре двери, из одной и пробивался свет. Теперь Трой уже не мог отступить: он знал — кто-то или что-то здесь и ждет.

Трой быстро и легко двинулся к двери, приоткрыл ее и заглянул в комнату, хотя не был уверен, что находившиеся внутри не увидят его.

Там сидел Кайгер, но не в удобном кресле, а на табурете, прижавшись плечами к стене. В руках он сжимал цилиндр длиной примерно в фут, один конец которого стоял на полу у ног.

Человек, находящийся в сознании, не может сидеть так неподвижно. Глаза Кайгера были открыты, и он не мигая смотрел на Троя. И этот неподвижный взгляд заставил Троя распахнуть дверь шире и шагнуть в комнату.

Кайгер не шевелился. В комнате было лишь несколько полированных шкафчиков у стены, и ничего больше.

Трой заговорил и тут же пожалел об этом — слова гулко отдавались в пустоте.

— Торговец Кайгер, что-нибудь случилось?

Кайгер продолжал сидеть, и Трой наконец понял, что тот мертв. Трой оглянулся и увидел на стене красные, черные и белые линии, складывающиеся в карту Тикила.

На теле торговца не было видно ни ран, ни других призна-

ков насилия. Но Кайгер не умер естественной смертью — об этом говорила его поза.

Оставил дверь открытой, чтобы в коридоре было светло, Трой вернулся в прихожую и открыл две другие двери. Одна вела в спальню, другая — в небольшую столовую. Обе комнаты оказались пустыми.

Трой вернулся в комнату Кайгера. И тут перед ним из ниоткуда возникли тени: черная кошка, ее голубая напарница, кинкажу и две лисы; а ведь он был готов поклясться, что все они, кроме кинкажу, благополучно сидят в своих клетках! Похоже, что весь земной импорт Кайгера собрался тут! Сверкали зубы, шерсть стояла дыбом, от животных исходила ощущимая угроза.

— Нет, — ответил Трой на это излучение гнева и страха.

Он отбросил пояс и протянул руки вперед ладонями вверх. Черная кошка успокоилась первой, и Трой присел перед ней на корточки.

— Нет, — проговорил он спокойнее.

Кошка фыркнула, острые зубы сомкнулись на запястье человека, не причинив боли, а как бы в знак согласия.

В это мгновение снизу послышались чьи-то шаги. Трой бросился к двери; тут же поняв, что его силуэт будет хорошо виден снизу, он прижался к стене. Все это заняло несколько секунд, но когда он оглянулся, животные уже исчезли.

В полоске света появился Зул. Широко раскрытыми глазами он посмотрел на Троя, потом на неподвижного Кайгера. Губы его дернулись, обнажая зубы, как у рычавшего зверя, и, выхватив нож, он бросился на Троя.

ГЛАВА 10

Трой уклонился от удара и взмахнул поясом. Его конец с металлическими украшениями попал в цель: маленький человечек закричал и отдернул руку. При этом он ударился о цилиндр, который держали мертвые пальцы Кайгера. Прибор выпал, а тело торговца мягко сползло на пол, как будто было без костей. Зул испустил такой нечеловеческий крик, который не смогли бы издать никакие животные или птицы.

В тот же момент Трой ощутил, как биение крови в его голове прекратилось. Забыв о боли, Зул попытался схватить упавший цилиндр. Но Трой был начеку: он ребром ладони ударил Зула по шее, и маленький человечек упал, хватая воздух откры-

тым ртом. Трой успел подобрать нож и прибор, прежде чем Зул опомнился от удара.

Положив нож и цилиндр на шкаф, Трой приблизился к Зулу. Все происходящее было похоже на насилиственное усмирение разъяренного животного. Несмотря на отвращение, Трой связал Зулу руки его же собственным поясом.

Лицо маленького человечка искажала гримаса, значение которой Трой не мог разгадать. Зул с усилием поворачивал голову и осматривался, как будто искал что-то очень важное. Наконец его внимание сосредоточилось на приборе, конец которого выступал над шкафом, и Зул пополз к нему по полу.

Трой преградил ему путь. Гримаса Зула стала злобной. Он плюнул, попытался встать с пола.

Трой взял прибор и направился с ним к красной кнопке тревоги на стене: чем быстрее он вызовет представителей власти, тем легче ему будет объяснить происшедшее.

— Нет! — Зул впервые заговорил. — Не надо патрульных!

— Почему? Мне нечего скрывать. А тебе?

— Не патрульные! — повторил Зул, и в его словах слышался скорее приказ, чем просьба. — Пока нет...

— Почему?

Темные глаза Зула были устремлены на прибор в руках Троя. Он явно разрывался между необходимостью сохранить тайну и попросить о помощи.

Трой настаивал:

— Из-за животных — земных животных?

Зул застыл, на его лице отразилось крайнее удивление.

— Что тебе известно? — Слова звучали хрипло, как будто ему не хватало дыхания.

— Достаточно. — Трой надеялся неопределенным ответом вызвать пленника на откровенность.

Зул облизал губы.

— Их нужно убить до того, как появятся патрульные. Трой удивился: такого он не ожидал.

— Почему?

Взгляд Зула был уклончивым, полным подозрительности.

— Если ты не знаешь этого, ты не знаешь ничего. Они опасны для всех нас после смерти хозяина. Убей их, или пожалеешь, что сам не умер.

Трой одним прыжком преодолел разделявшее их расстояние. Он наклонился и схватил Зула за воротник, поставил его на ноги и прижал к шкафу.

— Ты скажешь, почему эти животные опасны! — негромко

сказал он, стараясь вложить в свои слова как можно больше угрозы.

— Потому что... — Зул ответ взглядел. — Они больше не животные. Они думают, понимают приказы, докладывают...

— Какие приказы и кому докладывают?

Зул сглотнул, на его лбу выступил пот. Но Трой чувствовал, что он боится не его, а кого-то другого.

— Они получают приказы от того, кто их вызывает. И ему же они докладывают...

— Что?

— Информацию.

Разрозненные обрывки узнанного сложились как фрагменты мозаики. Домашние животные... со способностью понимать своих хозяев, собирать сведения, помещенные в доме, где есть доступ к высокоценнейшей информации!

— И это делал Кайгер?! — Это было скорее утверждение, а не вопрос.

— Да, теперь животных надо вызвать и убить до прихода патрульных. Дай мне прибор.

Итак, Зул не знал, что животные уже пришли по зову мертвого или умирающего. И тут, приняв решение, Трой ощущал волну эмоций, заполнивших комнату: страх, решимость бороться, смутная мольба. И он знал, что вновь настроился на спрятавшуюся пятерку. Если животные и использовались Кайгером, то были лишь орудием.

— Если их захватят патрульные, то сначала попробуют выяснить, что им известно, а потом все равно уничтожат их, — продолжал Зул. — Так не лучше ли убить их сразу?

Трой чувствовал, как его собственная решимость бороться крепнет, подкрепленная решимостью животных.

Бежать — но куда? В памяти возникла картина высокогорного плато: Дикие Земли занимают полконтинента, найти там одного человека и пять маленьких животных — трудная задача, а к тому времени ему, возможно, и удастся найти другой выход.

— Я должен вызвать их и убить. Быстро! — Зул терял самообладание, голос его звучал громче, злые глазки совсем сузились.

— Спокойно! — Трой подкрепил сказанное, зажав ладонью рот Зула.

Не обращая внимания на яростные рывки пленника, Трой установил телепатический контакт с животными.

— Уходите прочь отсюда! — Он вложил в эту мысль всю силу.

Трой не знал, почему должен спасти пятерку, но чувствовал, что это очень важно не только для них, но и для него самого.

Если Зул и понял его действия, то никак не показал этого.

Ниоткуда материализовалась черная кошка, прижимаясь к ковру, обогнула вытянутую руку Кайгера, подойдя к Зулу, угрожающе фыркнула, каждая линия ее тела выражала ненависть.

— Их не нужно созывать, Зул, — негромко сказал Трой. — Они уже здесь... И уйдут отсюда невредимыми.

И вот они появились — вторая кошка, лисы бок о бок и самым последним возник кинкажу и быстро вскарабкался на плечи Троя.

— Нам придется немного пройти вместе, — обратился Трой к Зулу, засовывая себе за пояс нож. Он бросил прибор на пол, и черная кошка немедленно закатила его под шкаф. Животные, Зул и Трой с кинкажу на плече вышли за дверь.

Зул был ошеломлен беззвучным появлением животных и их с Троем совместными действиями. Он подчинился, как управляемый робот, и пошел по лестнице во двор.

Трой думал о запасах продовольствия и флиттере: теперь очень многое зависело от счастливого случая.

Все еще держа Зула, он остановился у входа и заглянул во двор. Флиттер стоял на том же месте. И ни следа охранника, который должен находиться на дежурстве.

В этот час полно обитателей вилл, возвращающихся после ночных развлечений из Тикила. Это интенсивное движение скроет его от патрульных.

Приняв решение, Трой почувствовал, как его возбуждение углеглось. Впервые за долгие годы он решил испытать свободу, которую вновь почувствовал в поездке с Рерном.

Трой толкнул пленника в угол склада и начал быстро действовать. Кайгер кормил земных животных специально импортируемой пищей, и Трой сунул в мешок контейнеры с ней. Нож Зула был у него за поясом, вдобавок в оружейном отсеке флиттера должен был находиться станнер. Трой натянул рюкзак.

Наконец Зул заговорил:

— Мы будем искать тебя и убьем. Патрульные тоже будут искать. Ты не сможешь скрыться.

— Потому что я слишком много знаю? — поинтересовался Трой.

— И из-за этого. Мы не можем позволить, чтобы все стало известно.

— И вы пошлете за мной патрульных?

Зул впервые улыбнулся:

— Не нужно будет рассказывать им о животных. Они придут, увидят мертвеца и, узнав, что один из служащих сбежал, поймут.

— Предположим, что они обнаружат, что бежали двое? — спросил Трой.

Он совсем не хотел брать с собой Зула — проще положить во флиттер бомбу со взведенным механизмом, но исчезновение двух служащих Кайгера, один из которых — старый помощник экс-космонавта, может быть, сбьет закон со следа.

Взвалив на плечо рюкзак, он снова повел Зула к флиттеру. Но его план не удался... Неожиданно послышался крик из коридора, ведущего к квартире Кайгера. Зул повис на Трое всей тяжестью, и Трой не мог дотащить его до флиттера, не теряя драгоценного времени. Он бросил Зула и забрался во флиттер, надеясь, что животные уже там.

Трой поднял машину в воздух, когда в комнате Кайгера вспыхнул свет. Должно быть, охранники обнаружили тело. Теперь нужно как можно лучше использовать выигрыш во времени.

Главный поток движения устремлялся на север, а не на восток, но Трою пришлось влиться в него и не сворачивать, пока не миновал район вилл. К тому же приходилось придерживаться скорости, допустимой на пассажирских линиях.

Трой включил коммуникатор на приборном щитке и внимательно слушал, стараясь уловить малейшие признаки тревоги. Слова Зула были не простой угрозой. Однако, оказавшись в Диких Землях, он может не опасаться патрульных.

Его гораздо больше беспокоили рейнджеры клана, организованные так, чтобы противостоять любому вторжению в их земли. Они хорошо знают Дикие Земли. Будущее казалось Трою мрачным, но он сделал выбор и не собирался отступать.

«Может ли он в этой ситуации обратиться к Рерну?» — При этой мысли он снова испытал раздвоенность, которую впервые ощущил в то утро на плато: одна часть сознания оставалась настороженной и лишенной иллюзий, другая — стремилась к откровенности с охотником, переполнялась желанием свободы, известной ренджеру и его товарищам.

Патрульный корабль пролетел над флиттером, и, не обратив

на него внимания, улетел. Трой облегченно вздохнул. Скоро он сможет свернуть с обычных линий. Трой видел мерцающие огоньки вилл. Выключив огни, он повернул направо и быстро полетел на восток.

Лишь спустя какое-то время он понял, что его не заметили. Несомненно, если люди в магазине известили патрульных, теперь всюду разыскивали бы похищенный флиттер. Неужели Зул все еще не в ладах с законом?

В своем последнем предупреждении маленький человечек сказал «мы», а не «я». Кто это «мы»? Если Кайгер не был хозяином животных, а Зул, несомненно, занимал подчиненное положение, то кто хозяин? Кто-то в Тикиле, настолько влиятельный, чтобы помешать официальному расследованию? Зул предупредил, что на Троя будет вестись двойная охота, а в Диких Землях добавятся еще люди клана.

Слишком много охотников — они могут помешать друг другу. К рассвету, когда придется сесть, беглецы должны быть далеко. Вспомнив горную цепь, которую они пролетали с Перном, Трой поднял флиттер, хотя автоматическая предупреждающая система была включена и автомат все равно не допустил бы столкновения.

Он ощутил тепло сбоку от ноги. Кинкажу прижался к нему, а остальная часть его странного экипажа вскарабкалась на второе сидение. Трой начал говорить, не думая о том, поймут ли они его или не поймут.

— Впереди Дикие Земли, там живут только рейнджеры и туземные животные. В таком месте есть много убежищ, очень много...

— И хорошая охота,— быстро ответил кто-то из животных.

Трой ощутил растущее возбуждение, рожденное не страхом или необходимостью защищаться, а ожиданием; эти чувства разделяли все пятеро.

— Хорошая охота,— подтвердил человек,— деревья, равнины, холмы, горы, реки, скалы...

— Хорошо быть свободным! — прозвучали слова, выразившие чувства всех шестерых.

— Хорошо быть свободным! — подхватил Трой. — Свободным от Дипила, Тикила, вообще от людей.

Над головами побледнели звезды, при свете зеленоватой Луны виднелись снежные вершины. Беглецы пролетели над первым хребтом Ларша уже в Диких Землях, и все еще не было ни следа тревоги или преследования. Без карты Трой знал, что, направляясь на северо-восток, он доберется до равнины.

Он полностью переключил управление на автопилот и расслабился, вытянув ноги. Плечи его болели от того напряжения, в котором он находился с самого рассвета. Не мешало отдохнуть.

— К рассвету, — сказал он своим товарищам, — мы сядем на какой-нибудь равнине, где никто не сумеет нас отыскать, и все будет хорошо.

Кинкажу свернулся у него на коленях. Справа от него сидела черная кошка, глядя в небо.

Должно быть, он слегка задремал, потому что красный огонь, вспыхнувший на приборном щитке, захватил его врасплох, неожиданно вернув к страшной действительности.

— Предупреждение! Предупреждение! Предупреждение!

Трой уже когда-то слышал этот металлический голос.

Его руки метнулись к приборам, но он не смог выключить автопилот. И тут, стуча кулаком по переключателю автопилота, он наконец вспомнил про Рукав.

— Предупреждение!

Трой потянулся за микрофоном, чтобы произнести слова, которые положат конец их попытке к бегству, но было слишком поздно. В ночи уже сверкнул белый луч и протянулся к ним. Флиттер попал в этот луч, нырнул, теряя скорость, и полетел вниз.

ГЛАВА 11

Впоследствии Трой мало что мог вспомнить об этом спускепадении. Флиттер бросало из стороны в сторону. Трою удалось сбить замок автопилота, и на некоторое время флиттер стал снова послушен.

Хотя это и не вернуло свободы, флиттер, прорвавшись сквозь какую-то тугую преграду, оказался за пределами действия луча, перехватившего их в воздухе. Колеса машины коснулись земли. Удар... Луна и звезды исчезли.

Голова и грудь болели, во рту неприятный солоноватый привкус крови. Впереди была тьма, но сзади пробивался свет.

— Наружу... — уловил Трой.

Мимо него скользнули животные.

Каким-то образом Трою удалось справиться с дверцей, нажав на нее плечом. Он упал, и легкие лапки пробежали по нему: их владельцы вырвались на свободу.

Трой выполз сам и попытался осмотреться. Поверхность

под ним казалась необычайно ровной. Руки, ощупывая окружающее, наткнулись на песок и очень гладкие камни. Он повернулся и смог кое-что увидеть: флиттер умудрился невероятным образом застрять под какой-то аркой.

Трой обошел машину и понял, что произошло: защитные установки клана привели их в необычное убежище. Округлые купола и разрушенные стены, лишенные окон и дверей, глубоко сидели в песке. Он оказался в самом центре Рукава.

— Где? — он попытался вызвать животных и, поскольку не знал их имен, стал изображать их мысленно. Кошки: черная и серо-голубая, лисы, кинкажу. Где они? Ранены? Убежали?

— Вернитесь! — громко позвал он.

На одной из разрушенных арок появилась тень и устремилась к нему. Кинкажу ответил на его призыв. Он взобрался на плечо Троя, обхватив его своим цепким хвостом. Трой погладил круглую голову, прижав ее к своей щеке.

Быстрыми прыжками приблизились лисы и остановились перед ним, приюхиваясь к ветру. Глаза их блестели.

— Идите! — Не получив ответа, он отпустил кинкажу и вернулся к месту крушения. Разыскал атомный фонарик и включил его. В конусе света показался нос машины, застрявшей под аркой, как застrevает толстая нитка в ушке иголки.

Трой осветил машину и застыл, увидев распостертое маленькое тельце. На него были устремлены голубые глаза с выражением боли. Серо-голубая кошка тяжело дышала и облизывала переднюю лапу, зажатую между двух обломков металла. Над ней сидела черная кошка. Увидев Троя, она испустила несколько требовательных резких криков.

К рассвету все необходимое было сделано: лапа перевязана и прибинтована к дощечке. Трой вынес из флиттера контейнер с продовольствием, станнер и инструменты. По мере того как шло время и никто не появлялся в запретной зоне, Трой начал верить, что их остановило какое-то автоматическое устройство и что у них есть еще возможность спастись. Но есть ли вокруг Рукава охрана, этого он не знал.

Лисы и черная кошка исчезли в темноте, предоставив Трою собирать оборудование, и только кинкажу оставался на страже. До сих пор Трой был занят, так что мог думать лишь о следующем необходимом шаге.

— Стена... невидимая стена. — Из-за камня вышла черная кошка.

— Вокруг этого? — Трой указал на руины.

— Да. Мы пытались преодолеть ее во многих местах.

Сбывалось одно из опасений Троя: кланы установили вокруг Рукава барьер, предназначенный для защиты от вторжения, он не выпустит пленников. Как же ему удалось прорваться на флиттере?

— Много нор... может быть, в них можно охотиться... — На открытом пространстве появилась лиса. Кошка отошла к раненой и стала вылизывать ее.

— Тут под землей опасность?

— Еще нет. — Прозвучал загадочный ответ.

До того как экспедиция Фуклова превратила название Рукава в синоним ночного кошмара, верхние галереи незнакомого города свободно исследовались многими любопытными. Неужели вызыватель сделал это место проклятым? По словам Рерна, рейнджеры положили конец действию прибора и подземные коридоры на время дадут беглецам убежище. И, возможно, именно тут, в центре запретной территории, они будут в безопасности.

— Мы идем в нору... — скомандовал Трой.

С рюкзаком за плечами, осторожно прижимая раненую кошку к груди и держа станнер наготове, Трой двинулся. Кинкажу ехал у него на плече, время от времени дотрагиваясь до своего двуногого коня передними лапами, как бы не давая ему забыть о своем присутствии. Лисы и черная кошка повели его к куполу, у которого был вырублен большой участок стены либо одним из искателей сокровищ, либо людьми экспедиции Фуклова.

Все слышанные Троем фантастические сказки населяли окружающую тьму кошмарами, но спокойствие животных внушило ему уверенность. Трой знал, что их чувства намного острее и в случае опасности они предупредят. Он включил фонарик, и конус света заплясал по стенам и земле в такт ходьбе.

Ничего не было видно, кроме стен и мостовой, каменных плит, уложенных с большой точностью и искусством. В дальнем углу купола оказался темный спуск, ведущий в настоящий Рукав. Трой подумал, что мрак тут похож на клубящийся туман, поглощающий даже свет фонаря. Однако лис, шедший впереди, уже начал спуск в глубину, его товарищ и черная кошка с нетерпением ждали Троя.

— В этом месте была большая опасность, — предупредил Трой, подкрепляя мысль словами.

— Ничего нет... — Он был уверен, что это произнесла черная кошка.

— Ничего нет,— повторил Трой, когда его башмаки застучали о камень спуска,— но может быть дальше.

— Здесь вода.

Это сообщение обрадовало: Троя мучила проблема запасов воды. Если где-то в этом лабиринте животные учяли воду, значит, нюх у них еще лучше, чем он мог надеяться.

— Где?

— Мы идем...

Лестница спустилась на три этажа. И на каждом этаже в сторону отходили коридоры, абсолютно пустые и такие одинаковые при свете фонаря, что Трой подумал, что в этом лабиринте без проводника легко заблудиться. Он старался запомнить путь.

Где-то должна находиться невидимая вентиляция: воздух был сухим, но вполне пригодным для дыхания. Трой несколько раз ощутил дуновение свежего ветерка с поверхности.

На четвертом уровне Трой обнаружил, что животные ждут его, хотя лестница продолжала вести в глубь Корвара. Они пошли прямо на восток, если только он окончательно не потерял ощущение направления. На мгновение Трой почувствовал надежду, что подземный коридор выведет их за пределы невидимой стены и они смогут свободно уйти в Дикие Земли.

Стены из красно-серого камня, мощенный пол — больше ничего, если не считать столетнего слоя пыли, в которую ноги погружались почти по щиколотку и которая заглушала звук шагов. Дважды эти стены прерывались круглыми отверстиями, но когда Трой направлял в них свет, то видел лишь пустые круглые углубления, вряд ли способные вместить человека. Их назначение было еще одной загадкой Рукава.

Коридор, ведущий на восток, закончился большим колодцем, в него вела винтовая лестница, очень узкая и крутая. Животные снова двинулись вперед, и Трою оставалось лишь последовать за ними.

По мере спуска атмосфера менялась, становилось более влажно, и Трой понял, что лис был прав. Где-то внизу находился источник воды.

Влажность росла, и Трой уловил неприятный запах застоявшейся воды и даже какое-то зловоние. На стенах появились подтеки.

Бесконечные повороты лестницы вызывали головокружение. Боковых коридоров здесь не было. Трой даже потерял представление о течении времени, его ноги болели. Он был уверен, что если бы решил вернуться назад и подняться на

поверхность даже в тот коридор, с которого начал спуск, он не нашел бы в себе сил для этого. Он хотел лишь добраться до конца лестницы, чтобы можно было упасть и отдохнуть.

И вот фонарик осветил дно колодца. Вода... но хотя во рту у Троя пересохло, а все тело ныло от жажды, он не мог заставить себя приблизиться к угрюмо текущему ручью.

Вода была маслянисто-черной, она казалась разбухшей, толстой, как будто состояла из слизи, легкая рябь пробегала по ней от одного берега к другому.

Входом и выходом этого потока шириной в ярд служили большие круглые отверстия, находящиеся под лестницей. Других выходов не было, кроме лестницы, по которой они спустились. Черная кошка и лисы ждали у выхода ручья, и когда Трой подошел к ним, он увидел, что туннель шире ручья и рядом с водой идет узкая тропа.

— Туда? — спросил он, и слово гулко отдалось в воздухе.

Кинкажу гневно забормотал, а раненая кошка нажала здоровой лапой на грудь Троя и добавила к этому протестующий крик. Тройка впереди оглянулась и углубилась в туннель, ясно показывая, что есть настоящий вход.

Рябь на воде приобрела зловещее значение: вглядевшись, Трой заметил, что она идет против течения, и подумал, насколько же глубок на самом деле этот ручей; что-то двигалось под его поверхностью. Время от времени он направлял туда свет фонарика, но видел лишь чернильную жидкость.

Зловоние становилось сильнее, но тут Трой снова ощутил поток свежего воздуха. В ответ на свет фонарика на стенах начали вспыхивать маленькие искорки. Их становилось все больше, они собирались группами. Еще раз повернув голову, чтобы посмотреть на рябь, Трой заметил, что эти искорки не гаснут за ним, а продолжают голубовато светиться. Он на мгновение выключил фонарик и оглянулся. Там, где свет коснулся стен, свечение сохранилось. Но впереди было темно. Чем бы ни были эти искорки, им нужен был свет, чтобы они могли вспыхнуть.

Полосы этого свечения становились шире, и Трою показалось, что он различает рисунок — что-то вроде острого зигзага. Пожалуй, эти искорки — не природное явление, а созданы неизвестными строителями.

Его фонарик осветил впереди отверстие. Здесь его ждала кошка, лис не было видно. Трой пошел быстрее, радуясь возможности уйти от загадочного ручья.

Выходя, он оказался не в коридоре, а в обширной подземной пещере, когда-то приспособленной строителями Рукава для

своих целей. Трой остановился, слегка обескураженный увиденным: город в миниатюре, дороги, бегущие между стенами отдельных сооружений без крыш. Именно от этих стен исходило зловоние! Трой бессознательно отшатнулся. Присмотревшись, он заметил, что это как будто пластины гигантских грибов.

Между выходом из туннеля и началом этих гигантских структур находилось открытое пространство, покрытое чем-то вроде песка или гравия, и Трой поторопился пересечь его.

— Дорога вокруг...

Кто-то из его проводников уловил это пожелание, и Трой понял, что животные разделяют его эмоции.

— Идем! — Это было требование, и Трой перешел на быстрый шаг, не зная, долго ли сможет выдерживать его. Он обошел выступ города грибов и увидел еще что-то — яркую полоску, так похожую на его родной мир, что он устремился к ней бегом.

В середине чуждого и нечеловеческого мира находился остров безопасности. Откуда-то сверху (через искусственную щель или искусственное устройство, этого он так никогда и не узнает) пробивался солнечный свет. И здесь была вода, небольшой пруд, питаемый ручейком, просачивающимся из песка. Чистая вода, никакой ряби. Трой опустил раненую кошку и прикоснулся губами к воде.

Два-три небольших растения, тонких, как шнурок, росли на берегу пруда. Напившись, Трой открыл мешок с продуктами, разделив его содержимое на всех членов своего отряда.

Есть ли другой выход из этого мертвого грибного мира? В этот момент он слишком устал, чтобы думать. Положив голову на мешок, Трой свернулся, смутно ощущая, как вокруг него собирались животные.

Живет ли здесь кто-нибудь? Рябь на ручье как будто подтвердила это. Могут быть и другие существа, для которых улицы меж стенками из грибов служат домом.

Трой чувствовал тепло прижавшихся пушистых тел, и это было последнее, что он запомнил.

ГЛАВА 12

Проснувшись, Трой подумал, что спал лишь мгновение. Солнечный свет по-прежнему падал на бассейн. Окружающее не изменилось, только животные, кроме раненой кошки, исчезли. Когда Трой поднял голову, кошка, облизывая раненую

лапу, замурлыкала. Трой потряс головой, еще не проснувшись окончательно.

Тут из сумрака показалась черная кошка, держа во рту тело какого-то животного. Не обращая внимания на Троя, она положила мертвого подземного жителя перед своим товарищем.

Мертвое существо было не менее кошмарно, чем хур-хур (комбинация множества лап, глаза на стебельках, многочисленные сегменты покрытого пластинами тела), но, очевидно, для кошек оно было вполне съедобно, и они дружно пообедали.

Если земные кошки могли найти себе пищу даже в этом подземелье, у Троя появилось еще одно доказательство деятельности Кайгера. Животные не нуждались в особой пище, которая так торжественно доставлялась владельцами на Тикиле.

— Хорошая охота? — спросил он у черной кошки.

— Хорошая, — согласилась она.

— Остальные тоже хорошо поохотились? — спросил Трой. — Где в этих грибах охотятся животные и кого они преследуют?

— Они едят, — кратко ответила кошка.

Трой встал, стряхивая крошки с одежды. Он не собирался дальше оставаться в этом подземелье.

— Есть ли выход? — спросил он у кошки и получил мысленный ответ, аналогичный пожатию плечами. Ясно, что для животного охота была важнее исследования.

Трой сел, разглядывая кошек. Раненая продолжала жадно, но аккуратно есть, Трой был уверен, что она знает об обмене мыслями между ними.

Хоран не имел власти над пятью земными животными, но по какой-то случайности он мог общаться с ними. В то же время он был уверен, что их общение с Кайгером было яснее и полнее — возможно, благодаря использованию вызывающего устройства, которое сжимали руки мертвеца.

Животные сопровождали его в бегстве из Тикила, потому что это соответствовало их планам, поэтому же они привели его сюда. Но он знал, что они могут легко покинуть его, если только он не установит с ними более тесную связь. Положение изменилось: в Тикиле он командовал, потому что это был город людей. Здесь животные в нем больше не нуждались.

Неприятно было осознавать, что его смутные мечты о союзе человека с животными могут так и остаться мечтами. Он мог выпустить ястреба, тот испытает радость свободной охоты и все же вернется назад по его приказу. Но у этих охотников есть

собственная воля и разум, и если они вступят с ним в союз, то только по доброй воле. Древние отношения человека с животными нарушены.

Эти мысли помогли Трою лучше понять требование Зула об убийстве животных. Мало кто из людей согласится на сотрудничество с существами, которые всегда считались собственностью. Человек верит в свое превосходство.

Но Трой знал, что он не оставил бы животных в Тикиле и не уступил бы требованиям Зула. Он отказался от мысли, что имеет дело с домашними животными, с игрушкой человека, который может владеть и приказывать, но они не были людьми, чьи мысли и желания были бы близки и понятны.

Черная кошка закончила свой туалет и посмотрела на Хорана. Человек беспокойно заерзal под этим немигающим взглядом.

— Ты хочешь выйти?

— Да, — просто ответил Трой.

— То место... не человеческое... не наше...

— Здесь опасность — старая опасность. — Эта мысль принадлежала уже серо-голубой кошке, которая закончила есть и смотрела на Троя, подняв здоровую лапу.

— Несколько лет назад тут случилось несчастье с людьми, — кивнул Трой.

Обе кошки, казалось, обдумывали услышанное. Они обменивались мыслями, которые были недоступны Трою.

— Ты не такой, как другие, — произнесла черная кошка.

Трой обнаружил, что может отличать мысли одной кошки от другой. Животные все более становились для него личностями.

— Нет.

— Мало людей знают нашу речь, да и те пользуются прибором. Ты же с самого начала разговаривал с нами без него, ты — особый тип человека, — это сказала серо-голубая.

— Не знаю. Вы не можете «говорить» со всеми?

— Нет. Мы говорили с Большим Человеком, потому что у него был прибор. С тобой мы не собирались говорить, но ты услышал. И тебе мы не должны подчиняться.

«Должны подчиняться». Неужели они должны подчиняться каким-то людям и «разговаривать» с ними?

— Да, — согласился Трой. — Я не знал, почему могу слышать ваш разговор, но я его слышу.

— Теперь, когда Большой Человек умер, за нами охотятся. Так было нам сказано. За нами будут охотиться, если мы попытаемся освободиться.

— Мы свободны, — прервала черная кошка. — И мы можем оставить тебя, человек, и ты нас не найдешь, если только мы не захотим.

— Верно.

Снова пауза, немигающие взгляды. Черная кошка подошла к нему, задрав хвост. Села на задние лапы. Хоран протянул руку и почувствовал быстрое прикосновение язычка.

— Выход есть.

Кошка повернула голову к грибному городу. И человек не удивился, когда из лабиринта появилась лисья голова и пара лис в сопровождении кинкажу проследовала к нему. Они остановились возле Троя, и человек уловил обрывки бессловесного разговора.

— Не тот, кому нужно повиноваться... с нами охотится на тропе... даст нам ходить на свободе...

Черная кошка произнесла от имени всех:

— Мы будем охотиться вместе с тобой, человек, но мы свободны.

— Вы свободны. Я иду по своей тропе и не заставляю вас идти со мной...

Он старался выразить мысль как можно яснее, объяснить, что он принимает их союз и их условия.

— Выход... — Кошка повернулась к остальным.

Лисы напились воды и убежали, а кинкажу болтал передними лапами в воде. Трой дал ему сухой бисквит, и тот шумно стал его есть.

— Мы пойдем туда. — Кошка повернула от бассейна вправо, туда, где лежала полоска чистой земли между грибным городом и стеной пещеры.

Трой вымыл два контейнера из-под пищи и наполнил их водой. Обе кошки медленно пили. Потом Трой взял на руки раненую, а черная кошка пошла вперед.

Ни грибные стены, ни стены пещеры не менялись. Отойдя дальше от солнечного пятна, Трой зажег фонарь.

Кошка шевельнулась у него на руке, повернув морду к грибам.

— Там что-то живое? — Трой потянулся к станинеру, висевшему у него на поясе.

— Старое... неживое... — быстро донеслась ответная мысль. — Саргон нашел...

— Саргон?

Мысленно возникла морда самца-лисы.

— У вас есть имена? — спросил Трой.

Почему-то имена сделали животных менее загадочными.

— Человеческие имена!— В ответе звучало презрение и намек на то, что существуют и другие имена, недоступные разуму человека.

Трой, прочитав это в кошачьем ответе, улыбнулся.

— Но ведь я — человек. Можно мне использовать эти имена?

Его логика убедила кошку, которую он нес.

— Саргон и Шеба — лисы. Шенг — кинкажу. Симба, Сахиба — ее товарищ и она сама.

— Трой Хоран,— серьезно ответил человек, завершая представление.— Это старое... оно сделано или жило когда-то?

— Когда-то жило,— быстро передала Сахиба ответ лиса.— Не человек... не мы... другое...

Троя разбирало любопытство, впрочем недостаточное, чтобы вернуть его в грибной город. Подумалось, не лежат ли там останки одного из древних обитателей Рукава.

— Отверстие,— передала Сахиба новое сообщение.— Шенг обнаружил наверху отверстие.

Трой изменил направление, поднялся по небольшому склону и обнаружил кинкажу, который сидел у куста, закрывавшего расщелину в стене. Вспыхнул фонарик и осветил узкий проход, похожий на искусственный и вряд ли ведущий далеко.

С разных направлений появились лисы и Симба и остановились, принюхиваясь. Трой ощущал дуновение ветра, которое уносило зловоние грибов. Возможно, это и был выход.

Но животные не торопились войти в расщелину.

— Опасность?— спросил Трой, расценив их колебания, как предупреждение.

Симба приблизился к отверстию, высокό подняв голову, его усы слегка шевелились.

— Что-то ждет... ждет давно...

— Человек? Животное?

Симба казался сбитым с толку.

— Давно ждет,— повторил он.— Может, уже не живет... Но все еще ждет.

Трой попытался понять, что это значит. Кинкажу снова вспрыгнул ему на плечо и успокоил:

— Мы идем сюда. Здесь выход...

Трой ждал окончательного решения Симбы.

— Идем?

Кот взглянул на него с явной симпатией, как будто Трой, проявив уважение к его мнению, сделал еще один шаг на пути взаимопонимания между ними.

— Мы идем... осторожно. Я не понимаю этого...

Лисы, очевидно, были согласны следовать за Симбой. Втроем они исчезли в расщелине. Трой шел позади, освещая дорогу атомным фонариком. Ясно было, что это действительно расщелина, а не искусственный проход.

Хотя щель была выше его головы на несколько футов, она была очень узкая, и Трой надеялся, что дальше она не сузится еще больше. По мере продвижения вперед дуновение свежего воздуха стало заметнее. Человек был уверен, что ощущает запах естественной растительности, помимо затхлых запахов Рукава.

Вскоре уклон дна стал меняться, и это подкрепило уверенность Троя, что щель ведет на поверхность. Вначале подъем был легок, затем стал настолько крутым, что Трой был вынужден пересадить Симбу на мешок с едой и держаться при подъеме обеими руками. Теперь он ощутил и другие запахи: какой-то необычный аромат, неуместный среди скал и более подходящий для залитого солнцем сада. Но вместе с этим насыщенным запахом доносился и менее приятный — должно быть, цветы уже начали разлагаться.

Фонарик осветил новый подъем; к счастью, стены были неровными, за них можно было цепляться. Шенг и Симба поднимались легко, лисы с большим трудом. Трой добрался до верха подъема и наконец-то увидел дневной свет. Он выключил фонарик и быстро пошел вперед.

— Нет! — Загадочное предупреждение пришло сразу от нескольких животных.

Трой застыл на месте и увидел перед выходом какую-то сеть.

Он стоял неподвижно. Кот и лисы были ясно видны на фоне сети.

— Ушло.

Получено позволение подойти. Действительно, путь преграждает сеть. И сквозь нее виднелись растения, яркий дневной свет. Сеть болезненно-бледного цвета шла концентрическими кругами, в ее центре находилась какая-то шишка.

Трой с опаской приблизился, заметив, что кот и лисы тоже держатся на некотором расстоянии. Теперь он заметил кое-что еще: бесчисленные остатки насекомых вдоль кругов сети, пустые каркасы, прикрепленные к ее нитям. Трой взмахнул ножом, сеть поддалась, но осталась цела, так как была из очень прочной, эластичной материи.

Нож прилип к сети, и Трой был вынужден сильно рвануть, чтобы освободить его. Вторая попытка чуть не вырвала оружие из его рук. Нити были не только необыкновенно прочны, но и покрыты чем-то, похожим на клей.

Проход закрыт. Он опустил мешок, на котором сидел Симба, и принялся рыться в имуществе, взятом с разбитого флиттера. Вот — небольшая трубка, сигнальная вспышка. Но ведь ее можно использовать и по-другому!

Не дотрагиваясь до паутины, Трой внимательно осмотрел ее. Нити были покрыты толстым слоем пыли. Сеть находилась здесь очень давно. Сняв крышку, он направил трубку на центр паутины.

Яркое оранжевое пламя ударило в цель, как копье. Языки пламени мгновенно пробежали по нитям от середины к краям. И вот перед ним свободный путь, лишь несколько струек дыма отделилось от стен.

Они подождали, пока дым рассеется, а потом Симба прыжком пересек выжженное место, лисы последовали за ним. Трой же, сняв Сахибу и Шенга, пошел сзади.

Он уже довольно далеко отошел от утеса, когда понял, что они вышли из пещеры с грибным городом, но вовсе не оказались на поверхности Корвара. Тут была растительность и что-то похожее на солнечный свет, пробивавшийся через большое отверстие в крыше. Отверстие было забрано какими-то светлыми полосами, между которыми виднелась матово-белая поверхность, непонятно на чем державшаяся.

От крыши отделилось облако золотистого тумана. Медленно опускаясь, на полпути к поверхности оно превратилось в небольшой ливень, обрызгавший каплями жидкости листья растений.

Только теперь Трой заметил разницу между этой растительностью и обычными растениями на поверхности. Вблизи виднелся огромный цветок с четырьмя лепестками ярко-оранжевого цвета. Цветок без всякой поддержки свисал с куста. От растения доносился удушливый аромат. Симба, принюхиваясь, подошел к цветку, фыркнул, изогнулся спину и прижал уши.

Ноги Троя ступали по высохшим останкам множества редких животных. Чувствуя тошноту, он взмахнул ножом и обнаружил, что перед ними вовсе не цветок, а сплетенная из множества нитей сеть. Когда лезвие ножа коснулось нитей, ожило кроваво-красное сердце цветка и устремилось вперед.

У Троя возникло смутное впечатление о существе со множеством лиц, распахнутой пастью и роговым хвостом, оканчивающимся жалом. Но Симба уже ударил лапой с вытянутыми когтями, подбросив это существо в воздух, а Саргон растоптал его.

Симба, гневно размахивая хвостом из стороны в сторону, сел, ожидая нового нападения.

— Плохое место,— спокойно констатировала Сахиба. И Трой был готов согласиться с ней.

Теперь разведчиком стал кинкажу. Он перепрыгнул с плеча Троя на вершину ближайшего куста, и через мгновение только раскачивающиеся ветви указывали его путь. Сверху снова полился искусственный дождь, и Трой присел, чтобы разделить еду со своими разномастными товарищами.

Прежде чем решать новые загадки, им будет нужно позаботиться о запасах пищи и воды.

ГЛАВА 13

Кинкажу спрыгнул с куста на землю и устремился к Трою.

— Человеческое!— В сообщении было столько возбуждения, что Трой отставил контейнер с водой, не понимая, говорит ли Шенг о предмете или о человеке.

— Где?— спросил Трой и быстро добавил:— Что?

Шенг поднял переднюю лапу и указал на заросли. Казалось, он вообще не был способен определить «что». Трой взглянул на кошек: он привык признавать их превосходство в таких делах.

Симба смотрел на стену растительности, и Хоран, подмечавший теперь малейшие изменения, на которые не обратил бы внимания раньше, увидел, как дергается его усатая морда. Сахиба неуклюже присоединилась к своему товарищу и села в такой же позе.

— Зовущая вещь,— сообщил Симба.

Трой забеспокоился: существовала «зовущая вещь», ассоциируемая с Рукавом, и он не хотел иметь с ней ничего общего, особенно, вспоминая легенды и слухи.

— Старая?— Он не знал, как Симба получил ответ.

— Нет.

— Человек с нею?

Синие глаза Симбы смотрели на Троя с изумлением, как будто кот получил информацию по каналам, закрытым для человека, но важные звенья в этой информации отсутствовали.

— Человеческая вещь...— Шенг дрожал от возбуждения, делал несколько шагов к растительности, затем возвращался, очевидно полагая, что эта вещь должна быть исследована Хораном. Но человек ждал решения кошек.

— Опасная?

Снова ни Сахиба, ни Симба не дали прямого ответа, но призыв к осторожности усилился. Затем Саргон и Шеба целе-

устремленно углубились в кусты, как бы повинуясь полученному приказу. Трой упаковал продукты, подобрал Сахибу и принялся изучать растительность в поисках тропы или хотя бы менее густых зарослей, где он мог бы пройти.

Свет со странной крыши над головой тускнел, и Трою не очень хотелось в потемках углубляться в заросли, но, увидев просвет между кустами, он решительно направился туда.

Через несколько секунд он окончательно заблудился. Было невозможно придерживаться одного направления, и ему приходилось при помощи ножа освобождаться от лиан и цепких ветвей. Должно быть, растительность была специально посажена, как барьер или огромная ловушка. Сахиба передавала Трою сообщение разведчиков, а Шенг прыгал от одного куста к другому, показывая путь.

Трой чуть не упал, прорвавшись через густую преграду, и оказался на открытом месте — перед ним была кошмарная сцена.

Отверстие в стене пещеры с мощеной площадкой. В центре площадки стояла небольшая машина явно современного происхождения. Металлопластиковый конус своим широким концом был обращен к отверстию в стене, и Трой, ступив на площадку, сразу почувствовал исходящую от машины вибрацию. Она не только находилась в рабочем состоянии, она была заведена!

Кот, лисы, кинкажу сидели в ожидании слева от машины, глядя на отверстие в стене.

Когда Трой заглянул за машину, он увидел останки того, кто когда-то был человеком, распостертые на такой же паутине, которая преграждала им путь из грибной пещеры. Останки совершенно высохли, голова, на которой были видны остатки пыльных волос, свисала на кости груди, и Трой был рад, что не видит лица.

Осмотрев паутину, Трой заметил, что она не только покрывает отверстие, но и расстилается по стенам нитями разной толщины. А сплело эту паутину, вероятно, существо — кроваво-красное сердце цветка.

Где же хозяин паутины? Жертва мертва, и Трой догадался, сколько времени она висит тут. Именно здесь был установлен вызывальщик, в точке выбранной Фукловым, который определил, что тут можно получить ответ.

В других местах вызывальщик давал только бледные, прозрачные картины. Здесь же, благодаря какому-то капризу времени и пространства, призрак воплотился! Из далекого страшного прошлого, из коридоров Рукава появилось существо (разумное или нет?), владелец этих коридоров или их тайный

житель, возможно такой же враг строителей, как и людей Фуклова. И это существо напало на тех, кто его ожидал.

Хозяин паутины мог быть лишь одним из многих чудовищ, что выползли из пещер Рукава. Большинство тел исследователей было найдено на поверхности с признаками отчаянной борьбы друг с другом. Ужас свел их с ума и заставил бежать на поверхность.

На поверхность! Трой ухватился за эту мысль, отчаянно стараясь контролировать свое воображение. Люди Фуклова установили вызывальщик и бежали отсюда. Значит, есть путь на поверхность.

Вряд ли путь лежит через отверстие. Нет смысла нацеливать вызывальщик на туннель, который привел сюда исследователей. Нет, отверстие имело какое-то значение для мертвого археолога, но не было выходом. Старые рассказы о сокровищах Рукава — неужели Фуклов нашел ключ к ним или думал, что сумеет отыскать в прошлом указание на место, где они скрыты?

Трой знал только то, что ничто не заставит его исследовать туннель по пути погибшего, который тоже когда-то пытался это сделать.

Он посмотрел на животных: они были внимательны и спокойны.

— Только мертвый? — спросил он.

Сахиба подошла к нему, готовая устроиться на руке.

— Мертвый здесь... — в ответе звучала нотка удивления.

— Здесь? — повторил он.

— Здесь и не здесь. — Она покачала головой.

Трой не мог понять, что она хочет сказать.

— Да.

— А то, что сплело сеть?

— Оно... — Серо-голубая голова слегка потерлась о его плечо. — Оно мертвое... но ждет.

— Вызывальщик! — Трой понял.

Заглушенная излучением установки рейнджеров, машина больше не могла материализовывать существа из прошлого. Но вызывальщик действует. И как только прекратится действие заглушающего излучения, владелец паутины вернется!

Трой посмотрел на множество шкал и кнопок, расположенных на контрольном щите машины. Откуда ему знать, как ее выключить? А экспериментировать он не собирался.

Симба медленно пополз к паутине и ее пленнику. Передние лапы осторожно щупали пыль у основания сети. Оттуда выкастилось что-то яркое, и Симба подкатил это к ногам Троя.

Трой нагнулся. В руке оказалось ало-красное металлическое кольцо. Когда его пальцы сомкнулись на нем, кольцо изменило цвет. В нем вспыхнули одиночные искры, потом появились группы искр, точно таких же, как и на стенах туннеля. И Трой понял, что у него в руке вещь не мертвеца, но что-то, принадлежавшее этим подземельям, возможно единственное сокровище Рукава, найденное людьми. Неужели оно тоже вызвано из прошлого, материализовалось благодаря работе вызывальщика? Или было найдено в туннеле жертвой паутины, которая бежала, держа кольцо, и наткнулась на ловушку, когда уже видела перед собой свободу?

Искры на кольце засверкали ярче. Когда он поднял кольцо, оно было велико для его пальцев, теперь же в руках был браслет. Трой сжал пальцы, браслет скользнул по руке и сжал запястье.

Удивленный Трой потянул его и обнаружил, что браслет неподвижен, но не причиняет неудобств и плотно обхватывает руку. Как он мог изменять свой размер?

Сахиба, привлеченная мельканием искорок, трогала браслет. Было ли это только украшение или это оружие — наступательное или оборонительное?

— Хорошее или плохое? — спросил Трой, надеясь, что обостренный нюх животных поможет найти ответ.

— Старое. — Сахиба зевнула.

— Выход? — Трой вернулся к главной проблеме.

Возможно, где-то здесь есть дорога. Он подошел к краю мощеной площадки, где стоял вызывальщик, ища какие-либо следы тех, кто принес, установил машину и бежал отсюда на поверхность.

Симба и лисы сопровождали его, потом ушли вперед, а Шенг снова исчез в кустах. У края площадки Трой заметил сломанные ветви, теперь вновь затянувшиеся свежими ростками. Он вынул нож и принялся пробивать себе путь.

Уже совсем стемнело, когда он оказался у подножия лестницы, такой же, как и та, что привела их сюда несколько дней назад. Дней или часов? Трой утратил представление о времени.

Они устроили лагерь. Трой недоверчиво осматривал темные джунгли. До сих пор им встречались только животные-цветы, но это не означало, что они застрахованы от появления других. Теперь больше, чем когда-либо, человек зависел от чувств своих товарищей-животных.

Трой разделил продукты, заметив, что животные не собираются охотиться.

— Плохая охота?

Симба посмотрел на темную растительность.

— Охота... для других...

— Другие... — Трой старался не думать о человеке в паутине. — Да, здесь охотятся другие. Те, что поймали человека?

Трой задал вопрос против своей воли.

Неужели тьма оживляет тех, кого вызыватель призвал сюда из прошлого? Трой положил руку на мешок. Хотя он и устал, у него есть фонарик, и он скорее согласен подниматься по лестнице, чем оказаться в паутине. Ужас охватил его.

— Нет. — Симба был уверен в этом. — Другое существо... Это их место...

И как бы в ответ на это из джунглей донесся крик: долгий, дрожащий вопль, полный боли, ужаса и ощущения приближающейся смерти. Но это не был крик животного. Его животные собрались вокруг, настороженные, ощетинившиеся.

— Прочь отсюда! — Трой включил фонарь. — Вверх!

Ему не надо было уговаривать их. Лисы и кинкажу прыгнули к лестнице, Трой с Сахибой начал подъем, а сзади шел Симба, все время оглядываясь и рыча.

Они поднимались, и фонарик освещал лишь очередной виток. Вскоре они оказались в наклонном скальном туннеле. На этом уровне в разных направлениях отходило пять коридоров.

Ребра Троя болели, дыхание давалось с трудом. Все чаще он останавливался передохнуть. Вперед гнала необходимость вырваться на свежий воздух, в знакомый мир, прочь от подземных кошмаров. Он не мог сказать, долго ли продолжался подъем, потому что под конец двигался уже автоматически, шатаясь от стены к стене, неспособный больше к разговору с животными, даже не сознавая, идут ли они рядом с ним. Казалось, ужас, изгнавший его из пещеры, не ослабевал, а усиливался с каждым шагом.

Дневной свет, холодный свежий воздух с запахом дождя опьянили Троя, очистили его мозг, прогнали страх. Трой ухватился за камень, все еще смутно сознавая, что он вышел на поверхность. Скользя по стене, он упал. Мягкий теплый дождь лил на лицо, на тело, пропитывая одежду.

— Опасность! — Это слово прозвучало в голове Троя криком, способным порвать барабанные перепонки. Трой поднял голову. Дождь уже кончился, перед ним на земле лежала полоска солнечного света. Он потряс головой, стараясь проснуться.

И тут он услышал шум летящего флиттера. Скорее инстинктивно, чем сознательно, Трой спрятался за стену, стараясь

определить, где находится машина. Вокруг него поднимались купола и стены наружного Рукава. Появиться на запретной территории могли только их преследователи: патрульные, Зул или рейнджеры.

Впервые за долгое время он вспомнил о животных и оглянулся в их поисках. Их не было видно. Исчезла даже раненая Сахиба. Но ведь они предупредили его. Возможно, он до сих пор настроен на телепатическую связь с ними.

Рев двигателя становился все громче, и Трой постарался спрятаться в тени скалы, сжаться, стать незаметным. Он увидел флиттер, пролетающий между двумя куполами. Это был флиттер рейнджеров.

Трой пополз назад к спуску: перед опасностью с воздуха исчезла большая часть его ночного отвращения к глубинам. К его изумлению — ведь он был не защищен от наблюдения с воздуха — флиттер повернул и исчез за ближайшим куполом, и шум постепенно затих в отдалении. Со вздохом облегчения Хоран сел.

Симба, Сахиба... — позвал он, мысленно представив кошек, и вскоре услышал ответ.

— Один идет.

Трой не понял, откуда донесся этот ответ.

— Флиттер улетел. — Всеми силами он старался успокоить животных, созвать их.

— Один идет. — Они повторили предупреждение. — Один идет от Большого Человека.

— От Большого Человека Кайгера — Зул? Где? — Трой боялся, что животные ему не ответят.

Потом из-за куполов, за которыми исчез флиттер, появился Шенг, показался на мгновение Трою и снова исчез.

Трой последовал за ним, осторожно пересекая пространство между стеной и куполом. Затем, держась одной рукой за купол и сжимая в другой станин, он пошел медленно и, как он надеялся, бесшумно. Кроме жужжания насекомых, не было никаких звуков в пустыне Рукава. И ни следа животных, если не считать мгновенное появление кинкажу Шенга.

ГЛАВА 14

Возможно, именно потому, что он плотно прижался к стене купола, Трой уловил вибрацию, знакомое биение крови в висках, вызывающее воспоминание о тьме и сомнениях.

Биение становилось все сильнее, вопреки осторожности оно

вызывало у Троя желание бежать к его источнику.

Он подавил этот импульс и по-прежнему продолжал двигаться, держась в укрытии.

Ощущив страх и беспомощность, Трой догадался о его причине. Животные, неспособные сопротивляться, повиновались приказу Зула и шли навстречу своему концу. Но он-то может сопротивляться! Цилиндр не может противостоять воле человека.

Трой свернул направо, вышел из зоны действия цилиндра и обошел с тыла засаду. Одинок ли Зул? Очень многое зависело от этого.

Трой добрался до первого скального выступа и, полупригнувшись, начал обходить его. Цилиндр продолжал действовать, значит, Зул еще не выманил животных из укрытия. Но когда Трой подошел к самой высокой скале, звук неожиданно прервался и Трой понял, что теперь осторожности следует предпочесть скорость.

Держа наготове стеннер, он обогнул скалу и увидел то, что ожидал: Зул одной рукой придерживал на коленях цилиндр, а другой держал бластер. Перед ним, прижимаясь к земле, ощетинившись и рыча, выдавая своими напряженными позами ненависть, страх и беспомощность, стояли животные.

Трой нажал на спуск стеннера, целясь в руку. Конечно, лучше было целить в голову, но тогда Зул, даже оцепенев, смог бы воспользоваться бластером. Вызывающий онемение луч ударил по пальцам, Зул закричал от шока и удивления, и крику ответило эхо в скалах. Бластер выпал из его омертвевших пальцев. Потянувшись за ним другой рукой, Зул выпустил цилиндр.

Трой снова нажал курок, но выстрела не последовало: кончились заряды! Он выпрыгнул на открытое место и бросился к бластеру. Зул опустился на колени, прижимая онемевшую руку к груди, другая его рука была протянута к бластеру. Трой выбросил вперед ногу, носком отшвырнув бластер подальше от Зула.

Рука, протянутая к бластеру, ухватила лодыжку Троя повыше башмака. Трой потерял равновесие и, пролетев два-три шага, ударился о стену с такой силой, что сразу заболели все старые синяки и шишкы.

Нож сверкнул на солнце. Зул приближался. Трой знал, что нападение кончится для него ужасным ударом ножа снизу вверх, который сразу завершит схватку. Зул был опытным бойцом. Но его правая рука онемела, а левой, вероятно, он владел хуже. Оставался крошечный шанс. Трой увернулся и

ударил Зула по голове рукояткой стеннера. Но и сам получил удар по ребрам, такой резкий и болезненный, что не удержался от крика.

Зул пошатнулся и упал на скалы. Трой зажал руками раненый бок и прислонился к скале. Он посмотрел вниз, ожидая увидеть нож, торчащий у него в боку. Но нож лежал у его ног, расколотый на две части, а выше и ниже странного браслета, который он нашел в Рукаве, виднелась красная полоса. Стальное лезвие сломалось, как сухая палка. Благодаря браслету он жив!

Прижимая руку, чтобы уменьшить кровотечение, Трой склонился над Зулом. Тот неподвижно лежал на земле, но он дышал.

— Сзади...

Трой хотел повернуться, споткнулся о руку Зула и упал на колени. Это спасло ему жизнь: над головой сверкнул луч бластера, запахло озонным разрядом. Повинуясь инстинкту самосохранения, Трой быстро повернулся и укрылся за скалу, испытывая мучительную боль в боку и руке.

Итак, Зул был не один. На безоружного и раненого Троя идет охота, и все преимущества на стороне охотников.

Трой знал лишь одно место, где можно скрыться,— глубины Рукава. Их зловещая репутация, возможно, задержит преследователей, даст ему выигрыш во времени. Если бы только он достал бластер, выбитый из рук Зула! Но сейчас это было совершенно невозможно.

— Вглубь!— Он постарался установить контакт с животными, уверенный, что они разбежались в поисках убежища, когда он выбил цилиндр из рук Зула.

Пока цилиндр в руках Зула, у беглецов вообще нет шансов на спасение. Трой осмотрелся: вон он лежит, один конец выступает из-за камня, но покинуть убежище — значит, пойти на смерть.

Хоран отчаянно искал хоть какое-нибудь оружие. Он выбрал прямоугольный камень, откололся от ближайшего купола, и бросил. От удара цилиндр треснул, конец его разбился. Трой привстал и убедился, что починить его невозможно. Пока им везёт.

Прижимая раненую руку к груди, Трой пополз, каждую секунду ожидая выстрела из бластера.

Каким-то чудом ему удалось скорее упасть, чем вползти в отверстие купола, откуда они несколько часов назад с такой надеждой выбрались. Луч, который он ожидал, ударил, когда Трой покатился по склону. Он увидел яркую вспышку и

услышал треск раскалывающегося камня. И вот он вне пределов его досягаемости, почти не веря, что он все еще жив.

Войдет ли преследователь за ним?

Трой прислушался. Видел он плохо: глаза все еще были ослеплены последней вспышкой бластера. Донесся гул возвращающегося флиттера. Этот звук послужил сигналом: появились темные фигуры животных наверху.

Вместе они отступили на первый уровень коридоров и здесь остановились. Сверху не доносилось ни звука. Может, разведчики рейнджеров заметили оживление в руинах и решили проверить, что там происходит? Но Трой знал, что Зул лишь частично парализован и вполне способен присоединиться к преследователям. Если бы у него был бластер...

— Здесь...

Трой осмелился на мгновение включить фонарик: серогоблкая кошка, неловко подвернув пораненную лапу, полусидела рядом с ним, около нее — кот, а перед ним лежало оружие, о котором мечтал Трой. Он схватил бластер, проверил заряды — истрачено меньше трети. Наконец-то он может защищаться!

— Они идут, — предупредил Саргон.

— Сколько их? — спросил Трой.

— Один... другие наверху...

Один. Зул или неизвестный с бластером? Трой посмотрел в коридор — там можно окончательно заблудиться. Лучше известная опасность, чем новые враги, особенно если и сзади — преследователи. Трой был уверен, что Зул не отвяжется. Может быть, внизу у Троя будет шанс переиграть противника.

Оставалась проблема пищи и воды. Мешок с запасами остался наверху, но вода внизу есть, да и пища, если не быть слишком разборчивым. Он знал, что животные найдут съестное в пещере.

— Вниз! — Он подобрал Сахибу, подвязал полу куртки и усадил в нее кошку, оставив свободной свою здоровую руку. Рана не кровоточила, пока он не двигал левой рукой.

Хотя не было слышно ничего, кроме его дыхания, стука башмаков и легких шагов животных, когда они опустились еще на один уровень, Трой был предупрежден, что преследование продолжается. Он шел, не включая фонарика, на ощупь, и теперь бледный свет впереди указывал цель.

Спрыгнув с лестницы, Трой обнаружил, что здесь по-прежнему царит причудливый день. Вероятно, настоящие солнечные лучи пробивались сюда благодаря какой-то хитрости строителей Рукава. Тонкие облака сочлились дождем, и Трой шагнул

на сухое место, туда, где со стены свисали остатки паутины. Задев нить, он освободился резким рывком.

Это была одна из тех паутин, которая явилась смертельной ловушкой для человека из экспедиции Фуклова.

У Троя мелькнула идея. Он внимательно присмотрелся к нитям. Они цеплялись за поверхность скалы не по всей длине, как он первоначально боялся, а лишь на отдельных участках. Сунув бластер за пояс, он ухватился за свисающую нить, и то ли она была старой, то ли не крепко держалась, ему удалось вытянуть ее.

Нитей было множество, одни тонкие, другие толще, и Трой осторожно и быстро отделял их от стены. Внешняя сторона нитей была очень клейкая, и ему не всегда удавалось предотвращать их склеивание.

Работая одной рукой, он соорудил сеть, подобную той, что была у входа в пещеру. С крайней тщательностью он разместил свою ловушку у основания лестницы перед входом на тропу, прорубленную им в джунглях. Каким-то чудом у него хватило времени, чтобы окончить работу: животные на лестнице не поднимали тревогу.

По знаку Троя они перепрыгнули через сеть. Для человеческого взгляда сеть была практически невидима, и Трой надеялся, что преследователи ее не заметят. Сами они укрылись: животные — под покровом растительности, а Трой с Сахибой — между стеной и лестницей.

Они поставили ловушку, но сработает ли она без наживки? Прошло больше часа, как они были тут, неужели преследователь (или преследователи) не решились опуститься за ними?

Человек намного уступает животным в терпеливости. Кожа Троя зудела, бок и рука болели, мучили голод и жажда. Сотни маленьких раздражителей, которые обычно не досаждали, теперь превращали ожидание в пытку. Зловещая растительность, которая раньше отталкивала, теперь манила обещанием пищи и воды...

Трой отгонял усталость, смутные страхи, стараясь держать себя в руках. Надолго ли его хватит, он не знал. Ловушка без приманки могла и не сработать.

Шенг прыгнул с куста на лестницу. Он постоял, согнув цепкий хвост вопросительным знаком, потом начал подниматься.

— Нет, — возразил Трой.

Конечно, кинкажу быстр и ловок, но уберечься от луча бластера практически невозможно.

Зверек не послушался его — наживка была готова.

Сахиба шевельнулась у Троя под рукой, и он поморщился от боли.

— Идет один? — спросил Трой с надеждой.

Не получив ответа, Трой понял, что сейчас не время докучать вопросами.

Время ползло. Снова сгущались сумерки в джунглях, пятна теней росли.

— Идет один! — Когти Сахибы впились в руку Троя, он вздрогнул, достал бластер и посадил кошку перед собой.

По лестнице кто-то шел. Внезапно вспыхнул свет атомного фонарика наверху. Трой понял, что идущий заметил серый свет пещеры и теперь идет на него.

— Зул? — Этот вопрос он адресовал Шенгу.

— Нет.

Если не Зул, значит, тот неизвестный, кто стрелял в него из бластера. Трой подготовил оружие. Он не был уверен, что сможет сжечь другого человека, даже защищая свою жизнь. Драки в Дипиле всегда велись кулаками и ногами. Нож был общепринят не только на Корваре, но и почти на всех звездных линиях. Но эта штука в руке... Впрочем, остановят ли противника сомнения?

Топот затих.

«Остановился на лестнице? Или повернул назад?» — подумал Трой и тут же получил ответ:

— Нет!

Значит, крадется. Трой пригнулся, удобнее устроив бластер. Но долгое ожидание не подготовило его к неожиданному прыжку с лестницы.

Трой хорошо разместил сеть: человек, опустившись на четвереньки, запутался в клейких нитях, он катался и бился, запутываясь все сильнее.

Трой встал у стены. Ему не пришлось стрелять!

— Еще один...

Симба, обходя место, где бился пленник, вышел на открытое место и взглянул вверх.

Мелькнул луч бластера, но нацелен он был не на Троя, а в извивающуюся фигуру на земле. Выстрел ударили так близко, что одежда на человеке и нити паутины задымились. Связанный мгновенно откатился — и вовремя: через секунду второй выстрел ударил в то место, где он только что лежал.

При свете выстрела Трой увидел маскировочную одежду человека. Это был не человек Зула, а один из рейнджеров. Хоран послал ответный луч вверх по лестнице. Послышался

крик, с лестницы скатился другой человек и замертво упал на пол пещеры. Трой подошел к рейнджеру.

— Я так и думал, что найду вас здесь, Хоран.

Трой узнал Рерна. К этому человеку Трой чуть не обратился за помощью недавно, но теперь инстинкт преследуемого ожидал подозрительность. У него было не меньше причин подозревать и бояться Рерна, чем Зула. Трой, не убирая бластера, смотрел на Рерна.

— Не будьте глупцом.— Рерн перестал извиваться и попытался поднять голову от земли.— За вами охотятся.

— Знаю,— прервал Трой.— Вы здесь...

Рерн нахмурился.

— За вами охотятся фигуры, значительнее, чем рейнджеры клана, парень. И они хотят видеть вас мертвым!

Взгляд Рерна, устремленный за спину стоящего Троя, отразил безмерное удивление.

Трой оглянулся: Шенг, Симба, Саргон и Шеба материализовались, как всегда, бесшумно и сидели, глядя на Рерна неподвижным взглядом. Прихрамывая, вышла из укрытия Сахиба.

— Вот оно что...— Рерн продолжал разглядывать животных.— Так вот они — самые опасные преступники Корвара.

ГЛАВА 15

— Вряд ли, Рерн.— Голос Троя был холoden. Таким тоном он никогда не говорил с людьми из Дипила и не добавил уважительного «охотник» или «Джентель хомо». Это не Тикил, а место, куда люди Тикила боятся ходить, а он больше не безоружный слуга, а один из группы, готовый сражаться за свою свободу.— Они не преступники.

— Вы знаете, как они служили Кайгеру?

— Знаю.

— Но вы не могли участвовать в этом или могли?— Рерн возмущенно задавал вопрос как бы самому себе. Он изучал Троя взглядом, таким же немигающим, как взгляд Симбы.

— Нет, я не участвовал в делах Кайгера, какими бы они не были. И я не убил его... если у вас есть сомнения насчет этого. Мы не преступники.

— Мы?

Трой сделал шаг вперед, присоединился к полуокругу животных. Теперь они стояли единой линией против рейнджера.

Рерн кивнул.

— Понимаю. Действительно «мы».

— И что вы предлагаете делать? — Трой сменил тему.

— Мы все умрем, если не найдем выхода отсюда, безопасного выхода. — Рерн говорил спокойно. — За вами охотятся не только рейнджеры клана, их-то вам нужно опасаться меньше всего. И боюсь, что есть приказ: стрелять, не задавая вопросов.

— Ваш приказ? — Трой достал свое оружие.

— Нет. И узнав об этом, клан предпримет шаги. Это я вам обещаю. — В его словах был лед.

И Трой, заметив сузившиеся глаза, легкое подергивание губ, оценил то, каким гневом был охвачен охотник и как хорошо он держал себя в руках.

— Легко убить беглеца и потом поклясться, что его смерть — просто несчастный случай. Именно в такую игру собираются играть ваши друзья наверху. — Рерн кивком головы указал на тело у подножья лестницы. — У вас один шанс из тысячи избежать этой банды...

— Идет один... — Симба снова подошел к лестнице.

Трой колебался. Он мог оставить связанного Рерна и скрыться в джунглях, чтобы отыскать выход на нижний уровень, в грибную пещеру. Или мог остаться здесь и сражаться.

Взгляд Рерна перемещался от кота к человеку и обратно.

— У нас посетитель.

— У нас? — переспросил Трой.

— Это не может быть мой человек.

И Трой поверил ему. Идет враг!

— У нас есть прибор, — заметил Рерн. — Вы можете спрятаться в кустах, и им придется долго искать вас...

— А вы?

— Раз вы считаете меня одним из своих преследователей, имеет ли это значение? — В его ответе была угрюмая легкость.

— Этот пытался сжечь вас.

— Я вам сказал они действуют по принципу, что человек, убитый по «ошибке», лучше живого свидетеля.

Трой сделал выбор. Ухватившись за нить, он перетащил Рерна под лестницу. Освобождать Рерна не было времени, даже если бы он и захотел этого. Но он знал, что не может оставить беззащитного человека под огнем бластера Зула или кого-нибудь из его банды.

— Зул? — спросил он у Симбы.

— Зул, — ответил кот.

Не было времени для подготовки новой ловушки, а Трой был уверен, что приближается вооруженный враг. Он не мог надеяться на еще один удачный выстрел. Он сел возле Рерна на корточки, надеясь на удачную засаду.

— Освободите меня! — сказал Рерн.

— Их можно пережечь только огнем, — объяснил Трой, продолжая смотреть вверх по лестнице.

— Что это за веревка? — шепотом спросил Рерн.

— Часть паутины со стены. — Трой кивнул на свисающие со скал нити, и Рерн замолчал.

Свет заметно тускнел. Трой вспомнил первую стоянку на этом месте, свою уверенность в том, что в джунглях скрывается своя опасная жизнь. Лишь одно место было свободно от рас挑剔льности: мощеная площадка, на которой стоит вызыватель. И пока машина действует...

«Если Зул появится не скоро, может, нам стоит попытаться добраться до нее?» — Трой разрывался между двумя планами: ждать Зула здесь и попытаться подстрелить его в этом неверном свете или освободить Рерна и отойти к вызывателю.

— Зул? — повторил он вопрос.

Снова ответил Симба, но на этот раз в мысленном ответе звучало удивление:

— Зул начинает бояться.

— Нас? — Трой не мог поверить в это. Он хорошо знал, что Зул не боялся, когда они сражались наверху, что он смотрел на животных, как на беспомощных существ, которыми можно управлять. Чего же он боится? Или его удерживает присутствие Рерна? Может, использовать охотника для переговоров?

— Зул боится того, что не может видеть, — ответил Симба.

Ответ Симбы пробудил собственную тревогу Троя. Чем больше стущались сумерки, тем чаще он вспоминал высохшего пленника паутины. Но Зул не был здесь, он не может знать о паутине, о вызывателе. Чего же он боится?

— Он не видит, — вмешался Симба, — но он ощущает то, что его ждет.

— Значит, он может говорить с вами?

— Нет, — возразил Саргон. — Не может без «вещи, которая зовет». Зул сейчас видит множество теней, и в каждой скрывается враг. — Лис вышел из укрытия, обошел мертвца, поднялся на одну ступеньку и посмотрел вверх. — Он хочет идти, но страх не пускает его.

Обоснованы ли страхи Зула? Трой взглянул на ночные

джунгли и понял, что второй план — пробраться через джунгли к вызывателю — больше неосуществим. Как будто существо, скрывавшееся в джунглях — не живое и в то же время не мертвое — набиралось из тьмы жизненных сил. Та же способность общаться с животными помогла ему уловить присутствие этого существа.

— Что это? — Рерн, прижавшись к стене, тоже смотрел на растительность. — Что там происходит?

— Это не живое существо! — Трой опустился на колено, коснулся бластера, уменьшив силу разряда, и слегка провёл стволовом вдоль нитей, связывающих тело охотника. Нити дрогнули и распались.

— Не живое? — повторил Рерн.

— Его вызвал вызыватель Фуклова. Ваша машина заглушила его, но он продолжает действовать. Животные сообщили мне, что вызываемое существо частично еще находится в нашем измерении.

— Значит, наш друг наверху не может спуститься в логово дракона?

Трой снова сел на корточки. Может, Рерн способен настроиться на разговор между ним и животными? Но он был уверен, что животные знали бы об этом и предупредили бы его.

— Вы каким-то образом общаетесь с животными, — продолжал Рерн, — И подозреваю, что я тоже могу.

Трой кивнул.

— Умственный контакт, — сделал вывод Рерн. — До сих пор я только догадывался. А теперь знаю, что Зул — необычный человек. Большинство из нас — результат смешивания рас, итог столетней звездной колонизации. Зул — представитель примитивного земного племени — бушмен. Это раса охотников и жителей пустыни с врожденным инстинктом Диких Земель, каким мало кто обладает сейчас. А у таких примитивных людей сохраняются утраченные нами чувства. Если он учゅял подземного демона, значит, даже долг не погонит его вниз. Скорее он решит, что демон будет охотиться на нас, а он будет сидеть наверху и закроет выход. И я вполне согласен с разумностью такого решения.

Рерн шевельнул плечами, освобождаясь от нитей.

— Я бы не стал проводить ночь в таком месте, — признался он.

— Вы были здесь, когда нашли Фуклова?

— Не здесь. Мы даже не знали о существовании этого места. После того, что увидели наверху, никто не предполагал исследовать нижние уровни. Но мы думали, что вызыватель те-

перь безвреден. Это не так. И если я выберусь отсюда, то меры будут приняты.

— Зул может долго ожидать нас. И легко подстрелить, если мы попытаемся выйти.— Трой размышлял, можно ли сообщить о существовании другого выхода на поверхность. Без пищи и воды — нет, вряд ли они смогут проделать этот долгий путь.

— Да, он способен устроить засаду в любом из коридоров. Но если мы не можем подняться, то необходимо вызвать помощь, которая придет к нам с тыла.— Рерн снова попытался освободить руки.— Если вы освободите меня окончательно, Хоран, я вызову подкрепление.

— Нет.— Ответ Хорана был быстрым и категоричным.

— Почему?— Вопрос звучал не гневно, а заинтересованно.

— Мы «преступники» — помните?

— Если есть общий враг, можно заключить перемирие. В Диких Землях у меня есть кое-какая власть.

Трой обдумывал его слова. Доверие — это редкий дар в Дипиле. Если он доверится этому человеку — а он испытывал сильное искушение сделать это,— то даст в руки Рерна оружие так же верно, как если бы отдал ему свой бластер. И снова подозрительность боролась в нем с желанием довериться.

— Перемирие, пока мы не выберемся отсюда,— предложил Рерн.— Я дам вам клятву на ноже, если хотите.

Трой покачал головой:

— Достаточно слова, если я соглашусь. Перемирие — форма во времени для меня.

— Охота будет продолжаться,— предупредил Рерн.— У вас нет шансов. Лучше сдаться — пусть решает закон.

— Закон?— Трой хрипло рассмеялся.— Чей закон, охотник? Права клана, кодекс патрульных или закон уничтожения Зула? Я знаю: мы легкая добыча. Нет, дайте слово, что у нас в запасе будет хотя бы полдня.

— У вас будет столько времени, сколько вы сможете выиграть. Но боюсь, что это будет совсем немного.

Трой принялся пережигать нити.

— Мы попытаемся.

— Всегда «мы». Почему, Хоран?— Рерн растирал запястье.

— Человек использовал животных, как орудие,— медленно ответил Трой, стараясь выразить в словах то, что сам еще не вполне понимал.— Орудие, которое может обратиться против хозяина. Но это не их вина — они больше не инструмент в чьих-то руках, а...

— Может быть, товарищи? — закончил за него Рерн, внимательно глядя на Троя.

— Откуда вы знаете?

— Скажем, я тоже человек, который способен восхищаться прекрасным инструментом, особенно, когда он перестает быть только инструментом...

Трой с оттенком симпатии взглянул на него.

— Вы поняли...

— Лишь немногое. Большинство из нас хотят иметь инструменты, а не товарищей. А старый страх человека, боязнь утратить превосходство, пошлет по вашему следу всех охотников Галактики, Хоран. Не ждите помощи от собственной расы, когда ей угрожает то, чего она не понимает. Но у вас будет время, и уж от вас зависит, что вы с ним сделаете. А теперь давайте посмотрим, нельзя ли выбраться отсюда прежде, чем нами заинтересуются. — Он указал на джунгли.

Рерн достал из кармашка на поясе маленький предмет. Тщательно набрал номер на маленьком циферблате, светя фонариком, а потом улыбнулся Трою.

— Передатчик. Настроен на вызов помощи, я добавил еще предупреждение, чтобы наши слепо не наткнулись на компаньонов Зула. Его могут ждать наверху один-два человека. Мы знаем, что, прежде чем явиться сюда, он связался с Гильдией в Тикиле. Думаю, что он нанял людей с бластерами.

— Значит, он ограбил Кайгера. У него же нет денег, чтобы уплатить Гильдии.

— А не думаете ли вы, что, возможно, не Кайгер главный в их организации на Корваре? Кто-то другой возглавляет ее, и он способен воздействовать на власти и предотвратить разглашение информации. Вы объявлены в Тикиле убийцей, похитителем ценных животных.

— Я думал, что так и произойдет. — Трой не скрывал своего отчаяния. Объявлен убийцей! Значит, даже городские патрульные будут стрелять в него, а уж потом задавать вопросы. Но здесь, в Диких Землях, у него все же есть некоторые преимущества.

— Вы говорите, что не убивали Кайгера?

— Я нашел его мертвым. — Трой быстро пересказал события ночи своего бегства из Тикила.

— Охотно верю. У Кайгера были опасные знакомства. А вы не подумали, что я смогу снабдить вас алиби? Во время смерти Кайгера вы были с Рогаркилом и со мной.

— Вы сказали это патрульный? — В горле у Троя пересохло. Если это правда, почему Рерн раньше не говорил об этом?

— Пока нет...

— Хотите что-то получить от меня?

— Возможно.

— Не интересуюсь. Обойдусь без вас.— Трой был уверен, что Рерн сдержит свое слово. Но почему же он не оправдал Троя перед патрульными? Похоже, что Рерн хочет подтолкнуть его туда, куда это нужно клану. Трой вспомнил встречу в кафе. Но испытав свободу, он не собирался возвращаться к прежней жизни.

— Как хотите.— Рерн поднес миниатюрный прибор к уху, прислушался и кивнул.— Они идут. Скоро доберутся до Зула. Впереди себя они пустили газ.

Значит, они используют оружие, против которого у Зула нет защиты.

— Они арестуют Зула?

Рерн взглянул на него.

— Вы хотите этого?

— Почему бы и нет?

— Нет причин считать Зула главным. Он полностью находился в подчинении Кайгера. Зул, оставленный на свободе, может привести к хозяину Кайгера.

— Если у преследователей будет время и желание!— ответил Трой.— Сейчас же у меня более важные задачи.— Он замолчал. Рерн прав: надо проследить связи Зула до конца. Но сам Трой должен лучше распорядиться временем перемирия и не может тратить его на Зула.

Рерн снова поднес прибор к уху.

— Наш ход сделан.— Он жестом указал на лестницу.

— Зул?

— Ни следа. Но на втором уровне лежит человек Гильдии. Пусть Зул считает, что ему удалось скрыться. Он выскользнул из зоны газа, но за ним можно следить.

Значит, Рерн хочет высматривать Зула. Вероятно, собирается использовать полученные сведения в споре клана с властями Тикила.

Трой поднял Сахибу и жестом предложил Рерну идти вперед.

— У меня есть бластер. Вы заключили со мной перемирие. Может быть, ваши товарищи наверху не будут так великодушны, как вы.

Рерн улыбнулся.

— Осторожность полезна. Надеюсь, вы будете лучшего мнения о рейнджерах.

Трою подъем показался таким же длинным, как и спуск в колодец. На первом уровне не оказалось никакого следа людей. Немного впереди шли Симба и Саргон — пара разведчиков, которым не было равных среди людей. Трой был уверен в этом. Шенг сидел у него на плече, Шеба шла рядом. Животные не обращали внимания на Рерна, но Трой знал, что они следят за ним.

Они миновали второй уровень. Впереди уже виднелся выход. Трой заставил себя думать о будущем. Он не надеялся на механический транспорт — так далеко перемирие не простиравалось. Но барьер вокруг Рукава должен быть снят, чтобы впустить преследователей. Значит, они могут уйти пешком. Усталый, без пищи, он сомневался, чтобы они смогли преодолеть большое расстояние. Но если им только удастся добраться до края леса, то животные будут спасены. Тогда он сможет подумать и о себе.

— Ждут люди, — предупредил Симба.

Что ж, это люди Рерна.

— Не враги? — спросил Трой.

Трой уловил впереди движение: плечо в мундире, рука, держащая бластер. Он схватил Рерна, держа его перед собой, как щит, и услышал гневное восклицание рейнджера:

— Вы обнаружены! Бросьте бластер!

— Так вот чего стоит слово клана! — Трой плонул. — Много ли лучше ваша клятва на ноже? — Потом крикнул: — Мы выходим, и этот вождь охотников с нами. Попробуйте выстрелить, и он поджарится первым!

Рерн не сопротивлялся, когда Трой подтолкнул его к выходу. Послышалось какое-то бормотание, но выстрелов не последовало.

ГЛАВА 16

Рерн был странно молчалив, он никак не отреагировал на обвинение Троя. Это беспокоило молодого человека. Он ждал объяснений, хотел увериться, что Рерн не ведет его в ловушку. Теперь, когда у него появилась возможность подумать, он понял, что увиденный мундир не принадлежал рейнджерам.

Трой, держа несопротивляющегося рейнджера и прижимаясь спиной к куполу, осматривал арену действий. Он видел ожидающих, несомненно рейнджеров, их охотничьи одежды

сливались с развалинами. Немного позади стоял флиттер.

— Скажите своим людям,— хрипло проговорил Трой,— чтобы они отошли от флиттера.

— Отойдите от флиттера,— послушно произнес Рерн бесцветным, как у робота, голосом. Черты его лица были неподвижны, но Трой чувствовал его гнев.

Рейнджеры зашевелились. Когда они отошли на достаточное расстояние от флиттера, Трой начал подбираться к нему, все время держа Рерна между собой и людьми клана, зная, что животные опередили его. И вот он у цели.

Дав волю гневу, Трой размахнулся и ударил рукоятью бластера по голове Рерна. Колени охотника подогнулись, и он упал на землю. Трой забрался во флиттер и повернул рукоять взлета. Они поднялись рывком. Это резкий подъем вывел их из зоны досягаемости бластера. Они в безопасности!

Трой повернулся на восток, зная, что флиттер сам теперь доставит их в самое сердце Диких Земель. Их, конечно, будут преследовать. Но если у них в Рукаве нет другого флиттера, он выиграл драгоценное время.

Глаза Троя глядели в ночь. Пища, вода, убежище... Он чувствовал сильную усталость и не мог размышлять. Только в одном он был уверен: в упрямой решительности посадить флиттер где-нибудь в Диких Землях и попытаться укрыться вместе с животными.

— Хорошо,— произнес Симба.— Здесь хорошая охота. Люди не выгонят нас из этих земель.

— Остается Зул.

— Остается Зул,— проговорил Симба,— но для него мы сделаем ловушку.

Трой уснул. Проснулся от удариившего в глаза света, сел, со сна не сразу вспомнил, где находится. Флиттер продолжал лететь на восток.

Трой посмотрел вниз и увидел волнистую равнину, впереди, в дымке, виднелась темная полоска леса. За ночь, должно быть, они преодолели большую часть открытой местности и находились теперь там, куда не заходили охотничьи отряды из Тикила. Трой протер глаза и снова задумался.

Теперь их можно выследить только по флиттеру. Предположим, они сядут у края этого отдаленного леса, а он пошлет флиттер с автопилотом назад. Это събьет с толку преследователей.

Но когда он потянулся к приборам, время перемирия кончилось, флиттер нырнул, пойманный тормозящим лучом. Трой оглянулся и увидел идущую за ними другую машину.

Возможно, искусный пилот вышел бы из затруднения. Но Трой лишь увеличил скорость, надеясь добраться до леса.

Посадив машину, он почувствовал, что колеса флиттера прорываются сквозь длинную траву. Трава поможет скрыть бегство его пассажиров. Он направил флиттер к выступающему участку леса. Открыв дверь кабины, прежде чем машина остановилась, отдал последний приказ животным:

— Наружу и затаиться!

Сахибу он сам высадил в густую траву, где ее ожидал самец; лисы и кинкажу уже исчезли. Трой снова тронул флиттер, уводя его как можно дальше от того места, где он оставил живой груз.

Флиттер взревел, задрав нос. Троя прижало к сидению. Теперь ему оставалось только ждать.

Не в состоянии даже повернуть голову из-за действия луча, Трой сидел мокрый от пота. Проходили минуты. По крайней мере, ясно, что его хотят взять живым. Они вполне могли подстрелить его в воздухе. Плохо это или хорошо, ему еще предстоит узнать.

Дверь кабины распахнулась. Он не мог повернуть голову, но скосил глаза вправо и увидел человека, всунувшего в кабину голову и плечи. На нем не было ни лесной одежды рейнджера, ни мундира патрульного. Отряд Зула?

Не обращая внимания на беспомощного пленника, человек внимательно осмотрел кабину, заглянул под кресло и в багажные отделения. Несомненно, он искал животных. Настроение Троя слегка поднялось. Либо они не заметили его короткой остановки у края леса, либо не догадались о ее значении.

Человек попятился назад.

— Здесь нет,— услышал Трой его голос.

Трой знал, что нельзя бороться с парализующим лучом.

Рукоять бластера, прижатая поясом, врезалась ему в грудь. Если бы он мог дотянуться до оружия! Кровь в висках стучала от напряжения, он не мог сделать ни одного движения.

Ждать ему пришлось недолго. Зул, с искаженным злобой лицом, принял осматривать пол машины, а потом взглянул прямо на Троя.

— Они ушли,— сказал Трой.— Ты не сможешь их найти.

Зул не ответил. Выйдя из кабины, он отдал какой-то приказ. Через мгновение дверца рядом с Троем открылась, и он выпал из кабины лицом в траву.

Упал он за границу прямого действия луча и получил возможность двигаться. Он попытался встать, но не успел: резкий удар по шее — и он снова оказался на земле.

Когда Трой очнулся и попытался поднять руку, он обнаружил, что связан: на этот раз не парализующим лучом, а самой простой веревкой, освободиться от которой было бы не легче, чем от парализующего луча. К тому же у него были завязаны глаза.

Каковы бы ни были их намерения, похитители сохранили Трою жизнь. Трой попытался догадаться, где он находится. Вибрация и толчки передавались его телу через поверхность, на которой он лежал, поэтому он предположил, что лежит в багажнике флиттера, либо того, в котором он улетел с Рукава, либо того, на котором Зул его выследил.

А поскольку отрядом командовал Зул, то Трой решил, что они направляются в Тикил — возможно, к тому человеку, который отдавал приказы после смерти Кайгера.

Трой попытался вступить в контакт с животными. Ответа не было: очевидно, их не захватили.

Он не мог определить, долго ли находился без сознания. Но его мучил голод, и еще больше — жажда. Трудно было вспомнить, когда он ел или пил в последний раз. Телесные муки делали его положение совсем невыносимым, мешали ему ясно мыслить и обдумывать, что ждет его в конце пути.

Трой повернулся, стараясь выпрямить ноги, и тут понял, что скорость полета изменилась: они готовились опуститься на более низкую линию, и, может быть, они приближаются к Тикилу.

По доносившимся звукам Трой догадался, что они опускаются, а затем он услышал свисток патрульного флиттера.

Если пирата и расспрашивали, то он сумел дать правильный ответ, так как мотор флиттера продолжал работать без изменений: им не приказали спуститься. Теперь они летели на скорости, допущенной на городских линиях при подготовке к посадке.

Голова Троя болела от напряжения, но он пытался оценить все, что слышал и чувствовал. Потом ощущил касание колес о почву, и мотор смолк.

«Притвориться мертвым,— подумал Трой.— Пусть считают, что я все еще без сознания».

Рядом с головой открыли панель, и его так грубо вытащили, что он ногами ударился о мостовую, и потащили дальше.

Воздух, окружавший пленника в повязке, дал ему ключ к разгадке местонахождения: он находился в магазине Кайгера. Он оказался там же, откуда бежал несколько дней назад.

Трой упал на землю, брошенный стражниками, и услышал

легкий скрип открываемой двери. Снова его нос ощущал перемену. Он находился на складе. Троя бесцеремонно бросили на мешок с зерном, так что он оказался в полусидячем положении. Он свесил голову, изображая бессознательность.

Но если это и убедило похитителей, они не собирались оставлять его в покое. Удар по щеке, потом второй...

— Проснись, дипилмен! — рявкнул Зул.

Трой был уверен, что у маленького человечка не хватило бы сил втащить его сюда. Значит, здесь еще кто-то.

— Что? — прошептал Трой.

К его рту приставили жесткий металлический край с такой силой, что он почувствовал боль. В рот хлынул какой-то густой суп. Густая масса потекла по подбородку. Вкус был отвратительный, но сопротивляться было невозможно, и Трой сделал большой глоток обжигающего месива.

— Поможет? — спросил Зул.

— Никогда не подводило, — ответил другой голос. — Скоро он будет очень резвый. Ведь вам это надо? Мы знаем свое дело.

Голову Троя выпустили, и она вновь упала на грудь. Все тело охватила теплота, в которой размякли нервы и мышцы. Он совершенно потерял способность двигаться.

«Гильдия использует известный наркотик, — сквозь дурноту подумал Трой. — Но где Зул взял деньги для оплаты специалистов и откуда у него нужные связи?»

Оцепенение, охватившее тело, теперь добралось и до мозга. Троя охватила усталость и равнодушие. Он тихо плыл на мягкем облаке, которое постепенно поднялось выше любого флиппера.

Холодно... Очень холодно... Холод проник внутрь.

— Вы говорили, что он будет готов... — Слова едва достигали его сознания.

— Работа обычная... да и желудок у него, должно быть, пуст.

Холод тек по плечам, по рукам, опускался ниже... холод грыз, а он не способен даже дрожать.

— Приведите его в порядок! — прозвучал резкий приказ.

Новая порция жидкости хлынула ему в рот, заполнила его, и он глотнул. На этот раз вкус был сладковатый, клейкий. Жидкость прогнала голод, вернула жизнь в тело.

Рука, прижатая к его губам, скользнула на горло, проверяя пульс.

— Он приходит в себя.

Усталость, голод, жажда исчезли. Сознание возвратилось,

и Трой чувствовал себя прекрасно, хотя и не вполне доверяя этому чувству: оно могло быть результатом применения наркотиков.

Троя оставили в покое, но он все еще находился на складе магазина. Время давно потеряло для него значение: мог пройти один или несколько дней после того, как он выпустил животных в Диких Землях.

Животные! Он снова попытался установить с ними контакт. Никакого ответа.

Раздался громкий топот. Возник запах человеческого тела. Трой нашел время удивиться обострившемуся у него обонянию.

Веревка на ногах снята.

— Вставай иди, дипилмен! На этот раз пойдешь сам.

Он сделал один-два шага и больно ударился об угол ящика. Подталкиваемый сзади, он вышел во двор и услышал гудение готового к полету флиттера.

Его подвели к машине и снова затолкали в багажник. Трой был уверен лишь в двух обстоятельствах: что Зул распоряжался перевозкой (он слышал голос маленького человечка с сидения пилота) и что его перевозкой занималась воровская Гильдия. Значит, всякую надежду на побег или сопротивление можно оставить.

ГЛАВА 17

Полет был очень недолг — должно быть, они просто перелетели с улицы на улицу. Колеса мягко коснулись мостовой. Это означало, что их цель находится где-то в деловом районе, а не на одиноких виллах. Мастерская... контора? Где-нибудь, где появление человека с повязкой на глазах в сопровождении стражников не привлечет внимания. Если сейчас ночь, то встреча в районе мастерских и контор пройдет незаметно.

Трой пытался припомнить географию Тикила, но понял, что это безнадежные попытки. Если у него не были бы завязаны глаза...

Они повернули один раз, другой. Их скорость оставалась в пределах разрешенной. Несомненно, принимались все предосторожности, чтобы не вызвать подозрения у патрульных. У Гильдии были отличные специалисты. Возможно, что они держат путь в штаб-квартиру Гильдии, но скорее Трою предстояло встретиться с хозяином Зула.

Еще поворот. Никто во флиттере не говорил. По уличному

шуму Трой заключил, что сейчас начало вечера, а это означало, что они направляются не к мастерским.

Флиттер остановился. Трой с его обострившимися обонянием и слухом понял, что один человек наклонился над ним.

— Слушай, ты.— Слова прозвучали сухо.— Ты пойдешь сам, дипломен. Пойдешь спокойно, без шума. Одно лишнее движение — и ты уже не сможешь ходить. Понял?

Трой кивнул, надеясь, что его жест будет замечен. Он не имел ни малейшего желания сопротивляться.

Ему помогли выбраться из флиттера. Они спокойно пошли по тротуару.

Трой ощутил запах растительности. Должно быть, жилой район. Небольшая пауза ожидания, когда их впустят... Потом снова пошли, причем звуки шагов звучали глухо.

Голова Троя дернулась. Он понял, где они. Вторично такое ощущение не может возникнуть в другом месте Тикила.

Что общего имеет чиновник Драгур, коллекционер морских животных, с тайным хозяином Кайгера?

С другой стороны — мысли Троя неслись стремительно,— хобби этого человека служило отличным прикрытием его связей с магазином, тем более что его увлечение было искренним (Трой был готов поклясться!). Единственным возражением мог послужить сам характер этого человека. Трой просто не мог представить себе Драгура таинственным и могущественным главой заговора.

Уши Троя уловили слабый всплеск от движения какого-то подводного обитателя, и он постарался припомнить расположение комнат.

— Ваш человек, горожанин, в целости и сохранности,— доложил стражник.

— Прекрасно,— ответил Драгур.— Но мне, кажется, что договор выполнен не полностью. Я должен получить всех, гильдиец, всех.

— Можете спросить у этого, что он сделал с остальными, горожанин. Договаривайтесь с Большим Человеком, а меня отпустите...

— Вашему Большому Человеку придется пересмотреть договор о плате,— выпалил Драгур.— Я договорился о полной доставке. Договор не выполнен.

— Большому Человеку это не понравится.

— Неужели? Что ж, я с ним согласен!— Драгур фыркнул.— Можете сообщить ему это.

— Нет платы, нет и пленника.— Рука, что сжимала плечо Троя, сжалась крепче.

— Вы хотите забрать его с собой?

Наступила долгая пауза. Трой постарался представить себе, что происходит.

— Где вы взяли это? — медленно спросил стражник.

— Я не спрашиваю вас об источниках вашего снабжения оборудованием, — возразил Драгур. — Сейчас же уберите руки от моего пленника и идите к своему флиттеру. Можете сообщить нашему Большому Человеку, что взаимовыгодные отношения между нами не окончены. Разумеется, если мы приедем к разумному соглашению. Напоминаю, что я также заключил с вашей организацией договор об охране и срок еще не истек. Я не намерен прерывать контракт.

Рука отпустила плечо Троя. С возгласом разочарования стражник отошел от него. Спустя мгновение хлопнула дверь. Драгур рассмеялся.

— Он немедленно свяжется с Большим Человеком. Лучше получить нагоняй немедленно, чем позже сгореть за то, что не доложил.

— Гильдийцы любят деньги, — впервые заговорил Зул.

— А вы разве нет? Но они должны держать свои обещания. Они обещали доставить всех, а доставили только одного, значит, они нарушили контракт и должны нести ответственность. Зул, устройте нашего гостя поудобнее.

Веревку развязали. Трой начал растирать руки. Рывок — и повязка упала ему на шею. Он замигал, ослепленный светом.

— Весьма энергичный молодой человек!

Трой сосредоточил внимание на говорившем. Драгур сидел в необычном кресле. Высокая стеклянная плита образовывала спинку, и в ней плавало одно из кошмарных чудовищ, заглядывая через плечо хозяина. Ручками кресла тоже служили аквариумы: в одном находились хищные крабы дорч, в другом — трамджанская рифовая змея. Крышка аквариума с крабами была снята, и время от времени Драгур бросал туда визжавших зверьков, чтобы удовлетворить голод своих любимцев. Это кресло предназначалось для того, чтобы вызвать в собеседнике тошноту и отбить у него желание спорить.

На коленях Драгура лежало игольное оружие, поражающее нервную систему. Увидев его, Трой сразу понял, почему гильдиец так быстро удалился.

— Вы, должно быть, устали, — продолжал Драгур. — Путешествие проходило не в очень комфортабельных условиях. Зул, дайте Хорану стул. Вам должно быть в нем удобно. Я верю в комфорт. Вот вам, мои хорошие! — Он бросил что-то в

аквариум с крабами.— Заметили, какая энергия! Какое мужество! Никто не поверит, что крабы способны на такие прыжки. Но я много раз наблюдал, как различными средствами вынуждали животных или человека намного превышать свои способности...

— Например, с таким ружьем?

Зул принес стул. Трой с удовольствием заметил, что стул не был снабжен аквариумами.

— Очень грубый стимулятор, его следует использовать лишь в исключительном случае. Нет, действие под угрозой наказания и смерти не может продолжаться долго. Человек согласится на все, что угодно, чтобы спастись от боли, когда пройдена критическая точка его сопротивления. У игольных ружей свое место. Я предпочитаю более привлекательные средства.

— Какие же?— Трой старался не смотреть на прыгающих крабов.

— Например...— Но тут Драгура прервало низкое гудение.

Зул с бластером в руках исчез. Драгур направил ствол игольного оружия на Троя.

— Возможно, я ошибался,— сказал он,— и этот случай требует более грубых средств. Сидите спокойно, Хоран. Малейшее движение, и я нажму курок. Вы знаете, каковы будут результаты. То же самое я сделаю, если вы крикните. Если у нас не дружественный посетитель, его ждет сюрприз.

Послышались звуки драки, наконец, глухой удар. Трой заметил, что Драгур даже не повернул головы в том направлении: все его внимание по-прежнему было сосредоточено на пленнике.

— Действительно, гость,— прошептал он.— И, вероятно, попал в одну из наших маленьких ловушек. Скоро узнаем.

Во главе процесии появился Зул. За ним, на подгибающихся ногах шел человек, неожиданно получивший заряд станнера. Его поддерживал тот самый гильдиец, который осматривал флиттер Троя в Диких Землях. Но личность пленника поразила Троя. Рерн!

Точно так же, как они не ожидали увидеть рейнджера в ловушке в пещере Рукава, так же не предвидел Трой его появления в Тикиле, и именно в этом доме.

Драгур осматривал нового пленника.

— Приветствуя благородного охотника!— он произнес эту фразу с саркастическим выражением.— Я не совсем понимаю, почему представитель клана желает проникнуть в мой скром-

ный дом через черный ход и без моего приглашения. Зул, стул для нового гостя. Здесь становится многолюдно.— Он взглянул на гильдийца, который усаживал Рерна.— Вы можете быть свободны. Я сообщу вашему Большому Человеку, что вы прекрасно проявили себя. Я полагаю, охотник Рерн, что ваша голова достаточно ясна и вы заметили и должным образом оценили это маленькое приспособление.— Игольное ружье слегка переместилось и теперь держало под прицелом сразу двух пленников.— Вы нам помешали.— Драгур покачал головой.— У нас тут очень серьезный разговор, охотник.

— Прошу прощения за вмешательство,— прозвучала формальная фраза со стороны Рерна. Похоже, что, за исключением оцепенения мышц, Рерн не утратил самоконтроля.

— Вы очень любезны, благородный охотник. Время торопит, иначе мы могли бы продолжать нашу беседу и в более благоприятных условиях. Хоран, у вас ведь нет связей с кланом? Или есть? Неожиданное прибытие охотника наводит на размышления.

Драгур задумчиво перевел взгляд с Троя на Рерна и обратно.

Рерн ответил:

— Ваши люди оставили след, по которому легко было идти, горожанин. А мы интересуемся любым следом, ведущим из Диких Земель в Тикил.

— Интересуетесь!— Драгур повторил это слово так, как будто вдумывался в него. Его внимание вернулось к Трою, у которого уже был готов ответ. Он не знал, почему Рерн оказался здесь, но не желал иметь ничего общего с кланом.

— У меня нет связей с Дикими Землями.

— Разделяю вашу уверенность, Хоран. Мне легко проверить, что у вас нет никаких симпатий к властителям Корвара.

— И я не гильдиец.

— Разве я это предполагал? Это просто констатация фактов. И у вас не может быть никакой привязанности к Дипилу или законам, которые держат вас там. С другой стороны,— он достал из кармана белую карточку,— вот ваше разрешение покинуть этот мир.

— И куда же отправиться?

— На Ворден.

Ответ был неожиданным. Трой замер. Потом осторожность, которой он научился за все эти годы, взяла верх над возбуждением. Он надеялся ничем не выдать своего возбуждения и волнения. Он понял, что Драгур — самый опасный человек, с которым ему приходилось встречаться, не из-за оружия, что

лежало у него на коленях, а из-за того, что это оружие ему не нужно было применять. Агент был прав: существуют другие способы склонить человека, и он эффективно продемонстрировал это на Трое.

— Как? — Трой умудрился произнести это спокойно.

— Допустим, у меня есть...

— Лакомый кусочек для краба? — предположил Трой.

— Лакомый кусочек, совершенно верно. Ворден находится под юрисдикцией Конфедерации. Хоранам там принадлежит Долина Морозных Пастбищ — прекрасные пастбища, очень плодородная земля. Дом с постройками, сад, превосходные леса на предгорьях. Прекрасное маленькое королевство для вас, хозяин пастбищ. Всадники вашей семьи будут очень довольны... Какая жалость — столетия развития, и все сметено по приказу человека, даже не приближавшегося к планете. Командующий Ди слишком верил своим приказам. Боюсь, вам многое придется начать сначала: тупаны одичали, но их легко снова взять под контроль. И вам будет позволено выбрать себе всадников.

— Много обещаний, горожанин! — Трой с трудом владел своими чувствами. Каждое слово Драгура действовало на него, как удар хлыста. Он не осмеливался поверить в то, что это правда.

— Я не обещаю того, что не могу выполнить, Хоран. И Трой поверил ему.

— Корвар — планета Союза, — напомнил ему Трой, испытывая уверенность Драгура с другой стороны.

— Для меня это ничего не значит. — И снова в его голосе звучала убежденность.

— И что вы просите в обмен на Ворден?

— Успешное выполнение одного задания — вами, хозяин пастбищ. Похоже, что по какому-то капрису судьбы вы один во всем мире способны общаться с моими бежавшими слугами. Я хочу вернуть их, и вы можете помочь мне в этом.

Вот оно что: выдать животных и получить Ворден! Очень просто!

— У вас особые слуги, — вмешался Рерн.

— Несомненно, благородный охотник. Они — результат многолетних экспериментов. И единственные представители своих видов...

— На Корваре, — в словах Рерна звучал не вопрос, а утверждение. — Да, пятеро, оставшиеся в Диких Землях, были единственными представителями своих видов на Корваре. Но в других местах, на других планетах, аналогичные орудия использовались другими агентами Конфедерации.

Драгур слегка шевельнулся:

— Происходящее на других планетах, благородный охотник, не касается клана. Могу вас заверить, что, как только мои слуги вернутся ко мне, на Корваре подобной деятельности больше не будет. Эксперимент потерпел неудачу. Мы вынуждены признать свое поражение и сейчас же отступить.

Трой поверил и в это.

— А животные?

— Они теперь бесполезны. Не думаю, чтобы вы стали колебаться, пожертвовать их жизнями или вернуться на Ворден. А, хозяин пастбищ?

Трой облизал пересохшие от волнения губы. Ему пришлось собрать всю силу воли, чтобы подавить дрожь в руках и ногах.

— Вы не можете быть уверены, что я приведу их.

— Нет, но вы — единственная возможность связаться с ними. И я считаю, что мой краб прыгнет за этим кусочком со всей энергией. Вы согласны?

— Да! — хрипло произнес Трой. — Да, я согласен! — Он увидел, как Рерн повернул голову в его направлении и на его лице появилась гримаса отвращения. Но мнение Рерна сейчас не имело значения. Трой должен думать о будущем.

— Видите, как просто можно решить дела? — сказал Драгур, обращаясь к Рерну. — Клану незачем вмешиваться. Я полагаю, хозяин пастбищ, животные все еще в Диких Землях?

— Они покинули флиттер перед тем, как ваши люди поразили меня лучом.

— Как легко все понять, если знаешь факты. Хорошо, теперь не о чем беспокоиться. Вы, благородный охотник, по-прежнему будете нашим пропуском для прохода в Дикие Земли. Счастливый случай привел вас сюда вовремя. Поневоле начинаешь думать и верить в древние суеверия, в судьбу. Мы составим охотничий отряд — только Зул, я, вы, благородный охотник, хозяин пастбищ Хоран и мой гильдиец. Если все пойдет хорошо, до завтрашней полуночи дело может закончиться. Я уверен, что все мы разумные люди и никаких препятствий и неприятностей не будет. — Он слегка приподнял ствол игольного ружья.

Трой не был уверен, что Рерн заметил этот предупредительный жест. Когда рейнджер ответил, его голос звучал спокойно:

— Спорить не о чем, горожанин. Я к вашим услугам.

— Я и не ожидал другого ответа, благородный охотник, мы можем отправляться.

ГЛАВА 18

Трой не имел представления, как далеко в Дикие Земли они проникли. Как и предвидел Драгур, Рерн легко провел их через патрули клана. Рассвет превратился в день, а они продолжали двигаться на восток. Трой прислонил голову к стене кабины, закрыл глаза, но не спал.

Правой рукой он снова и снова гладил браслет на левом запястье, который невольно надел в Рукаве, прикасаясь к гладкой поверхности, пока это движение не совпало с ритмом его мыслей.

Флиттер шел на предельной скорости, но, разумеется, мысль летела дальше и быстрее любой машины. Он старался представить себе тот лесной выступ, куда бежали животные. Было это несколько часов или дней назад?

Ему нужно суметь убедить кота, а через него всех остальных прийти на место встречи и там подождать.

Он должен сосредоточиться на предстоящем.

Драгур утверждает, что, кроме него, никто не способен общаться с животными. Если это так, почему они так хотят, чтобы он помог им?

Тело Троя было напряжено. Он не знал, что лицо его угрюмо, а под глазами появились глубокие морщины. Не знал он, что Рерн внимательно и с интересом следит за ним.

Поворот направо, налево, его пальцы скользили по браслету, молчаливый приказ летел вперед. Трой жевал протянутый ему жесткий кусок чего-то съестного, почти не сознавая присутствия остальных в кабине. Он так устал, что лишь силой воли заставлял себя продолжать безответный поиск.

Отчаяние его росло. Должно быть, животные, будучи свидетелями его пленения, не рассчитывают больше на связь с ним.

Ночь застала флиттер над равниной. Драгур не обратил внимания на протесты гильдийца, который вел машину и хотел остановиться на ночь. Но вскоре пришлось сесть.

— Перед нами возникает проблема, — с вежливостью, похожей на насмешку, заявил Драгур. — Вы на своей территории должны быть связаны. Надеюсь, вы простите нам эту необходимость. Наш юный друг не нуждается в таких ограничениях.

Рерн, связанный по рукам и ногам, не возражал, когда его уложили между Зулом и гильдийцем. Трой, не обращая внимания на окружающее, уснул почти немедленно. Он ворочался, вздыхал, стараясь и во сне выполнить свою задачу.

Звезды над головой бледнели, наступал рассвет того дня, когда они придут в лес. На мгновение Трой вновь ощущил чувство свободы и вольной жизни, потом это чувство исчезло. Трой не шевелился, лишь рука его бессознательно сжимала браслет, и прикосновение к этому странному металлу подействовало успокаивающее. Он смутно увидел молодые деревца. Под ними Симба... ждет...

— Ищи!

Трой поднял руку и прижал металл Рукава ко лбу. Мисленная картина приобрела резкость.

— Ты идешь?

— Иду, — кратко подтвердил Трой. — Будьте готовы, когда я приду. — Он старался найти нужные доводы, чтобы убедить их прийти туда, где приземлится флиттер.

— Итак, вы, наконец, вступили в контакт, хозяин пастбищ?

Рука Троя упала со лба. Он хмуро взглянул на агента Конфедерации. Но не было причин отрицать правду. Он сделал, что смог.

— Да. Они будут ждать.

— Прекрасно. Примите мои поздравления, Хоран. Вы отлично справляетесь со своей частью договора. Мы поедим и отправимся устраивать ловушку.

Трой ел медленно. Теперь все зависело от ответа Симбы, от его влияния на остальных. Если связь между человеком и животным недостаточно сильна или ёму просто не поверят, он потерпит поражение.

Во флиттере он не делал больше попыток связаться с беглецами. Все, что нужно, он сделал во время утреннего контакта. Либо они ждут, либо нет.

В середине утра, яркого и спокойного, флиттер с безукоризненной точностью коснулся земли на краю леса. Драгур приказал им выйти: ствол игольного ружья был направлен на Троя и Перна.

— Где же они? — Агент смотрел на лес.

— Там. — Трой кивнул. Да, они все ждали в укрытии. Покажутся ли они, это другое дело!

Гильдиец извлек бластер, настроил его на широкий диапазон поражения. Трой сжался, чтобы прыгнуть, если тот коснется курка.

Но агент заговорил первым:

— Никакой стрельбы, — выпалил он. — Вначале мы должны убедиться, что они здесь. Выманите их.

— У меня нет прибора, а меня они не послушаются. Я не могу привести их против воли. Могу лишь удержать их на месте

Секунду или две он боялся, что Драгур откажется вступить в тень деревьев, но агент, очевидно, понял разумность слов Троя.

— Марш! — Вся прежняя вежливость Драгура исчезла. Трой повиновался. Агент с ружьем наготове шел сразу за ним.

Хоран обогнул куст и склонился под нависшей ветвью.

— Здесь...

Симба, Саргон, Шеба...

Трой бросился лицом вниз на землю, перевернулся. Драгур закричал. Трой вскочил на ноги и увидел его, размахивающего пустыми руками.

Симба вцепился тремя лапами в плечо агента, а четвертой безжалостно рвал его лицо. Обе лисы острыми клыками хватали агента за ноги.

Трой подхватил ружье, выпавшее из рук Драгура, когда Симба прыгнул на него. Теперь у него было оружие, чтобы встретить прорывавшегося через заросли Зула.

— Стой! Брось оружие!

Глаза Зула расширились. Он неохотно выпустил бластер.

— Ты тоже!

Гильдиец, который подталкивал Рерна, повиновался. Пушистая тень с длинным хвостом выскользнула из укрытия, взяла в пасть бластер Зула, принесла его Трою и вернулась за оружием гильдийца. Драгур руками зажимал кровоточащие порезы на голове и лице. Симба больше не сидел у него на плече, а присоединился к лисам, которые гнали гильдийца.

Ослепленный, корчащийся от боли, полностью деморализованный неожиданным и невероятным нападением, агент упал у ног Рерна. Симба фыркнула и последний раз рванул когтями лицо Драгура. Рейнджер очнулся от изумления и перевел взгляд от животных на Троя.

— Вы спланировали это? — спросил он голосом, достаточно громким, чтобы перекрыть стоны Драгура.

— Мы спланировали это, — поправил Трой.

Он сунул бластеры за пояс, но продолжал держать пленников под прицелом ружья.

— Подберите Драгура, — приказал он гильдийцу. — Мы возвращаемся к флиттеру.

Под дулом игольного ружья никто не спорил. Все направились к флиттеру, позади шел Трой. Он знал, что животные идут сбоку.

— Вы, — Трой кивнул Рерну, — разгрузите запасы воды и продовольствия.

— Вы останетесь здесь? — Рерн, казалось, не удивился.

— Мы останемся здесь, — вновь поправил Трой, наблюдая, как охотник выносит из флиттера вещи, необходимые, чтобы выжить в Диких Землях.

Затем гильдиец по приказу Троя оказал Драгуру первую помощь, связал его и усадил в машину. Потом проделал то же самое с Зулом. Вслед за этим он был связан Рерном.

— А как вы полагаете поступить со мной? — спросил Рерн, когда последний житель Тикила оказался в машине.

— Можете забрать их. — Трой поколебался, потом неловко добавил: — Прошу прощения за тот удар по голове в Рукаве.

Рерн спокойно посмотрел на него. Его лицо ничего не выражало, но в глазах сверкнула искра.

— Вы были правы: нарушитель клятвы не заслуживает уважения. — За этими словами скрывался какой-то иной смысл.

— Ожидавшие были не вашими людьми, а патрульными? — Трой требовал подтверждения возникшего у него подозрения.

— Значит, вы это заметили? — Огонек в глазах Рерна разгорелся ярче.

— Видел. У меня было время подумать. — Это было извинение, и Трой хотел, чтобы собеседник понял, хотя вряд ли это к чему-либо привело.

— Я вернусь, понимаете?

Трой улыбнулся. Победа опьянила его. Свобода от напряжения последних часов, последних дней, действовала ошеломляюще: с этим чувством трудно бороться.

— Как хотите, Рерн. Вряд ли я сравнюсь с вами в знании Диких Земель, но все вместе мы можем поспорить...

— Мы? — Рерн огляделся, но не увидел животных. Однако они все были здесь, даже Сахиба.

— Да, мы!

— А Ворден?

Улыбка Троя померкла. Такого удара в спину он от Рерна не ожидал. Рука с бластером потянулась к поясу.

— Краб не прыгнул, — спокойно сказал он.

— Возможно, была предложена не та наживка. — Рерн покачал головой. — Тут Дикие Земли, а вы — нетренированный рейнджер. По нашим законам я не могу помочь вам, если вы только сами не попросите об этом, а это будет означать вашу сдачу. — Он ждал и как будто на самом деле надеялся получить подтверждение от Троя.

Трой кивнул:

— Я знаю. Отныне вы и все ваши против нас. Только не будьте слишком уверены в успехе, Рерн.

Он следил, как вертикально взлетал флиттер. Затем, перебросив через плечо ремень ружья, увязал припасы.

Заход солнца, восход, снова ночь, снова утро — в лесных глубинах солнце приобретало зеленоватый оттенок. Трой знал лишь, что они по-прежнему направляются на восток. По крайней мере в лесу их невозможно выследить с воздуха. Преследователи должны будут идти пешком, и их легко обнаружит острый нюх животных. Шенг прыгал по вершинам деревьев, Симба и лисы бежали впереди и сбоку, а Трой нес Сахибу.

Однажды на Сахибу напало какое-то животное, и Трой на лету подстрелил его из бластера. Кроме этого, им не встречались никакие животные.

Трою Дикие Земли не казались угрожающими. Леса вокруг него смыкались, как обширный занавес. И воспоминания о Вордене уносились, как туман. Вместе с животными он жил в новом мире, и Тикил все более становился прошлым сном, кошмаром. Единственное, что смущало его, это смутное стремление к другому существу такого же вида, что и он сам.

На пятый день уклон местности стал меняться, и несколько раз через разрывы деревьев Трой заметил впереди на фоне неба горные вершины. Возможно, что он найдет пещеру. Вскоре им понадобится убежище: собирающиеся тучи грозили бурей.

— Люди!

Трой застыл. От неожиданности ему пришлось ухватиться за дерево. Он совсем забыл о возможности преследования. Он услышал крик боли и гнева, крик Симбы, и сам ощутил страх, который вонзился в его мозг, как копье. Парализующий луч! Та же сила, что пригвоздила его во флиттере. Но сейчас никакого флиттера не было видно.

— Далеко? — спросил он у животных.

— Выше по склону: они идут нам навстречу. — Теперь Трой уловил отдаленные звуки.

Человек попытался подавить начинающуюся панику у животных. Они попали в ловушку, но откуда преследователи знают, что Трой и его товарищи выйдут из леса в этом пункте? Или они на всякий случай установили повсюду барьер из парализующих лучей?

У него не было возможности использовать игольное оружие, он даже не мог поднять руку, чтобы снять с пояса бластер.

Сахиба закричала у него на руках. Трой знал, что каждый

маленький мозг занят решением одной неразрешимой проблемы. И занят не в одиночку, а совместно.

Трой быстро перебрал всех по очереди: Симба, Саргон, Шеба, Шенг, Сахиба. Выбор пал на Симбу. Черный кот, боевая техника которого основана на подкрадывании и мгновенном ударе.

Это была фантастическая попытка. Трой сосредоточил всю силу своего мозга на представлении картины освободившегося Симбы, украдкой убегающего по склону из поля действия луча.

Струйка пота потекла по щеке Троя. Безумием было надеяться, что мозг может разорвать путы, сковывающие тело. Только из-за того, что они ощутили свободу в прошедшие несколько дней, они могли питать такую надежду. Трой почувствовал себя слабым, истощенным, и в этот момент понял, что они смогут освободить Симбу.

Трой не видел, как черная тень метнулась по склону холма. Не видел этого и человек, управляющий парализующей установкой. Послышался крик боли, и Трой был освобожден. Он упал на колено и приготовился стрелять.

Выше по склону, из-за скалы, с поднятыми руками появилсяся Рерн. Из травы выскочили Саргон, Шеба, Шенг, прыжками спустился Симба. Снова Трой оказался в кругу своих лоноухих товарищей.

— Вы сумели освободиться от парализатора! — Рерн спускался ровной походкой, не сводя взгляда с Троя.

— А вы нашли нас. — Несмотря на временную победу, Трой сознавал, что они потерпели последнее поражение. Дикие Земли для них больше не укрытие.

— Мы нашли вас. — Рерн поднял руку. Еще двое людей начали спускаться по склону. В одном из них Трой узнал Рогаркила, другой, незнакомец, был в форме атташе Совета.

Рерн бросил через плечо:

— Вы видели сами.

— Вы недооцениваете опасность! — Голос атташе Совета звучал резко и грубо, он тяжело дышал. Было ясно, что он недоволен.

— Опасность относительна, — возразил ему Рерн. — Нож можно переложить из одного пояса в другой, от этого он не утратит остроты.

Охотник говорил с представителем Совета как равный, и, хотя атташе это не нравилось, здесь, в Диких Землях, он вынужден был мириться с этим.

— Я не согласен с вами, охотник!

Рогаркил спокойно возразил:

— Это ваше право, Джентель хомо. Рерн не спрашивает вашего согласия, он просит вас сообщить об этом и чтобы дело внимательно изучили. Я хочу сказать также, что не следует отбрасывать новую вещь только потому, что она незнакома. Нужно проверить, насколько она полезна. Это — Дикие Земли.

— И вы здесь правите? Совет это запомнит!

Рогаркил пожал плечами:

— Это тоже ваше право.

Бросив последний взгляд на Троя и животных, чиновник повернулся и зашагал вверх по холму. На вершине к нему присоединилась группа вышедших из-за скал патрульных. Потом он исчез.

— Мир? — спросил Рерн, улыбаясь.

Трой колебался лишь мгновение, потом убрал ружье. Он побежал к указанному рейнджерами убежищу — пространству между двумя наклонными скалами. Они по-прежнему представляли две группы: с одной стороны, Трой и животные, с другой — люди клана.

— Ему придется кое о чем подумать по пути в Тикил, — заметил Рерн.

Рогаркил кивнул:

— Нам тоже. Когда они примут решение, мы должны быть готовы.

— Почему вы это сделали? — спросил Трой, догадавшись по услышанному, что клан принял его сторону.

— Потому что мы уверены в том, что я только что сказал Хаволу: нож, сменивший ножны, остается ножом, — ответил Рерн, — и может нанести удар своему прежнему владельцу. Кайгер умер из-за личной вражды. И если бы не это, нападение на Совет и Корвар увенчалось бы успехом. Поскольку его шпионаж был направлен против Корвара, это касается и нас. Наши гости, правители Галактики, должны быть защищены. Как мы говорили вам вечером в Тикиле, сохранение нашего образа жизни зависит от комфорта и безопасности. Все, что угрожает ему, угрожает клану.

Если Конфедерация испытает это оружие на другой планете, что же, это забота Совета. Но здесь этому положен конец. И не думаю, что Кайгер, Драгур или те, кто стоит за ними, знали, какие возможности скрываются в изготовленном ими оружии. Что произойдет, когда две или три расы, издавна разделенные, станут работать вместе, на равных, а не как слуги и хозяева.

— И кто лучше сможет изучить эти возможности, чем кланы? — спросил Рогаркил.

Трой напрягся. Слишком многое уже решено. Ему и животным тоже следует предоставить право голоса.

— Прыгнет ли краб на эту наживку, Трой Хоран? — Рерн слегка наклонился вперед, заглушая своим голосом шум бури. — Права рейнджеров для вас и для всей вашей компании в обмен на право узнать вас получше. Возможно, это хуже, чем звание хозяина пастбищ на Вордене...

Он замолчал. Трой невольно поморщился. Его мысли обратились к пятерым животным. Он не старался убедить их, решение они примут сами. А если они не согласятся, то у него оставалось игольное оружие.

Ответ пришел. Трой поднял подбородок и посмотрел на рейнджеров с холодным спокойствием, которое за последние дни стало частью его самого.

— Если вы дадите письменную гарантию...

Рерн улыбнулся.

— Осторожность — хорошее качество человека и его друзей. Что ж, договор имеет силу, пока вы согласны с ним. Готов признаться, что и я хотел бы взглянуть на жизнь кошачьим взглядом — если вы мне позволите присоединиться к вашей компании.

Глаза Троя и Рерна встретились. И Трой вспомнил пещеру, и утес над озером, и голос Рерна, говорящий об этом мире и его очаровании.

— Почему? — Он не подумал, что его вопрос, казавшийся ему таким ясным, может оказаться непонятным для остальных. Но, как будто его мысль слилась с мыслями Рерна, как это было с животными.

Тот ответил:

— Мы — люди одного типа, всадник с равнин.

Рерн посмотрел на животных и добавил:

— В конце концов мы все будем едины.

— Да будет так! — согласился Трой, уверенный, что теперь Рерн говорит правду.

ЗВЕЗДНАЯ СТРАЖА

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда раса, населяющая одну из девяти планет, вращающихся вокруг желтой звезды — Солнца и размещенных вблизи края Галактики, приобрела знания о космических полетах и появилась на наших космических трассах, возникла проблема, которую предстояло решить Центральному Контролю. Этих «людей», как они себя называют, объединяют любопытство, отвага, техническое искусство — с одной стороны, а с другой — недоверие к остальным расам и видам и врожденная склонность к конфликтам. Их реакция на любую проблему агрессивна. Если бы это их свойство не было сразу понято и направлено в нужное русло, возможно, их влияние уничтожило бы мир на межзвездных линиях и вовлекло бы весь сектор в войну.

Но соответствующие меры были приняты немедленно, и землянам была предоставлена роль, которая не только соответствовала их природе, но и давала выход воинственному настрою представителей системы, образующих нашу великую конфедерацию.

После тщательного изучения и оценки психотехниками Центрального Контроля землянам была отведена роль наемников Галактики, до тех пор, пока эти слишком независимые и агрессивные существа не станут менее опасными.

Так появились «орды» и «легионы», которые мы постоянно встречаем в истории различных планет этого периода. Орды, состоящие из «арчей», и легионы «мехов» были к услугам любого правителя планеты, который с их помощью решал усилить свое влияние.

Арчи предназначались для несения службы на низкоразвитых планетах. Они вооружены ручным оружием и сражаются в рукопашных поединках. Мехи вооружены боевой техникой, но относятся к войне, как к игре, задача которой — вынуждать противника признать себя побежденным без сражения.

Новорожденные люди благодаря специальным тестам де-

лятся на арчей и мехов. После специального обучения они получают назначение к одному из полевых командиров. Часть платы, получаемой командиром от нанимателя, переводится на Землю. Иными словами, Земля стала экспортером солдат и военных материалов. Спустя поколения земляне признали свою роль без всяких возражений.

Триста лет спустя (прошу всех студентов обратиться к тому № 6, колонка 2 — дата 3956 год соответствует земному летоисчислению, мы используем ее, поскольку изложение основано главным образом на записях самих землян) небольшая орда была нанята восставшим туземным правителем на Фрон-не. И изменила историю своей расы, а может, и всей Галактики. Пока еще не ясно, приведет ли это изменение к добру для всех нас.

Из лекций по галактической истории, прочитанной в Галактическом университете закона в 4130 году по земному летоисчислению.

ГЛАВА 1

Поскольку он раньше никогда не был в Прайме, Кану Карпу, мечнику третьего класса, арчу больше всего хотелось оставить свое узкое сиденье и смотреть в иллюминатор на башни, возносившиеся в бледно-голубое утреннее небо. Но сделать это — значит показаться зеленым новичком, и ему пришлось удовлетвориться беглыми взглядами. Больше чем когда-либо негодовал он на судьбу: он явится в штаб-квартиру на месяц позже своего класса и будет, вероятно, единственным новичком среди ожидавших назначения в зале Найма.

Само пребывание в Прайме действовало возбуждающее. Это место было целью их десятилетних тренировок. Кана Карр опустил походный мешок и вытер влажные руки о ткань брюк: хотя стоял прохладный весенний день, он потел. Жесткий воротник новой зелено-серой куртки резал горло, бока шлема терли, а личное снаряжение было тяжелее, чем когда-либо раньше.

Он остро сознавал обнаженность ремней, скрещивающихся на плечах, и то, что шлем его был еще без верхушки. Кругом же были ветераны, блестевшие многочисленными знаками отличия за успешно выполненные операции.

«Что ж,— в который раз подумал он,— достичь такого положения — лишь вопрос времени. Каждая из этих сверкающих фигур когда-то тоже была лишена знаков отличия и пребывала в такой же неуверенности».

Внимание Каны привлек другой цвет, ослепительно яркий среди волн серо-зеленого и серебряного. Губы его сжались, голубые глаза, поразительно живые на смуглом лице, приобрели холодное выражение. У входа в здание приземлился мобилю. Из него выбрался приземистый человек, закутанный в ярко-алый плащ. За ним — еще двое в черном и белом. Их прибытие послужило как бы сигналом, солдаты-земляне расступились, образуя широкий проход к двери.

Но это не знак уважения, напомнил себе Кана Карр: земляне на своей планете не оказывали почестей галактическим агентам, разве что в таком стиле, который подчеркивал их неприязнь.

Сжимая кулаки, следил он, как красный плащ и сопровождающие его галактические патрульные исчезли в зале Найма. Кана прежде не общался непосредственно с агентом. Негуманоидные существа, которые были его инструкторами после того, как выяснилось, что он способен усвоить чуждые знания, принадлежали совсем к другим классам. Может потому, что они были негуманоидами, он никогда не думал о них, как о членах Центрального Контроля, которые несколько поколений назад так жизнерадостно называли обитателей Солнечной системы «варварами», непригодными для галактического гражданства, за исключением предоставленных им узких рамок. Он сознавал, что не все его товарищи так же, как он, негодуют из-за этого. Большинство его соучеников, напротив, были вполне довольны уготованной им судьбой. Открытое неповиновение означало рабочие лагеря и никаких шансов на выход в космос. Только солдат, обученный военному делу, имел возможность отправиться к звездам. И как только Кана уяснил себе это, он решил стать образцовым арчем и даже находил в обучении утешение, которое смягчало его жгучую ненависть к тем, кто мешал ему занять достойное место.

Резкий звук военного свистка вернул его на землю к насущным проблемам. Кана надел на плечи мешок и поднялся по ступеням, по которым только что прошел агент. Оставив мешок на полке у двери, он занял очередь в ряду людей.

Мехи в своих серо-синих комбинезонах и пузырчатых шлемах превосходили по численности арчей в этой части зала. И немногие арчи поблизости от Каны были ветеранами. Поэтому

даже окруженный своими, Кана чувствовал себя здесь таким же одиноким, как и на улице.

— Они пытались прикрыть крышку, но Фальфа отказался от назначения для своего легиона,— громко говорил слева от него мех лет тридцати с десятью почетными нашивками. Он даже не старался приглушить свой громкий голос.

— Его занесут в список за отказ,— с сомнением ответил его собеседник.— В конце концов, не всегда ему будет везти.

— Везти? Два легиона не вернулись с этого задания, а ты говоришь о везении! Я слышал, что начато расследование. Знаешь ли ты, сколько легионов вычеркнуты за последние пять лет из состава? Двадцать! И похоже ли это на простое везение?

Кана чуть не повторил изумленное восклицание слушателя. Двадцать легионов, пропавших за последние пять лет — это уж слишком много! Если современные, вооруженные новейшими средствами легионы, действующие только на цивилизованных планетах, так уничтожаются, то что сказать об ордах, которые служат лишь в варварских мирах? Неужели и их «удача» такова? Неудивительно, что в последнее время начались разговоры, что плата, которую Земля отдает Центральному Контролю, слишком уж велика.

Человек перед ним неожиданно сдвинулся, и Кана заторопился закрыть образовавшуюся щель. Они стояли у самого барьера. Кана подготовил свой браслет, чтобы показать его ожидающему дежурному. Эта полоска гибкого металла, вставленная в щель рекордера, автоматически сообщит всю необходимую информацию о Кане Карре: австро-малайско-гавайского происхождения, 18 лет и 4 месяца, подготовка базисная, место предыдущей службы отсутствует. И когда полоска окажется в рекордере, назад хода не будет. Дежурный взял браслет, взглянул на него с выражением тусклой скуки и пропустил Кану.

Внутри было множество пустых сидений — для мехов слева, для арчей справа. Он занял ближайшее и осмелился оглядеться. Прямо перед ним располагалось информационное табло, на котором все время загорались номера, и хотя Кана знал, что его номер не может появиться так быстро, он с напряжением всматривался в бегающие огоньки. Вызванные вставали и уходили вглубь, в дальний конец зала.

Арчи Кана наклонился вперед, чтобы сосчитать людей на своей стороне — по крайней мере двадцать мечников первого класса, среди них даже два мастера и пятьдесят или больше

солдат второго класса. Его глаза тщетно искали другие шлемы без крестов — он был единственный представитель третьего класса. Новобранцы, которые вместе с ним заканчивали обучение, должно быть, уже получили свои назначения.

Вспыхнул красный свет. Двое солдат второго класса встали, дергивая мундиры и подтягивая пояса. Но прежде чем они успели пройти, произошло непредвиденное: табло вспыхнуло белым цветом и совсем выключилось, когда на платформе в центре зала появилась небольшая группа людей. Вперед выступил офицер без скрещенных плечевых поясов полевого образца, но с четырьмя звездами на груди. Рядом с ним стоял галактический агент в красном плаще и патрульные. Кана узнал всех троих. Агент был с Веги-3, патрульные — с Капеллы-2.

— Солдаты! — прозвучал натренированный на парадах голос офицера. Наступила тишина. — Недавние события вынуждают сделать это объявление. Мы провели расследование происшествия на Неверзе с помощью средств Центрального Контроля. Установлено, что наше поражение там — результат местных обстоятельств. Слухи об этом происшествии не должны повторяться никем в корпусе под угрозой применения Главного кодекса.

Во имя неба! Удивление Каны, возможно, и не отразилось открыто на маскоподобном лице, унаследованном от малайских предков, но мозг его напряженно работал. Сделать подобное объявление — значит, просто напрашиваться на неприятности! Неужели офицер не понимает этого?

Происшествие на Неверзе — Кана впервые слышал об этом. Но он был готов заложить половину своей первой зарплаты, если через десять минут все в этом зале не будут усиленно выяснять, что это за слухи, которые так яростно опровергаются. Слухи будут распространяться, как масло по реке. Хмурое выражение лица галактического агента свидетельствовало о его неудовольствии. Похоже, что агент не соглашался с офицером. Но он мог лишь советовать, а не отдавать прямые приказы. Да и поздно уже исправлять сделанное: если офицер и хотел уменьшить напряжение, то теперь только усилил его.

Решительным шагом офицер двинулся по проходу, остальные последовали за ним. Снова на табло вспыхнули огни. Но как только двери за ними закрылись, в зале поднялась настоящая буря.

Кана вовремя успел взглянуть на табло. На его стороне зала встали еще три человека, и следом за их номерами появилась знакомая комбинация, на которую он отзывался последние

десять лет и которая для него стала более привычной, чем имя, данное родителями.

За дверью он пошел медленно, скромно держась позади солдат, ответивших на тот же вызов. Третий класс есть третий класс, ниже его разве что кадет, еще не закончивший обучения! Он самый младший из всех. Кана скромно вошел в лифт вслед за одним из ветеранов.

Ветеран, судя по чертам лица, был афро-арабом, может быть, с небольшой примесью европейской крови от той горстки беглецов, что спаслась на юге от атомных войн. Он был очень высок, а на его безбородом темном лице виднелись старые шрамы. Множество знаков отличия сверкало на его шлеме и поясе, и среди них,— Кана прищурился, чтобы разглядеть,— не менее шести высшего ранга. А ведь ему не может быть больше тридцати лет!

Ответившие на вызов арчи выстроились в линию в верхнем зале. Ветераны являли собой блестящее зрелище: арчи и мехи привыкли носить все знаки отличия. Успешно выполненное задание приносило еще одну драгоценность, пришитую на пояс или вделанную в шлем. В плохие времена эти драгоценности можно было продать или заложить. Таков был вид сбережений на всех планетах Галактики.

Спустя две минуты после двенадцати Кана Кэрр вступил в кабинет офицера, ведающего назначением. Это был мастер-мечник с пластиковой рукой, объяснявшей его нынешнее занятие.

Кана доложил:

— Кана Кэрр, мечник, третий класс, первое назначение, сэр.

— Нет опыта...— Пластиковые пальцы отбивали нетерпеливую дробь на столе.— Но высшая степень подготовки — класс Х-три. Далеко ли вы продвинулись?

— Четвертый уровень, контакты с чуждыми культурами, сэр.— Кана гордился этим. Он единственный в своей группе достиг такого уровня.

— Четвертый уровень,— повторил мастер. Тон его свидетельствовал, что на него сей акт не произвел впечатления.— Что ж, это уже кое-что. Мы набираем людей для орды Йорка. Полицейская акция на планете Фронн. Обычные условия. Сегодня вечером вылетите на базу Секундуса, оттуда на Фронн. В пути около месяца. Условия найма сохраняются на протяжении всей акции. Можете отказаться — это первый выбор,— он произнес официальную формулу усталым голосом, как человек, произносивший ее уже много раз.

Кана знал, что ему позволено отказаться дважды, но делать это без достаточно веской причины — значило заработать черную отметку. К тому же полицейская акция,— хотя эти слова могли означать что угодно,— была отличным способом приобрести опыт.

— Я принимаю назначение, сэр!— Он энергично снял браслет и смотрел, как мастер вложил его в блок перед собой и нажал клавишу. Когда он получит его обратно, на нем появится звездочка, означающая успешное выполнение задания.

— Корабль стартует в пятом доке в семнадцать часов. Свободны!

Кана отсалютовал и вышел. Он хотел есть. Столовая была открыта, и так как он теперь находился на службе, то мог бы позволить себе больше обычного рациона. Но нежелание тратить еще не заработанные деньги заставило его заказать обычную для арча пищу. Склонившись над едой, он вслушивался в обрывки разговоров. Как он и ожидал, объявление в зале Найма породило немало невероятных историй.

— Потеряно пятьдесят легионов за пять лет!— провозглашал мастер-мех.— Нам больше не говорят правды. Я слышал, что Лонгмид и Гrot отказались от назначения.

— Шишки суетятся,— подхватил мастер-мечник.— Видели, как разговаривал с нами старый Поалкен? Он с радостью вызвал бы патруль и прикончил бы всех. Говорю вам, что нам нужно делать... заняться планетой, которую я мог бы назвать. Это помогло бы...— Наступило мгновение тишины. Говорящему не нужно было заканчивать фразу. Вся ненависть человечества к Центральному Контролю стояла за этим взрывом.

Кана не мог оставаться дольше и покинул гудящую столовую. Орда Йорка была небольшой воинской частью. Фитч Йорк, начальник лезвия, был молод и командиром стал всего четыре года назад. Но при молодом командире легче выдвинуться. Фронн — этот мир Кане неизвестен. Но это легко исправить. Кана проделал через множество коридоров путь к тихой комнате с рядами будок у стены. В конце комнаты находился контрольный щит с кнопками. Он набрал нужную комбинацию и подождал записи. Катушка оказалась небольшой. Немногое было известно о Фронне. Кана прошел в ближайшую будку, вложил катушку в ожидающую машину и снял шлем, чтобы приладить к вискам ленту передачи образов. Секунду спустя он погрузился в сон, а информация из катушки стала поступать в клетки его памяти.

Четверть часа спустя он очнулся. Так вот каков Фронн —

не особенно гостеприимный мир! В катушке были только основные данные, но теперь он обладал всеми архивными знаниями.

Кана вздохнул — предстоит провести месяц пути в камере давления. Офицер, нанявший его, не упоминал об этом. Камера давления и водная акклиматизация. Впрочем, какая разница? Кана надеялся лишь, что выдержит все и не заболеет.

Возвращая катушку, Кана встретил стоящего у селектора меха — тот нетерпеливо насвистывал что-то сквозь зубы, поигрывая рукоятью своего бластера. Он был ненамного старше Каны, но держал себя с надменным высокомерием человека, выполнившего не менее двух заданий — у настоящих ветеранов такого высокомерия не было.

Кана оглянулся на будки, он был единственным посетителем. Чего же ждал мех? Кана положил катушку и пошел, но выходя, увидел в полированной двери странное зрелище: мех схватил катушку с информацией о Фронне, прежде чем она исчезла в щели.

Фронн — примитивный мир, планета 5-го класса. Согласно правилам Центрального Контроля, здесь могут применяться только орды арчей, обученных для так называемой рукопашной с обычным оружием. На Фронне механизированный отряд с бластерами, скуттерами — вне закона. Зачем же меху сведения об этой планете? Пустое любопытство относительно планет, на которых никогда не придется служить, не было распространено среди наемников. Требовалась лишь та информация, которую действительно можно было использовать.

Теперь Кана жалел, что не посмотрел более внимательно на тонкое лицо, затененное пузырчатым шлемом. Удивленный и слегка встревоженный, он отправился добывать предметы личного снаряжения, необходимые согласно полученным сведениям о Фронне. Он задумчиво осмотрел спальный мешок из шелка озакланского паука, выложенный особым мехом, и отказался от него, а также от перчаток из кожи караба, которые пытался всучить ему торговец. Такая роскошь — для ветеранов, у которых на поясе достаточно драгоценностей, чтобы позволить себе ворох покупок. Кана старательно отобрал второсортный камбирийский спальный мешок, короткую куртку из шерсти састи, отороченную мехом, с капюшоном и прикрепленными перчатками — все очень скромное, легкое и без труда поместится в его тощем походном ранце. И когда заплатил за все это, у него оставалось еще четыре кредита.

Торговец небрежно завернул его покупки.

— Похоже, парень, ты направляешься в холодные края,— заметил он.

— На Фронн.

— Никогда не слышал о таком месте. Для меня все равно, что никуда. Смотри, чтобы в тебя не метнули копье из-за куста. Парни в таких далеких местах неласковы. Но и вы тоже, не так ли?— Он задумчиво взглянул на мундир Каны.— Да уж, я предпочитаю бластер и форму меха.

— Но тогда вам будет противостоять противник, тоже вооруженный бластером,— Кана взялся за пакет.

— Пусть будет по-твоему, приятель.— Торговец утратил к Кане всякий интерес — приближался сверкающий драгоценностями ветеран.

Кана узнал в нем человека, который перед ним вошел в кабинет офицера по найму. Неужели и он тоже получил назначение в орду Йорка на Фронн? Когда на прилавок лег спальный мешок, сверкая паучьим шелком, и другие вещи, аналогичные выбранным Каной, но гораздо более роскошные, он понял, что его догадка верна.

В 16.30 новобранец стоял со своим мешком в секции ожидания пятого дока. Пока он был один, если не считать какого-то капрала в центре и двух космонавтов в дальнем конце, занятых работой. Прийти так рано мог только новичок, но он был слишком возбужден, чтобы ждать где-то в другом месте. Без двадцати пять начали появляться его будущие товарищи по отряду. Еще десять минут спустя они заполнили подвижные платформы, которые доставили их на грузовой корабль. Сверившись со списком, судовой офицер пропустил Кану. Вскоре он уже был в двухместной каюте, раздумывая, какая же койка принадлежит ему. Сзади глухо прозвучал голос:

— Эй! Полезай наверх или оставайся внизу! Не время дремать, рекрут! Никогда не летал прежде?

Кана прижался к стене, торопливо убирая свой вещевой мешок с пути входящего.

— Тогда наверх!— С нетерпеливым фырканьем его сосед по каюте забросил вещмешок Каны на верхнюю койку.— Убери свои вещи в шкаф! Вон туда!— И коричневый палец указал на стенку каюты.

Кана всмотрелся в стену. Конечно, вот же маленькая кнопка! Кана нажал ее: отодвинулась секция стены, а за ней оказалось углубление для вещей. Глубокий звук гонга прервал его исследования. По этому сигналу ветеран снял шлем и пояс, отложив их в сторону. Гонг — первое предупреждение... Он рас-

тянулся на койке и занялся пряжками крепления. Под его весом матрас подался. Он знал, как переносить ускорение,— это был первый тест, которому подвергались рекрутам на тренировках. И он был на полевых маневрах на Марсе и на Луне. Но это его первый выход в глубокий космос. Кана разгладил мундир и стал ждать третьего гонга, за которым последует взлет.

Уже давно земляне вышли в космос. Триста лет назад состоялся первый зарегистрированный полет в Галактику. Но существовали легенды о кораблях, задолго до этого улетевших от атомной войны и последовавших за ней веках политического и социального смятения. Они были очень отчаянными и очень смелыми, эти первые исследователи — посыпая корабли в неведомое, сами они спали в замороженном состоянии, и у них был один шанс из тысячи проснуться, когда корабль приблизится к другой планете. С использованием сверхскоростей такой риск перестал быть необходимым. Но не слишком ли высокую цену заплатили люди за быстрые перелеты от звезды к звезде?

Хотя солдат не обсуждает открыто действий властей или существующее положение, Кана знал, что не он один недоволен ролью, отведенной землянам. Что было бы с его расой, если бы ее представители в первом историческом полете не встретились с устойчивой высшей силой Центрального Контроля? В соответствии с решением хозяев Галактики мозг, тело и темперамент землян соответствовали лишь одной роли в тщательно организованной структуре мира. Появляющиеся на свет с врожденным стремлением к борьбе, люди должны были поставлять наемников на другие планеты. Психотехники Центрального Контроля считали, что земляне наилучшим образом подходят для схватки, и поэтому Земля была обречена на войны. И земляне приняли эту роль из-за обещания Центрального Контроля — исполнение которого отодвигалось с каждым годом,— что когда земляне будут готовы к вступлению в галактическое гражданство, то оно будет им предоставлено.

Но что, если Центральный Контроль не существовал? Неужели утверждения агентов, что земляне, никем не остановленные, захватили бы планету за планетой в своей ожесточенной борьбе за власть, оказались бы справедливыми? Кана был уверен, что это ложь. Но сейчас, если землянин хотел увидеть звезды, если в нем горело стремление к новому и неизведанному, у него был только один путь — взять меч солдата.

Огромная сила прижала грудную клетку к сопротивляющимся легким. Кана забыл все в отчаянной борьбе за глоток воздуха. Они стартовали.

ГЛАВА 2

Должно быть, Кана потерял сознание, потому что, когда он очнулся, товарищ по каюте уже прикреплял «космические ноги», приспособленные к низкому тяготению жилых секций корабля. Без шлема, в полурастянутой тунике, обнажавшей широкую грудь, ветеран утратил часть своего пугающего ореола. Теперь он мог бы быть одним из тех жесткодицких инструкторов, которых Кана знал большую половину своей короткой жизни.

Космический загар на естественно смуглой коже делал его почти черным. Короткие волосы были подстрижены кружком, как предпочитало большинство землян. Он двигался с кошачьей легкостью, и Кана решил, что не стоит скрещивать с ним мечи в схватке.

Вдруг ветеран повернулся, как будто почувствовал на себе взгляд Каны.

— Ваше первое назначение? — спросил он.

Кана с трудом выбрался из ремней, удерживающих его на койке, и перебросил ноги через край, прежде чем ответил:

— Да, сэр. Я только что закончил обучение.

— Боже, каких молодых теперь посылают, — заметил ветеран. — Ваше имя и ранг?

— Кана Карр, сэр, мечник, третий класс.

— А я Триг Хансу. — Объявлять свой ранг ему не было нужды: двойная звезда мастера-мечника сверкала на тунике. — Назначены к Йорку?

— Да, сэр.

— Верите в трудное начало, а? — Хансу извлек из стенного углубления пружинное сиденье и сел. — Фронн — не райский сад.

— Это начало, сэр, — коротко ответил Кана и встал на пол, не отпуская края койки.

Хансу сардонически улыбнулся.

— Ну, мы все герои, когда заканчиваем обучение. Пришлось позубрить, чтобы попасть к Йорку?

У Каны был наготове ответ:

— Офицер по найму искал новобранцев, сэр.

— Это может означать несколько вещей, юноша, и ни одна из них не в вашу пользу. Ну например, мечник третьего класса обходится гораздо дешевле первого или второго. Впрочем, не следует разрушать иллюзии молодых. Звонок на обед. Пошли?

Кана был рад, что ветеран пригласил его, потому что

маленькая столовая была буквально заполнена сверкающими знаками отличия высших рангов. Тяготение было вполне достаточным для того, чтобы сидеть и есть цивилизованно, но желудок Каны совсем не радовался пище. «А скоро это ощущение станет еще хуже, — подумал он угрюмо, — когда придется проходить адаптацию к условиям Фронна перед посадкой». С растущим отчаянием рассматривал он собравшихся.

Орда делилась на отряды, а отряды — на пары. Если человек сам не находил себе пару, а ему назначал напарника командир, немногие удовольствия и удобства полевой службы становились сомнительными и даже опасными. Твой напарник играет, сражается и живет рядом с тобой. Часто твоя жизнь зависит от его искусства и храбрости — точно так же, как его — от твоей. Пары служили годами, переходя из одной орды в другую. А кто в этой сверкающей толпе выберет в напарники к себе зеленого новичка? Очевидно, дело кончится тем, что его оттадут ветерану, который будет недоволен его неопытностью и неумелостью, и начало у него будет действительно трудным. Уф, да у него появилась космическая хандра! Надо думать о чем-то другом.

Но неуверенность и беспокойство, преследовавшие его весь день, долгий и полный событиями, сохранились и дошли до предела в странном пугающем сне: он бежал из всех сил по сумеречной местности, стараясь спастись от красного луча бластера меха. Кана проснулся с сжимающимся сердцем и, вспотев, лежал в темной каюте.

Его преследовал мех — но мехи не воюют с арчами! И все же прошло немало времени, прежде чем он снова сумел заснуть.

Свет искусственного корабельного дня разбудил его поздно. Хансу не было, содержимое его вещевого мешка валялось на пустой койке. Внимание Каны привлек игольный нож в ножнах, гладко отполированный от многолетних прикосновений к коже владельца. Его простая ручка была удобна в работе. А присутствие его среди вещей означало, что Кана делит каюту с человеком, владеющим самой смертоносной формой рукопашной схватки. Кана хотел взять оружие, взвесить его в руках, примерить к себе. Но он твердо знал, что нельзя прикасаться к личному оружию без разрешения владельца. Это прямое оскорбление, ведущее к «встрече», с которой один из них не вернется. Кана слышал достаточно рассказов инструкторов, чтобы быть знакомым с неписанным казарменным кодексом.

Он опоздал в столовую и с быстротой провинившегося ел под нетерпеливыми взглядами стюардов. Потом пошел на

прогулочную палубу, где проводили время солдаты. Здесь играли в карты, и толпа нетерпеливых игроков окружала доску. Триг Хансу не примкнул ни к одной из групп. Он сидел на матрасе, скрестив ноги и держа портативный аппарат для чтения, внимательно всматриваясь в проекцию.

Заинтересованный Кана обошел игроков, чтобы взглянуть на маленький экран. Он успел разглядеть какую-то местность, угрюмую, темную: поперек экрана двигались выочных животные.

Хансу, не поворачивая головы, произнес:

— Если интересно, садись, новичок.

Покраснев, Кана хотел смеяться с толпой, но Хансу на самом деле подвинулся и дал ему место.

— Видишь, наше будущее.— Он ткнул пальцем в экран, когда Кана опустился рядом с ним.— Это Фронн.

Выочные животные фроннианских равнин были четвероногими, и казалось, что их длинные ноги состоят из обтянутых кожей костей. С обеих сторон из чешуйчатых спин свисали туки, косматая растительность покрывала все тело, из черепа торчали рога.

— Караван гуенов,— узнал Кана.— Должно быть, западные береговые равнини.

Хансу нажал кнопку, и экран погас.

— Вы специально изучали Фронн?

— В архиве, сэр.

— Молодость полна энтузиазма. Вы ведь только что окончили обучение? Специализация — нож, ружье?

— Всего понемногу, сэр. Но специализация Х-три. В основном, связь с чужими культурами...

— Гм. Это объясняет ваше присутствие здесь,— Хансу говорил не очень ясно.— Х-три... Интересно, чем они вас теперь начиняют...— И он быстро разразился целым залпом вопросов, очень похожих на те, что слышал Кана, прежде чем получил знак своей специальности.

Когда он, стараясь изо всех сил, ответил почти на все, Хансу кивнул:

— Неплохо. Как только большая часть теории вылетит из вашей головы, а опыт научит тому, что действительно необходимо знать об этой игре, вы оправдаете по крайней мере половину своего жалованья...

— Вы сказали, что специализация Х-три объясняет мое назначение, сэр?

Но ветеран, по-видимому, уже потерял интерес к разговору.

Игра явно кончилась шумным и не очень добродушным спором. Хансу хлопнул по плечу другой ветеран такого же ранга и увел в группу, образовавшуюся для нового коня.

Не получив ответа на свой вопрос, Кана начал внимательно всматриваться в окружавших его людей. Здесь были не только ветераны, но и старослужащие, с большим количеством звезд. В разговорах упоминались знаменитые командиры орд. Фитч Йорк был новичком, не обладающим достаточной известностью, чтобы привлечь этих людей. Не понятнее было бы, если бы они отказались от назначения? К чему такая концентрация опыта и искусства в небольшой орде на неизвестной планете? Кана был уверен, что Хансу, например, сам — выдающийся Х-три специалист.

В течение следующих дней Кана редко видел ветерана, и посадка на Секундус после скуки путешествия наступила не скоро.

В качестве временного помещения орде Йорка назначили длинный зал, в одном конце которого размещалась столовая, а в другом расставили койки. Сотня мужчин, перетаскивающих свои пожитки и личное вооружение, приветствующих старых друзей, делящихся солдатскими слухами и новостями, наполнили зал шумом и столпотворением. Кана, не зная, куда идти, пошел за Хансу вдоль зала. Но когда мастер-мечник подошел к сверкающему кругу своих друзей и новичок оказался предоставлен самому себе, отправился в темный угол, соответствующий его неопытности и возрасту.

Особого выбора у него не было. Третий класс располагался в самом неудобном месте у двери. Там с чувством облегчения Кана заметил несколько мундиров, так же лишенных украшения, как и его собственный.

Бросив мешок на койку, он этим показал, что занимает ее.

— Видел, кто явился? — спросил сосед. — Триг Хансу.

Низкий свист удивления был ответом на его слова.

— Но он ведь — высший класс. Что он делает в этой части? Он вполне мог бы наняться к Загрену Осмину или Франлану. Йорк из сил должен был выбиться, чтобы заполучить его хотя бы на один день!

— Да? Но я кое-что о нем слышал. Он готов отказаться от самого выгодного назначения, чтобы уйти с регулярных линий и попасть в новый мир. Давно мог иметь и собственную орду, если бы не выкидывал свои штучки. А не заметил ли ты, братец, кое-что странное в этой толпе? Здесь не только Хансу! — Тут говорящий заметил мешок Каны и быстро повернулся, чтобы

оглядеть его владельца.— Ага, кое-что новое на ракетном хвосте. Хорошенький новичок готов поймать удачу или умереть на поле славы. Как тебя зовут, новичок? — В его словах не было сарказма, да и сам говорящий не намного превосходил Кану возрастом и рангом.

— Кана Карр, третий класс...

— Мик Хамет, третий класс, а этот разиня, что там раскинул ноги — Рей Каласси, тоже нашего низшего ранга. Первое назначение?

Кана кивнул. Темно-рыжие волосы Мика Хамета были коротко подстрижены, его кожа скорее покраснела, чем потемнела от загара, а вокруг плоского носа разбегалась паутина веснушек. Рей Каласси расправил свои длинные ноги и оказался ростом не менее шести футов двух дюймов. Лицо у него было сонное, но в маленьких серых глазах светился юмор и интерес.

— Нам не повезло. Пришлось отказаться от назначения в орду Остерберга четыре месяца назад. Так что мы с радостью согласились, хотя офицер, ведающий назначением, смотрел на нас так, будто мы мучные черви.

— У вас есть пара, Карр? — хриплым голосом спросил Каласси.

— Нет, я задержался с окончанием обучения. А все, кто летел со мной с Прайма, были ветераны...

— Это плохо.— Мик перестал улыбаться.— Большинство из наших уже имеют пары, а тебе не захочется иметь парой какого-нибудь старослужащего.

— Я слышал, что если приедешь в одиночку, то Йорк даст в пару ветерана,— вмешался Рей.— У него теория, что новичков надо прикреплять к ветеранам.

— А это очень плохо,— продолжал его товарищ.— Не следует вступать в пару с кем-нибудь, пока не узнаешь его. На твоем месте, Карр, я бы как можно дольше оставался один. Если повезет, найдешь себе хорошего парня в партнеры. Держись с нами, пока не отыщешь себе пару.

— Хорошая возможность держаться подальше от этих разукрашенных...— Рей кивнул в сторону ветеранов. Он надел шлем и застегнул ремень.— До утра ничего не произойдет, можем провести ночь в городе. Ты не видел, парень, настоящего веселья, если не побывал в Секундусе.

Кана обрадовался, но вспомнил о своем скромном кошельке: четырех кредитов не хватит на хороший обед, он был в этом уверен. Но когда Кана покачал головой, пальцы Мика сомкнулись на его руке.

— Не волнуйся, парень. Мы долго пробыли в захолустье и совсем не хотим улететь, зажав кредиты в кулаках. Заплатим за тебя, а когда получишь звезду, ответишь нам тем же. А теперь быстрее, пока кому-нибудь не пришло в голову засадить молодое поколение за работу для блага наших душ.

За пределами казарм простирался типичный портовый город. Таверны, кафе, игорные дома, рассчитанные на все ранги и цены, от мастеров лезвия и мастеров-мечников до новобранцев. Жмуя глаза от яркого света рекламы, Кана еще раз подумал, что сюда нечего соваться с четырьмя кредитами.

К его смущению, намерения его проводников были отнюдь не скромными. Они миновали кафе, которое бы выбрал Кана, и втащили его в широкую дверь. Башмаки их погрузились в толстый четырехдюймовый ковер, который мог быть соткан только на Саке. Стены были покрыты гобеленами с Сансифара. Кана замешкался.

— Слишком роскошно,— запротестовал он. Но хватка Мика не ослабла, а Рей захихикал.

— Вне поля не существует рангов,— сардонически напомнил Мик.— Третий класс и мастер лезвия—все мы в одной шкуре. Только штатские заботятся об искусственных различиях.

— Конечно. Солдат имеет право идти куда ему угодно. А нам угодно идти сюда.— Рей принюхался к ароматному ветерку, шевелившему занавеси и сообщавшему странную жизнь нарисованным на них фигуркам.— Клянусь раздвоенным хвостом Бламанда, я бы все отдал, чтобы оказаться за одной из этих завес. А вот и офицант.

К ним приближалась скелетоподобная большеголовая фигура туземца с Вульфа-2. Он приветствовал их профессиональной улыбкой, обнажив двойной ряд клыков, отчего земляне слегка занервничали.

— Ничего чрезвычайного,— сказал Мик.— Мы завтра улетаем. Обойдемся сами, Фрихпальт. Не беспокойся...

Волчий оскал стал еще шире. Офицант отошел. Когда они прошли в следующее помещение, Кана заметил:

— Вы здесь не впервые?

— Да. Мы знакомы с Фрихпальтом. Он вовсе не плохой, старина. Давайте поедим.

Они провели Кану через анфиладу роскошных помещений с экзотической обстановкой и, наконец, пришли в комнату, вид которой вызвал у него удивленное восклицание. Они как будто вошли в джунгли. Огромные папоротники возвышались по сторонам, смыкая у них над головами длинные листья, но не

закрывая золотистое освещение, которое окутывало мягкие сиденья и резные столики. Среди зелени порхали разноцветные огненные птицы, которые могли быть только легендарными кротандами с острова внутреннего мира Цефаса.

Кана, увидев ожившие рассказы путешественников, ошеломленно позволил товарищам посадить себя на скамью.

— Кротанды? Но как?..

Костяшки пальцев Мика ударились о ствол ближайшего папоротника, и в ответ послышался металлический звук. Кана протянул руку, она вместо грубой коры коснулась гладкой металлической поверхности. Все вокруг было искусственным.

— Все делается при помощи зеркал,— пояснил Мик.— Но это одна из лучших выдумок Слонала. За всем присматривает Фрихпальт, но придумал все это его хозяин. А вот и еда.

На столе появились тарелки. Кана осторожно попробовал и принял есть.

— Не скоро мы еще раз попробуем такую еду,— заметил Рей.— Я слышал, Фронн не очень приятная планета.

— Климат для нас холодный, а туземная культура на феодальном уровне,— пояснил Кана.

— Полицейская акция,— протянул Мик.— Полицейские акции не вяжутся с феодальным правительством. Кто там правит— короли, императоры?

— Короли — они называют их гатанусы — правят небольшими нациями. Но право наследства передается по женской линии. Наследником гатануса является сын его старшей сестры, а не собственный. Родственные связи с матерью и сестрами гораздо ближе, чем с отцом и братьями.

— Ты изучал все это?

— Я воспользовался записью на Прайме.

Рей казался довольным.

— Похоже, ты — неплохое приобретение! Мик, нам нужно держать его в лапах.

Мик проглотил огромный кусок.

— Конечно. Мне почему-то кажется, что этот перелет будет нелегким, и чем больше мы знаем, тем лучше для нас.

Кана перевел взгляд с одного на другого, уловив тень беспокойства.

— Что случилось?

Мик покачал головой, а Рей пожал плечами:

— Пусть меня сожжет бластер, если я знаю. Но если побродить по свету и познакомиться поближе с «человеком», каким бы странным он ни был, начинаешь предчувствовать.

— Йорк?

Моральный дух любой орды зависит от характера ее мастера лезвия. Если Йорк не сумел внушить уверенность своим последователям, то дело плохо!

Мик нахмурился.

— Нет, дело не в Фритче Йорке, по всем меркам он — командир что надо. Много блестящих парней, кроме Хансу, подписали назначение — уже это говорит о том, как ценится мастер лезвия. Какое-то чувство... что-то неопределенное внутри... — Большой рот Мика изогнулся в улыбке. — Неплохие мы гадальщики, а? Предскажем будущее — гадание в кредит! Фронн не хуже многих известных мне планет. Покончим с этим? И покажем новичку тайну Фрихпальта. Единственный случай, когда старый «волк» проявил воображение. И, клянусь космическими крысами, дело этого стоит!

Вершиной полета воображения Фрихпальта оказался игорный механизм, который собрал вокруг себя большую группу солдат. В полу комнаты находился бассейн, разделенный на секции, окружающие центральную арену. В каждом из небольших заполненных водой участков находилась рыба около пяти дюймов длиной, две трети ее тела занимала пасть, усаженная острыми зубами. К их хвостовым плавникам были прикреплены ярлыки. Рыбы были разного цвета. Они яростно кружили в клетках. Игрохи собирались вокруг бассейна, изучая пленников. Когда двое или трое избирали своих бойцов и опускали кредитные фишкы в щель у борта, открывались дверцы клеток, выпуская рыб на арену. Далее следовала жестокая схватка, прекращающаяся лишь тогда, когда только один боец оставался в живых. И ставивший на победителя собирал плату с поставивших на побежденного. Невозможно было придумать более привлекательную игру, чтобы вытягивать у солдат кредиты.

Кана внимательно разглядывал плавающих бойцов, пока не выбрал дуэлянта с мощными челюстями и зеленым хвостом. Он купил у держателя банка крупную фишку и наклонился, чтобы опустить ее в щель.

Мощная волосатая лапа опустилась на его плечо, и он с трудом удержался на краю бассейна.

— Вон отсюда, мальчишка! Это мужская забава.

— Что та... — Кана захлебнулся кашлем, когда Мик кулаком ударил его в спину, а кто-то еще легко оттащил его от бассейна и от человека, занявшего его место. Тот злобно усмехнулся. Затем, утратив всякий интерес к новичку, повер-

нулся к бассейну. Боец, освобожденный фишкой Каны, выплыл на арену.

Все хорошее настроение Каны улетучилось. Рей старателльно отводил взгляд, в то же время держа Кану хваткой, известной среди борцов без оружия. Кана знал, что против нее лучше не бороться.

— Уходим. Немедленно! — распорядился Мик.

— Что такое? — снова начал Кана. — Почему?

— Парень, ты чуть не выкопал себе здесь могилу. Это Богат. Запан Богат. У него на мече двадцать дуэльных зарубок, он ест новичков на завтрак при любой возможности. — Мик старался шутить, но голос его звучал серьезно.

— Вы думаете, я испугался? — вспылил Кана.

— Слушай, парень, можно быть гордым и все же знать марсианскую крысу и не пинать ее в зубы. После этого героического поступка ты проживешь недолго. Ты слишком умен, чтобы связываться с Богатом. Когда-нибудь кто-то из больших — Хансу или Дик Милл — рассердится на Богата. И тогда — о парни! — тогда мы будем отомщены! Богат — это внезапная и болезненная смерть на коленях.

— Кроме того, он лучший разведчик из всех вынюхивающих след, — вмешался Рей. — Богат в игре и Богат на поле — это два разных человека. Мастера лезвия терпят первого ради второго.

Кана понял, что они правы. Было бы глупо возвращаться и задирать Богата. Он еще попробовал протестовать, но его прервал Хансу, подошедший в сопровождении двух полицейских.

— Люди Йорка? — спросил он.

— Да, сэр.

— Возвращайтесь в казармы и побыстрее. Получен приказ о взлете. — И он прошел мимо, направляясь к следующей группе.

Троица быстрым шагом устремилась к казармам.

— Что теперь? — хотел знать Рей. — Я же слышал, что мы отправимся завтра в полдень. Из-за чего эта спешка?

— Я тебе говорил, — заявил Мик, — что все это пахнет не очень приятно. Мы только что побороли, а тут взлет и камера повышенного давления! Мы очень пожалеем, что ели, очень!

Все еще слыша это ужасное пророчество, Кана взял свой мешок с койки, на которой он так и не успел полежать, и вместе с Миком и Реем занял место на платформе, отвозящей к транспорту. Когда их разделили на четверки, Кана обнаружил, что в камере давления вместе с ним его новые знакомые и солдат, которому было явно скучно в молодежной компании.

Они разделись до трусов и получили целый набор уколов. После чего не оставалось ничего иного, как лечь на койки и терпеливо переносить неприятные ощущения.

Следующие несколько дней были чем угодно, только не приятным времяпрепровождением. Их тела заставляли медленно привыкать к условиям Фронна, это был болезненный процесс. Но когда они высадились в холодном мире, то были готовы к действиям.

Кана по-прежнему не имел пары. Он держался Мика и Рея, как они советовали, но знал, что рано или поздно их троица будет разбита и он должен будет назвать своего напарника. Он сторонился ветеранов, а еще не имевшие пар три или четыре солдата третьего класса совсем ему не нравились. Это были старослужащие с большим опытом, чье неисправимое поведение держало их в низшем ранге. Умелые в поле, они были источником беспокойства в казармах, переходили из одной орды в другую и в конце каждого назначения их отпускали со вздохом облегчения. Кана очень надеялся, что ему не придется быть парой одного из них.

Вид Фронна оказался для землян обескураживающим. Они высадились в сумерках и в темноте прошли к приземистому каменному зданию, которое должно было служить им временной казармой. В длинном помещении совсем не было мебели, и троица уселась на свои мешки, раздумывая, доставать ли им спальные мешки, или подождать указаний.

Длинный нос Рея сморщился в отвращении, когда он перевинул башмаки с подозрительного грязного пятна на полу.

— Я бы сказал, что нас поместили во второсортные условия.

— Второй сорт? — переспросил Мик. — Скорее пятый. А раньше обитателями этого дома были животные. Это фроннианский коровник, если нос меня не обманывает.

И вот прозвучал приказ, которого больше всего боялся Кана: у стола мастера-мечника в дальнем конце помещения началась регистрация пар. Рей и Мик, сказав ему что-то одобрительное, встали в очередь. Кана колебался, не зная, что делать, когда услышал незнакомый резкий голос. От него поблизости стоял Богат и еще один солдат того же типа. А третий их спутник улыбался рядом с Богатом.

— Вот и новичок не знает, что ему делать. Бедный маленький новичок! Иди, Сим, и возьми его за руку. Ему нужна нянька.

Кана ощетинился. Подбадриваемый Богатом, Сим двинулся к нему, его грубое лицо было искажено подобием улыбки.

— Бедный маленький новичок,— повторил Богат, и половина очереди обернулась, чтобы посмотреть, что происходит.— Сим присмотрим за ним, верно?

— Конечно, Зап. Пошли, новичок.— Его волосатая рука ухватила Кану за рукав.

Последующее было чисто рефлекторным действием со стороны Каны. Отвращение, которое он ощутил при этом прикосновении, заставило его двинуться. Кана резко выдернул руку, и Сим пошатнулся. Богат вышел из очереди, его маленькие глазки сверкали садистской радостью.

— Похоже, ты не понравился новичку, Сим. Что мы делаем с новичками, которые не понимают своего счастья?

Кана считал, что он наготове, но Сим все же застал его врасплох. Удар по лицу был так силен, что Кана чуть не упал, а на глаза навернулись слезы боли. Стارаясь восстановить равновесие, Кана размышлял: казарменная дуэль,— а именно этого хотят забияки,— вещь настолько законная, что остальные не вмешиваются.

У него было единственное преимущество: они ожидали, что он изберет обычное оружие — мечи с закрытыми остриями. Но благодаря особенностям своего земного обучения, у него была возможность избежать отвратительного избиения.

Теперь их с Симом окружала толпа ожидающих зрелища. Кана ощущил вкус крови на губах.

— Встреча? — он автоматически задал соответствующий вопрос.

— Встреча.

— Дай мне твой меч, Сим. Я прикрою его кончик,— громко сказал Богат.

— Не торопись,— Кана обрадовался, что его голос звучит спокойно.— Я не говорил о мечах.

— Ружья запрещены, мы не в поле, новичок.— Глаза Богата сузились.

— Я выбираю дубину,— ответил Кана.

Наступило молчание.

ГЛАВА 3

Тё арчи, которые дольше пробыли на Фронне, начали осознавать суть произнесенного, хотя Сим, очевидно, еще не сообразил. Когда он оглянулся на Богата в поисках указаний, в центр круга пробился Хансу. За ним шел другой человек, более молодой, но державшийся властно и уверенно.

— Ты слышал его слова, — сказал Хансу Симу. — Он выбрал дубины. И вы встретитесь здесь, немедленно. Все должно кончиться до начала марша.

Сим по-прежнему недоумевал, и, видя это, Кана начал надеяться. Мечи с прикрытыми концами — одно дело: человек может быть ранен или даже убит в такой схватке, если встретится с искусным противником. Но вооруженный дубинкой, сделанной из ядовитого дерева (ее прикосновение к человеческому телу оставляет жгучий ожог; местные жители использовали дубины, чтобы подгонять своих упрямых животных), он имеет шанс остаться живым.

Кана расстегнул ремень шлема, Мик тут же протянул руку, чтобы взять его. Рей помог ему снять перекрещивающиеся пояса.

— Ты знаешь, что делаешь, парень? — прошептал он, пока Кана снимал туннику.

— Надеюсь, лучше, чем Сим, — ответил Кана, стягивая рубашку.

Искра надежды постепенно перерастала в спокойную уверенность. Сим по-прежнему казался смущенным, а с отвратительного лица Богата исчезла наглая усмешка. Молодой человек, шедший за Хансу, исчез. Но прежде чем Кана успел ощутить холод неотапливаемого здания, он вернулся, неся в перчатках две дубины алого цвета. Те, кто знал Фронн, быстро расступились.

Кана надел перчатки и взял одну из дубинок. Они были одинаковы по длине и по весу. И когда круг зрителей расступился, давая место сражавшимся, Кана с радостью убедился, что на лице Сима явно отразилась неуверенность.

Они одновременно встали в позу, держа дубинки, как более привычный им меч. Но если дуэлюнту надо остерегаться лишь заостренного конца меча, то тут малейшее прикосновение дерева причиняло жгучую боль. Они кружили, нападая и парируя удары.

После третьей стычки Кана понял, что имеет дело с первоклассным мечником, но он также предположил, что относительная легкость дубинки беспокоит Сима и что его противник не вполне уверен в себе и опасается неизвестных возможностей оружия.

Достаточно одного удара, чтобы закончилась дуэль: резкий удар по мышцам руки, и та на несколько минут станет бездвижной из-за мучительной боли. Весь мир для Каны сузился до дубинки, которой он сражался, и раскачивающегося, прыгающего тела противника. Сим не стал нападать, а огра-

ничился защитой, очевидно, предоставив экспериментировать Кане, и тем самым проявив больше ума, чем Кана ожидал.

Не потеряв уверенности, но более осторожно, Кана кружил, пользуясь традиционными выпадами и приемами парирования. Пусть Сим действует открыто, поверив, что перед ним новичок.

Что-то коснулось груди Каны. Боль была почти такая же сильная, как ожог бластера. Кана стиснул зубы, а Сим ободренный этим успехом, перешел от защиты к нападению, и его атаку было трудно отразить. Кана был вынужден пятиться, уступать, но в его голове была единственная цель — добраться до уязвимого места на мускулистой руке противника.

Дубинка Сима вновь достигла цели, задев челюсть Каны. Молодой человек ошеломленно дернул головой, но успел все же отскочить в сторону и уйти от второго удара. Резкое отступление показалось Симу признаком того, что у Каны сдали нервы, и он разразился водопадом ударов. И тут наступил момент, которого и ожидал Кана: его дубинка попала в руку противника, как раз ниже плеча. Менее подготовленный, чем Кана думал, его противник закричал, схватился за красный ожог на руке, дубинка его покатилась по полу к ногам Каны. Кана поднял свое оружие в формальном приветствии:

— Удовлетворены?

От боли Сим лишился дара речи и лишь кивнул, в его глазах ненависть боролась с болью. Но так как он не мог держать оружия, то вынужден был сдаться, хотя, без сомнения, далеко не был удовлетворен.

Кана услышал гул голосов. По обрывкам разговоров он понял, что знатоки обсуждали со всех сторон и возможных точек зрения его победу. Он уронил дубинку на пол и поднял руку к горящей челюсти.

— Не трогайте, вы, юный глупец! — услышал он властный голос. Молодой человек, принесший дубину, отвел руку Каны и начал смазывать его ожог желтой мазью. Кана почувствовал, как огненная боль сменяется прохладой. Он терпеливо ждал, пока смазали и саднивший бок, а затем накинул протянутую Миком куртку.

— Ладно, ладно! — послышался сквозь гул густой бас Хансу. — Представление закончено.

Но когда остальные вернулись в очередь, мастер-мечник остался стоять между Каном и Симом: стальной блеск его глаз относился к обоим.

— За ссору в казарме,— объявил он,— будет штраф в размере трехдневной полевой платы! А если у кого-нибудь из

вас появится мысль продолжить ссору, будете иметь дело со мной!

Кана, неспособный надеть шлем из-за больной челюсти, с готовностью согласился на мир, и Сим пробормотал что-то в знак согласия.

— Вы, Лоту, отправляйтесь к Дау,— Хансу ткнул пальцем в конец очереди.

Сим, поддерживая больную руку, послушно прошел мимо Богата и занял место рядом со смуглым и жилистым ветераном. Кана остался на месте.

— Я отвечаю за него,— проговорил молодой ветеран, и Кана понял, что это уже было решено между ним и Хансу. Все еще не зная, кто его партнер, Кана пошел за ним.

— Миллз и Карр.— Хансу занес их в список отряда, которым сам будет командовать.

Миллз... это имя было знакомым: сворачивая спальный мешок, Кана пытался вспомнить, где он слышал его раньше. Но тут на него налетели удивленные и возбужденные Мик и Рей.

— Позволь дотронуться до тебя,— приветствовал его Мик.— Может, и ко мне перейдет немного удачи. Мне она не помешала бы!

— Ты, должно быть, родился с мечом в руке и звездой во лбу! — воскликнул Рей.— Как тебе нравится Дик Миллз в качестве пары, новичок?

Дик Миллз! Снова это имя прогремело, как гонг, но он по-прежнему не мог вспомнить, где его слышал.

— Великие лезвия! — Глаза и рот Мика стали круглыми от изумления.— Мне кажется, что он не понимает, что с ним произошло. Кто-то должен учить новичков, прежде чем они вступят в этот жестокий холодный мир. Дик Миллз, парень, это — двойная звезда. Он может соперничать с людьми типа Хансу и вправе выбрать себе в пару любого из отряда, из всей орды! Он мог бы быть партнером Хансу, если бы Йорк не настоял, чтобы Триг командовал отрядом.

Кана проглотил комок.

— Но почему...— Во рту у него пересохло.

— Не из-за твоих прекрасных глаз,— ответил Мик.— У него не было пары, а тут вдруг подвернулся ты. Правило Йорка — комплектовать пару из ветерана и новичка, если они до последней минуты не сделали выбор. Тебе повезло, что ты оказался на нужном месте в нужное время.

— Я бы лучше остался с вами.— Кана говорил правду. Быть парой такого известного бойца, как Дик Миллз,— этого

он меньше всего хотел. Он все будет делать не так, и его ошибки на таком фоне будут казаться еще больше. В этот момент он даже предпочел бы стать напарником Сима.

— Смотри веселей,— улыбнулся Мик.— Мы в том же отряде. А Миллз одновременно — помощник Хансу. Ты не очень часто будешь его видеть.

— Кончай болтать,— предупредил Рей.— Вон там у двери — Миллз. Не следует заставлять его ждать.

Кана схватил мешок и посмотрел в указанном направлении: молодой ветеран стоял у двери, разговаривая с несколькими солдатами высших рангов. Кана заторопился, начиная жалеть, что не воспользовался своим правом и не отказался от этого назначения.

Около полуночи по корабельному времени Кана присоединился к Миллзу. Снаружи виднелись тусклые голубоватые лучи, слабые и бледные для земного глаза. Кана понял, что вместо того, чтобы оставаться на ночь в вонючем коровнике, они выступают в полевой лагерь, разбитый вблизи города первыми прибывшими на Фронн наемниками.

Улица была грубо вымощена, посередине ее двигалась вереница легких двухколесных тележек. Каждую тащил гуен, злобно огрызаясь на чужаков. Когда Кана, по примеру Миллза, бросил свой мешок на одну из телег, он впервые увидел фроннианца во плоти.

Это был ллор, представитель господствующей на континенте расы. Гуманоидный по внешности туземец достигал добрых семи футов роста. В климате, где земляне кутались в зимнюю одежду, ллор был обнажен по пояс: природа снабдила его покровом густых выющиеся волос, похожих на овечью шерсть, от них исходил острый маслянистый запах. Волосяное покрытие было тоньше на лице, но оно являлось для неискусшенного наблюдателя странным зрелищем, так как нос представлял собой лишь два отверстия, зато глаза выпучивались из круглых глазниц, создавая впечатление пристального немигающего взгляда. Рот был маленький и круглый, и если у ллора и были какие-то зубы, то они не были видны. Единственной одеждой туземца, если не считать ремней, поддерживающих меч и ружье, была меховая набедренная повязка. Голенища сапог доходили до колен, носки их увенчивались металлическими остриями.

Пока солдаты грузили свой багаж на телегу, ллор стоял, жуя конец своей дубинки и время от времени шумно сплевывая. Когда на телеге оказалось шесть мешков, он распрямился,

ударил фыркающего гуена дубинкой; телега со скрипом покатилась, и солдаты пошли за ней.

Синие лампы, укрепленные на стенах без окон, мимо которых они проходили, давали достаточно света, но поверхность улицы была неровной и идти было нелегко.

— Это Тарк, главный город провинции Скоры.— Голос Миллза перекрыл грохот металлических колес телеги.— Скора — правитель западных земель. А хочет быть гатанусом. Вот почему мы здесь.

— Офицер по найму сказал, что это будет полицейская акция,— заметил Кана.

Может, в этом и заключалось то тревожное, что почувствовал Мик на Секундусе. Есть большая разница между успокоением беспорядков по просьбе законного правителя и поддержкой мятежного вождя, претендующего на трон.

— Поскольку Скора заявляет, что он законный наследник, это можно назвать и полицейской акцией.

Кане показалось, что он уловил сухую нотку в голосе Миллза. Неужели он допустил глупость и его слова могут быть восприняты как критика по адресу Йорка и высших офицеров?

— Сестры гатануса Плоты были близнецами. Идет спор, кто из них старше. И у каждой из них есть сын. Следовательно, сейчас нет согласия о том, кто законный наследник. Плота умирает от трясучки, он не проживет больше трех месяцев. Партия Скоры не пользуется при дворе влиянием, и в последний спокойный сезон Скора был отослан сюда. Он больше изгнаник, чем правитель, здесь их называют черта. Но он заключил договор с ИТ — «Интергалактиктрейдинг» — о правах на разработку недр и собрал достаточно денег, чтобы иметь дело с Йорком. ИТ давно пытается проникнуть сюда: торговля с местными племенами — монополия центральной власти. Поэтому они очень рады поддержать Скору. Конечно, это надувательство, но, если Скора станет гатанусом, он заплатит вдвое больше, чем Йорк смог бы получить за это время в другом месте.

— Против кого мы боремся?

— Против С'Торка, второго племянника. Он не так расточителен, как Скора, и все консервативные дворяне на его стороне. Но он не боец и у него нет собственных войск. Скора считает, что при поддержке орды дело даже не дойдет до битвы и противник покинет поле боя.

За стенами Тарка мостовая внезапно оборвалась, и телега погрузилась в глубокую пыль караванной тропы. Они миновали спусковую решетку и вышли из столицы на открытую мест-

ность. Торговцы со своими гуенами ждали прохода в Тарк. Кана заметил, что эти путешественники меньше ростом, чем гигант-ллор. К тому же они были полностью укутаны в плащи с капюшонами и стояли в стороне, пропуская землян,—молчаливые и лишенные индивидуальных черт, как привидения.

Лагерь орды располагался в миle от города, желтые огни приветливо манили к себе во тьме безлунной ночи. При их свете Кана отыскал свою палатку, развернул спальный мешок и заполз в него, чтобы поспать несколько часов.

Последовала неделя утомительной муштры, сплотившая вновь прибывшую орду в боевой отряд. За это время Кана был слишком занят, либо слишком утомлен, чтобы размышлять о своем будущем.

Через десять дней их выстроили в походный порядок в предрассветных сумерках, которые на Фронне кажутся холоднее и мрачнее, чем на Земле. Орда должна была двигаться на восток, к отдаленному горному хребту, отделявшему западную провинцию от богатых центральных равнин, которые честолюбивый Скора тоже считал своими.

Кана должен был согласиться, что мятежный черта представлял собой прекрасный образчик полуварварского военного вождя. В сопровождении кавалерийского отряда на упрямых самцах-гуенах он не раз проезжал через лагерь землян. Популярность его была велика, о чем свидетельствовали все новые и новые дворяне, ежедневно приезжавшие со своими отрядами и увеличивающие туземную армию, расположенную рядом с лагерем землян. Ежедневно также приходили караваны вьючных гуенов с различными грузами.

В это утро Кана вместе с Реем шел боковым на марше. И вот, поднимая густую пыль, появилась группа закутанных в плащи с капюшонами всадников. Встретившись с торговым караваном, орда свернула в поле, так что только боковые оставались на дороге рядом с торговцами.

Кана закутал подбородок мягкой оторочкой воротника, радуясь, что выбрал подбитый мехом плащ с капюшоном, закрывавшим голову и уши: утренний мороз на Фронне жесток.

— Вот и последний... — Рей поднял пистолет и выпустил в темноту красную ракету.

Положив ружья на сгибы рук, двое землян гибкой походкой солдат на марше двинулись по обочине дороги. Через несколько секунд они догнали последнего гуена и быстро настигли голову каравана. И тут внимание Каны привлек один из закутанных всадников. Они никогда не видели этих торговцев без

скрывающего фигуру одеяния, но знали, что они принадлежат к другой расе, чем волосатые ллоры, правившие континентом.

Ллоры, возделывающие землю, жили в городах, подчиняясь феодальным правителям, и были бойцами. Эти же торговцы, державшие монополию как на доставку товаров, так и на их продажу, принадлежали к другому племени. Родом с далеких морских островов, замечательные моряки и путешественники, они все время проводили в пути, нигде не селясь постоянно. Вентури — так здесь их называли — держались на материке обособленно и все дела совершали через одного из своих представителей, который мирился с неизбежной ролью посредника. Для землян вентури оставались загадочными существами в своих капюшонах, неотличимыми друг от друга ни по росту, ни по скользящей походке. Но вот этот — он отличался от остальных. Все торговцы скользили, этот же шел большими шагами. Он также не вел гуена, а шел в стороне от остальных с пустыми руками. Глаза Кана сузились, и он замедлил шаг, держась позади незнакомца. Похоже, что этот — вовсе не вентури!

Тут подошел Рей, и внезапно походка незнакомца изменилась и стала такой же, как и у остальных вентури. Кана заторопился, догоняя Рея. Они достигли вершины, внизу тянулись заросли. Им предстояло либо идти по дороге, либо сделать большой крюк.

Кана еле слышно пробормотал:

— На север.

Рей удивленно взглянул на него, но ни о чем не спросил. Он послушно свернулся в сторону и вскоре заросли отделили их от каравана.

— Среди вентури незнакомец, — объяснил Кана.

Рей повесил ружье и, присев на влажный дерн, снял с пояса передатчик.

— Доложу.

Кана пошел быстрым шагом, намереваясь догнать караван и следить за подозрительным туземцем. Он пересчитал закутанные фигуры, чтобы убедиться, что незнакомец по-прежнему среди них, когда его догнал Рей.

— Сюда приближается кавалерия ллоров. И если что-нибудь не так, они сами займутся этим. Нам нужно держаться в стороне от вентури.

Они продолжали идти рядом с караваном. Наступил день, и солнце окрасило небо в желтый цвет. Впереди всадники толпились у какого-то препятствия на дороге.

Кана и Рей пошли быстрее, чтобы посмотреть, что проис-

ходит. В пыли лежал гуен, лягаясь и лязгая клыками на солдат ллоров, которые совещались над ним.

Караван приблизился, и предводитель вентури направился к всадникам. На полпути его встретил командир отряда, и после недолгих переговоров торговец вернулся к своим, а другой вентури отделился от каравана и подошел к лежавшему животному. Ллоры разошлись, оставив у гуена только своих офицеров. Некоторые, как заметил Кана, заняли такую позицию, чтобы находиться на одной линии с караваном. Должно быть, это была какая-то военная хитрость: открыто обыскивать караван и вентури они не решались.

Неожиданно послышался крик одного из солдат. Он спешился, и его гуен, размахивая головой, вырвался и, брызгая слюной и зеленой пеной изо рта и ноздрей, понесся прямо к каравану. Всадник побежал следом, тщетно пытаясь схватить поводья.

Испугавшись ярости обезумевшего кавалерийского гуена, тяжело груженные гуены каравана тоже начали вырываться, таща за собой вентури. Одна из закутанных фигур побежала прямо к тому месту, где стояли Кана и Рей. Кана испытал искушение схватить беглеца, но приказ был ясен: это дело ллоров.

Всадники по обе стороны дороги догнали и окружили бегущего торговца. Один из них взмахнул над головой блестящей петлей и набросил ее на беглеца. Несколько ллоров спешились и уверенно направились к беглецу, очевидно не ожидая сопротивления. Торговец сел, и в следующее мгновение огненно-красная линия перерезала ближайшего солдата. Тот с криком упал замертво.

— Бластер! — закричал Рей.

Земляне сдернули ружья, два выстрела прозвучали одновременно. Сидящий торговец дернулся и упал на землю, тяжело ударившись: больше пуль не понадобилось.

Ллор с офицерским полукругом на плече дубиной придвинул к себе оружие беглеца — тускло блестевший металл, которому на Фронне не было места. После этого два солдата сняли с мертвца плащ. Это был ллор, о чем свидетельствовали вьющаяся шерсть и выпученные глаза.

— Это... — Офицер дубинкой снова коснулся оружия. — Вы знаете, что это такое? — медленно проговорил он на торговом космическом языке.

— Огнестрельное оружие, очень плохое, — ответил Кана. — Мы таким не пользуемся.

— Тогда откуда же оно? — вполне резонно задал вопрос офицер.

— Этот... он не из ваших? — пожал плечами Кана.

Командир отряда пробился сквозь кольцо своих солдат и наклонился, всматриваясь в безжизненное лицо туземца. Потом сорвал с него пояс, — на его внутренней стороне был оранжево-красный знак.

— Разведчик С'Торка, — сказал он, и перейдя на туземный язык, отдал несколько приказов.

Солдаты завернули тело в плащ и взвалили на спину протестующего гуена. К удивлению землян, вентури не произнесли ни слова. Дорогу расчистили, и караван двинулся дальше. Ни один из торговцев даже не взглянул на группу около шпиона. Бластер оставался лежать в пыли, пока командир не подошел к землянам и не указал на него носком сапога.

— Возьмите...

Это был скорее приказ, чем просьба. Но он вполне устраивал Кану: этим делом должен был заняться Йорк. Что делает новейшее и самое смертельное оружие Галактического патруля на Фронте в руках туземца-шпиона?

ГЛАВА 4

На перевернутом ящике от провизии, служившим мастеру лезвия столом, лежал бластер. Мастер Йорк сидел на скатанном спальном мешке, упираясь головой и плечами в узловатый ствол дерева. Его светлые волосы ярким пятном выделялись на фоне темной коры ствола. Фитч Йорк задумчиво жевал пруттик и рассматривал оружие.

Скора не намерен был так же спокойно воспринимать происшедшее. Он ходил взад и вперед по голубой глинистой почве, ожесточенно разбивая сапогами бороздки, как будто затаил злобу против самой земли.

— Что ты сейчас скажешь? — требовательно обратился он к Йорку. — Это не ваше. Но и не наше. Откуда же оно тогда?

— Я тоже хотел бы это знать, Ваше высочество. Это против наших законов. Но ведь оружие нашли не в руках моих солдат — его принес шпион врага.

— Да-а-а, — вырвался из волосатой пасти возглас, скорее напоминающий рев голодного хищника, чем согласие. — Зло исходит от С'Торка — что еще можно было от него ожидать? Что против этого ваши мечи? Что могут сделать ваши хваленые

мечи против огня, который обжигает и убивает? Мы не сражаемся с огнем. Когда я со своими сокровищами прилетел на Секундус и спросил, кто может мне помочь в битве, мне сказали: обратитесь именно к этому лорду-воину — на Фронне может сражаться не каждый. Я отдал сокровища, и вы пришли. И что же? У С'Торка оказываются воины, владеющие огненным оружием? Это не честная сделка, землянин. Мы, ллоры, не любим двуличных.

Он остановился перед бластером и Йорком.

— К тому же, когда шпион был уже в ваших руках и его можно было допросить, что происходит? Пули землян лишают его речи и отправляют в страну теней. Ты не хотел, чтобы он отвечал на вопросы, мастер лезвия?

Йорк не принял вызова.

— Это, — он указал на бластер, — смертоносное оружие, Ваше высочество. Если бы мои люди не убили шпиона, никто из ваших не выжил бы. Я сожалею, что мы не можем допросить шпиона. Теперь ответ мы получим только в лагере С'Торка...

— Я уже принял меры. Если у этого труса действительно есть такое оружие, мы об этом узнаем. — И не добавив ни слова, Скора сел на гуена и покинул лагерь землян. Его личная охрана последовала за ним, пришпоривая животных остриями сапог.

Как только Скора исчез в облаке голубоватой пыли, из ниоткуда возникли Хансу и Миллз, а Йорк забыл свою вялую позу.

— Ну? — Йорк подозрительно поднял брови.

— Лучше было выяснить это сейчас, чем позже, — ответил Хансу. — Кто-то действовал здесь не менее сезона и пользовался поддержкой. Эта штука из Галактического патруля.

— Кто? — Йорк выплюнул кусочек прутика.

— Какой-нибудь невезучий мех или... — предположил Миллз.

— Или кто-нибудь, решивший создать собственную маленькую империю, — закончил за него Хансу. — Этого мы не узнаем, пока не вернутся шпионы Скоры.

— Оружием и людьми или только оружием? Очень важно узнать, чем была оказана поддержка. — Йорк встал. — Но и то и другое плохо.

— Для нас будет лучше, если только оружием.

— Вы думаете, это демонстрация? Что же, может быть, может быть. Но если они думают испугать нас, им лучше пересмотреть свои планы. Возможно, что мы даже получим ответ на старый вопрос, что будет, если арчи столкнутся с

мехами? В таком мире, как этот, природа будет на нашей стороне. Легкое мобильное соединение против механизированного дивизиона — ударить и уйти, прежде чем они сдвинутся.

— Ну, ладно.— Хансу взял бластер. Тревожное выражение его лица говорило о том, что он не разделяет энтузиазма командира.— Может, у вас и будет возможность проверить себя, но никто не может угадать будущее.

Йорк отошел, и Хансу начал собственное расследование. Рей и Кана должны были в мельчайших подробностях пересказать события последних нескольких часов с того момента, как Кана заметил шпиона.

— В следующий раз покажете, что вы умеете попадать и в более удачные переделки,— заметил Хансу, когда они закончили.— Я отдал бы месячную плату за то, чтобы услышать несколько слов от этого шпиона. Вы свободны.

Бластер исчез, и в следующие дни не было упоминаний об этом случае. Орда находилась у подножия гор, двигаясь по извилистым тропам, пробитым копытами гуенов. Гигантские черно-белые скалы еще более усиливали сумрак вокруг. Небо днем приобретало желтоватый оттенок, а со снежных полей на вершинах дул ледяной ветер. Воздух по сравнению с равнинным был сильно разреженным, и хотя солдаты проходили усиленную подготовку к условиям Фронна во время перелета, каждый крутой подъем заставлял их долго отдыхать, отдуваясь.

Через семь фроннианских дней отряд перевалил через вершину хребта. Впереди лежали склоны, ведущие к богатым восточным областям континента. Между вершинами гор и морем лежали только эти области — если повернуть к северу, то там будет другой рукав горного хребта.

На пути было несколько стычек с королевскими постами. Но три крепости, господствующие над дорогой, были оставлены, прежде чем мятежники подошли к ним — это обстоятельство не способствовало успокоению землян. Долгие годы военной подготовки приучили их подозревать все и всех. И вдбавок в орде начались бесконечные толки, что они могут попасть в западню. Слухи превратили случай со шпионом в столкновение с целым отрядом мехов. Йорк и офицеры делали вид, что ничего не замечают, а солдаты старались держаться в стороне от своих туземных союзников. Их миссия на Фронне приобретала такой оттенок, что все они рады были скорее дождаться ее окончания.

Однажды в полдень Кана сопровождал Дика Миллза в

опасном подъеме на вершину утеса, откуда они хотели рассмотреть дорогу впереди. Пока Миллз регулировал полевой бинокль, Кана сложил руки в перчатках, защищая глаза и пытаясь рассмотреть что-нибудь невооруженным глазом. Впереди что-то блестело, — так может блестеть только металл. И это что-то двигалось.

— Они нас ждут там, внизу, — согласился с ним Миллз. — Два-три королевских штандарта. А вон там движутся всадники Скоры. Погоди, они размахивают флагом! Переговоры?

Кана видел лишь, как черные точки, движущиеся вдали по склону, слились в черное пятно.

— Йорку необходимо рассказать о попытках переговоров. Пожалуй, что Скора склонен сдаться.

Кана соскользнул с утеса и обнаружил у его подножия Йорка. Тот изучал туземную карту, консультируясь с мастерами-мечниками. Услышав новость о переговорах, он сел на подаренного ему Скорой гуена и поехал к туземному авангарду, а Кана снова полез на скалу.

— Смотри! — Миллз сунул бинокль Кане. — Вон туда, налево. Как по-твоему, что это?

Кана взглянул. Небольшой отряд мятежников-ллоров двигался навстречу пригоршне роялистов. Другая группа спешилась и тайком продвигалась вперед, обходя место переговоров.

— Засада? Но они встречаются под знаком перемирия!

— Именно так. — Голос Миллза звучал глухо.

Долгое время внизу ничего не происходило. Совещающиеся предводители, сидя на гуенах, оставались под разевающимся знаком перемирия. И тут из засады ударили мятежники. Они стаскивали сломленных роялистов с гуенов, оставляя неподвижно лежать на дороге одних, а других уводили за собой в скалы. А когда роялисты пытались их преследовать, находившиеся в засаде ллоры прикрыли похитителей огнем из своих воздушных ружей, так что роялисты вынуждены были в беспорядке отступать. Спустя некоторое время флаг перемирия разевался над одними мертвцами — подействовали не столько неожиданность, сколько коварство.

Двое землян, ошеломленные таким вопиющим нарушением кодекса чести, который для них был законом с самого начала обучения, спустились со скалы.

— Что-то случилось? — спросил Мик, почувствовав их беспокойство.

Кана кивнул, но Миллз не стал ничего объяснять. Никто не мог догадаться, что принесет землянам эта вспышка насилия.

Может быть, последует даже полный разрыв со Скорой и быстрое возвращение на Секундус.

Они вернулись на командный пункт вслед за Йорком. Его лицо представляло собой бесчувственную маску, но сжатый рот и блестящие глаза выдавали тревогу. Миллз доложил о произошедшем, а когда он закончил, Йорк рассмеялся, хотя и невеселым смехом.

— Да,— голос его прорезал молчание собравшихся,— это правда. Хансу, Блур,— он поманил двух старших офицеров,— идемте. Время поговорить. Вы пойдете со мной.— Глаза его обежали круг мечников.— Вы, вы и вы...

Когда Миллз толкнул Кану в грудь, до того дошло, что он был среди избранных мастеров лезвия вместе с Диком и Богатом. Вслед за офицерами они спустились с холма.

Дик снял ружье с плеча, остальные сделали то же. Хотя и у ллоров были хорошие воздушные ружья, они не могли сравниться в искусстве стрельбы с землянами. И если Йорку во время встречи со Скорой понадобится помочь и демонстрация военной силы, вооруженные солдаты будут как нельзя кстати.

Они нашли предводителя мятежников в скалистом дефиле, где караванная тропа превращалась в настоящую дорогу. Верховые и пешие ллоры окружили группу на пыльной дороге: три роялистских офицера, окровавленные, со связанными руками, стояли перед Скорой, который что-то говорил им на туземном языке. Увидев землян, он замолчал. Невозможно было человеческому глазу уловить выражение его волосатого лица, но было ясно, что его не обрадовало появление землян.

Три мечника остановились, держа оружие на виду,— вполне возможно, что его придется использовать.

Йорк пришпорил своего гуена рядом со Скорой. Ллоры расступились: они достаточно часто видели, как стреляют земляне, и не хотели быть мишенью.

— Ваше высочество, что я вижу... так же нельзя вести войну...— У Йорка не было ораторского голоса, но слышно было его хорошо.

— Я гатанус, а гатанус ведет войну как хочет. Они служили предателю С'Торку,— гневно возразил Скора.— Они убили моих людей, поэтому...

Быстрый взмах руки Скоры, сверкнула сталь, и три роялиста упали, забрызгав кровью его сапоги.

Рот Йорка был крепко сжат.

— Это плохой поступок, Ваше высочество. Зло порождает зло.

— Да? В своем мире можете поступать по своим обычаям. Здесь другие обычай, чужеземец!

Предводитель ллоров был в своем праве, и Йорк ничего не мог возразить. Одно из правил службы было не вмешиваться в споры туземцев между собой, ведущиеся по туземным обычаям. Возможно, на Фронне нарушения перемирия во время войны было обычным делом.

Но Кана слышал, как Богат пробормотал:

— Нет нам здесь счастья, нет счастья там, где флаг перемирия запачкан кровью.

Йорк повернулся и поехал назад. Группа землян вернулась в свой лагерь. Теперь к существующим подозрениям добавились новые тревожные мысли. Они привыкли к тому, что война должна подчиняться определенным обязательным правилам, если ее непреложные законы нарушаются, то к чему это приведет?

Состоялся военный совет, на котором присутствовали представители всех отрядов; остальные солдаты приготовили оружие, теперь уже ожидая нападения не только со стороны роялистов, но и со стороны так называемых союзников. К рассвету было принято решение. Поскольку Скора сослался на обычай, их контракт остается в силе и они должны участвовать в сражении на стороне мятежников. У Скоры была пехота, он предпочитал кавалерию, и немногие пехотные отряды образовывали фланги хорошо вооруженной земной орды. Им противостояла небольшая армия роялистов. Большинство знатных лордов равнин еще не сделали своего выбора, на чьей стороне воевать. Быстрая победа над этой армией — по существу, это были лишь домашние отряды С'Торка — заставит многих дворян перейти на сторону мятежников, и все равнинцы попадут под власть Скоры; останется лишь посыпать экспедиции для подавления отдельных ллоров, упрямо поддерживающих его двоюродного брата.

Резкие звуки боевых труб звучали над холмистой местностью. Мятежники казались уверенными в своей победе. Небольшие пехотные отряды сближались с ордой, а кавалерия выехала навстречу врагу. Орда начала действовать. Солдаты надели серо-зеленые полевые мундиры, сливающиеся с почвой. Исчезли все украшения.

План битвы был простой, но классический по ллорианской традиции. Клещи кавалерии пытаются окружить врага и погнать его в центр, под опустошительный огонь арчей. И поскольку армия С'Торка была настолько глупа, что принима-

ла сражение, то мятежники были уверены, что их маневр увенчается успехом. Единственным выходом для роялистов было отступление.

Кана сидел на небольшом пригорке, удобно устроив ружье на изогнутой ветке куста, который давал ему укрытие. Над головой стая летающих существ металась в воздухе, выдавая криками свой страх и негодование против вторжения в их мир. Кана оглянулся, когда к нему подполз Миллз. Ветеран критически оглядел выбранную новичком позицию, а потом одобрительно кивнул и начал сам устраиваться в листве.

Слышался глубокий и низкий звук труб: ллоры выкрикивали свой боевой клич.

Миллз улыбнулся Кане:

— Флаг поднят — начинаем!

Их поле зрения было ограничено. И довольно долго лишь отдаленные крики свидетельствовали о том, что сражение идет. Потом из небольшой рощи появилась группа всадников, они неуверенно топтались на месте. Цвет их обмундирования невозможно было спутать: роялисты, попавшие в ловушку-челость, в которой зубами были земляне.

Появилась группа из нескольких животных без всадников; гуены бежали от туземцев, пытавшихся схватить их за узду. Пеший ллор выбежал из леса, за ним ковылял другой, используя в качестве костиля копье. Стоявшие в нерешительности всадники разбрелись на две группы. Меньшая построилась и с обнаженными мечами двинулась назад в лес, другая в беспорядке устремилась по равнине.

Кана выбрал цель до того, как всадники приблизились к ним, и когда туземцы перевалили через пригородок, смертоносный шквал огня обрушился на них. Обезумевшие от страха гуены понесли. Несколько туземцев упало на землю.

Кане хотелось закрыть глаза: его внутренности выворачивало наизнанку. Действительность сильно отличалась от стрельбы по гуманоидным роботам, тщательно выстроенным на огневом рубеже. А ведь раньше ему не приходилось стрелять по живым существам! Секунду назад он стрелял по избранной цели. Ллор, на котором сосредоточился его взгляд, не напоминал ему живое существо. Но... Кана усиленно боролся с тошнотой. Ему было дано слишком мало времени, чтобы размышлять над своими эмоциями, потому что вторая волна роялистов выкатилась из леса. Но на этот раз они смешались со своими преследователями. В стремительном танце смерти неслись они вперед, падая на землю, но дорого отдавая свои

жизни: в рядах мятежников тоже виднелось немало животных без всадников.

— Скора!

Не было нужды в этом указании Миллза. Кана безошибочно узнал мятежного вождя, пробивавшего себе дорогу к предводителю роялистов — офицеру, такому же представительно-му внешне, как и будущий гатанус. И пока их подчиненные сражались вокруг, предводители также вступили в схватку. У роялиста шла кровь из раны на плече, но это не оказывало воздействия на его фехтовальное искусство, а Скора был невредим.

Кольцо сражавшихся, звеневшее металлом о металл, приближалось к землянам, но те не стреляли: слишком велика была вероятность попасть в своего. Гуен роялиста пытался укусить животное Скоры. Одна из таких попыток привела к тому, что всадник покачнулся и лезвие Скоры глубоко вонзилось в руку противника, из которой выпал бесполезный теперь меч. Скора уже поднял свое оружие, чтобы нанести смертельный удар, когда внезапно сам пошатнулся и, перевалившись через голову гуена, упал в пыль.

Вероятно, только земляне увидели огненную полосу, вырвавшуюся из леса и поразившую вождя мятежников в момент его торжества. Ллоры, только что отчаянно сражавшиеся, застыли, глядя на Скору. Затем с диким воплем ужаса и отчаяния последователи Скоры набросились на своих противников, безжалостно убивая их. Два роялиста спаслись в лесу, а остальные были мертвы.

— Это был бластер! — голос Каны был едва слышен в криках ллоров.

Ллоры подняли тело Скоры, положили его в седло и двинулись на север. Миллз, встав на колени, следил за ними.

— Это конец войны, — заметил он.

И как будто его слова послужили сигналом: послышался резкий свист, отзывающий солдат назад. В тревожном ожидании земляне были до полудня. Слова Миллза оказались справедливыми: смерть вождя деморализовала мятежников, война подходила к концу, и ллоры избегали чужеземцев. Солдаты подозревали, что теперь мятежники попытаются вступить в переговоры с бывшими врагами. Будущее орды выглядело довольно мрачно. Но когда подобные происшествия случались в прошлом, ордам или легионам, поддерживающим побежденного, всегда давали свободный проход к транспортным кораблям и позволяли улететь с планеты.

Рискованная полицейская акция завершилась — в лагере

орды вечером царило чувство облегчения. И хотя патрули обходили окрестности и их число не уменьшалось, но смерть Скоры, не оставившего наследника, освобождала землян от обязательств. И вот в отпускном настроении солдаты орды ждали скорого возвращения в Тарк. Единственное, что омрачало их настроение, было сознание того, что кратковременность кампании отразится на оплате.

Кана и некоторые другие чувствовали, что будущее может оказаться не таким уж светлым. Кана заметил, что Йорк, три мастера-мечника и несколько ветеранов, включая Миллза, не разворачивали на ночь спальные мешки. А когда рано утром его разбудили на дежурство, он обратил внимание на все еще горящий свет в палатке офицеров.

Скора был убит из бластера. Это означало, что по крайней мере еще один экземпляр незаконного оружия находится в руках врага. Кто и зачем принес это оружие на Фронн? Заняв пост, Кана принялся размышлять над этим. Тьма фроннианской ночи была наполнена звуками, могущими означать что угодно, в том числе и опасность.

Кольцо сторожевых фонарей, установленных вокруг лагеря, создавало световой барьер. Летающие существа, привлеченные и ослепленные светом, бились вокруг ламп, образуя воронку крылатых тел у самых линз. На охоту за этими оглушенными существами явились большие создания, на четырех и на двух лапах, а некоторые крылатые. И здесь разгорелась битва, где были свои жертвы и победители.

Неожиданно низкие ветки кустов разошлись, на свет вышел человек и остановился, как бы желая, чтобы его узнали. Он не был фроннианцем.

Мгновенно ружье Каны взлетело на уровень груди незнакомца. Мех — и в полной форме! Кана свистнул, вызывая караул, и выпалил:

— Не двигаться!

Незнакомец рассмеялся:

— По-другому я и не собираюсь поступить. У меня сообщение для Йорка.

ГЛАВА 5

Несколько часов спустя Кану разбудил толчок в плечо. Над ним возвышался Миллз.

— Быстрее! — резко сказал он. — Мы выступаем.

Они действительно выступили и с необычной поспешностью. Кана едва успел бросить свой мешок на телегу. На ходу он еще протирал глаза, прогоняя сон. Приказ гласил: «Марш по вражеской территории». С обеих сторон двигались разведчики. Везущими багаж гуенами правили не туземцы, а земляне. По существу во всей извивающейся колонне не было видно ни одного туземца. И двигалась колонна не к Тарку, а под прямым углом к их прежнему пути — на север, вдоль гор.

Новая дорога спустя милю превратилась в едва заметную тропу. Из разговоров окружающих Кана понял, что никто из солдат низших рангов не знает, куда и зачем они направляются. В который раз до него доходили толки о неожиданных и загадочных происшествиях с другими ордами и легионами. Если так будет продолжаться и дальше, моральное состояние наемников, несмотря на их обычный фатализм, может быть сильно подорвано.

Возможно, их новый поход был результатом неожиданного появления меха ранним утром. Но уверенность, которую почувствовали земляне после смерти Скоры, быстро сменилась растущим беспокойством.

Тропа стала такой узкой, что приходилось бросать повозки. Появились два разведчика и с ними туземец — ллор младшего офицерского ранга, с окровавленной повязкой на голове и с рукой на перевязи.

По колонне поползли слухи: «Впереди большая река, а моста нет...» Прежде чем эти слухи достигли хвоста колонны, послышался сигнал общего сбора.

Из передатчиков донесся резкий торопливый голос Йорка:

— Солдаты! Ситуация угрожающая! Нам сообщили, что на службе С'Торка находятся предатели-мехи. Сколько, мы пока не знаем. Разрешение на свободный проход нам не дали, а без него мы не можем двигаться к Тарку. Нужно выждать. Мы должны послать сообщение на Секундус. У нас есть информация, что к северу находится еще один проход в горах. Мы можем пройти через него, если не приедем к соглашению. Сейчас мы попытаемся договориться, а пока нельзя возбуждать вражду роялистов, давать им повод заявить, что мы продолжаем сражаться и после смерти Скоры. Ни при каких провокациях ни один солдат не должен применять оружие против ллоров, пока не получит приказ. Приказываю снять груз с телег и навьючить на гуенов. С этого пункта мы можем использовать три легких повозки. На ночь лагерь будет разбит у реки.

Использовать сопротивляющихся гуенов в качестве выочных животных было нелегко. И лишь в сумерках отряд, в котором шел Кана, увидел освещенный лагерь, разбитый авангардом. Лагерь землян расположился на крутом берегу над темной маслянистой водой. Берег почти вертикально опускался в мощное течение. Отсюда можно было не опасаться нападения.

Кана пошел вдоль берега, глядя на бурный поток. По белым воронкам пены вокруг торчавших из воды скал он рассудил, что переправа будет нелегкой. Провожая взглядом пузырьки, плывущие по течению, Кана разглядел в темноте ночи дальше по берегу огни еще одного лагеря. Значит, параллельно орде идут отряды ллоров.

К счастью, туземцы, зависящие от природных продуктов своей земли, не могли сравниться в подвижности с армией землян, для которой проблема запасов продовольствия решалась небольшим количеством пищевых таблеток и других концентратов: недельный запас таких продуктов солдат легко носил в своем вещмешке. Древняя тактика выжженной земли не оправдалась бы против землян — разве что их удалось бы на несколько месяцев отрезать от баз.

Опускаясь на землю рядом с Миллзом и Миком, Кана услышал голос Сима:

— Тупоголовые придурки! Неужели они думают, что могут...

— Это не волосатые морды, — отвечал Богат. — Не волосатая морда убила Скору. Я там был. Говорю вам, парни, его пронзило насквозь — точно и аккуратно! Я уже десять лет мечник и знаю — не стоит плевать в лицо бластеру!

— Бластер? — переспросил кто-то. — Но если у них есть бластеры, они могли бы перебить нас на месте. А ведь мы побеждали, пока был жив Скора.

— Послушай, — голос Богата прозвучал громче, — я видел то, что видел! Прошлой ночью к нам в лагерь приходил мех. И он не просто наблюдатель. А что, если у С'Торка целый легион изменников?

— Ерунда! — отозвался один из собеседников. — Целый спятивший легион — да они не могли бы сесть в корабль без того, чтобы об этом не узнал Прайм!

Послышался сарднический хохот Богата:

— Существует миллион уловок, чтобы обмануть служащих на базе — вы сами это знаете. Раньше такого не случалось, но это не значит, что какой-нибудь хитрый парень не сможет проделать что-то подобное. Мастер-мех вполне может захотеть отхватить этот мир для себя. Верно я говорю, Миллз?

Миллз отмахнулся от насекомого, привлеченного светом лампы.

— Совершенно верно, Богат. И ты прав в том, что нас ожидает здесь. И если это так...— он замолчал, а потом продолжил: — Если это так, мы должны быть готовы с боем уходить с планеты.

Раздались протестующие голоса, но их прервал бас Богата:

— У вас в головах, видно, не хватает мозгов. Поймите: если кто-то нарушил закон, он сделает все, чтобы никто из нас не болтал об этом. Мы возвращаемся на Секундус, начинаем рассказывать о мехах и бластерах, и тут же полицейский корабль отправляется прямиком на Фронн посмотреть, что же тут происходит! Подумайте, у кого могут быть бластеры, какую поддержку имеют эти изменники-мехи?

Напряженная тишина свидетельствовала о том, что люди начали размышлять и результат этих раздумий им не понравился.

Так как Хансу использовал Миллза в качестве своего помощника, Кана все еще не очень хорошо знал своего напарника. Он держался Мика с Реем и встречался с Миллзом только, когда их сводили общие обязанности.

Но сейчас он решился задать своему напарнику вопрос:

— А можно что-нибудь выяснить на Прайме?

Миллз не повернулся головы. Секундой позже он спросил:

— Поясни свой вопрос.

Кана описал свою встречу с мехом в информационной библиотеке, подчеркнув, что, как ему кажется, мех ждал информационной катушки с Фронна.

— У него на шлеме не было значка легиона?

— Нет, сэр. Я подумал, что он только что подписал назначение. Но почему...— Он замолчал, но подумал: «Как может мех наняться для незаконной службы на Прайме? С'Торка, вероятно, поддерживает не только горстка изменников».

— Да — почему и как,— шепот Миллза был ответом на опасения Каны.— Вот что значит идти в бой слепо.— Миллз встал, и Кана пошел за ним.

Вскоре Кана понял, что они обходят местность вокруг лагеря. Когда привыкли глаза, Кана разглядел, что, вопреки обычаям, ллоры жгли факелы.

Миллз и Кана пошли дальше на юг, время от времени останавливаясь и вслушиваясь в темноту. Вскоре они увидели огни точно на дороге: ллоры отрезали им путь к отступлению. К западу начиналась горная стена, и ни одного пятнышка света

не виднелось в ее кручах. Значит, лагерь землян еще не окружен, или ллоры считают, что зажали войско землян между горами, рекой и двумя своими лагерями.

Миллз достиг последнего поста, но не повернулся к лагерю.

— Хансу говорит, — внезапно начал он, — что у тебя подготовка к контактам с другими культурами. Что ты думаешь о ллорах и обо всей ситуации? Если мы захотим применить силу, то проблема есть, но что-то у ллоров есть в резерве, как ты считаешь?

— Ничего нельзя сказать заранее о туземных феодальных цивилизациях. Впервые земляне появляются на Фронне. — Кана пожал плечами. — Знаете, временами этот наш Х-три — контакт с туземцами — основан на сплошных догадках. Невозможно проникнуть в череп существа, у которого мысли развиваются совсем по иным законам. Мне кажется, что ллоры действительно то, чем кажутся — простые варвары, либо...

— Либо, — подхватил Миллз, — что-то настолько сложное, что мы никогда не сможем понять их. Или же они пользуются советами и помощью...

— Легиона мехов?

— Не понимаю, как это могло случиться? Только одна проблема транспортировки на Фронн — ни один корабль в целой Галактике не может уйти без опечатанной катушки с указанием цели и маршрута. И все же мех на Прайме собирал сведения об этой планете, там, где малейший слух погубит операцию с самого начала. Какая им выгода в этом?

— А какими правами на разработку заплатил Скора за орду Йорка, сэр?

Миллз удивленно взглянул на Кану, будто обычный гуен обратился к нему на чистом космоязыке.

— Устами младенца... Права на разработку полезных ископаемых, на торговлю и, может быть, хороший аванс с помощью землян захватить все окрестности. Боже космический! Это, возможно, ответ на многие вопросы. Мехов можно было погрузить на торговые корабли, доставить бластеры, вообще все! — Он задумчиво посмотрел на Кану. — Никогда не говори об этом, понятно? И так ходит достаточно слухов, нечего добавлять еще один, да к тому же такой логичный, что в него можно поверить.

— Значит, вы думаете, сэр, что против нас воюют не просто изменники?

— Поведение чужаков нам понять трудно, а Центральный Контроль не понимает и не хочет знать этого, они там даже не хотят задуматься над нашей судьбой: мы для них — наемники

с сознанием, которое не соответствует установленным ими образцам. Они нас устроили в соответствующее место и постарались тут же о нас забыть. Мы поместились в уготованной для нас нише, и они перестали о нас думать. Они видят нас не такими, каковы мы на самом деле, а какими им хочется нас видеть, а это совершенно разные вещи. Знаешь... — Миллз помолчал, вдумываясь в пришедшую ему в голову мысль, — а ведь это в некотором смысле позволяет нам маскироваться. Мы знаем такое, что удивило бы галактических агентов. Эти парни-торговцы — не земляне, конечно, земляне не торгуют — выпадают из аккуратной схемы, а ведь мы тоже принимаем в этом участие. Но о нашей роли никто и не думает. Мы лишь фигуры, которые можно передвигать по доске. Но что произойдет, если мы начнем ходить сами по себе? Можно попробовать...

Кана застыл. Неужели Миллз располагает какой-нибудь реальной информацией? Неужели у землян есть способ борьбы с унизительным покровительством Центрального Контроля, который, если захочет, может навсегда привязать их к Земле? Странное шестое чувство, которое вырабатывалось у каждого специалиста по контактам, ожило внезапно. Кане хотелось задать вопрос, множество вопросов, но времени на это не было. В лагере меж палаток двигались мечники, седлая гуенов в том месте, где располагался штаб Йорка.

— Мы выступаем? — Кана спешил вслед за Миллзом. Перед палаткой Йорка стояли три мастера-мечника и несколько других офицеров. Они горячо спорили. Наконец Йорк нетерпеливым движением отвернулся от Хансу и натянул поводья своего гуена:

— До моего возвращения старшим остаетесь вы.

Невдалеке ждали три ллора, судя по одежде, дворяне высоких рангов. Свет лампы бросал на их мохнатые лица зловещие тени. Еще два мастера-мечника сели верхом, но ллорский вождь не торопился. Он указал на Хансу и задал какой-то вопрос. Йорк ответил. Ллор, по-прежнему, не двигался. Взгляд Йорка устремился к Миллзу. Он поманил его к себе.

Хансу кивнул и, отцепив свой значок мастера-мечника, протянул его Дику.

— Ты мой представитель. Ллор требует, чтобы присутствовали все старшие офицеры. А тебя он видел на совете раньше, так что ты вполне сойдешь за офицера. — Вероятно, лишь Кана заметил, как рука, передававшая Миллзу значок, крепко сжала его пальцы. — Будь осторожен.

Миллз взобрался на гуена, и маленькая кавалькада двину-

лась в путь. Ее продвижение по местности было обозначено голубыми огнями фронтианских факелов. Всадники приближались к лагерю роялистов ниже по реке.

После отъезда Йорка Хансу не тратил времени. Приказы негромко передавались от одного к другому, и вскоре вся орда пришла в движение. Палатки остались стоять, но остальное снаряжение рассортировали, оставив каждому солдату лишь одну смену белья, одеяло и одежду на случай холода. Раздали продовольствие и аптечки, затем по очереди отряды начали располагаться на недолгий сон.

Когда Кана проснулся рано утром, лагерь как будто был разграблен. Всюду валялись солдатские мешки, их менее ценное содержимое было беспорядочно разбросано. По-видимому, Хансу ожидал осложнений.

При свете солнца земляне могли разглядеть палатки роялистов на речном берегу к востоку, а также штандарты отрядов, следовавших за ними по предгорьям. Лампы выключили, но снимать не стали. И если орде предстоит уходить налегке, их тоже придется оставить.

Хансу расставил людей вдоль реки. Заняв восточный пост, Кана заметил, что эти люди бросали в реку кусочки дерева, изучая течение. После часа исследований они отправились с докладом. Но Кана знал, что пытаться переплыть реку здесь, особенно если это делать под огнем, самоубийственно. До этого не должно дойти: ллоры просили о переговорах. Йорк вернется, и орда направится в Тарк. Если только ллоры соблюдают правила войны, так оно и будет.

По горным дорогам неторопливо проезжали ллоры. У всех были значки роялистов, но не один Кана подозревал, что большинство из них три дня назад участвовали в конфликте на стороне мятежников. Они были вооружены, и пока оружие находилось в чехлах и ножнах. Медленно проезжая мимо лагеря, они что-то выкрикивали, и эти выкрики были далеко не дружелюбны.

— Этот волосатолицый в голубом шарфе... — Мик присел рядом с Каной на передовом посту. — Я мог бы заставить его уважать землян...

Ллор с голубым шарфом жестикулировал, и его жесты были бы растолкованы как оскорбление на любой планете. Его сопровождала компания друзей, которые своими одобрительными выкриками побуждали его изошряться еще больше.

Мик взирал на этого шутника, сожалея, что не может выстрелить.

— Хансу приказал удвоить посты. Йорк ушел уже десять часов назад, для переговоров столько времени не требуется. Ты принес с собой свой мешок?

— Конечно.— Кана пнул сверток у ноги.— Но Хансу не станет выступать, пока не получит приказ Йорка.

— Я так не думаю. Погоди! Что это?

Солнце Фронна, бледное и слабое по сравнению с солнцем, согревающим Землю, но все же оно дает достаточно света. И вот позади кривляющихся ллоров, с края небольшого леса по берегу реки, его бледные лучи отразились от какой-то яркой поверхности. Вспышки появлялись через равные интервалы.

Три буквы «SOS», крик о помощи, настолько древний, что его происхождение терялось в тумане земного прошлого, сигнал, который мог послать только землянин. Кана положил ружье.

— Займи мое место! — И он пополз, прежде чем Мик успел остановить его. Долгие часы дежурства на этом посту не прошли напрасно. Существовала возможность, пусть небольшая, подобраться к рощице незаметно для разъезжавших ллоров.

Кана свесился с крутого берега, нащупывая опору носками сапог. С трудом он смог сползти вниз. У основания утеса рядом с бегущей водой была узкая, шириной в фут полоска песка и гравия. Прижимаясь спиной к стене утеса, закрытой от наблюдения сверху,— разве что кому-нибудь придет в голову наклониться,— Кана продвигался вдоль потока.

Раз или два его ноги погружались в кипящую воду, и он цеплялся пальцами в поисках опоры. Хуже всего была потеря чувства расстояния. Каждые несколько футов он останавливался и смотрел вверх, ожидая увидеть ветки деревьев.

Ему показалось, что прошло не меньше часа, прежде чем нависшая над берегом зеленая листва позволила повернуться ему лицом к утесу. В пределах досягаемости находились корни, и Кана начал подъем. Глиняная пыль покрывала лицо. Держась одной рукой, другой он протирал глаза. Ногти у него были сорваны, мундир покрылся пылью и грязью, но он, наконец, добрался до начала колючего кустарника.

— Земля? — негромко произнес он.

Услышав ответ, он быстро пополз вперед. Такой стон могло породить только настоящее страдание.

Кана медленно дополз до западного края рощи: под упавшим деревом, закрытый от ллорских всадников лишь тонким покровом листвы, лежал человек.

Увидев страшные ожоги, покрывавшие тело человека, Кана

едва решился дотронуться до него. Раны от бластера! Кана знал, что прикосновения приносят раненому мучительную боль. Почекневшее, обгоревшее тело дрогнуло, снова раздался стон. Сжав зубы, Кана вторично притронулся, преодолев слабое сопротивление раненого. Наконец ему удалось повернуть его лицом к свету. Бластер не затронул лица, и хотя оно было искажено, Кана узнал раненого.

— Дик! Чего... что они с тобой сделали?

ГЛАВА 6

Взгляд темных глаз мучительно приобретал осмысленное выражение, как будто Дик Миллз, притягиваемый всеподчиняющим чувством долга, возвращался с какого-то бесконечного удаления.

— Все мертвы... Харт Девайс... Скажи Хансу... Харт Девайс...

— Я должен сказать Хансу, что виноват Харт Девайс? Взгляд Миллза ответил, что он прав.

— Не... не один... галактический агент, скрытый... скрежет... Голос раненого немного окреп.— Пытался... пытался добиться... чтобы Йорк присоединился к изменникам. Когда Йорк отказался, выстрелил нам в спину. Все мертвы... меня тоже сочли мертвым. Агент подошел... посмотрел. Я видел его ясно... агент... скажи Хансу: за Девайсом стоит Центральный Контроль. Полз... полз... часы и часы полз, у них только бластеры... тяжелого оружия нет. Скажи Хансу... бластеры...

— С ними галактический агент, и у них оружие Центрального Контроля,— повторил Кана с холодным ожесточением.

Несколько мгновений Миллз лежал неподвижно, собираясь с силами.

— Скажи Хансу... нас уничтожат, если смогут... Вас здесь не должны застигнуть. Назад к кораблям... доложить командованию... доложить...— Одна из обгоревших рук вцепилась в рукав Каны.

Тот торопливо пообещал:

— Я скажу ему, Дик.

— Сздади... ни одного шанса... Харт Девайс...— Шепот Миллза затих. Затем он произнес ясно и отчетливо: — Окажи милосердие, товарищ!

Кана с трудом глотнул, во рту у него сразу пересохло. На мгновение он снова оказался в церкви на Земле, за полгалактики от Фронна, где его обучали ритуалу. Но вопреки всем

инструкциям он не верил, что ему придется когда-нибудь оказывать последнее милосердие.

Полные боли глаза Дика настойчиво смотрели на него. Выполнив свой долг, Миллз ждал, когда его отпустят из мира боли. Кана знал, что означают эти раны. Даже медики на Секундусе ничего не смогли бы для него сделать, да и переправить его туда невозможно. Медленно, стараясь не причинять Дику лишней боли, он опустил его на землю и достал нож, который все солдаты носят на груди. Это был нож Милосердия, с ним не расстаются ни на яву, ни во сне, его носят с собой всю жизнь и применяют лишь для единственной цели.

Кана прижал крестообразную рукоятку к губам Миллза и произнес соответствующие слова. Собственный голос казался ему незнакомым. Искаженные болью губы Миллза пытались вторить ему.

— ...и вот я посылаю тебя домой, брат по оружию! — закончил Кана и не мог тянуть дальше.

Нож опустился точно в то место, куда указывала инструкция. Все было кончено, и он сунул окровавленное оружие в ножны, очистить его можно было только в земной почве. Оставалось еще одно: тело Дика Миллза нельзя оставлять ллорам, а нести его с собой в лагерь у Каны не было сил. Кана снял с пояса патрон. Осторожно сорвал с него крышку и положил патрон на тело. Потом бросился к утесу. Он еще не успел спуститься, как раздался взрыв, отныне тело Дика Миллза было невозможно найти.

Обратный путь Кана проделал как можно быстрее, стараясь не думать ни о чем, кроме сообщения Дика Миллза. После смерти Йорка и остальных мастеров-мечников ордой командовал Триг Хансу.

В районе его поста с утеса свешивалась веревка. С ее помощью Кана поднялся в лагерь. Наверху его ждал не только Мик, но и сам Хансу. Ниже по реке поднимался в небо столб черного дыма, и на опушке леса собирались ллоры.

Кана сжато доложил:

— Йорк и остальные предательски сожжены выстрелами в спину после того, как отказались присоединиться к ним. Агент Центрального Контроля тайно следил за ходом переговоров. Мехами командует Харт Девайс. Дик был смертельно ранен, но уполз в лес. Он сказал, что видел бластеры Центрального Контроля, но тяжелого оружия нет. Он считает, что постараются уничтожить нас.

Выражение лица Хансу не изменилось при упоминании о

командире мехов-изменников и об агенте. Не успел Кана закончить, как Хансу уже отдавал приказы стоявшим поблизости ветеранам.

— Дольф, примешь командование первым отрядом; Хорват — вторым. Приготовиться к маршу. И пришлите сюда Богата.

Кане Хансу лишь задал один вопрос тихим голосом:

— Миллз?

У Каны не нашлось слов для ответа. Он лишь обнажил окровавленный нож Милосердия. Хансу ничего не сказал и ничего больше не спрашивал.

Мик помог Кане надеть ружье, взял его мешок и отвел товарища в лагерь. Имущество, оставленное прошлой ночью, теперь под руководством Богата складывалось в баррикаду от одной линии ламп до другой. Все солдаты, кроме тех, что были заняты на простойке этой стены, выстраивались в линию лицом к горам.

— Готово, сэр! — доложил Богат Хансу.

Пятеро землян через равные промежутки выстроились у брошенных вещей, каждый держал в руках взрывной патрон. Взвод, гнавший выочных животных в дальний угол лагеря, доложил о готовности.

— Солдаты! — Хансу повернулся лицом к отрядам. — Все вы знаете, что случилось. Если вера нарушена, конец и связывающему нас контракту. Йорк и остальные убиты в спину выстрелами из бластера. Миллз перед смертью смог предупредить нас. Вы знаете, что не превосходящая сила оружия и не численность выигрывает войны. Та сторона, у которой есть воля к победе, имеет преимущество. Нам придется пересечь враждебную планету, любой туземец может оказаться врагом. Если мы не сумеем достичь Тарка, шансы очень невелики. Помните это: ставка — наши жизни, но солдат, думающий только о сохранении жизни, обычно погибает в первой же схватке. Смерть — наш общий удел, ни один человек не избежит ее. Если мы погибнем так, как подобает по традиции орд, — это будет прекрасный конец для всех нас! Враги считают, что поймали нас, что мы не можем вырваться из окружения гор, реки и войск. Но мы покажем им, как опасно недооценивать мечников. Мы двинемся на запад, в горы. До смерти Скоры туземцы говорили нам, что гор следует опасаться, что местные жители никогда не подчинялись гатанусам и очень опасны. В таком случае именно там мы можем найти союзников. Каждый, кто хочет выжить, должен стремиться к победе. Выигравший — убивает, проигравший бывает убит.

Орда встретила последнее утверждение одобрительным гулом, и Хансу дал сигнал взводу, державшему гуенов, отпустить животных.

Орда в порядке «продвижения по вражеской территории» тем временем двинулась в путь. Столбы огня взметнулись вдоль стены оставленных припасов, и дым скрыл отступление землян. Огонь некоторое время будет держать ллоров на расстоянии.

Маршрут землян пролегал вдоль реки, где было много укрытий. Кана по очереди с другими тащил небольшую телегу, где лежали самые необходимые припасы. У них было две такие телеги, и от их содержимого зависела жизнь всех солдат в недалеком будущем.

Уже наступили сумерки, когда Кана со вздохом облегчения отошел от телеги и, растирая уставшие руки, занял свое место в линии. До сих пор Хансу не отдавал приказа на разбивку лагеря. Они поели на ходу и запили водой из фляжек. Никаких признаков преследования не было. Но, по-видимому, Хансу считал, что чем больше миль их отделят от прежнего лагеря, тем лучше.

Их передвижение вторично остановила река, пересекающая тропу. Предстояло либо переправиться через нее, либо повернуть назад. В уходящем свете дня они разбили лагерь.

Хансу вызвал к себе Кану.

— Вы спускались к самой воде? Сильно ли течение?

— Да, сэр, и я думаю, что река очень глубокая.

— Гм... — Хансу опустился на колени и свесился над обрывом. Достав карманный фонарик, он начал спускать его вниз по веревке. В кружке света показалась поверхность утеса.

Река пробила это ущелье. Должно быть, раньше она была шире и мощнее: утес представлял собой несколько уступов — гигантскую лестницу, обозначавшую ступенями опускание уровня воды. Не очень широкие и далеко стоящие друг от друга, это были все же уступы, и они давали возможность добраться до воды. Из нее торчали зловещие острые камни, вокруг которых клубилась пена. Оползни оставили свои следы — слишком тяжелые камни, которые не могла унести река. Пытаться плыть здесь — означало разбиться насмерть. И свет был слишком слаб, чтобы увидеть, что творится на противоположном берегу.

Хансу, сворачивая веревку, поднял фонарик.

— Придется ждать рассвета. Галактический агент — вы уверены, что Миллз так сказал?

Кана смог лишь повторить то, что говорил раньше, а потом добавил:

— Ллоры уверены, сэр, слишком уверены. Они, должно быть, чувствуют мощную поддержку.

Хансу издал звук, в котором было мало общего со смехом.

— Значит, у них есть советчики, для которых наша репутация ничего не значит. Ллоры — воинственный народ, и, когда преимущество на их стороне, они поступают по своему усмотрению, а не по законам чести. Скора перебил своих врагов, даже под знаком перемирия. Может, таков фроннианский обычай. Однако... — Губы Хансу разошлись, обнажая львиный оскал. — Им не стоит строить слишком радужные планы на будущее, даже действуя по советам Центрального Контроля. Что вы знаете о косах? — мгновение спустя спросил он, отрывав Кану от мрачных мыслей.

— Это туземные жители гор. В информационной катушке о них было сказано очень мало. У меня создалось впечатление, что у них с ллорами разные расы и что они смертельные враги жителей равнин.

— Они пигмеи. По крайней мере, ллоры считают их таковыми. И действительно, косы враждуют со всеми, кто вторгается на их территорию; в схватках они используют отравленные стрелы и ловушки. Но я не знаю, вступаем ли мы сейчас на их территорию. Во всяком случае, у нас нет выбора, нужно идти вперед.

— Да, сэр.

— Отныне вы назначаетесь офицером по контактам. Подумайте, что нужно собрать в «тюк первого контакта», и соберите его сейчас же. Утром все должно быть готово к использованию. Богат!

Светлым пятном на ночном фоне появился ветеран.

— Завтра отправитесь в разведку. В вашем отряде пойдет Кана Карр — специалист по контактам.

— Да, сэр. — Ничто не говорило о том, что Запан Богат когда-нибудь раньше видел Кану. — Сколько человек?

— Не больше десяти. Широкая разведка на вражеской территории. Разведайте всю местность, потом будете проводниками.

— Да, сэр.

Лагерь освещался лишь вспышками карманных фонариков, но и этого слабого света Кане хватало, чтобы добраться до своего места рядом с Миком и Реем. Он укутался в единственное одеяло и постарался думать свободно и связно. Как спе-

циалист по контактам и участник передового разведотряда, он должен иметь с собой торговый набор: торговля — наиболее легкий способ контакта с неизвестным племенем. Но он так мало знает о косах-пигмеях, постоянных врагах ллоров. Самый распространенный товар — пища, украшения. Следовало подумать об этом раньше, до уничтожения лишнего багажа. Впрочем, солдаты по приказу снимут с себя последнее, если это потребуется.

Пища — почти для всех чужаков характерно врожденное любопытство к иноземной пище, особенно если они живут в суровой стране, постоянно на грани голодной смерти. Из всей земной пищи был один вид, который солдаты всегда берут с собой, вид, производимый только на их планете, но излюбленный всеми чуждыми цивилизациями — сахар. Торговцы много лет пытаются экспорттировать его. Но земляне контролируют военное снабжение и производство сахара, хранят его только для войск и немногих избранных союзников, так как весьма ценят его. Сахар не мог быть уничтожен вместе с багажом, должно быть, он находится в одной из телег, которые он помогал тащить. Надо спросить об этом у медиков.

Украшения — ветераны сняли их с мундиров, теперь они лежат у каждого в специальном поясе. Нужно будет взять самые яркие. Ни у Мика, ни у Рея нет ничего достойного внимания, но к его услугам весь лагерь.

Кана устало откинул одеяло и отправился выполнять задание. Первой его жертвой был Крауфор, врач орды. Услышав просьбу, он достал с ближайшей телеги небольшой ящичек. Кана получил пакет размером с ладонь. Его содержимое равнялось полугодовому офицерскому жалованью. Услышав вторую просьбу, Крауфор расстегнул один из карманов и достал сирианский солнечный камень, светящийся мягким светом.

— Можете взять это. Собственная голова стоит дороже. Просите, не задумываясь: мы все знаем, чем рискуем. Тол, Канкон, Пейноу! — Он созвал своих помощников и объяснил суть дела.

Когда Кана уходил от них, он нес пакет с сахаром, солнечный камень, золотую цепь около фута длиной, кольцо в форме свернувшейся водяной змеи и небольшой кристалл, внутри которого находился фантастический по внешности потоманский омар. Карманы его мундира раздувались от сверкающих драгоценностей, пальцы были усажены кольцами, а руки — браслетами. При свете лампы он рассортировал добычу: вот это

и это — очень яркое внешне, нужно использовать в качестве приманки, а вот это — сохранить в качестве даров для вождей или военачальников. Он подготовил три свертка в соответствии с их будущим назначением и отложил в сторону, а потом попытался уснуть. Лагерь окружала темнота ночи. Они находились будто в огромном ящике-ловушке, и крышка его вот-вот захлопнется.

Кана видел крошечные светлые точки — звезды, обогревающие незнакомые миры. Где-то среди них и Солнце, вокруг которого вращается его родная планета — зеленая Земля. Есть и другие зеленые планеты среди голубых, красных, белых, фиолетовых, но ни у одной нет такого оттенка зелени, какая покрывает земные холмы. Земля — родина человечества... Человек поздно вышел в космос и оказался в стороне от главных дел. Всем заправлял Центральный Контроль. Но существовало множество миров, на которых туземная жизнь не достигла уровня разума. Что, если бы человеку позволили поселиться там, колонизировать эти миры?! Что, если справедливы древние легенды и существовали полеты к звездам, из которых не возвращались? Где эти миры, на которых могли основать свои колонии земляне? Где мог бы он найти своих отдаленных родичей, свободных от ярма Центрального Контроля, людей, собственными силами завоевавших звезды?

Думая об этом, Кана уснул. И снова он сидел в фроннианском лесу, сжимая в руке окровавленный нож...

— ...вставать!

Кана перевернулся — над ним возвышался Богат. Первые рассветные лучи отражались в его шлеме.

Кана торопливо свернул спальный мешок. Потом пристроил свертки так, чтобы их легко было достать.

— Выступаем немедленно?

— Скоро. Захвати свой мешок.

Хансу и группа солдат с веревками собирались у края каньона. Три человека спускались по уступам к серебряному берегу далеко внизу. Перевязавшись веревками, они по очереди вступали в воду, где вброд, где вплавь добрались до булыжников и стали возвдвигать между ними частокол из туземных копий и обломков дерева. Если человека событ течением с ног, то этот частокол удержит его, не позволит потоку унести его вниз. Было ясно, что Хансу собирается переправляться через реку.

Когда Кана и разведчики Богата начали спуск, передовые уже прошли половину реки. Ружья, свертки и другие запасы

были завернуты в водонепроницаемую ткань. Все это спустили на наспех сколоченной платформе. Кана висел на веревке между двумя уступами, когда резкий крик ударили его по ушам и нервам. Он не повернул головы — не посмел. Мгновение спустя веревка, туго натянутая под тяжестью разведчика, спускавшегося с обрыва рядом с ним, свободно скользнула по скале.

Даже коснувшись подошвами следующего уступа, Кана не посмотрел вниз. Он прижался к стене, цепляясь за нее пальцами, истекая потом.

Еще три уступа, и он добрался до полоски щебня. Люди на берегу все еще смотрели вниз по течению, в их глазах застыл ужас. Но печалиться не было времени, а спасать некого.

Богат последним спустился с обрыва и выкрикнул распоряжение:

— Разберите груз, вы, лотурианские едоки листьев! Мы переправимся через реку и поднимемся на противоположный берег. И побыстрей!

И они сделали это, потеряв еще одного человека. Его унесло течением и ударило о скалы, а потом по какому-то кипризу потока снова вынесло обезображенное изломанное тело. Но, перевязавшись веревками, иногда сбиваясь с ног, с трудом перебираясь от одного булыжника к другому, они все же переправились. На берегу остался один солдат, его сломанная рука висела плетью, он должен был следить за веревкой.

Вверх по утесу они поднимались от одного уступа к другому, дрожа от усилий, их пальцы скользили от пота, сердца и легкие работали словно в лихорадке. Соль жгла глаза и порезы на руках, но они продолжали взбираться наверх. Кана концентрировал внимание на участке земли непосредственно перед глазами, потом на более высоком, на следующем и так далее. Так продолжалось часами и, казалось, будет продолжаться бесконечно.

Но вот он вытянул руку в поисках очередной опоры, и кто-то схватил его за запястье и потащил. Скользнув лицом по скале, Кана оказался лежащим на берегу. Усталый до изнеможения, он был не в силах протянуть руку к фляжке, хотя в горле у него пересохло.

Кана сел, к нему подошел Богат, обвязанный вокруг пояса веревкой.

Кана напился и был способен встать на ноги. Богат дал сигнал, и орда двинулась в темное будущее, в горы.

ГЛАВА 7

Оставив реку позади, разведчики разошлись веером, только Кана остался с Богатом. В этой операции он был на особом положении, его обязанности начнутся, когда будут найдены следы разумной жизни. К его удивлению, Богат, вместо того, чтобы полностью игнорировать его присутствие, подождал его и спросил:

— Кого мы ищем?

— Хансу считает, что мы можем найти косов — это раса пигмеев, предположительно обитающих в горах. Они ненавидят ллоров и чрезвычайно опасны, используют отравленные стрелы и ловушки.

Богат ответил на эту скучную информацию ворчанием. Поднялся ветер, его порывы гнали по земле шары колючек, так они и будут катиться, пока не найдут места с водой, где смогут укорениться на сезон. Бледного желто-зеленого цвета, эти шары были вооружены шестидюймовыми шипами, и земляне почтительно уступали им дорогу. Начиналась фронтианская зима, и переходить в этот сезон горы значило встретиться с такими трудностями, которые напугали бы любого ллора.

Ветер проносился сквозь ущелья и трещины, завывая на разные голоса над головами землян, но большую часть пути разведчики были защищены от ветра. Почва представляла собой смесь гравия и глины. Стены ущелий приходилось освещать пылающей ветвью, чтобы разведчики не потеряли главную тропу. Они проходили мимо камней выше человеческого роста, и Кана удивлялся, откуда в этом ущелье такое количество оползней. Неожиданно он увидел перед собой свет.

Блеснуло солнце, отразившись от предмета, полупогребенного в почве. Кана наклонился, расчистил землю: из-под камня торчал ллорский меч, его рукоять все еще сжимали пальцы мертвеца!

— Раздавлен, как таракан! — заметил Богат. Глаза ветерана сузились, когда он взглянул сначала вперед, на ущелье, по которому им предстояло идти, а потом уже вверх на склоны. Он был слишком хорошо знаком со способами ведения войн на пяти десятках планет, чтобы не понять, что тут произошло. — Скатили камни и поймали их. Работа косов?

— Возможно, — согласился Кана. — Но это было давно... — Его прервал крик, от которого Богат прыгнул вперед.

Узкий каньон, по которому они шли, расширился, превратившись в долину-арену, где когда-то велась смертельная игра.

Все дно ее устилали кости, среди них виднелось множество черепов ллоров, очень похожих на человеческие, и длинные клыкастые черепа гуенов. Ни один скелет не был цел. Кана поднял ребро. Кость оказалась очень легкой, глубокие следы на ней могли быть только следами укусов коренных зубов. Сначала убийство, а затем пир! С чувством омерзения Кана отбросил кость.

Обойдя останки стороной, земляне двинулись вдоль стены ущелья. Среди обломков не было ни оружия, ни остатков ллорского обмундирования, исчезли даже упряжки гуенов. И поскольку мертвые лежали непогребенные, убийство оставалось неотмщенным.

— Как вы думаете, давно это было? — хриплый рев Богата звучал угнетенно.

— Может, десять лет назад, а может, сто, — ответил Кана. — Нужно знать климат, чтобы быть уверенным.

— Их застали сбившимися в кучу, — заметил Богат. — Лорсен! — обратился он к ближайшему разведчику. — Поднимитесь вверх и прикрывайте нас оттуда. Остальные будут передвигаться медленнее. Сунг, стягивайтесь с нашими и доложите, что пока мы не видим ничего живого. Но я не хочу, чтобы наших товарищей захватили так же!

Медленно двинулись они к концу долины смерти, опасаясь каждую секунду услышать грохот лавины. Но Кана, глядя на суровую местность, подумал, что кости вряд ли живут здесь. Сцена сзади могла быть следом какой-то войны, конечно, если ее причиной были кости. Некоторые примитивные племена поедали мертвцев, веря, что таким образом добродетели храброго врага переходят к его убийце. Но вряд ли эти зубы принадлежали гуманоидам.

На Фронне достаточно других пожирателей мяса. Тсор — огромная кошка, хорк — птица или высокоразвитое насекомое (в информационной катушке не было точного описания), мелкие животные, которых приручили и использовали на охоте точно так же, как древние лорды его собственной планеты использовали для забавы соколов. Были еще дитеры, о природе которых трудно было сказать что-то определенное: они были ночными животными и выкапывали ямы, чтобы поймать добычу. Но эти загадочные существа обитали в болотистых джунглях южного континента. Оставался еще билл, но Кана считал, что эти смертельно опасные нелетающие птицы водятся только на равнинах, где скорость бега позволяет им уверенно настигать добычу. Более опасные, чем тсор, который редко нападает

сам, биллы достигали двенадцати футов в высоту, у них был злобный характер и чудовищный аппетит.

Эта горная страна была почти лишена растительности, но колючек было очень много. Разведчики сделали часовой при-вал, съели таблетки из своего рациона, запивая водой, и пошли дальше. Когда сухое русло ручья, по которому они шли, разделилось надвое, Богат приказал остановиться. Оба каньона выглядели одинаковыми, хотя один поворачивал на юг, другой на север. Земляне, вздрагивая от резких порывов ветра со снежных вершин, остановились в нерешительности. Богат по-смотрел на часы и сравнил их показания с длиной теней за скалами.

— Мы разделимся и вернемся назад через четверть часа. Вы, — указал он на четырех разведчиков, — пойдете со мной. Ларсен, вы с остальными пойдете на юг.

Кана с биноклем на шее карабкался на стену северной развилки. Запан Богат двигался вперед и опередил своих товарищей. Человек впереди Кана поднимался с трудом. Он часто соскальзывал.

По чистой случайности Кана уловил движение позади Сунга: тень от скалы странно дернулась. Кана поднял ружье и предупреждающе крикнул. Сунг услышал, прижался к стене и тем спас свою жизнь. Смерть, подстерегавшая его, ударила в пустоту. Кана выстрелил, надеясь попасть в стремительно движущееся рыжее тело билла. Но существо двигалось невероятно быстро, его длинная чешуйчатая шея извивалась, как змея. Кана был уверен, что по крайней мере дважды попал, но животное продолжало нестись к тому месту, где Сунг прижимался к скале. Дикий и гневный рев твари разрывал им перепонки.

Вспышка белого пламени окружила билла. Когда гигантская птица упала на землю обезглавленная, ее длинные ноги все еще угрожающе дергались.

— Богат! — закричал Кана. — Эти существа обычно охотятся стаями.

— Да? Гарн, сигнальте отход, — приказал Богат одному из оцепеневших солдат. — Надо отозвать Ларсена. Двинемся вместе. С наступлением темноты нам не следует рассредотачиваться.

Богат отдал приказ:

— Следите за этим ответвлением.

Отныне они проверяли каждую тень, каждую щель в стене ущелья. Встретив на развилке группу Ларсена, Богат приказал строить бруствер из камней.

— Они охотятся по ночам? — спросил Богат.

— Не знаю. В сущности, они не должны находиться в горах. Это — хищники и обычна их территория — центральные равнины.

— Значит, если они оказались здесь, у них есть на кого охотиться?

Кана лишь кивнул в знак согласия. Хотя местность казалась пустынной, в ней скрывалась жизнь. И эта жизнь вполне могла привлечь внимание билла.

Поскольку огонь был под запретом — они не могли рисковать привлечь к себе внимание, — разведчики сгрудились у стены своего временного укрепления. Горы заслонили свет садящегося солнца, и Кана обнаружил, что прислушивается в полутьме — к чему, он не мог объяснить. Снова с воем поднялся ветер, но за долгие часы блуждания земляне так привыкли к нему, что уже не обращали внимания. В один из немногих перерывов, когда горы замерли, Кана снова прислушался. Послышалось? За стеной ничего не двигалось. Они спали урывками, по двое карауля лагерь.

Кана дремал, когда в ребра ему ткнули локтем и Сунг прошептал на ухо:

— Смотри!

Далеко вверху мигнул свет. Это не звезда. А слева еще одна вспышка. Кана схватил бинокль — это огонь костров. Сигнал! Он насчитал их пять. А сигнальные огни в этих высотах означали лишь, что кто-то следит за передвижением землян. Не роялисты — это не голубое пламя ллорских факелов. Вот один огонь мигнул и исчез, снова загорелся и погас — определенная последовательность. Ошибки не может быть — это сигнал. Приведет ли этот обмен информацией к такой же односторонней битве, следы которой они видели в долине?

— Сигнал! — Богат проснулся и тоже смотрел.

Кана скорее слышал, чем видел, как ветеран вскарабкался на стену. Высоко над стеной утесов, ограждающих ущелье, тоже мелькнул свет. Но тут же исчез и больше не появлялся. Ответ на те сигналы?

Богат прокашлялся.

— Возможно, это значит «приказ получен», — он пародировал официальную фразеологию. — Сунг, включи передатчик. Расскажи Хансу об этих сигналах. Ну, — добавил он, спустя некоторое время, — на сегодня, должно быть, представление окончено.

Он был прав. Три из пяти огоньков впереди исчезли, а два

медленно угасали. Кана вздрогнул от ледяного ветра. Что ожидает их впереди?

— Лагерь ответил, — доложил из темноты Сунг. — Они видели огонь немногого впереди от себя, но лишь один. Я им рассказал и о билле. Они на том конце долины с костями.

— Хорошо, выключай, продолжим утром.

Утром Богат избрал для исследования южную развилку, поскольку Тарк находился на юге, было логично двигаться в этом направлении. Повлияло ли на его решение появление билла в северной развилке или то, что все огни размещались к северу, он не стал обсуждать его с подчиненными.

Новая тропа оказалась шире, и спустя полмили Кана заметил, что они поднимаются. Прошел еще час, и им встретились первые следы горных жителей. К счастью, эпизод с биллом научил их осторожности, и теперь они были крайне внимательны к любым необычным деталям.

Ларсен, шедший впереди, резко остановился на краю широкой и гладкой полосы песка. Когда подошел Богат, он указал на странное углубление в центре полоски.

Кана, вспомнив предупреждение Хансу о косах, заговорил первым:

— Возможно, ловушка...

Богат перевел взгляд от Каны к углублению. Потом отошел, подобрал камень, и пошатываясь от его тяжести, бросил на ровную поверхность.

Послыпался шум. Песок вместе с камнем обрушился в образовавшееся отверстие. Кана заглянул внутрь и содрогнулся: это была ловушка, коварная, смертоносная ловушка. Пленник, попавший в нее, умер бы от мучительной долгой смерти на искусно размещенных внизу кольях.

Земляне осторожно пробрались по краям ямы. На другой стороне Сунг сообщил о ловушке в орду.

С этого места их продвижение еще более замедлилось. Приходилось не только опасаться биллов. Теперь каждая ровная площадка становилась подозрительной. Они испытали еще три полоски по методу Богата, и последняя разверзлась провалом, оттуда поднимался такой отвратительный запах, что никто не захотел рассматривать содержимое ловушки.

— Не идем ли мы прямиком к чьему-то парадному входу? — Сунг переместил передатчик с одного бедра на другое.

— Если это так, то этот «кто-то» не очень любит посетителей, — ответил Кана.

Он внимательно обозревал стены ущелья и его дно: смерть

могла неожиданно появиться отовсюду. А он ведь специалист по контактам, единственный, кто может надеяться вступить в переговоры. Однако невозможно вступить в контакт с врагом, который отсутствует... Косы (если, конечно, это были косы) явно полагались на свои ловушки, которые убивали задолго до того, как неприятель мог приблизиться. Если бы только он мог добиться встречи, если бы только сумел внушить горцам мысль о том, что орда, идущая по этой ревностно охраняемой местности, не враждебна им! Напротив, она враждует с исконными противниками косов — с ллорами. Он был уверен, что если косы и подглядывают за ними, то только с высоты. И когда разведчики расположились на очередной часовой отдых, Кана направился к Богату со своим планом. Ветеран с беспокойством оглядел верхушки утесов, колеблясь.

— Не знаю... если они шпионят за нами, то оттуда. Но они могут быть за многие мили, а мы не в состоянии ждать, пока мы будем искать кого-то, весьма возможно, и не существующего. Посмотрим позже...

Кана был вынужден удовлетвориться этим обещанием. Но несколько минут спустя его план получил поддержку. Они обогнули поворот и обнаружили перед собой стену. Видимо, когда-то исчезнувшая река образовала здесь водопад.

Богат поманил Кану:

— Кто-то должен подняться, попробуйте вы и посмотрите, что впереди. Возьмите с собой Сунга.

Они сняли мешки, взяли ружья и начали подъем — не вверх, по слаженному водой руслу водопада, а по относительно неровному утесу слева. «Когда это назначение окончится, — подумал Кана, распластавшись по поверхности скалы от одной неровности к другой, — я смогу служить в специализированной горной орде».

Добравшись до вершины, они увидели западный срез. Здесь снова было дно ручья, но гораздо более узкое. И недалеко впереди природная мрачность скалы нарушилась пятнами желто-зеленой растительности, которая обещала воду.

— Там что-то... — Сунг медленно поворачивался, изучая местность.

Кана понял, что беспокоило его товарища. Он тоже чувствовал, что за ними наблюдают. Вместе они осмотрели каждый фут скалистой местности. Ничего не двигалось, лишь ветер нес пыль со склонов ущелий. Они были одни в мертвом мире... и все же за ними наблюдали! Кана знал это по мурашкам на коже спины, по напряжению нервов. За ними наблюдали со злостным нечеловеческим любопытством.

— Где это? — голос Сунга с трудом пробился сквозь вой ветра.

Кана наклонился и достал свой набор для обмена и торговли. Он выбрал плоский камень и разложил на нем предметы, которые, как он считал, способны привлечь внимание любого туземца. Потом потащил Сунга налево, выбрав там укрытие.

Время шло, и Кана начал думать, что интуиция подвела его.

— Боже космоса! — со свистом произнес Сунг.

Что-то, наконец, шевельнулось. С кошачьей грацией поплыла тень меж двумя скалами и остановилась над камнем с образцами. Кана затаил дыхание. Тсor! Зеленоватая шерсть, так любимая ллорами, круглый череп с большим мозгом, острые уши. Хвост, способный схватить и удержать, шевельнулся, ухватил золотую цепь и поднес к большим желтым глазам. Тсor обнюхал остальные предметы, лапой перевернул их и уронил цепь. То, что нельзя съесть, его не интересовало.

Кана перехватил ствол ружья Сунга.

— Он не нападет, не стреляй!

Тсor застыл, тело его напряглось, он повернул голову вверх по ручью и исчез в мгновение ока. Они увидели, как зверь большими прыжками поднимается вверх.

Сквозь вой ветра до них донесся какой-то звук, смутный рев, который Кана не мог опознать. Он посмотрел вверх по ручью, потом повернулся и потащил Сунга от дна долины, превратившемуся в смертельную ловушку. Они вместе подбежали к краю утеса. Кана увидел обращенные к нему лица товарищей. Сунг выстрелил три раза — сигнал тревоги, — а Кана взмахами призывал всех бежать. Его поняли. Стоявшие внизу рассыпались и побежали, некоторые в одну сторону, остальные в другую.

Потом черная стена воды обрушилась с водопада и закрыла пространство внизу сплошным массивом брызг.

Вода дошла до сапог Каны, обрызгав его пеной. Плечом к плечу с Сунгом они цеплялись за скалы. Снова невидимые горцы использовали природу для защиты своей страны, высвободив воду, чтобы избавиться от вторжения.

ГЛАВА 8

Из пены внизу показалась голова и плечи человека, пробирающегося в безопасное место. Он тянул кого-то за собой. Глотнув воздуха, они вцепились в булыжники, пережидая вал покрывающей их воды. Кане показалось, что на другом берегу

каньона он увидел еще одну темную фигурку. Неужели выжили только трое?

Вместе с Сунгом они спустились со стены и помогли выбраться Богату и почти потерявшему сознание Ларсену. Дрожа, четверо расположились на выступе утеса в фуре над потоком, который не собирался отступать. Богат покачал головой, как бы разгоняя туман.

— Кто-то вытащил пробку, — между приступами кашля проговорил Ларсен.

— Кого-нибудь видели вверху? — спросил Богат.

— Только тсора. Он нас предупредил о наводнении. Если бы не это, нас бы захватило...

— И нас тоже. — Ларсен выжимал куртку. — Как остальные парни внизу по течению?

— Им сообщили, — ответил Сунг. — Получили ли они вовремя предупреждение...

Слабый крик послышался над каньоном, и они увидели машущую руку.

Богат осторожно встал.

— Эге-гей! — послышался его бычий рев.

В ответ они услышали три крика. Но пересечь бурное течение и объединиться не было возможности. Пришлось начать обратный путь к развилке каньона. Кана и Сунг сберегли ружья, но их мешки пропали. Холодный ветер леденил мокрую одежду на дрожащих солдатах. Когда зашло солнце, они забились в узкую щель между двумя скалами, куда не проникал ветер, и так провели ночь. Лишь однажды с вершины раздался печальный низкий рев, возможно, охотничий зов тсора.

Присутствие этого львообразного существа говорило, что, несмотря на внешнюю пустынность, здесь есть жизнь. Тсоры питаются не только мясом, но и фруктами, и зерном — вероятно, они совершают набеги на горные поселки косов.

Если солдаты и спали этой ночью, то только от крайнего истощения. И когда Кана проснулся, руки и ноги у него так затекли, что ему пришлось щипать и массировать их, чтобы возобновилось кровообращение.

С другой стороны каньона махали уцелевшие. И снова началось нелегкое продвижение по вершинам. Внизу текла река, журча по старым оползням. Пока Кана смотрел, часть утеса пошатнулась и обрушилась в поток. Получив это предупреждение, солдаты держались подальше от края. Все время приходилось делать обходы, огибать трещины и пики. Это было медленное и мучительное продвижение, и на камнях остава-

лись капли крови от израненных ладоней. Даже невероятно прочная кожа сирианских рептилий, из которых были изготовлены солдатские сапоги, не выдержала и начала рваться.

И все время их не покидал страх, о котором никто не упоминал вслух. Когда наутро Сунг попытался связаться с ордой, он не получил ответа. Каждый привал, пока остальные тяжело отдувались, он склонялся над проклятой машиной и с неустанной энергией нажимал на ключ, но ни разу не получил ответа.

Кане казалось, что он знает, что произошло. Воображение рисовало ему яркую картину: орда двигалась по руслу реки, а навстречу ей — поток, набравший силу на пологом склоне. Отряд землян оказался пойманным в ловушку, и его постиг тот же удел, что и ллоров в долине смерти.

Когда они приближались к равнине, эта картина так ярко стояла перед глазами Каны, что он тащился последним, боясь увидеть следы катастрофы. Но тут его внимание прервал крик Сунга.

Как раз под ними между скалами была зажата одна из телег, изломанная и почти потерявшая форму. Богат бесстрашно свесился над краем, разглядывая обломки. Они видели доказательства катастрофы, убившие в них всякую надежду. И тут с другой стороны потока раздался громкий крик.

Богат расправил плечи, уверенность вернулась к нему:

— Может, кто-нибудь спасся?

Два разведчика на другой стороне исчезли, но третий продолжал махать руками.

— Остается проблема перехода, — заметил Ларсен, — тут нельзя плыть.

— Но мы уже раз переправлялись через реку, — сказал Сунг. — То, что сделано однажды, можно повторить.

Теперь они могли сделать все что угодно!

Сознание того, что кто-то в орде мог выжить, послужило стимулом, который заставил их вскарабкаться на отвесные камни над водой. Богат прикладом ощупывал дно: тут же ружье чуть не вырвало течением у него из рук.

На том берегу появилась группа людей, нагруженных мотками веревок, среди них был и Хансу. Они разделились на две части: одна осталась прямо против разведчиков. Хансу с другой частью пошел вверх по течению, разворачивая по мере удаления веревку.

Здесь ущелье, через которое вода проходила в более широкую часть, было глубже и уже, чем в любом другом месте от самого водопада. Люди Хансу смотрели веревку в громоздкий

сверток и бросили его в воду. Сунг и Богат с ружьями наготове лежали на скале. Сверток мелькнул в воде, и ружья окунулись, чтобы перехватить его. На какое-то мгновение показалось, что он проплынет мимо — но вот веревка поймана. Теперь она поможет перебраться через реку.

Преодоление этих нескольких футов потока потребовало кошмарных усилий. Кану так ударило о торчащий из воды камень, что его голова закружилась от боли. Но тут же чьи-то руки подхватили его. Выплевывая воду, Кана лежал на полоске гравия, не в силах подняться на ноги. Остальная часть пути к другой долине была для него механическим исполнением приказов: он шел туда, куда его вели. И пришел в себя по-настоящему лишь лежа на спине, с мешком под головой, когда Мик и Рей медленно снимали с него мокрую одежду и укутывали одеялом.

Мик спросил:

— Что вы там сделали наверху? Взорвали дамбу?

— Попали в ловушку... Я думаю, — Кана говорил, глотая горячую жидкость, протянутую ему Реем.

Поблизости горел костер, и чувство теплоты в дрожащем теле было необыкновенной роскошью.

— Вон там — один из тех, кто готовил эту ловушку.

Кана взглянул туда, куда показывал Мик. У огня скорчилась фигура — не ллора и не землянина. Около четырех футов ростом, это существо почти полностью было покрыто густой серо-белой шерстью. На пояснице у него был широкий пояс из шерсти тсора, на шее надето ожерелье, с которого свешивались когти того же животного. Взглядом, еще более лишенным выражения, чем взгляд ллора, пленник не мигая смотрел в огонь и не обращал внимание на окружающее.

— Кос?

— Мы так думаем. Его поймали в предыдущую ночь. Он зажигал сигнальный огонь в скалах. Но пока мы ничего от него не добились, он не отвечает ни на какие вопросы, ничего не берет, не ест. Когда мы останавливаемся, он садится, — произнося это, Мик открыл свой мешок и достал запасную одежду. Рей тоже добавил кое-что, Кана с благодарностью принял их дар. Его собственная одежда сушилась над костром.

— Хорошо, что вы вовремя предупредили нас. — Мик поднял голову. — Поток захватил пятерых... телега наскоцила на камень, и они ее освобождали. Потом мы потеряли троих, когда пересекали первую реку, и еще нескольких, когда «меховые люди» напали на нас позже...

— Ллоры преследовали вас?

— Часть пути. Они, перешли реку, когда мы достигли долины смерти. Я думаю, что они знали, что ждет нас. Во всяком случае, они закрыли нам отход... Повстанцы все превратились в роялистов и готовы в любое мгновение атаковать проклятых захватчиков-землян, получается, что мы должны воевать с целойнацией.— В его словах звучала горечь.

— Что там впереди? — спросил Рей.

Кана коротко описал виденное. По мере того, что он рассказывал, люди мрачнели. Не успел он закончить, как появился Хансу.

— Видели вы какие-нибудь следы косов у водопада до прихода воды? — спросил он.

— Нет, сэр. Мы видели только тсора, и он предупредил нас. Я разложил товары на камне, чувствуя, что за нами наблюдают. Тсор вышел посмотреть их и тогда...

Но Хансу смотрел на пленного коса.

— Все, что нам нужно знать, заключено в этом круглом черепе, если бы мы только могли узнать, что там. Но он не ест нашу пищу и не разговаривает. А мы не можем уморить его голодом, ведь тогда у них будет хороший повод напасть на нас.— Хансу обошел костер и встал рядом с пленником. Но волосатый пигмей не шевельнулся и ничем не показал, что заметил присутствие командира землян. Хансу опустился на колено, медленно повторяя слова на языке ллоров.

Кос даже не моргнул. Кана порылся в мешке с торговыми образцами, которые так долго носил, сделал торопливый выбор и протянул маленький пакет сахара и усаженный камнями браслет.

Хансу повертел сверкающий при свете костра браслет перед угремым пленником. Кос никогда, должно быть, подобного не видел. Но ни в этот раз, ни тогда, когда ему дали сахар, он не сделал попытки получше рассмотреть приношение. Для него земляне и их дары как бы не существовали.

Хансу сказал:

— Он как каменная стена. Мы можем только...

— Отпустить, сэр, и надеяться на лучшее? — Полученные знания о контактах подсказывали Кане это предположение.

— Да,— Хансу встал и поднял коса. Используя свою превосходящую силу, он оттащил пигмей подальше от лагеря землян, отпустил его и быстро отошел.

Довольно долго кос оставался в том положении, в каком его оставил Хансу, он даже не повернул головы, чтобы проверить,

следят ли за ним. Но вдруг он шевельнулся и с ошеломившей солдат скоростью исчез в дальней стороне каньона. Где-то стукнул камень, но земляне ничего не видели.

Орда провела в этом месте ночь, и хотя велось тщательное наблюдение за скалами, сигнальных огней больше не было.

— Может, река была их самым сильным оружием,— с надеждой предположил Мик.— И увидев, что оно не сработало, они укроются и позволят нам пройти.

— Мы не знаем образа их мышления,— заметил Кана.— Для некоторых рас — для нас, например, неудача — повод для повторения попытки с новыми силами. А для других неудача означала бы, что боги, в которых они верят, или судьба, или любые другие силы, против них, и они тут же бы забыли обо всем деле. Наше будущее может зависеть от освобожденного коса и от того, что он им расскажет. Нужно быть готовыми ко всему.

На следующее утро, вскоре после выступления, они увидели место, где был убит билл. Тело его было разодрано и почти съедено за ночь пожирателями падали.

Около полудня на их пути оказался водоем. В него, по-видимому, вода просачивалась через скалы из соседнего ущелья. Солдаты наполнили фляжки и смыли пыль и грязь с лиц и рук. Песок, приносимый ветром, скрипел на зубах, когда они ели, от него воспалились глаза, он забивался под одежду, причиняя беспокойство.

Готовые к любой опасности, поджидавшей их сверху, разведчики сумели предупредить и второе нападение. Косы, пользуясь своим излюбленным методом, сбрасывали со склонов булыжники, но ни один из камней не задел солдат орды: сидевших в засаде косов заметили разведчики на флангах и несколько волосатых тел осталось среди скал, остальные горцы бежали. Впереди на столбообразной горе виднелась крепость. Она перекрывала им путь, однако земляне не решились приблизиться. На этот раз косы не пытались скрыть свое присутствие. С наступлением вечера в крепости вспыхнули огни. Они создали почти такой же огненный барьер, как лампы земных лагерей на равнине. Нападать снизу было невозможно, подъем к крепости был крут, а сверху лежали готовые к использованию камни.

Свисток Хансу созвал всех:

— Надо взять форт,— спокойно сказал он.— И для этого есть лишь одна возможность, сверху.— Он снял шлем и бросил в него черные и белые камушки — жребий.

Кана вместе с остальными взял камушек и держал его в

кулаке до команды, потом разжал руку. У него, как и у Рея, был черный камень.

Хансу внимательно осмотрел отряд, которому предстояло подниматься. Добровольцы сняли с себя все обмундирование, кроме поясов. Ружья они укрепили за плечами, у каждого был нож и пять гранат.

Разведчики показали наиболее подходящее место на тенистом дне каньона и здесь, используя последние мгновения сумерек перед наступлением ночи, отряд начал подъем. Наверху лишь огни крепости давали немного света и указывали цель. Продвижение было медленным. Встреча с косами-часовыми могла оказаться роковой, но землян выручало обоняние. К счастью, ветер дул им навстречу. Маслянистый запах тел ллоров различался землянами за несколько футов, а запах косов был несравненно сильнее. Горцев можно было буквально вынюхивать в засаде. Зловоние наполнило ноздри Каны. Он подобрал ноги и, вытянувшись, слегка хлопнул Рея по плечу, зная, что это молчаливое предупреждение будет передано по всей цепочке.

Кана чуть повернул голову, отыскивая источник запаха. Пальцы Рея сжали его руку; коса нужно обнаружить и устранить совершенно бесшумно.

Соседний выступ чуть освещался огнями крепости. Запах говорил Кане, что кос должен быть здесь, к тому же с этой позиции удобно было следить и за утесом, и за ордой внизу.

И тут Кана увидел то, что искал — черную фигуру на фоне крепостных огней, согнутые голову и плечи горца. Кана застыл, потом осторожно снял петлю, удерживающую ружье за спиной. С точностью и аккуратностью, выработанными многолетней тренировкой, он набросил петлю на волосатую щею. Рывок, и кос безжизненно повис. Трясущимися руками Кана опустил тело на землю. Прием сработал точно так, как утверждал его инструктор, но одно дело — пробовать на манекене и совсем другое — на живом, дышащем существе. Он с отвращением снял петлю и оттер ладони, стараясь стереть с них жир.

— Все в порядке? — спросил его Рей.

— Да. — Кана взял протянутое ружье.

Больше часовых не было. Наконец земляне добрались до нужного им места над крепостью с западной стороны. Крепость напоминала по форме огромное гнездо и была построена ллорами, а затем захвачена косами. Несколько каменных хижин окружали полуразрушенную сторожевую башню, вокруг шла стена из нескрепленных камней. Все вместе свидетельствовало о плохих инженерных знаниях.

Снизу доносились резкие звуки боевых свистков землян, а сверху виднелись фигуры косов на стенах. Они готовились встретить атаку снизу. Кана выдернул чеку и бросил гранату в ближайшую хижину.

К желтому огню косов добавились огненные шары взрывов, и вся поверхность крепости превратилась в огненный ад. Ошеломленные, захваченные врасплох косы сновали в панике взад и вперед. Мгновение нерешительности погубило их, но конец пришел не от нападающих землян, а изнутри самой крепости.

Среди огней в ночь взметнулась темная тень. Она нависла над крепостью, и с нее на охваченных пламенем косов полетела вниз смерть. Загадочное летающее существо поднялось выше над долиной, обрушивая на орду бомбы.

Земляне старались попасть из ружей в крылья. Поднялась стрельба. Под сосредоточенным огнем существо пыталось вырваться, но упало, оставляя за собой алую полосу разрушений не только в крепости косов, но и в рядах орды.

ГЛАВА 9

На рассвете земляне заняли крепость, но цена победы оказалась слишком высокой: четверть орды либо сразу умерла под градом бомб, либо погибла в последующие часы из-за ужасных ран. Поэтому победа весьма походила на поражение.

— Откуда у косов эта крылатая штука? — Мик, у которого левая рука была перевязана, не был единственным, кто задал этот вопрос.

Присутствие машины свидетельствовало: в крепости косов — чужаки, либо подбивающие их против землян, либо просто наблюдатели. Солдаты обыскали руины, частично еще пылавшие, в поисках летчиков, но никого не нашли.

— Эта машина не могла уйти далеко, — говорил Рей каждому, кто согласен был его слушать. — Она разбилась.

— Там, где есть одна, — возразил Мик, — вероятно, есть и другие. Космические демоны! С этими машинами они могут уничтожить нас в любую минуту! Но почему же они не сделали этого раньше?

Кана подложил Мику под спину мешок, устраивая его поудобнее.

— Недостаток запасов. Наверное, у них не так много машин. Мы заставили их использовать одну, напав на крепость.

И я думаю, Рей прав: она разбилась где-то поблизости. Во всяком случае, отныне нам не следует идти по середине каньона, давая им возможность без труда попасть в цель.

Прекрасная дорога, уходящая точно на запад от крепости, по которой Хансу собирался вести свое искалеченное войско, могла оказаться очередной ловушкой. Солдаты залечивали раны и исследовали крепость, отправив разведчиков вдоль по дороге. Число мертвых косов оказалось меньше, чем ожидали, и никаких признаков чужаков. В конце концов тела врагов сложили на маленькой центральной площади и сожгли. В подземном помещении в скале обнаружили цистерну с водой и множество кувшинов с зерном и сухофруктами. Доктор Крауфорд заявил, что зерно для землян несъедобно, а фрукты безвредны, и солдаты принялись жевать жесткие комочки, радуясь разнообразию в своем рационе.

На третий день они реорганизовали сократившиеся отряды и двинулись по дороге. Разговоров о быстром возвращении на Секундус больше не было, по молчаливому соглашению все споры о будущем ограничивались перспективой следующего дня.

— Затяни пояс и надейся... — так выразил Мик общее настроение. — Если бы только мы смогли выбраться из этих скал!

Но конца скалам не было и дорога от крепости поднималась все выше и выше.

Они поднимались по склону горы, некогда бывшей вулканом. На земле появились полоски снега. Кана подозрительно осмотрел пролом в вулканическом конусе — здесь их могла ожидать засада. Но дорога не охранялась.

Глубоко внизу на расстоянии не менее мили расстилалась равнина. Видны были озеро и желто-зеленая фронтианская растительность на маленьких прямоугольных полях. У воды теснились несколько каменных домов, но все было безжизненно и неподвижно, над деревней не виднелось ни одного столба дыма. Может, ее покинули час назад, а может, сто лет.

Разведчики, настороженные и готовые к неожиданностям, начали спуск. Но им встретился в густой траве только кхат — грызун, главное мясное блюдо фронтианцев. Миновав небольшие поля с неубранным зерном, они подошли к озеру. Сунг указал на береговую линию: на песке четко виднелись вмятины.

— Здесь совсем недавно стояли лодки.

— Не вижу ни одной. Может, они ушли туда...

Длинный залив изгибался к югу, уходя за стену кратера. Обследовав всю деревню, разведчики пришли к выводу, что

кроме четырех гуенов, запертых в загоне, в деревне никого не было. Залив озера, уходящий на юг, проходил сквозь конус вулкана, и земляне считали, что жители деревни ушли именно этим путем. Но самое интересное открытие было сделано сразу за деревней: там валялась груда обломков — все, что осталось от летающей машины, и никаких следов пилота!

Эл Кости, специалист по машинам, вместе с несколькими добровольцами много часов разбирались в путанице проводов и металла, после чего было решено, что машина не принадлежала мехам.

— Машина с Сириуса-II, — доложил он Хансу. — Но в ней имеется модификация, которую я не смог определить. Первоначально это мог быть торговый разведчик, хотя точно я сказать не могу. Единственное, в чем я уверен — машина не земного происхождения!

В который раз встал неразрешенный вопрос: что кроется за всем этим? Неужели Центральный Контроль противостоит землянам и орда Йорка по чьей-то злой воле подлежит уничтожению?! На Земле гибель множества солдат и ветеранов неминуемо вызовет беспорядки, и это может послужить предлогом, чтобы навсегда вытеснить строптивое человечество из космоса.

Все эти мысли пронеслись в голове у Каны, пока Хансу внимательно осматривал обломки, а Кости указывал на детали, выдающие происхождение машины. Хансу, несомненно, собирал доказательства. Но сможет ли кто-нибудь из орды добраться до Секундуса и предъявить властям в зале Справедливости Прайма эти доказательства предательства?

Дом за домом орда обыскала деревню. В хижинах оставался лишь хлам, да такая громоздкая мебель, которую беглецам было трудно унести с собой. Были найдены полевые исследовательские ранцы. Значит, хоть один посетитель из другого мира был здесь недавно. Но ранцы были стандартные, и их хозяин мог прилететь с любой из двадцати различных планет.

Без лодок и материалов для изготовления плота земляне не могли выбраться из долины кратера по воде. Они были вынуждены двинуться по единственной дороге в юго-западном направлении.

С этого дня марш превратился в кошмар. Начался сезон ветров, и бури принесли горы снега, перекрывавшие дорогу. В первую же бурю потерялось несколько человек. Они отошли от основной колонны, и больше никто их не видел. Некоторые сдались, никакими усилиями невозможно было уговорить их

продолжить путь после короткого отдыха: они погрузились в странный сон, переходящий в смерть. Если бы не подготовка, не привычка с детства переносить многие физические испытания, ни один из них не выжил бы. Прежде чем орда добралась до западных склонов холма, она потеряла около пятидесяти человек.

Теперь уже сам факт, что они спускаются и впереди лежат равнины Тарка, давал им силу и заставлял передвигаться быстрее. И еще важно было сознание, что им предстоит сражаться лишь с одним противником, ведь после сражения за крепость они не видели косов, а горцы, должно быть, ушли в укрытие на период бурь.

На пятый день после того, как они вышли из долины кратера, слегка пошатываясь, солдаты спускались с гор, довольные, что снег остался позади. Слоны небольшой долины защищали от ветра. Небольшой ручеек тек рядом.

— Вниз! — произнес Кана, наслаждаясь звучанием этого слова.

Горы теперь позади, перед ними открывается путь на равнины. Среди путаницы гор и глубоких ущелий виднелась полоса разноцветной растительности, но не было видно ни дорог, ни других следов цивилизации. Солдаты могли лишь двигаться только на юг, направляясь к долинам Тарка.

Кана шел вдоль ручья, так как у него не было сил выбраться из углубления. Он так устал, что рухнул бы на землю, если бы остановился. Рядом плелся Сунг.

— Мы ушли от зимы. Теперь, думаю, мы живем.

— На некоторое время, — задумчиво поправил Кана.

— Да, мы живем. И, возможно, это кое-кого разочарует.

Теперь к реке!

Сунг был прав: ручей впадал в реку. Потому был чист, и земляне ясно видели лежавшие на дне камни. Да, и течение было спокойнее, а не такое бурное, как в горных реках.

— Неглубоко, вполне можно будет перейти вброд. Фортуна начинает нам улыбаться! — Сунг присел на корточки, пальцем попробовал температуру воды и быстро отдернул руку. — Холодная...

Некоторое время они шли по берегу. Из прошлогодней высохшей травы выскочил кхат, метнулся к реке, поскользнулся на глинистом берегу и упал в воду. От противоположного берега по воде потянулась какая-то рябь. Кхат дернулся, до людей донесся крик боли и ужаса. Кровь окрасила воду.

Солдаты стояли ошеломленные: борьба длилась всего лишь

несколько секунд, и на камнях дна остались лежать чисто обглоданные кости.

Лениво, пресыщенно, проплыли три маленьких существа. Шестиногие, с головами лягушки, но с челюстями хищников, с четырьмя глазами, посаженными двумя рядами над хищными пастьями: в этих глазах-бусинках светился яростный голодный разум.

— Тиф! — Кана облизнул губы.

— Что? — Сунг бросил в маленьких чудовищ камень. Они отплыли на фут от берега, но не возвращались к противоположному берегу, а оставаясь вне пределов досягаемости, сосредоточили свое внимание на землянах... смотрели... ждали...

— Плохо дело,— ответил Кана на вопрос Сунга.— Вы видели, что случилось с кхатом, то же самое произойдет с любым живым существом, которое попытается перейти реку, где живут тифы.

— Но их там только три и ни одно из них не длиннее фута...

— Мы видим лишь только трех, а там, где три, может быть и больше. Они держатся стаями и готовы напасть на любое животное.

Не время было исследовать, сколько лягушкоподобных дьяволов скрывается в воде, и не было возможности переправиться через реку, охраняемую ими. Если бы катушка на Прайме не была так скудна на информацию! Или у землян нашлись бы друзья-проводники среди туземцев, их участь была бы завиднее!

Вода казалась такой мирной, но когда солдаты двинулись вниз по течению, тифы поплыли параллельно. Время от времени к маленьким чудовищам присоединялись родичи, выплывая из тени своих укрытий.

Но вот маленькая река стала шире и в ней показались маленькие каменные островки, образующие подобие тропы. Переправа? Неожиданно ветер донес знакомый запах, и солдаты поспешили спрятаться в кустах.

На другом берегу появился высокий ллор. У него не было копья, зато он держал духовое ружье, что означало его ранг: это был регулярный солдат королевской гвардии. Он спешился, осторожно приблизился к воде и сунул туда приклад ружья: он явно знал о тифах. Скрестив ноги, ллор сел на песок и принял-ся чего-то ждать, жуя палочку. Земляне затаивали дыхание всякий раз, когда на их слишком ненадежное укрытие падал его взгляд, отойти незаметно было невозможно.

Ллор сплевывал кусочки палочки в воду и пару раз швырнул

камнем в собравшихся тифов. Все больше и больше рябила вода: у берега собирались маленькие хозяева реки. Ллор поглядывал на них и время от времени издавал фыркающий звук, который заменял его расе смех. Но Кана заметил, что он благородно не приближается к воде.

Мяукающий крик заставил ллора вскочить: из леса выехала группа всадников. Впереди скакал туземец в коротком плаще, отороченном мехом тсора, у него на седле, на специальном настесте сидела прирученная птица, похожая на земного ястриба. Туземец явно был приближенным самого гатануса. Среди всадников виднелась закутанная в плащ фигура вентури.

Дворянин остался верхом, остальные спешились и стащили с седла торговца. К удивлению землян, вентури оказался пленником со связанными руками. Ллоры посовещались, их предводитель осторожно подъехал к самому краю воды и с любопытством взглянул в нее, а солдаты подтащили пленника к берегу. Потом, к ужасу наблюдавших землян, они спокойно подняли маленького торговца и бросили его в поток, где вода уже пенилась от множества тифов.

Первый же выстрел Каны выбил из седла дворянина, тот головой упал в реку. Земляне открыли огонь по ллорам, пятеро из них упали, прежде чем оставшиеся побежали под укрытие деревьев. Но ни один из них не добрался до рощи.

Вода так и кипела: тифы приветствовали редкое изобилие мяса. Кана не смел взглянуть туда, куда упал беспомощный вентури. Смерть в бою — обычное дело, он привык к мысли, что и его собственный конец будет таким же. Но бессердечная жестокость, свидетелем которой он только что был, приводила его в ужас.

— Он жив! — Сунг дернул Кану за рукав и указал на реку. Там бился вентури, борясь с намокшим плащом, а по расширяющемуся кругу вокруг него плавали животом вверх тифы. Кана прыгнул на ближайший камень, оттуда на следующий. Из щели между камнями на него глядел голый ллорский череп, еще недавно принадлежавший дворянину.

Когда Кана и Сунг поровнялись с вентури, он уже встал на ноги и побрел к песчаному берегу.

— Давай перережу... — сказал Кана на торговом языке, указывая на ремень, связывающий руки вентури.

Пленник отступил на шаг, пытаясь выбраться на берег, он не сбросил маскирующий капюшон, поэтому лица его Кана видеть не мог.

— Друг. — Кана произнес это слово с чувством. Он указал

на то, что осталось от ллорского дворянина.— Наш враг — твой враг!

Должно быть, вентури понял: он повернулся к землянам спиной и протянул связанные руки. Кана перерезал влажный ремень. Свободными руками вентури схватил поводья офицерского гуена и неуклюже вскарабкался в седло.

Сунув руку под плащ, он вытащил маленький влажный мешочек. Палец, похожий на серо-зеленый коготь, протянулся к реке и указал на плавающих тифов, а затем на их безжизненные тела. Когда Кана кивнул, вентури бросил ему мешочек, и через мгновение его гуен галопом умчался в лес.

— Это средство от тифов? — спросил Сунг.— Как ты думаешь, ллоры знали о нем, когда бросили его в воду?

— Не думаю, иначе они отобрали бы у него мешочек. Может, эффект у этого средства временный и они позже оживут?

Тифы, нападавшие на вентури, с раскрытыми злобными пастьюми по-прежнему плавали вверх животами. И Кана заметил, что другие тифы их избегали. Мешочек в его руке мог обеспечить орде безопасную переправу. Белый порошок, брошенный в воду выше по течению, не давал хищникам приблизиться. Солдаты так и не узнали, действует ли этот порошок постоянно: пока они переходили реку, поток был о камни неподвижные тела тифов.

Хансу узнал на мундирах мертвых ллоров знаки королевской гвардии. Но его больше заинтересовала ссора между вентури и гвардейцами. То уважение, которое войска Скоры оказывали торговцам, подчеркивало желание ллоров не вызывать вражду у своих поставщиков, а теперь один из ллорских дворян хладнокровно обрек вентури на ужасную смерть. Повидимому, пока земляне пробивались через горы, соотношение сил изменилось настолько, что ллоры начали проявлять высокомерное презрение к тем, кого уважали в течение многих поколений. События свидетельствовали о том, что ллоры пользуются настолько сильной поддержкой, что считают себя полноправными правителями Фронна. Неужели эта поддержка гораздо могущественней, чем изменивший легион мехов?

По мере продвижения по заречным равнинам тревожное состояние землян усиливалось. Разведка проводила многие часы, наблюдая за небом и местностью в поисках вражеских самолетов, но со временем встречи с отрядом ллоров у реки не было ни следа врагов. Земля, казалось, была предоставлена тсарам, биллам и кхатам.

На второй день после перехода через реку разведчики

землян обнаружили деревню. Этот маленький поселок-полукрепость был окружен загонами, куда с равнин загонялись дикие гуены, где их сортировали и двухлеток после небольшого обучения отсылали дальше. Загоны были полны, и Хансу решил превратить пехоту в кавалерию. Солдаты, изменив направление движения, направились к поселку.

ГЛАВА 10

Когда орда, развернувшись полукругом, приблизилась к восточной окраине поселка, появились, помимо волнующихся в загонах гуенов, первые признаки жизни. Группа ллоров (один верхом, другие пешие) направлялась к землянам. Передний всадник держал в руке флаг переговоров.

Помня о судьбе Йорка и его офицеров, ни Хансу, ни его солдаты не выходили из укрытий, которые заняли при виде приближающихся ллоров. Очевидно, разочарованный этой встречей, предводитель ллоров остановился и начал размахивать флагом, а сопровождающие робко сгрудились за ним, поглядывая во все стороны.

— Лорды... военные лорды с Земли... — крикнул предводитель ллоров.

Не показываясь, Хансу ответил:

— Что тебе нужно, корбан? — он назвал собеседника почетным титулом главы города.

— Что нужно вам, лорды с Земли? — возразил ллор. Он передал флаг одному из своих людей, сел и скрестил руки, глядя в направлении Хансу. — Вы принесли нам войну?

— Мы воюем, только когда нам навязывают войну. Тем, кто не держит в руках меча, мы в ответ показываем пустые ладони. Мы хотим только свободного возвращения домой.

Ллор слез с седла и направился к укрытию землян. Один из его спутников пытался последовать за ним, но предводитель ллоров оттолкнул его назад и пошел один, держа перед собой вытянутые руки.

— Мои руки пусты, лорд. Я не препятствую вашему пути.

Хансу встал ему навстречу, тоже показывая открытые ладони.

— Что тогда тебе нужно, корбан?

— Слово, что моя деревня не будет разрушена.

— Разве военное знамя не поднято против нас? — возразил Хансу.

— Лорд, какое дело нам, маленьким людям, до красивых слов гатануса и дворян? Сидящий на крылатом троне мало что значит для нас — его именем с нас лишь собирают налоги. Мы хотим лишь жить и не удаляться преждевременно в Темные Туманы. Страшные вещи рассказывают о вас, чужеземец. Будто вы сжигаете всех, кто препятствует вам брать то, что вам нужно. Поэтому я пришел на переговоры с вами во имя жизни своей деревни. Зерно ваше, и плоды наших полей, и все остальное, что вам нужно. Если вам нужны молодые гуены, что находятся в наших загонах, берите их. Берите все и уходите!

— Но ведь придут люди гатануса и скажут вам: «Вы корамили врага и дали ему гуенов. Значит, вы заодно с врагом?»

— Как они могут говорить так? — Корбан покачал головой. — У вас армия, обученная незнакомым и ужасным способом войны. Нет, на Фронне все знают, что никто не может устоять против мощи ваших мечей. Ведь вы сражаетесь не только мечом, как принято у нас, но и огнем с большого расстояния, вы несете смерть с воздуха. Некоторые из вас передвигаются в мощных металлических крепостях, которые давят врага своим весом. Все это хорошо известно. Поэтому люди гатануса не поверят, что жители поселка посмели вам в чем-то отказать. Я говорю тебе, лорд: бери все, что угодно, оставь нам только жизни!

— Ты видел ползающие крепости и летающие машины землян?

— Не собственными глазами, лорд. Я не местный житель, хотя и корбан этих людей. Но на юге все видели эти чудеса и известие о них достигло нас.

— Значит, их можно увидеть под Тарком?

— Да, лорд, там теперь много ваших удивительных машин. Вы хотите присоединиться к ним? Хорошо. Но умоляю тебя: берите все, что вам нужно, и уходите!

Хансу опустил поднятые руки.

— Хорошо. Мы не войдем в вашу деревню, корбан. Пришли нам продукты и сто гуенов, пригодных под седло. Мы поделимся с вами добычей и поблагодарим за помощь.

Отряд ллоров отправился назад, а Хансу обратился к потрясенной орде:

— По описанию этого парня, у Тарка целый легион мехов, тяжелое вооружение и самолеты.

— А как насчет закона мирных переговоров? — послышался чей-то голос из толпы.

— Давайте смотреть в лицо фактам. Закон мирных перего-

воров был нарушен, когда сожгли Йорка и остальных. Действуют не только изменники-мехи. Они не могли бы без постоянной помощи доставить сюда тяжелое вооружение. И теперь они считают, что могут легко справиться с нами. Кто бы их не поддерживал, они не позволят нам уйти с Фронна, поэтому самое первое их действие — отрезать нас от кораблей в Тарке.

Отрезать от Тарка, зажать на Фронне, не дать возможности уйти. Кана видел, как растерянность на лицах окружающих сменилась другим выражением — угрюмой решительностью. В течение поколений слабые и нерешительные отстранились от солдатской службы. Наёмники по самой природе своей службы были фаталистами. Мало кто доживал до пенсии или даже до вспомогательных служб на базе. Они бывали во многих переделках и выходили из них благополучно. Но сейчас их подло обманули, нарушили кодекс, считавшийся нерушимым. И за это кому-то придется заплатить!

— Мы доберемся до них... — Эти слова потонули в общем гуле согласия.

Но Хансу жестом заставил их замолчать.

— Мы не одни, — напомнил он. — Солдатский закон нарушен. Что дальше? Другие начнут натравливать мехов на арчей. Это нужно прекратить теперь и навсегда! И для этого необходимо доставить сообщение в Центр.

— Мы не можем противостоять тяжелому вооружению в поле! — крикнул кто-то.

— Мы и не будем пытаться. Нам необходимо лишь передать сообщение на Секундус или Прайм. А остальные должны держаться и ждать помощи.

— Оставаться в горах? — В вопросе не было энтузиазма. — Хватит с нас уже и фроннианских гор!

— Перед нами альтернатива. — Хансу покачал головой. — Вначале мы должны больше узнать о происходящем. Теперь мы разобьем лагерь на вражеской территории. Мастера-мечники и разведчики, ко мне!

Все занялись своими обязанностями. Кана присоединился к остальным у телеги, где их ждал Хансу. Командир расстелил карту — изношенную грязную шкуру и рассматривал голубые линии, пересекавшие ее поверхность.

Он повернулся к командиру разведчиков:

— Богат! Когда корбан вернется с припасами, приведите его сюда. Эти охотники за гуенами должны хорошо знать окрестности. Мехи не могут действовать на пересеченной местности, поэтому нам придется держаться именно таких мест.

— Но вокруг Тарка всюду равнины! — возразил один из мастеров-мечников.

— Мы не собираемся идти в Тарк, ведь от нас именно этого и ожидают.

— Но единственный космопорт...

— Единственный военный космопорт находится в Тарке. Но мы забыли о вентури!

Кана невольно свистнул: Хансу был прав. Вентури! Как наследственные торговцы Фронна, они имели на материке собственные торговые центры. И недалеко от западного моря находился небольшой космопорт, использовавшийся чужеземными торговцами, пытающимися наладить торговлю. Добраться до этого космопорта, завладеть торговым кораблем — это наилучшая возможность выбраться с Фронна.

— Поблизости от вентурской крепости Поулт есть космопорт, — пояснил Хансу. — Регулярного расписания рейсов там нет, но торговцы из космоса прилетают. И если нам повезет, мы сможем найти убежище у вентури. Двинувшись прямо на запад, мы достигнем моря вблизи Поулта.

Корбан, переполненный желанием оказать любую помощь, чтобы отвести опасность от своего поселка, склонился с двумя лучшими охотниками за гуенами над картой Хансу. Он задал вопрос, на который Хансу пришлось отвечать уклончиво:

— Почему, лорд, вы ищете дороги по этим диким местам? На юг ведет широкая и ровная дорога и там вас ждут братья?

— Мы хотим навестить вентури на берегу, причем пройти не по известным им дорогам.

Маленький круглый рот ллора шевельнулся в подобии фроннианской улыбки.

— Ха! Значит, правда то, о чем поговаривают шепотом, — наступит день мести! Не будут больше эти закутанные в капюшоны бродить по нашим землям, не будут они единственными торговцами между поселками. Хорошая новость, лорд. Уничтожьте крепости вентури на побережье — и все ллоры будут восхвалять вас! К тому же вас там ждет богатая добыча. — Ллор охотно принялся комментировать карту. — Вот эта тропа проходит по западной части гор, тут могут встретиться косы. Но что вам косы? Вы раздавите их так же, как мы давим жуков фас-фас на дороге. А эта тропа приведет вас прямо к морю у Поулта. Да будет удачной ваша охота, военный лорд!

— Да будет так! — торжественно ответил Хансу. И начертал знак огня, воды и воздуха — с этими духами на Фронне полагалось советоваться перед началом любого важного дела.

Корбан еще больше подобрел и стал придирчиво осматривать гуенов, которых жители поселка прогоняли перед ним. Он забраковал нескольких животных, к удивлению соплеменников, намеревавшихся воспользоваться невежеством иноземцев. Хансу настоял на том, чтобы заплатить за гуенов. Вечером корбан задал пир. Он ни в чем не мог отказать будущим победителям вентури. Отряд наиболее сильных и опытных охотников за гуенами должен был сопровождать землян до подножия западных гор.

Чтобы добраться туда верхом, потребовалось полтора дня, Хансу торопился, желая выбраться из опасной равнинной местности, пока их не выследил какой-нибудь мекский патруль. На утро третьего дня, когда орда уже основательно углубилась в горы, они обнаружили, что ллорские проводники исчезли, а далеко позади к небу поднимался дым. Охотники подожгли траву на равнине, чтобы загнать диких гуенов в ловушку.

Хансу был доволен: огонь прекрасно скроет их следы. И снова начался кошмар восхождения и непрерывного тревожного ожидания нападения. Хотя охотники утверждали, что тропа проходит по самому краю территории косов и горцы редко тревожат здесь караваны, уверенности в мирном переходе не было. И ллоры не смогли ответить на вопрос, существует ли у торговцев-вентури какой-нибудь договор с горцами-косами о свободном проезде. Но у землян не было выбора.

Тропа была вполне пригодна для гуенов, повсюду стояли воздвигнутые вентури тонкие каменные столбы-ограждения.

Ночь земляне провели без костров, разбившись на небольшие группы и расставив всюду часовых. Но ночь прошла спокойно и на вершинах не было видно сигнальных огней.

Кана весь день находился рядом с Хансу и теперь, завернувшись в одеяло, пытался уснуть. Хансу сидел в ярде от него и слушал доклады разведчиков.

— ...никаких дел с мехами?

— Ни разу,— голос Хансу окончательно разбудил Кану.— А Миллз утверждал, что ими командует Харт Девайс.

— Девайс! Я все же думаю, что Дик ошибался. Девайс не станет нарушать приказ.

— В том-то и дело, Богат. Если Девайс командует Тарком,— а у меня нет оснований не доверять сообщению умирающего Миллза,— значит, дело не в одном мекском легионе... Харт Девайс — молодой командир. Таким же был и Йорк. Его легион мал, но крепок, хорошо вооружен, и у Девайса отличная репутация. Готов выложить полугодовую плату, что в его

легионе в основном служат ветераны. Как и у нас. Я вот думаю... — Он замолчал.

Но Кана понял смысл его слов. Легион и орда, состоявшие из хорошо обученных людей, сталкиваются в смертельной схватке. Неважно, кто победит. Потери с обеих сторон будут огромные! Все это приобретало зловещий смысл.

— Если кодекс нарушен, — задумчиво прошептал Богат. — К дьяволу плату! Но... у арчей нет ни малейших шансов! — В старой игре, конечно. Но почему бы нам не начать новую?

— Но... мы солдаты, Хансу...

— Конечно. Но здесь не действуют правила, с кем и против кого нам сражаться. — Голос Хансу звучал отсутствующе, как будто он размышлял вслух.

— Ну, по крайней мере, сейчас нужно заняться одним. — Богат встал. — Выбраться из этих проклятых холмов и увидеть вентури. Мы справимся с ними, сэр.

— Постараемся этого избежать. Они могут встретить нас невооруженными, если корбан говорил правду и ллоры начали вражду с ними. Их территория слишком сложна для мехов. Этот Поулт построен на острове у побережья — голая выступающая из моря скала. У них есть свои способы добираться до берега.

— Хорошее место, если они впустят нас. Там можно удержаться.

— Этого нам и нужно добиться, Богат. Если мы покажем им, что у нас общий враг, то, может, сумеем и воевать вместе. Разошли, как обычно, разведчиков в горы.

— Да, сэр.

На рассвете снова отправились в путь. Снег лежал полосами вдоль тропы, полосы становились все шире, покрывая всю тропу. Людям приходилось пробивать в сугробах дорогу для гуенов. Животные гибли: дикие, недавно пойманные, они были недостаточно крепки, чтобы вынести такие условия. Вторая телега стала жертвой несчастного случая, и с ней — один из медиков, который не успел вскочить и упал в пропасть.

— Тревога! — Военный свисток передал это сообщение, и солдаты немеющими пальцами взвели курки, достали ножи.

Но на сей раз им пришлось иметь дело не с косами, а с бегущими ллорами, отчаянно пытавшимися прорваться к безопасным равнинам. Они безрассудно бросились вперед, пытаясь пробиться сквозь орду.

Схватка была короткой, арьергарду орды не пришлось произвести и выстрела.

Усталые и измученные схваткой с ллорами земляне разбили лагерь прямо на краю поля битвы. Нанесенный ветром снег укрывал павших, и солдатам приходилось все время следить, чтобы раненые не замерзли.

— Грабительский отряд, отогнанный от дома...— Ветер срывал слова с губ Мика.— Может, и мы идем прямо в огонь, зажженный другими. Надеюсь, вентури не подумают, что мы заодно с теми.

Рей растирал щеку снегом.

— В следующий раз, когда меня будут предупреждать о трудностях назначения, я прислушаюсь.— Он чихнул, а потом закашлялся так, что все его тело затряслось.— Каким раем были казармы! И зачем я только покинул Секундус?

Кана растирал руки. Секундус казался таким далеким. Неужели он когда-то ел в комнате, где диковинные птицы пели на стенах? Или это был сон, а этот кошмар — жестокая реальность?

— Мы будем пробиваться сквозь завалы.— Мик пнул сугроб.— Пока он не станет таким глубоким, что погребет нас. На следующее утро нас найдут в прекрасной сохранности и выставят как произведение туземного искусства...

— Неужели ллоры бежали после стычки с вентури? — удивлялся Рей.— Они их всегда опасались. Вспомните тот случай со шпионом в Тарке. Мы не тронули торговцев, даже когда среди них обнаружился ллор, и каравану не сказали ни слова.

— Ллоры считают теперь, что они самые сильные на Фронне,— сказал Кана.— Они, должно быть, давно ненавидят вентури и искали случай ударить по ним. Ты завтра идешь в разведку, Рей?

— Да, за мои грехи. А ты?

— Тоже.

— Эти горы хотят погубить нас, каждый раз в горах нас преследуют неудачи. Половина людей потеряно там, двадцать полегли здесь и столько раненых...— произнес Мик.

— Не так плохо, как во время бомбардировки,— напомнил ему Рей.— Пока у нас достаточно сил бороться.

— Да, я знаю. Но посмотрим, каким ты вернешься с разведки!

— Kapp? — раздался голос арча.

— Здесь.

— Вас зовет мастер лезвия.

Прервав разговор, Кана направился к тому месту, где между выступающих скал устроился Хансу. Слабый голубой ллорский факел бросал причудливые блики на лица собравшихся. У одного из сидевших лицо скрывал капюшон вентури.

— Карр, садитесь.— Хансу тут же повернулся к незнакомцу в капюшоне.— Этот подойдет?

Круглая голова повернулась, но не было сказано ни слова, и Кана поежился под взглядом глаз из-под капюшона. Затем торговец подал утвердительный знак, более быстрый, чем кивок землянина.

— Этот вентури был пленником ллоров,— объяснил Хансу.— Он возвращается к своему народу, а вы пойдете с ним и попытаетесь наладить контакт. Нам нужна база — возможность скрыться, пока мы не сумеем известить Секундус. Используйте все свое умение, Карр. Вы у нас единственный специалист по контактам. Внушите им, что мы, как и они,— противники ллоров. Передайте их предводителю, что сказал наш корбан.

— Да, сэр.

Хансу взглянул на часы.

— Возьмите припасы и запасное снаряжение. Мы понятия не имеем, далеко ли Поулт — карта очень неточна.— Он помолчал, буравя взглядом Кану.— И помните: нам необходима база!

— Да, сэр.

ГЛАВА 11

Тропа пролегала по широкому выступу, с которого ночной ветер сдул снег. Внизу простиралась необозримая водная гладь.

Кана пошел медленнее, заглядевшись на то, как крылатые существа кружили над узкой полоской песка и ныряли, разыскивая выброшенных прибоем обитателей моря. За исключением их вокруг было пусто и тихо.

Солнце не светило, и под оловянными облаками земля казалась угрюмой и зловещей.

— Идем быстрее!

Кана удивился. За все пять часов совместного пути это были первые слова, произнесенные вентури. На тропе виднелись следы недавнего спешного отступления ллоров, а вентури за все время пути они не видели, можно было подумать, что торговцы и не хотят защищать свою территорию.

И вот, спускаясь по склону, Кана увидел широкую ровную дорогу вдоль берега и первого вентури-часового.

Проводник посовещался с ним, а Кана не стал приближаться, пока не увидел взмах рукой в перчатке. Они подошли к небольшому строению, около которого стояло механическое средство передвижения — металлическая платформа на трех колесах без двигателя. Проводник-вентури уселся на узком сиденье и предложил Кане занять место рядом. Едва Кана успел поджать ноги, как они тронулись — не очень быстро, чуть быстрее пешехода.

По пути военные патрули им больше не встречались, как будто, отогнав ллоров в горы, вентури больше не беспокоились о нападении.

Дорога петляла и кружила, следуя поворотам береговой линии. Обогнув один из выступов скалы, они оказались рядом с вентурианским портом. Здесь море вдавалось в берег большим и круглым заливом — естественной гаванью, в которой торговцы построили причалы. На берегу теснились строения, похожие на склады — без окон, с высокими стенами. Взгляд Каны отметил следы недавней битвы, но вентури вокруг занимались своими делами спокойно и не торопясь, без признаков тревоги. Из странных кораблей у причала (полностью скрытая поверхность придавала им вид черепах) на берег тек непрерывный поток товаров.

Платформа остановилась, Кана слез. Теперь было видно, что корабли не разгружались, а загружались: флот торговцев увозил товары в море. Кана повсюду замечал признаки организованной эвакуации.

— Идем...

Снова проводник-вентури торопил его. Они прошли по лабиринту проходов между зданиями, время от времени прижимаясь к стенам, чтобы пропустить быстро движущиеся механизмы, нагруженные связками и корзинами, и наконец оказались у небольшого сооружения на самом берегу моря.

День был тусклый и мрачный, но внутри здания было еще темнее. Кану схватили за руку и потащили по коридору. Что-либо различить ему удалось, лишь когда они попали в помещение, залитое зеленоватым сиянием.

Кана оглядывался с любопытством, которое не пытался скрывать: стены комнаты сходились наверху аркой. Посреди на высоких подушках восседали трое вентури. Стена слева от Каны была сплошь увешана сложной аппаратурой, которую несколько вентури в капюшонах осторожно снимали и уклады-

вали в ящики. При появлении землянина они прекратили работу и выскользнули из помещения. Кана остался перед тремя сидящими вентури.

Те тоже работали — разбирали стопки тонких листьев из какого-то прозрачного материала. Некоторые листочки они укладывали в металлический ящик, другие бросали на пол.

Торговец-проводник, бывший спутником Каны, сделал доклад, причем сделал это он почти беззвучно, как будто вентури общались не только при помощи голоса. Когда он закончил, все головы в капюшонах обратились в сторону Каны. Он колебался, не зная, должен ли он начать первым, ведь многое зависело от того, сумеет ли он произвести хорошее впечатление. Если бы только он мог видеть их лица...

— Вы из чужого мира?

Потребовалась секунда, чтобы решить, кто обратился к нему — по-видимому средний. Кана ответил соответственно:

— Я с Земли. Солдат с Земли.

— Почему вы здесь?

— Нас призвал ллор Скора. Его убили. Мы хотим вернуться в свой мир.

— Война ллоров... — Показалось ли ему или действительно голос вентури звучал недружелюбно?

— Мы больше не сражаемся за ллоров. Мы воюем против них. Они предали нас.

— Что вам здесь нужно?

— Место, где мы могли бы подождать корабль.

— Такие корабли есть в Тарке.

— Но в Тарке наши враги. Они не позволят нам приблизиться к кораблям.

— Но те, что в Тарке, тоже земляне. Вы воюете со своими?

— Это нарушители наших законов. И они хотят сохранить свои злые дела в тайне. Если мы вернемся и расскажем о них, то они будут наказаны.

— Только в Тарке есть такие корабли, — упрямо повторил вентури.

— Мы слышали, что около Поулта есть место, где садятся корабли звездных торговцев, — с растущим отчаянием возразил Кана. Сюда должен был прийти сам Хансу — он, Кана, не производит никакого впечатления.

— Торговцы не перевозят солдат, торговцы не сражаются.

— Но мы встретили в горах ллоров, бежавших после сражения с торговцами. Этих торговцев больше не приветствуют на равнине. Наступает время, когда даже вам придется обна-

жить меч и расчехлить ружья для самозащиты. Мы говорили с ллорским корбаном, который предсказывал падение крепости вентури на побережье. «Придет день, — сказал он, — когда вентури не будут править торговыми караванами». Те, кто хочет изменить положение, вооружены мечами. И они также и наши враги. Мы, солдаты, нас с раннего детства готовили к сражениям. Те, кому служат наши мечи, спокойно спят по ночам. И, похоже, вам понадобятся союзники, если эти слухи правдивы.

Фигура в капюшоне слегка изменила позу. Впечатление было такое, будто вентури пожал плечами.

— Ллоры не в море. А мы будем в море, зачем нам мечи? И скоро жители материка поймут свою ошибку.

— Если бы вы имели дело только с ллорами, возможно, это бы так и было. Но им помогают другие. Изменники-земляне сражаются не так, как мы. У них есть могучие машины, повинующиеся их воле, они охотятся с неба. Скажите мне, хозяева, разве нет среди чужеземцев таких, кто хотел бы положить конец вашему влиянию и торговле Фронна? Такие люди поддержат в войне тех, кто лучше служит им.

Не получив сразу ответа, Кана почувствовал, как в нем вновь возрождается надежда. Если вентури покинут береговые базы, орда на морском берегу окажется в новой ловушке. Единственный шанс — добиться поддержки торговцев до того, как они отступят.

— То, о чем ты говоришь, нам известно. Нам сообщили о небесных машинах. Значит, ты считаешь, что они последуют за нами, даже если ллоры не посмеют выйти в океан?

— Я думаю, настало время, когда все должны выбирать, за кого они. Вопреки закону сюда привезли небесные машины и движущиеся крепости. А когда люди нарушают закон, который может им отомстить, они подсчитывают вероятность успеха, как вы взвешиваете риск и прибыль. Они собираются править этим миром. И если они победят, какое им дело до вентури? Нас уничтожат, а ваше торговое королевство исчезнет.

Средний вентури встал. Его одежда, сделанная из более тонкого материала, чем у проводника, слегка шуршала при движении.

— Мы сами не можем заключить договор, но твои слова будут переданы старейшим в Поулт. Мы можем только дать согласие; приведи сюда своих людей, они смогут переждать здесь большие бури. Мы должны уйти сегодня же. Так сказал Фалтух, да будут его слова записаны.

Бормотание других означало согласие. Кана в знак приветствия поднял руку, предводитель вентури кивнул. Вентури не отличались гостеприимством: Кану тут же проводили назад к движущейся платформе. Когда трехколесная телега поднималась по склону, Кана заметил, что один из кораблей-черепах отошел от причала. Дойдя до середины залива, он медленно погрузился, и вскоре над водой осталась одна коническая башня. Разрезая ею воду, корабль отправился в море.

Кана и вентури уже в сумерках достигли сторожевого пункта, и землянин с благодарностью отметил, что торговец собирается провести ночь вместе с ним. Кану отвели в помещение без окон: лишь одна его стена зеленовато светилась, дали матрас, который мог служить и для сидения, и для лежания, и оставили одного. Он съел свой рацион и опустился на матрас. Все его тело ныло от усталости.

На следующее утро стало ясно, что вентури считают этот пост концом своих владений и что отсюда он пойдет один. Бледное солнце разгоняло мглу предыдущего дня, и Кана пошел быстрым шагом, бодро напевая марш арчей. Его уверенность в будущем росла. В конце концов, если даже торговцы не впустят людей в Поулт, им позволено остаться в порту на берегу. А этот порт находится недалеко от того места, где, по словам Хансу, садятся космические корабли. Нужно будет только немного подождать.

Надежды Каны все росли и окрасили его доклад Хансу в радужные тона.

— Они не сказали, когда сообщат свое решение?

— Нет, сэр. Они отступили в свои морские крепости, им кажется, что они смогут переждать там неприятность...

— Никогда не видел, чтобы нейтральный что-нибудь выигрывал, особенно, если он владеет тем, что нужно врагу. Но мы не можем спорить с ними. Придется использовать их порт.

Когда авангард орды достиг сторожевого поста, тот оказался покинутым. Часовые и колесная тележка исчезли. И когда земляне спустились к причалу, в порту ничего не двигалось. Последняя башня уходящего корабля-черепахи виднелась в море, в самом конце залива.

Хансу расставил часовых, хотя понимал, что толстые стены защитят их даже от оружия мехов. Он разместился в том доме, где Кана встретился с предводителями вентури. Вся аппаратура со стен была убрана, оставались дыры и пустые скобы, но маленькие столики по-прежнему были привинчены к полу, а за ними виднелись подушечки для сидения. Впервые после

выхода из Тарка солдаты оказались под крышей, и вовремя, потому что к вечеру поднялся ветер, перешедший в бурю, какой землянам еще не привелось видеть.

Толстые стены приглушали вой ветра, но дрожали от бешенных порывов урагана. Пока продолжалась буря, можно было не опасаться нападения.

Движимые любопытством, солдаты обследовали свои новые помещения и нашли несколько разобранных механизмов. Для чего использовалась большая часть их, они не могли и догадаться. Кана в сопровождении Мика и Рея, вооружившись фонариками, осмелились обследовать обнаруженный ими потайной ход в дальнем зале.

Спустившись по крутой лестнице, они очутились в естественной пещере, на дне которой было подземное озеро, видимо, оно сообщалось с морем, так как поверхность воды подернулась рябью от бушевавшей снаружи бури.

Кана заметил тугу натянутый трос, прикрепленный к крюку на стене. Он пробовал потянуть за трос, но только втroe, упираясь ногами в пол и дергая рывками, они смогли вытащить из воды странный круглый предмет. Он походил на корабль-черепаху, без конической башни.

— Бомба? — предположил Мик.

— Нет, ее не стали бы так прикреплять. — Кана обошел предмет. — Вероятно, одноместный корабль.

— Ушли и забыли его?

— Нет. Он был спрятан. Значит, у нас посетитель...

— Оставлен, чтобы следить за нами? — Глаза Мика обежали грубые стены. — Может, готовят какую-нибудь ловушку?

— Не думаю, чтобы торговцы были на это способны, — вступил за вентури Кана. — Скорее, они оставили наблюдателя. Может, установили связь с Поултом. Но, конечно же, лучше присматривать за этим. — Он пнул корабль носком сапога. — Путешествующий в нем должен скорчиться в три погибели. Землянин в нем вообще не поместится.

Они сообщили о находке Хансу, и корабль переместили в верхний зал. Все здания порта обыскали, но без результата.

К утру буря не прекратилась, а только усилилась, и из-за ветра и брызг стало почти невозможно передвигаться от здания к зданию. Шторм зато надежно защищал от нападения, и это примиряло с вынужденным ожиданием и невозможностью искать космопорт. Хансу по-прежнему был уверен, что этот космопорт где-то поблизости.

Кости внимательно осмотрел найденный корабль и сумел

его открыть. Столпившиеся солдаты увидели узкое, обшитое матами помещение, где должен был находиться пилот.

Сим недоумевал:

— Какой человек здесь уместится?

— Может, совсем и не «человек», — ответил Кана.

— Что?..

— Ну, ни один из нас не видел вентури без этих плащей. Откуда нам знать, похожи ли они на ллоров? Или на нас?

Кана задумчиво разглядывал внутренность корабля. Для гуманоида он был слишком узок, тут могло поместиться очень тонкое, змееподобное существо. Он не почувствовал никакого древнего предубеждения против рептилий, никаких пережитков когда-то существовавшего барьера между теплокровной и холоднокровной жизнью. Смешение рас, рождение мутантов после атомных конфликтов нарушили прежнее неприятие «чужого».

В космосе существовала тысяча разумных рас всевозможных форм и видов. Косматые ллоры и косы были людьми, но, возможно, они делили Фронн с другой расой, происходящей от чешуйчатой породы. Существуют расы, чьи древние предки были из семейства кошек. Тристане, например, многие эпохи назад отказавшиеся от крыльев, идя по пути цивилизации и разума стали равными партнерами людям на космических линиях. А что касается рептилий, то можно вспомнить ящерицу закатанов, чьи научные достижения известны всей Вселенной и которые являются самыми миролюбивыми и законопослушными учеными.

Кана вспомнил знакомых закатанов, которыми он восхищался, пощупав обивку не с отвращением, а с простым любопытством. Какая разница, чем покрыто тело: шерстью, чешуей или мягкой кожей, нуждающейся в одежде. Вентури, которых он встречал, ни в какой мере не были ужасными или отталкивающими существами. Нужно было лишь привыкнуть к тому, что они постоянно скрывали свои тела и лица. Теперь он, как никогда, хотел узнать, кто же они на самом деле и почему они так тщательно маскируются.

Но хозяин этого корабля, если он находится в пределах порта, никак не обнаруживал своего присутствия.

А буря все продолжалась. На следующее утро Хансу с трудом добрался до соседнего здания, на обратном пути его с такой силой ударило о стену, что он чуть не упал. Поджидавший Кана схватил его за плащ и втянул вовнутрь.

Командир едва отдохнул и сказал:

— Мы не можем противиться этому. Это время Западного Ветра.

Кана вспомнил информационную катушку: время Западного Ветра — ужасный зимний сезон, парализующий весь Фронн, когда вся жизнь уходит в укрытия, а порывы ветра несут смерть.

Всякий, кого буря застала бы за пределами порта, был бы унесен ветром и погиб. Солдатам повезло: они сошли с гор к прочным стенам крепости как раз вовремя.

— Ни один космический корабль не сможет сейчас совершить посадку, — заметил Кана.

Хансу кивнул. Но было ясно, что невозможность предпринять что-то его раздражала.

— Хотел бы я встретиться с вентури. — Он посмотрел вдаль, как бы вызывая собеседников силой воли. — Как только прояснится, мы должны быть готовы к выступлению.

Будущее по-прежнему оставалось неясным. Если Хансу сумеет доставить вестника на борт космического корабля раньше, чем Харт Девайс установит их местонахождение и обрушит свои крылатые машины, они победили.

Неужели у вентури решающие карты в этой игре?

ГЛАВА 12

Бездействие, вызванное бурей, наскучило солдатам. Вначале они большую часть времени спали, восстанавливали силы, готовясь к новому походу в горы. Но теперь они бесцельно бродили по зданиям, время от времени устраивая ненужные вылазки, когда им казалось, что наступает затишье. Раздражение выливалось во внезапные беспричинные ссоры. Но Хансу был готов к этому: он организовал тренировки в борьбе без оружия, разведке, охоте-преследовании, когда горстка ветеранов пряталась, а младшие члены отряда выслеживали их.

Во время бури установился постоянный мрак, стало невозможно отличить день от ночи. Мог быть и полдень и вечер, когда Кана вскарабкался по опасно крутому пролету узкой лестницы под самую крышу склада. Глаза его привыкли к мягкому зеленому свечению стен, и он тихо крался, собираясь добраться до небольшой платформы под самой куполообразной крышей. Отсюда он мог рассмотреть весь склад. Сегодня Кана был псом, а Сим — оленем. Для новобранца стало вопросом престижа найти ветерана, даже если этому придется посвятить все время до сна.

По мере того как Кана поднимался, свет тускнел. Пришлось идти, касаясь рукой ступенек. Но до верха оставалось еще не менее трех ступенек, когда он замер и прижался к стене, почувствовав чье-то присутствие рядом. Наверху находилась дверь, ведущая, должно быть, на крышу, но при таком ветре никто не мог находиться снаружи.

Кана попытался вспомнить внешние очертания склада, который он рассматривал из штаб-квартиры два часа тому назад. Он был похож на все остальные здания, с овальным куполом, представляющим минимум сопротивления для ветра.

Кана осторожно продолжил подъем, вытянулся во весь рост, подняв руки над головой, пока пальцами не коснулся поверхности над собой. Но он не нашел того, чего ожидал.

Дважды во время таких охотничьих игр он поднимался к этим наблюдательным пунктам в складах и оба раза обнаруживал, что крыша слабо вибрирует, дрожит от ударов ветра. Но здесь она была неподвижна, как бы изолирована от внешнего мира. Кончиками пальцев он ощупал потолок и обнаружил небольшую дверь, выходящую на крышу. Но в этой двери было какое-то отличие от других. Трогая петли, он понял, в чем это отличие: на этой стороне не было запора, дверь закрывалась с противоположной стороны.

Кана достал фонарик, отрегулировал его на минимальное освещение и включил, больше не заботясь о том, что Сим может его заметить. Люк был покрыт песчаной пылью, которая просачивалась сквозь щели во время бури. Подошвы его сапог оставили в этой пыли ясные следы. Но были здесь и другие следы. Такие следы не мог оставить землянин. Кана снова осветил дверь. Она была плотно пригнана: он почти не видел линий соединений. Блеснули две петли. Кана осторожно обследовал их, — какой-то жир покрывал петли, он еще не застыл, и его странный запах остро чувствовался, когда Кана поднес смазанный жиром палец к носу. Кто-то пользовался этой дверью. Но выходить наружу в такую бурю — это казалось невозможным!

Кана направил луч на потолок и убедился, что над головой между потолком и куполом имеется пространство. Угол между куполом и крышей острее, чем должен быть. Какое великолепное укрытие! Ни один землянин не посмеет осматривать крыши в бурю. Кана был готов поклясться, что нашел укрытие шпион-на-вентури! Хансу нужно лишь оставить здесь часового и... Теперь Кана явственно различил запах.

Ниже, там, где раньше лежали груды товаров, запахи

перемешивались друг с другом и общий аромат действовал на землян одуряюще. На мгновение Кана вспомнил игорное заведение на Секундусе. В запахе не было ничего неприятного, и он становился сильнее. Потом послышался легкий шлепающий звук, и Кана застыл, не осмеливаясь дышать. Слух подсказал ему, что из двери что-то упало на пол. Кана потянул фонарик вперед, как будто это был бластер.

Послышались другие звуки, но пока было не ясно, что они означают.

Кана включил фонарик на всю мощность. Луч света упал на существо, сходящее с веревочной лестницы на пол. Существо ухватилось за веревку и застыло неподвижно, поняв, что бегство невозможно.

Помещение в корабле-малютке действительно давало возможность судить о размерах его хозяина, но реальность преувеличивала всякое воображение. Если это вентури, — а у Каны не было оснований сомневаться в этом, — то вторая господствующая раса Фронна физически не имела ничего общего с ллорами.

Исключительная тонкость создавала впечатление большого роста, руки походили на ветви дерева, отходя от тела без плеч, шея едва намечалась, ноги были длинные и тонкие и кончались плоскими перепончатыми ступнями. Обе пары верхних конечностей оканчивались шестипальными ладонями. Наименее гуманнойной была голова, по обе стороны от носа усаженная четырьмя глазами, широкий рот раскрыт от удивления и никакого подбородка...

Кана в ужасе смотрел, сознавая, что уже видел это существо. Это был тиф, превратившийся в наземного жителя, и лишь большой размер мозга отличал его от яростного речного охотника.

Вспомнив о тифе, Кана почувствовал, как его обьял холодный страх. Но тут он увидел глаза существа, мучительно мигавшие в луче света. Это не были черные бусинки ненависти, обещавшие только зло. Большие золотистые зрачки, в которых светился разум, говорили о мире. И арч понял, что хотя вентури внешне напоминают тифа, но по характеру они совсем не хищники.

Ни одна из четырех рук не потянулась к ножу, висевшему в ножнах на шее вентури. Серо-зеленая кожа, прикрытая лишь короткой туникой, дрожала. Кана резко выключил фонарик. И тут настала его очередь ослепнуть, когда зеленый луч, гораздо более мощный, ударил в него, осветив с головы до ног.

— Только один? — Вопрос не мог исходить из этого широкого рта, и все же...

— Да.

Свет перешел на руки Каны, а затем на его нож на поясе, будто вентури изучал оружие.

— Пойдешь? — зеленый луч указал на свисающую лестницу.

Кана не колебался. Повесив собственный фонарь на петлю, он сделал шаг вперед. Взобравшись по короткой лестнице, он протиснулся в дверь. Это едва удалось ему. Наверху оказалось маленькое помещение, губчатый мат покрывал третью пола. Кана сел с краю, а хозяин помещения появился вслед за ним и сделал какое-то движение, от которого свечение стен усилилось. В помещении, помимо мата, находился плоский ящик и аккуратная груда контейнеров. Стояла только небольшая жаровня, от которой поднимался остро пахнущий дым. Помещение, хоть и тесное, все же было достаточно удобно для вентури. Он сел на другой край мата, отбросив в сторону скомканный плащ.

— Ты следил за нами? — спросил Кана.

— Следил. — Невероятная голова с четырьмя золотистыми глазами дернулась, подтверждая сказанное.

— Ты делал это для торговцев?

— Для нации, — негромко поправил вентури. — Вы торгуете смертью. Такие сделки могут привести к злу.

— Ты говоришь от имени многих?

— Я учусь говорить от имени многих. Но мне еще мало лет, и разум мой ограничен... А ты лорд многих мечей?

Настала очередь Каны отказаться от чести.

— Я тоже лишь учусь нашему делу. Это мое первое боевое путешествие.

— Скажи мне, почему вы крадетесь по зданиям, выслеживая друг друга? — в голосе вентури звучала нотка подлинного недоумения.

— Мы учимся, чтобы впоследствии тайно подбираться к врагу. Это тренировка в нашем искусстве.

Четыре глаза продолжали, не мигая, рассматривать его.

— И теперь враг, к которому вы должны подобраться незаметно — ллоры. Но почему?

— Нас призвал служить Скора. Он заключил договор с нашими хозяевами. Но в первой же битве он был убит. В соответствии с обычаями мы прекратили войну и попросили разрешения вернуться домой. Но ллоры пригласили наших командиров на переговоры об этом, а потом предательски уби-

ли их. Тут мы обнаружили, что с ллорами заодно действуют преступники из нашей расы. Они не хотят, чтобы мы вернулись и рассказали нашим хозяевам всю правду. Наши враги заняли Тарк, где садятся космические корабли. Мы пришли к Поулту, надеясь отыскать торговый космический корабль, который передаст наше сообщение.

— Но здесь садятся не военные корабли.

— Это неважно. Они не настолько малы, чтобы не захватить одного-двух человек помимо экипажа. А как только наши хозяева узнают о случившемся, то они пошлют за нами корабли.

— Значит, вы не хотите оставаться на Фронне? С вашим военным искусством вы могли бы захватить весь наш мир.

— Мы с Земли. Там наш дом. Мы лишь хотим мирно покинуть Фронн.

Наклонившись вперед, вентури глубоко вдохнул подни-мающийся с жаровни дым. Затем, ни слова не говоря, раскрыл круглый ящик и извлек две маленькие чашки без ручек. По форме чашки напоминали раковины. В их сине-зеленой глубине двигались аметистовые тени. Из маленького флакончика, такого же прекрасного, он налил в чашки золотистую жидкость. Потом протянул одну чашку Кана, а сам поднял другую, произнося слова на своем языке.

Кана, не раздумывая, взял чашку. Он не мог отказаться от напитка — так радушно он был предложен. Кана, конечно, опасался действия напитка, но, глотнув, не почувствовал никакого приятного ощущения. Наоборот, его охватило тепло, постепенно распространившееся по всему телу. Кана испытывал чувство очень странное, как будто вкус напитка смешался с запахом жаровни и мягким свечением стен, как будто вкус, осязание, обоняние и зрение внезапно слились и стали гораздо резче и остreee.

Вентури закутался в свой обычный плащ.

— Идем к твоему хозяину мечей...

Слышал ли он эти слова ушами, размышлял Кана, или они прозвучали прямо в мозгу? Он встал, наслаждаясь необычной остротой и ясностью чувств. Человек-лягушка уже спускался по веревочной лестнице во тьму. Внизу вентури опустил капюшон.

— Он в другом здании, — предупредил Кана, вспомнив о бушевавшей буре.

— Да... — Тень в плаще скользнула беззвучно, почти мгновенно исчезнув из виду. Кана понял теперь, как мог вентури подглядывать за солдатами.

Цепляясь друг за друга, они преодолели несколько метров, отделявших склад от их штаб-квартиры. Одежда Каны и плащ вентури мгновенно промокли от брызг.

Кана обнаружил, что не только чувства его обострились, но и реакция его стала быстрее. Он одновременно подмечал очень многое, что раньше не замечал: крыши зданий больше не казались ему одинаково зеленого цвета, они различались оттенками; звуки, раньше заглушавшиеся ревом ветра, теперь были вполне различимы.

— Кто это? — Мечник в зале остановился, увидев вентури.

— Посланец к Хансу.

Хансу и два мастера-мечника сердито обернулись на шум и увидела торговца.

— Где вы... — начал было Хансу, а затем обратился непосредственно к молчавшему вентури: — Что тебе нужно?

— Скорее, что нужно тебе, хозяин мечей? Ты хочешь встретиться с торговцами, но у меня нет права отвечать от их имени. Вот он, — закутанная голова кивком указала на Кану, — объяснил мне, почему вы здесь и что вам нужно. Дайте мне, — он назвал промежуток времени в фроннианских мерах, — и я принесу вам ответ.

— Согласен. — Хансу не колебался. — Но как ты свяжешься со своими? В эту бурю...

Кана почувствовал сильное удивление вентури.

— Разве у вас нет способа общаться на расстоянии, землянин? Мы встречались с чужеземцами с других планет, но не раскрывали перед ними всех наших знаний и возможностей. Идем со мной, если хочешь, и увидишь. В тот, что я делаю, нет колдовства, только разум, используемый для безопасности и удобства.

И вот Кана и Хансу вернулись в тайник, где вентури открыл маленький ящик и достал оттуда серебряный зеркальный диск с рядом небольших рычажков. Поднимая и опуская эти рычажки, он набрал нужную комбинацию. Зеркало затуманилось, и вентури заостренным концом небольшого стержня начертил несколько волнистых линий. Они исчезли с диска и его снова затянуло туманом, и вскоре на диске появились другие линии. Так повторялось несколько раз, и, наконец, вентури отложил свое перо.

— Теперь весь вопрос во времени, — сообщил он землянам. — Нужно подождать, пока хозяева ответят. Я лишь доложил, а уж они отдадут приказ.

Хансу согласился. Вокруг его рта пролегли жесткие морщины, глаза выглядели устало. Силы его были на исходе. Его уг-

нетало не только будущее орды и их бегство с Фронна, но и нечто большее. Его цель могла оказаться важнее жизни всех арчей.

Вентури вдохнул дым от жаровни. Его золотые глаза не отрываясь смотрели на землян.

— Хозяин мечей,— обратился он к Хансу,— я могу сказать тебе, что уже десять раз по десять тенов у нас не приземлялись иноземные корабли...

Кана попытался перевести меры времени: около четырех месяцев. Он сжал губы.

— И так было и в прошлом?

— Нет.— Это был ответ на вопрос Хансу.— Нас не заботит межпланетная торговля, поэтому ее отсутствие не может беспокоить нас. Но теперь... Возможно, за этим что-то скрывается. Что же вы будете делать, если корабль не придет? Ваши враги заняли порт в Тарке.

— Сначала мне нужно поговорить с вашими хозяевами, а потом посмотрим.

Из ящика послышался слабый звук. Вентури посмотрел в зеркало. Хотя земляне ничего не увидели, вентури спустя несколько мгновений проговорил:

— Хозяева приглашают вас в Поулт для переговоров. И поскольку вы встретились с предательством на Фронне, сюда придут наши заложники. Вы согласны?

— Да. Когда я отправлюсь?

— Сегодня к вечеру буря ослабнет. Из Поулта вышлют корабль, но нужно быть готовым к немедленному возвращению, потому что заташье продлится недолго.

— Я отправлюсь один?

— Возьми с собой одного человека по твоему выбору. Я бы предложил этого.— Палец с когтем указал на Кану.— Он хорошо говорит на торговом языке.

Хансу не возражал:

— Да будет так.

Как и предсказал вентури, наступило заташье. Земляне с торговцем спустились к воде. Кана видел линию пены на воде, свидетельствующую о приближении вентурианского корабля. Он появился из волн и остановился у причала с удивительной точностью. В конической башне открылся люк, и появились четыре фигуры в плащах. Трое спустились с корабля на сушу, а четвертый остался на корабле.

— Это хозяин Расуф и помощники Рсад и Ерол — они останутся здесь.

Хансу назвал своих мастеров-мечников, а потом в сопро-

вождении Каны поднялся по трапу, ведущему к люку. Трап опустили в зеленоватую полутьму, и двух землян окружили странные запахи и шумы. Вентурианский шпион взял Кану за руку и потащил в сторону:

— Командир корабля думает, что тебе интересно будет взглянуть в окно... Сюда.

Они прошли по коридору, настолько узкому, что землянин с трудом протискивался, и оказались в круглом помещении. Вдоль стен шла широкая подушка для сидения, прерываясь только у двери. Прямо перед ними стена была из сплошного стекла, а за стеклом виднелось здание порта.

Вентури без плаща сидел на подушке, он сделал приветственный знак рукой, и тут же сооружения порта отступили и исчезли из виду.

Путешествие к Поулту началось.

ГЛАВА 13

Поулт возник внезапно: зубчатые скальные стены острова отвесно поднимались из воды без всякой полоски песка. И на стенах не виднелось и следа зданий.

Позволив пассажирам бросить взгляд на остров, корабль полностью погрузился под воду. Землян провели вниз и посадили в меньшее судно, где находились двое вентури. Стены маленького корабля задрожали, но больше никаких признаков движения не было.

Кана чувствовал тревогу. Его угнетало, что темная каюта находится глубоко под водой. Но путь был недолг, и когда люк снова открыли, они оказались в подземном порту — большей копии того подвала-пещеры, который они обнаружили на континенте.

Их вели по узким коридорам, высеченным в скале, оттуда города не было видно. Наконец, земляне добрались до помещения на самой вершине утеса. Одна его стена была прозрачной. Проводник ушел, а Кана подошел к окну, наслаждаясь открывшимся перед ним видом.

— Кратер вулкана,— заметил Хансу.

Центр острова напоминал чашу, стены которой представляли собой террасы. В глубине на террасах виднелись рощицы деревьев, и при этом — ни одного здания!

Мастер лезвия осмотрел мирный ковер растительности на внутренних стенах кратера, объясняя:

— Все их помещения расположены в скалах.

И тут же Кана увидел множество правильных круглых отверстий в скалах, которые соответствовали окнам, и перед одним из которых он стоял.

Кана удивился:

— Какое чудо! Даже бомбардировщик здесь бесполезен.

Разве что пустят в ход атомное оружие...

Рот Хансу сжался.

— Когда закон нарушен один раз, другие нарушения уже даются легче.

— Использовать атомное оружие! — Изумление и ужас Каны были искренними.

Он мог признать измену мехов, мог даже согласиться с фактом борьбы за власть, в которой каким-то загадочным образом участвуют агенты Центрального Контроля, но подумать о применении атомного оружия! Земля получила хороший урок во время Большого взрыва и последовавших за этим войн... Это произошло тысячу лет назад, но в памяти людей ничто не могло залечить рубцы воспоминаний. Невозможно представить себе землян, использующих атомное оружие, — это неестественно, от такого предположения начинала кружиться голова.

— У нас достаточно доказательств, что это не просто заговор мехов, — безжалостно продолжал Хансу. — Мы же знаем, что такое атомное оружие, знаем по собственной истории, но другие не знают, и мы не можем исключить такую возможность...

Он вспомнил военную аксиому. Никогда не исключать никаких возможностей, быть готовым к любым изменениям в будущем...

— Военный лорд, — один из вентури молча появился сзади, — хозяева будут говорить с тобой.

Кана с беспокойством заметил, что не было проявлено никакого гостеприимства, не сделано никакого жеста, который можно было бы назвать дружеским. Вслед за Хансу он вошел в комнату, где их ждали четверо вентури без плащей.

Они были одеты в короткие туники из мягкой ткани сине-изумрудного цвета, на поясах укреплено оружие, все четыре верхних конечности усажены браслетами. На некотором расстоянии сидел пятый вентури, держа в одной руке пишущий стержень, а в другой — туманный зеркальный диск.

Перед вентури было установлено одно сидение. Хансу сел, а Кана остался стоять за ним.

— Нам сообщили о том, что вам нужно. — Один из вентури

с вышитым на груди туники символом, без церемоний начал переговоры.— Вам нужно убежище для ваших людей, пока вы не установите контакт с вашими повелителями в другом мире. Почему мы должны интересоваться судьбой пришельцев, которых мы не звали на Фронн? А поскольку вас преследуют ллоры и их новые союзники, то может статься так, что, представляя вам убежище, мы навлечем на себя гнев хозяев Тарка.

— Разве между вами и Тарком нет состояния войны?— возразил Хансу.— Пересекая горы, мы встретились с отрядом ллоров, бежавших после нападения на порт. Мы освободили там одного вашего.

•Широкое лицо вентури не выразило никаких чувств.

— Вентури не воюют, они торгуют. А когда нет торговли, когда мир раздирается войнами, мы отступаем в свои крепости и ждем, когда положение восстановится. Так было всегда в прошлом, и такая система давала нам преимущества.

— Но разве ллоры заключали раньше союз с теми, кто может приносить войну по воздуху? Возможно, Поулт и нельзя захватить с моря. Но что, если на вас нападут с воздуха, хозяин многих кораблей?

— У вас нет машин, летающих по воздуху, значит, ваши враги сильнее вас?

— Их обучали другим способам ведения войны. И не по нашему обычаю использовать их на такой планете, как Фронн. С их оружием они, если пожелают, могут захватить всю планету. Неужели вы считаете, что ваше отступление может помешать им в осуществлении их планов? Одну за другой они отыщут ваши островные крепости и обрушат на них с воздуха смерть и разрушение. Они могут принести вам даже огненную смерть — это оружие, запрещенное для всех других живых существ, оружие такое ужасное, что чуть не уничтожило мою родную планету и на столетия отбросило мою расу в варварство.— Хансу повторил предупреждение, уже слышанное Ка-ной:— Если закон нарушен один раз, вторично его нарушить легче. Эти изменники нарушили наш закон, прия на Фронн, и могут совершить ужасное преступление.

— Но если вы не умеете сражаться, как они, чем же вы можете быть полезны нам?

— Вот чем.— Хансу сидел прямо и неподвижно, как будто отвечал на вражеский вызов.— Сообщение о произошедшем должно быть передано главным хозяевам. Только у них достаточно сил, чтобы справиться с преступниками. И сообщение должно быть передано тем, кого они стали бы слушать. Дайте

моим людям убежище, и я сам отвезу сообщение. И я обещаю, что после того, как меня выслушают, на Фронне будет наведен порядок. Здесь будет запрещено появляться чужакам с других планет, и вас предоставят самим себе, чтобы выправлялись со своими делами сами. Разве вы не считаете, что существуют те, кто не хочет, чтобы торговля на Фронне велась только вентури? Они позволят ллорам погубить вас, потому что ллоры невежественны в вашем искусстве, и торговцы с чужих миров быстро и навсегда захватят все в свои руки. Вы никогда не приветствовали чужеземных торговцев, и они будут рады от вас избавиться!

Произвел ли Хансу нужное впечатление на них? Кана не мог этого определить.

— Ты сказал очень много. Мы должны это обсудить на совете. Будьте спокойны в наших водах сегодня ночью...

Последние слова напоминали традиционную форму гостеприимства.

Землян снова проводили в комнату с видом на долину, где курящие жаровни наполнили воздух острым запахом. Вошел один из хозяев в сопровождении вентури. На принесенном им подносе стояли три высоких чашки и кувшин. Хозяин налил немного той жидкости, которую Кана уже пробовал в тайнике, себе, а потом собственными руками наполнил чашки землян. И снова Кана ощущил, как обостряются его чувства, как оживает мозг и тело. Церемониальный напиток унесли и расставили маленькие столики со множеством подносов, на которых было по маленькой порции.

— Эту пищу вывозили в чужие миры, — заверил их хозяин, — поэтому вы можете ее спокойно есть.

Земляне начали есть, благодарные за перемену в своем рационе. Слегка незнакомый вкус оказался приятным. Вентури были искусными поварами и стремились к неожиданным эффектам, некоторые блюда были горячими и холодными в одно и то же время, за резким соусом следовало сладкое, и все это вместе давало такое гастрономическое наслаждение, которое Кана, например, никогда не испытывал.

— Ваш город хорошо укрыт, — сказал Хансу и жестом указал на боколическую картину в кратере.

— Мы не собирались скрываться, — поправил его хозяин. — Когда наши отдаленные предки впервые выбрались из воды, то жили в пещерах этого моря. Поэтому, вместо того чтобы строить снаружи, наша раса привыкла жить в земле. В нашем климате мы стремимся к закрытым помещениям.

ям, близким к воде. По мере того как росли наш разум и цивилизация, города становились такими, как Поулт. Нам плохо на сухих равнинах континентов: каждому из нас приходится выполнять там свои обязанности, но мы радуемся, когда можем вернуться домой. А ваша раса живет открыто, как и ллоры?

Хансу кивнул и начал описывать Землю, ее голубое небо, зеленые холмы и изменчивые моря.

— Скажи мне,— спросил вентури,— почему вы отдаете свое искусство войне? Ваша раса, вероятно, старше моей. Вы не варвары, как ллоры. Неужели вы не понимаете, что ваше занятие — напрасная трата сил, отрицание покоя и добра?

— Мы рождаемся с волей к борьбе, с желанием сравнить наши силы с силами противника. Когда племя или нация утрачивает это свойство, она впадает в упадок. Мы вырвались в космос — к этой цели мы стремились в течение веков, мы рвались к звездам. И обнаружили, что космос не для нас, что нас считают такими же юными варварами, как и ллоров. В космос до нас вышло множество рас и племен, и они создали особый кодекс, чтобы контролировать новичков. Те, кто правит космосом, считают, что наш темперамент для него не пригоден, что он за пределами установленных границ. Поскольку мы стремились к борьбе, нам назначено быть наемниками на других планетах. Мы обречены на эту службу, только так мы укладываемся в их схему. Такую плату мы вносим за право быть в космосе — служим стражами на звездных линиях.

— Мне это не кажется честной сделкой,— заметил хозяин.— А если сделка неравная, наступает день, когда она нарушается, и тот, кто обманул, вынужден искать другое место для торговли. Не так ли будет и с вашей сделкой?

— Возможно. А что произойдет здесь на Фронне, должны решать вы.

— Пусть ваша торговля будет хорошей, а прибыль большой.

— Пусть ваши корабли всегда возвращаются в гавань,— в той же манере ответил Хансу, и хозяин покинул их.

В тот день землян больше не приглашали к хозяевам. Вскоре буря снова усилилась, и окно их помещения большей частью было закрыто пеной и многочисленными обломками, гонимыми ветром.

— Как вы думаете, у нас есть шанс?— осмелился Кана прервать молчание, в то время как Хансу с отсутствующим видом смотрел в окно.

— Сейчас, по крайней мере, они обращаются с нами, как с

почетными гостями. Предлагая нам еду, они признают наше равенство. А когда завоевываешь один пункт, то можно продвигаться дальше. Но у них не наша логика. Мы не можем догадаться, что они будут делать, поставив себя на их место. Вам, как специалисту по контактам, следовало бы это знать. Это ваше первое назначение?

— Да, сэр.

— Почему вы готовились к этой специальности?

— Мне понравился основной курс, сэр. У нас был закатанский инструктор, он заставил меня о многом думать. Меня пленил способ его мышления. Благодаря ему я встретился с другими специалистами Х-три. Поэтому я прошел испытание по специальности и был допущен к обучению. Этот курс не слишком популярен: много лишних часов. Но, сэр, мне это обучение никогда не казалось работой. А занятия в кабинетах Х-три интереснее, чем увольнительные в город. Встречи со специалистами Х-три мне очень нравились, хотя у нас не одобряли...

— Дружеские связи с чужаками? Я это знаю. Лишь бы изучить минимум, необходимый для установления связи на других планетах. Конечно, для Центрального Контроля мы самые странные из всех разумов.

— Дик однажды говорил что-то подобное, сэр. Что у Центрального Контроля сложилось стереотипное представление о землянах, и что они настоящих землян не видят...

— Миллз знал, о чем говорил. Мы нарушаем закон и обычай, пытаясь на свой страх и риск вести переговоры с этими вентури.

Когда Кана, свернувшись на подушке, собрался спать, Хансу все еще о чем-то размышлял у окна. Снаружи ревел ураган, но за стенами его почти не было слышно.

Утром их отвели к бассейну с морской водой, достаточному по размерам для плавания. Потом они снова роскошно поели. Свидание с членами совета состоялось только в полдень.

— Мы обдумали проблему, — начал тот же самый хозяин, когда Хансу занял свое место, — и согласны с большинством из ваших доводов. Однако будущее полно случайностей. Мы не можем поместить ваших людей здесь: экономика наша и так напряжена, а место ограничено. Приютить на неопределенный период такое количество людей мы не можем. К тому же корабли можно использовать лишь в затишьях между бурей. Зато наш враг сейчас также не может действовать, поэтому у вас есть около десяти дней, за которые вы можете изучить

ситуацию и принять решение. К концу этого периода, если предоставится возможность отправить сообщение вашим командирам, мы согласны переправить ваших людей в Поулт и на большой остров дальше в море, на котором мы пасем наших гуенов во время сезона бурь. Вдобавок мы снабдим ваших людей продовольствием и научим сетями ловить пригодных для пищи морских созданий.

— Что вы возьмете с нас за это?

— Слово, что вы добьетесь у своих хозяев запрета на появление на Фронне чужеземцев, ведущих войны. Чтобы чужеземцы могли появляться только с ведома вентури, и чтобы вентури знали о цели их появления. Мы не хотим, чтобы Фронн стал вассалом другого мира или служил разменной монетой в сделке хозяев звезд.

— Согласен, и не только потому, что это ваши условия. Я и сам так считаю, — заявил Хансу. — Сейчас мы возвращаемся в порт?

— Через два тена снова наступит затишье, и вы сможете вернуться. С вами будет член совета, который свяжет нас на расстоянии. Попутного ветра и хорошей прибыли тебе, лорд многих мечей!

— А тебе, хозяин кораблей, гладкого моря.

Наконец наступило затишье, которое давало им возможность возвратиться. Оно продлилось довольно долго, и только предупреждение вентури удержало землян от попытки добраться до космопорта.

Снова началась буря, и орда с вентури-проводниками вновь оказалась отрезанной от основного мира.

— Мы не получали сигналов от космических кораблей. — Вентури отхлебнул напиток, изготовленный из растворенных в воде таблеток земного рациона. — Наши хозяева считают, что здесь больше не будут садиться корабли. Ведь Тарк открыт для них, и ллоры убеждены, что в будущем с нами не придется иметь дела.

— Верно. — Хансу проглотил горячий напиток.

— Но в таком случае вам придется изменить планы?

— Возможно, мы пойдем в Тарк.

У вентури не было бровей, но он весь излучал вежливое недоверие. Хансу не стал ничего объяснять.

Буря была короче предыдущей, и Кана знал, что теперь такие штормы пойдут на убыль. На следующий день после затишья вентури объявил, что можно выходить. Солдаты с радостью высипали на открытый воздух, глубоко вдыхая про-

хладу зимнего дня и разглядывая груды предметов, принесенных ветром и волнами.

Крик ушедшего вперед арча заставил всех подойти к нему: между дальними зданиями, которые никто не занимал, лежали обломки машины. Как будто какой-то гигант схватил ее и скрутил, как комок выжатого белья.

Это был краулер — небольшая движущаяся наземная крепость, несомненно мощная военная машина, лежала искореженная, будто сделанная из соломы.

Внешний люк был раскрыт, очевидно, от удара. Кости вскарабкался на обломки и заглянул внутрь. Когда он выглянул из дыры, лицо его было зеленым несмотря на загар.

Он конвульсивно вздохнул.

— Тут полный экипаж на борту... — доложил он.

Никто не торопился следовать за ним.

— Сколько? — Внизу появился Хансу и начал подниматься на борт.

Кости еще раз неохотно заглянул в краулер. Губы его двигались при счете.

— ...Четыре... Пять... Шесть. Шесть, сэр.

— Ларсен, Богат, Ведин, зайдите. Их нужно вынести, — бросил Хансу через плечо.

— Они... — снова слготнул Кости, — все мертвые.

— Тем не менее их нужно извлечь.

Вызванные им люди начали неохотно подниматься, а сам Хансу уже скрылся в краулере. Даже когда грязная работа была закончена и шесть тел унесены в ближайшее убежище, Хансу все еще не был удовлетворен.

Пятеро оказались мехами, и он тщательно изучал их нашивки. Но шестой, хотя и одетый в мундир мастера-меха, оказался чужаком. Внимательно осмотрев изодранный и окровавленный мундир, Хансу долго в задумчивости стоял над телом.

— Веганец! — произнес он так тихо, что если бы Кана не стоял поблизости, то ничего бы не услышал. — Веганец!

Любой землянин разделил бы его изумление при виде тела. Из всех галактических рас веганцев менее всего можно было ожидать увидеть здесь среди союзников землян, ведь веганцы считают их варварами. Они не только были открыто грубы с землянами, как арктурианцы или жители планет Полярной Звезды, они просто игнорировали их. И все же здесь был веганец в мундире меха, возможно, командующий мехским краулером.

— Сэр! — Кости, наполовину высунувшись из краулера, вывел из задумчивости Хансу. — Груз, сэр. Похоже на оружие...

Мертвый веганец был оставлен; не только Хансу, но и все земляне заторопились к разбитой машине. Ларсен показался из люка, протягивая ящик. Кости вынес его наружу. Все окружили Хансу, который, присев на корточки, ножом поднял крышку. Внутри лежали какие-то предметы, завернутые в промасленную ткань. Хансу не нужно было много времени, чтобы определить, что это такое. Когда он развернул тряпку, в его руках оказался бластер-огнемет космического образца.

— Сколько там таких ящиков?

— Три, сэр.

— Есть возможность определить, где находилось это корыто, когда началась буря? — спросил он у Кости. — Записывается ли их маршрут, как на корабле?

— Не думаю, сэр. Тут ручное управление. Но могу проверить... — И он снова полез в краулер.

— Очень далеко от Тарка, сэр, — нарушил молчание Ларсен. — И разведчик не стал бы брать с собой груз.

— Верно. — Хансу внезапно повернулся к вентури, который с любопытством смотрел на всю эту сцену из дверей склада. — Вы уверены, что никакой космический корабль не садился поблизости?

— Не на контролируемой нами территории. Видящие зеркала сказали бы нам...

— И на расстоянии дня пути нет иной посадочной площадки? Этот краулер вез груз, он не стал бы перевозить груз из Тарка в период бурь. Не мог краулер попытаться добраться туда из корабля, севшего где-нибудь поблизости, как вы думаете?

Вентури кивнул в знак согласия:

— Тяжелая и крепкая машина. Те, внутри, могли считать себя в безопасности. Ведь они не знают силы наших бурь. И если это верно, то они могли попытаться добраться до Тарка. Верно и то, что люди в Тарке — ведь ллоры предупредят их — не осмелятся уходить далеко. Я свяжусь с хозяевами. Возможно, корабль все же сел, — произнеся это, вентури исчез в здании.

А несколько мгновений спустя Кости принес обескураживающее известие:

— Они шли на ручном управлении, сэр. И никаких записей. Но не думаю, что это разведчик. Тяжелое оружие в чехлах.

— Почему же они не приземлились в Тарке? — размышлял вслух Хансу. Он опустил кулак на разбитую гусеницу

краулера.— Все детали груза, все обмундирование и оборудование, все до последнего кусочка принести в штаб! Может, найдем ключ к этой загадке. И побыстрее.

ГЛАВА 14

Хотя было доказано, что краулер недавно выгрузили из корабля и он отправился в первую поездку (возможно, в Тарк), не было никаких следов посадки корабля. И именно вентури сумел найти ключ к разгадке. Он пробрался сквозь толпу к Хансу и не тратя времени изложил полученное известие.

— Чужеземный корабль приземлился в шести гормелах к югу...

Пока Кана пытался перевести гормелы в земные мили, вентури продолжал:

— Он сел среди прибрежных скал в защищенном от бури месте.

— Большой корабль? — спросил Хансу.

Вентури сделал странный жест верхней парой конечностей, что у его расы соответствует пожатию плечами.

— Мы не умеем определить размеры ваших кораблей... и если бы поблизости у нас не оказался бы пост... — Он поколебался, и Кана заподозрил, что этот пост — не торговая станция, а, скорее, шпионский наблюдательный пункт. — Но этот корабль меньше тех, что садились раньше, и он опустился тайно во время первого затишья.

— Сорок миль... — Хансу оказался быстрее в пересчете. — Что за местность между нами?

Снова вентури «пожал плечами».

— Пустыня. И будут еще сильные бури.

— Но большой отряд сможет пробраться? Или, может, твой народ доставит нас к морю?

На последний вопрос последовало категорическое «нет». Береговые течения вдоль побережья не дают возможности пристать, разве лишь в спокойный сезон. По поводу похода по суше вентури не стал высказывать мнения, вежливо воздержавшись от оценки умственного состояния предложившего это. Однако он согласился указать последовательность бурь и затиший на три-четыре дня вперед. И Хансу отправил еще одно послание хозяевам в Поулт.

В ответ сообщалось, что в следующий период затишка корабли возьмут на борт большую часть орды, а маленький

отряд останется и попытается по сущему добраться до спрятанного корабля. Это был отчаянный план, но перспектива возвращения в Тарк представлялась еще менее привлекательной.

Связник вентури сверил свою карту с грубо нарисованной картой Хансу и указал место нахождения корабля.

— Хозяева желают вам успеха, — закончил вентури, — вы отправитесь сегодня вечером?

— Только после ухода орды, — с отсутствующим видом ответил Хансу.

Взгляд его блуждал по солдатам, собравшимся в помещении. Не все арчи собрались на этот прощальный сбор: были больные и раненые. Но кто же из них пойдет на юг? Кана знал, что все собравшиеся думают об этом.

Он сделал собственный выбор. Кости, маленький, стройный, должен пойти. Он почти единственный в орде обладал познанием в технике, знал, как поднять корабль в космос, если им удастся в него проникнуть. Кана был уверен, что Хансу сам поведет отряд. Но сколько человек и кто именно будет в отряде?

С мертвых мехов сняли мундиры, очистили их и стали подбирать людей, которым бы они подошли. И когда один из мундиров пришелся Кане по плечу, он понял, что будет в числе участников. И не успел он решить, радоваться этому или нет, пришли корабли, переждали непродолжительную бурю и на следующий день увезли орду, оставив на пристани Хансу и пятерых солдат. Когда последняя коническая башня исчезла в воде, мастер лезвия натянул поводья ожидавшего гуена.

— Нужно найти убежище до начала следующей бури. Выступаем!

Круглый купол сторожевого поста вблизи порта они увидели до начала очередного приступа бури. Но защита, даваемая этим маленьким зданием, — совсем не то, что безопасность за толстыми стенами.

Скорчившись на полу, оглушенные ревом ветра, шестеро солдат думали, выдержит ли купол следующего натиска бури. Гуены, тесно прижавшись к земле костлявыми телами, подняли монотонный воющий крик, который резал землянам души.

Прошло несколько часов — оглушенным людям они показались вечностью, — прежде чем ветер стих.

— Вперед! — Хансу вскочил на ноги и начал поднимать своего гуена, который скалил клыки и сердито огрызался.

Через пять минут они были на дороге. От быстрой рыси гуенов у солдат ныли тела, но они стремительно продвигались вперед. До сих пор им везло, но когда собравшиеся вновь тучи

показали, что им пора отыскивать убежище, поблизости не оказалось никакого здания.

Единственной надеждой была роща, на ее краю виднелись расщепленные пни: там особенно свирепствовала буря. Туда и направился Хансу. Пришлось извлечь прочную веревку, данную вентури как раз на такой случай. Они привязали гуенов и самих себя к самым прочным деревьям.

Если короткая остановка в маленьком куполе казалась страшным адом, то здесь творилось вообще неописуемое. Приходилось бороться за каждый вздох. Кана утратил всякое представление о времени, он забыл обо всем, отчаянно борясь за жизнь. Потом его куда-то потащило и он безжизненно перевернулся на спину.

Его хлопали ладонью по щекам, глаза никак не хотели открываться.

— Вставай! Поднимайся! — торопили его.

Он с трудом заставил сесть свое ноющее тело. Над ним стояло трое солдат, один поддерживал его окровавленную голову. Шестеро землян въехало в рощу, а выехало всего лишь четверо, ведя на поводу гуена без всадника. Из двоих погибших одного они больше никогда не видели, а второго похоронили под избранным им деревом, которое тоже не пережило этой бури.

«Выдержит ли кто-нибудь из нас до конца пути», — размышлял Кана, взбираясь на спину гуена только усилием воли. Но прежде чем пришло время снова позаботиться об убежище, скалистую береговую линию пересекла река. И им посчастливилося наткнуться на ллорскую деревню. В соответствии с обычаями Фронна, они постучали в ближайшую дверь и попросили защиты в гостевой комнате. Растигнувшись на тонких подушках, солдаты погрузились в тяжелый сон, даже не поев из своего скучного рациона. Когда они проснулись, буря кончилась и туземное население оживало.

Хансу поговорил с хозяином, и его лицо несколько прояснилось.

— Это последняя сильная буря. Дальше будет просто очень сильный ветер, какой можно встретить и на Земле. И мы движемся в правильном направлении! Здесь проходило два краулера, они отправлялись в Тарк.

— А что они думают о нас? — Ларсен с трудом надевал на раненую голову мехский шлем. — Вас расспрашивали, сэр?

— Они считают, что мы с корабля. Я сказал, что нас застигла буря и что наш краулер разбит. Для них все земляне

на одно лицо, так что они поверили. Нам нужно беспокоиться лишь при встрече с мехами, если таковая состоится.

Через час они уже ехали по полям, через нанесенные бурей обломки, дальше простирались скалы. Приходилось идти, руководствуясь лишь показаниями компаса в руке Хансу. Ночь они провели в ущелье, в голых скалах. Ветер выл в ушах. Все было как при переходе через горы, лишь не было угрозы нападения косов.

Дважды на протяжении следующего пасмурного дня они были вынуждены укрываться, спасаясь от жестоких порывов ветра, который мог принести смерть среди каменных башен. Длинный обход привел их на морской берег, там они прокладывали путь по толстому слою водорослей, принесенных ветром.

Вдруг гуен Хансу попытился и резко закричал, а потом принялся рвать когтями какое-то тело среди водорослей. Хансу от неожиданности чуть не выпал из седла. Разинулась пасть, достаточно большая, чтобы проглотить гуена и всадника. Кана инстинктивным движением мгновенно сорвал свое ружье и выстрелил в раскрытую пасть.

Челюсти щелкнули раз, другой, закипела вода вокруг огромного тела. Чудовищная помесь крокодила, змеи и кита — вот все, что успел подметить Кана. Хансу тоже выстрелил в извивающегося монстра.

Неведомое животное скрылось в воде, а земляне двинулись дальше, держась как можно дальше от воды и успокаивая нервничающих гуенов.

Вскоре Ларсен обнаружил проход между скалами и они выбрались из бухточки. Перед ними тянулось обширное песчаное пространство, усеянное водорослями и многочисленными, принесенными водой обломками, среди которых валялся предмет, напоминающий небольшой вентурианский корабль. Над ним кружили пожиратели падали, и земляне не стали осматривать его. Вслед за командиром они двигались на юг, где впервые после речной дельты начиналась удобная для езды верхом местность.

Следующий порыв бури застал их в узком ущелье. Пригнанная ветром морская вода пенилась у ног гуенов, но Хансу упрямо держался прежнего маршрута, и его настойчивость была вознаграждена: вскоре они обнаружили раздавленный краулером камень. Подбодренный этим открытием Хансу уступил и позволил отдохнуть отряду. Большую часть дня над землянами нависало серо-стальное небо, и наступление ночи обозначилось лишь потемнением. Но на сей раз тьма сослужи-

ла им хорошую службу: невдалеке появился свет, как будто враги указывали арчам путь, и он был не голубоватый, как свет ллорских факелов. Ярко-желтым огнем горели лампы земного лагеря.

Оставив гуенов на попечение Ларсена, они осторожно двинулись вперед, временами передвигаясь ползком, вслушиваясь в малейшие звуки. И вот они втроем лежат за небольшим возвышением, глядя на море огня, в котором с трудом различалось хвостовое оперение небольшого космического корабля. Ничего не двигалось, не было видно никаких признаков жизни. У Хансу уже был готов приказ:

— Оставайтесь здесь! — И прежде чем они успели сообразить что-либо, он скользнул во тьму.

Оставшиеся дрожали на ледяном ночном ветру, от долгого пребывания в пропитанном солью воздухе саднило кожу. Вдали отчетливо слышался шум прибоя. Но вокруг корабля ничего не двигалось. Прошло, казалось, очень много времени, прежде чем вернулся Хансу и приказал им двигаться назад. Только здесь, когда они укрылись за скалами, он рассказал о только что сделанном открытии.

— Корабль небольшой... общие очертания патрульного крейсера, охраняется, но в темноте было трудно разобрать... Придется подождать рассвета.

Кана спал урывками, остальные тоже лишь слегка дремали. Лежать было неудобно, но они за долгие годы полевой службы привыкли ко всяkim неудобствам. На рассвете снова началась буря.

Гуенов привязали в глубоком ущелье, Хансу велел, чтобы не привязывали слишком тую. Ему не нужно было объяснять причину: из этого похода земляне не вернутся. Либо они улетят на корабле, либо... им больше уже ни о чем беспокоиться не придется.

Они отправились прежним путем к небольшому возвышению, чтобы снова взглянуть на лагерь. Дневной свет сделал более бледным освещение ламп, и корабль стал различим на фоне скал. Искусный пилот посадил его в самом центре небольшого каньона с плоским дном. Как и сказал Хансу, корабль был похож на легкий крейсер. Такие корабли строились для галактического патруля.

Приглядевшись, они увидели на борту отчеканенные знаки патруля. Узкий, как игла, корабль мог вмещать не более дюжины членов экипажа. А если он нес еще груз и краулеры, то жилые помещения становились еще ограниченнее.

— Это нам и нужно, — еле слышным шепотом произнес Хансу. — Но как попасть в него?

Под слегка нависающей стеной каньона виднелась пластиковая палатка временного лагеря. Из неё вышел человек и потянулся. На нем был мундир меха, и, насколько мог судить Кана, это был землянин. Мгновение спустя к нему присоединился второй. Тоже в сине-сером мундире, но по внешности явно чужак. Длинные тонкие ноги, гибкие, будто обладающие лишними суставами руки... Тренированный глаз Каны сразу уловил признаки неземного происхождения, хотя без более внимательного рассмотрения нельзя было сказать, откуда именно происходит этот незнакомец.

Мех почтительно посторонился, и чужак прошел на открытое место и стал смотреть в устье каньона, будто ожидал появления чего-то важного. И он не ошибся, до солдат донесся резкий крик гуена.

Показался отряд всадников. Гуены шли очень медленно, свесив костлявые головы до колен. Видно было, что они очень устали. Кана решил, что эти туземцы не солдаты. Скорее они похожи на захолустных охотников за гуенами, какие встретились землянам после горного перехода. У предводителя за плечами торчало ружье, а остальные были вооружены лишь копьями и мечами. Вокруг талии каждого из них была обмотана веревка — обычная принадлежность охотника за гуенами. Предводитель-ллор слез с седла и тут же упал, а чужак сел на небольшой табурет, торопливо принесенный из палатки вторым мехом. Пока спешивались остальные ллоры, падая и пошатываясь, из палатки появились еще три меха и стали на некотором расстоянии. Было ясно, что сейчас начнутся переговоры.

Началось обсуждение, временами переходившее в горячий спор. Один раз ллор даже встал и дернулся за узду своего гуена. Но быстрый жест и слова чужака, очевидно, успокоили туземца, и он снова уселся. Наконец, встреча подошла к концу. Ллорский вождь отдал какой-то приказ ожидавшим членам своего отряда. Четверо из них с трудом встали.

Пока предводитель ллоров и чужак стояли в ожидании, ллоры подошли к палатке. Мехи вошли внутрь и тут же вернулись с двумя большими и узкими ящиками, каждый из которых несли двое мехов.

Хансу даже привстал на колени, чтобы услышать хоть что-нибудь, и Кана подумал, не дернуть ли его за полу. Но находившиеся внизу были так заняты своим делом, что даже не поднимали голов.

Ящики передали ллорам, которые приняли их с открытым выражением отвращения и отнесли к лестнице, ведущей к люку корабля. Точно так же была перенесена вторая пара ящиков. Кана старался представить, что в них лежит — какое-то оружие? Но зачем грузить оружие в корабль? Логичнее было ожидать, что оружие составляет груз корабля. Когда у лестницы лежали шесть ящиков, чужак и двое мехов начали что-то делать с крышкой одного из них.

— Это! — Лицо Хансу странно побледнело под густым загаром. Он хрюпал дышал, как будто взобрался по склону, — ему стало понятно содержимое этих ящиков.

По коже Каны поползли мурашки: он с опозданием также понял, что это — гробы. Когда мехи сняли крышку, стало видно тело человека в черно-белом мундире патруля.

— Но почему?.. — Неоконченный вопрос не получил ответа, только два его товарища пожали плечами, а Хансу издал нечленораздельное мычание.

Ящики были отнесены к дальней стене каньона. Чужак приказал уложить тела неровной линией. Хансу зашипел... иначе нельзя было определить звук, изданный им сквозь стиснутые зубы. Для Каны действие внизу не имело смысла, но Хансу происходящее с каждым мгновением становилось все яснее. Теперь чужак отошел, поманив за собой мехов. У корабля остались лишь ллоры, как бы осматривая мертвцев.

— Он делает запись! — это произнес Ларсен, и Кана убедился, что тот прав. Чужак с видеозаписывающим устройством в руках снимал сцену: корабль, лежащие тела, ллоров вокруг них. Запись... кому ее показывать?

— Так вот что они задумали! — воскликнул Хансу. Чужак еще несколько раз провел камерой, а затем кивнул предводителю ллоров, который тут же отдал приказ. Дальнейшее для арчей было загадкой.

Два меха свернули палатку. Ее и несколько тюков унесли. Вскоре из-за скалы появился краулер, но не приблизился к кораблю, а остановился в отдалении. Чужак и мехи поднялись в машину, и она тут же двинулась по каньону на восток. Ллоры подождали, а затем сели на гуенов и поехали в противоположную сторону.

Корабль и тела вокруг него остались. И едва последний ллор скрылся, как Хансу спустился по склону, а Кана и остальные торопливо последовали за ним. Но Хансу опередил всех и уже осматривал тела.

Лицо его было мрачно.

— Их застрелили,— медленно сказал он,— застрелили из ружья арчей.

ГЛАВА 15

— Но ведь это патрульные,— сказал Ларсен.

Трудно было поверить, несмотря на очевидность, что возможно такое убийство. Уж слишком велик был престиж патруля.

Эти люди были, несомненно, застрелены и не из легких воздушных ружей ллоров, не из бластеров мощных огнеметов галактических агентов, а из особого оружия, которым располагают только мечники с Земли.

— Этот агент снимал фильм не для развлечения,— с горечью заметил Кости.— И можно представить себе, какое впечатление он произведет в некоторых кабинетах... убийство патрульных восставшими арчами...

— Я не понимаю. Зачем все это?— Ларсен пнул камень.

— Повод для выступления против нас,— впервые нарушил молчание Кана.— Разве не так, сэр? С правдоподобным рассказом агента и этим фильмом нас не станут слушать... даже на Прайме...

Он хотел, чтобы Хансу возразил, сказал, что у него слишком разыгралось воображение. Но Хансу лишь кивнул.

— Здесь больше смысла, чем в пятидесяти других возможных объяснениях.— Хансу встал, разглядывая корабль.— Да, они разыграли здесь эту сцену для чего-то отвратительного. И, вероятно, сработало бы, если бы мы не оказались здесь...

— Значит, они хотят уничтожить нас?— Кости не сдерживал ярости.— Что же мы можем сделать?

— Нарушить их планы!— В голосе Хансу звучала решимость.— Кости, поднимитесь на борт и проверьте, можно ли поднять этот крейсер.

Кости заторопился к лестнице, а Хансу повернулся к остальным.

— Похоронный обряд...— он указал на тела.

Они выполнили печальный обряд, как выполняли его много раз за последние тяжелые недели для своих товарищ. Когда они занялись сортировкой личных вещей погибших, чтобы позже опознать их, над их головами в люке появился Кости.

— Первая удача, сэр! Корабль готов к взлету!

Хансу лишь кивнул, как будто приняв решение, он был уверен, что теперь судьба позволит осуществить его без помех.

Сложив вещи патрульных в ранец, он поднялся по лестнице в маленький корабль. Двое арчей последовали за ним.

До сих пор Кана лишь знал солдатские транспортные корабли. И хотя они были тесными и узкими, этот крейсер оказался еще меньше. Веревочная лестница, свисавшая с верхних уровней, была слишком узкой для безопасного подъема. Кости уже исчез в люке, Хансу шел за ним по пятам.

Им в нос ударил запах машинного масла и спретого воздуха, запахи жизни в тесноте. Они прошли в контрольную кабину. Хансу указал на ремни кресла пилота перед пультом управления.

— Сумеете поднять его, Кости?

Тот лишь оскалил зубы в широкой улыбке.

— Постараюсь, сэр.

Кости сел в кресло, Кана и Ларсен заняли противоположные сиденья, а Хансу направился к месту капитана.

— Если хотите, можете осмотреться в течение пяти минут, сэр, — предложил Кости, может быть, потому, что сам хотел получить несколько минут на то, чтобы освоиться с приборами. Потом ему придется оторвать корабль от сравнительно безопасного Фронта.

Они быстро осмотрели маленькие каюты экипажа. Каюты находились в состоянии полного беспорядка. Вещи и одежда выброшены из шкафов. Кана подобрал голографический портрет, на который наступил грабитель. На него смотрели странно склоненные глаза женщины с Лиры-1.

— Прекрасно сделано. — Хансу профессионально осмотрел разгром. — Ограбление помещений, произведенное бессовестными арчами.

— Вы думаете, что это настоящий патрульный корабль? Они действительно убили патрульных, чтобы обвинить нас в этом, сэр? — спросил Кости.

— Возможно. Хотя это не слишком весомый аргумент против такой маленькой орды, как наша. Не настолько мы важны. — Нахмурившись, он вернулся в контрольную кабину. — Есть ли здесь запись маршрута на Землю? — спросил он у Кости.

— Отправимся на Прайм, сэр? — возразил новый пилот. — Я думал, мы полетим на Секундус...

— Возможно, это настоящий патрульный крейсер. Если его принесли в жертву ради нас, я хочу знать, почему?

— Настоящий патрульный крейсер! — Кости повернулся и нажал три кнопки на панели слева. Послышался щелчок, и ему в руки выпал маленький диск.

— Да, сэр, вот координаты Земли.

Он извлек из аппарата перед собой другой диск и вложил полученный.

— Привяжитесь, — приказал он.

Хансу закрепил ремни командирского кресла, а Кана и Ларсен устроились в противовесогрузочных креслах. Пальцы Кости пробежались по кнопкам, и на щите вспыхнул красный свет.

— Надеюсь, мы полетим вверх, а не вниз. — Было его последнее замечание, прежде чем он нажал кнопку старта.

Гигантская рука сжала грудь Каны, выдавливая из нее воздух. Перед тем, как потерять сознание, он успел подумать, что они все-таки поднимаются. Они не взорвались. Кости не был опытным пилотом и придал кораблю гораздо большее ускорение, чем было нужно для подъема с Фронна. Приходя в себя и с трудом расстегивая ремни, Кана ощупал лицо: оно было в крови.

— Спящий просыпается! — Кости через плечо обернулся к Кане. — Я думал, что ты решил проспать всю дорогу, парень. В этом нет необходимости: у нас достаточно помещений.

Кораблем управлял автопилот, используя программу, введенную Кости. Им ничего не оставалось делать, как есть, спать и жить в неудобных условиях, привыкая к земному тяготению и климату. После путешествия они смогут жить в привычном мире без специального периода адаптации.

— Долго ли мы будем лететь? — спросил Ларсен.

Все трое выжидающие посмотрели на Кости, но тот только пожал плечами.

— Возможно, четырнадцать-пятнадцать дней. Эти малютки пожирают пространство. Патрульные крейсера созданы для скорости.

Кана, растянувшись в гамаке одной из кают, имел время подумать и не спешить принимать решение. Грязная и зловещая история. По каким-то неизвестным причинам чужак в мундире меха подготовил сцену. Лишь удача позволила им расстроить его планы. Кана был уверен, что корабль и его мертвый экипаж оставлен сознательно, чтобы быть обнаруженными. Патрульные застрелены из ружей арчей на планете, где преследовали орду арчей. Но зачем же все эти сложности? Зачем пытаться дискредитировать силы землян, если их так легко можно было уничтожить?

Такая сложная подготовка означала, что не только изменники мехи, но и агенты в их мундирах имели основания

опасаться людей Йорка и их рассказа об убийстве Йорка и его офицеров. Никаких доказательств у арчей не было, да и если бы был свидетель, его вряд ли стали бы слушать. Почему задуман такой сложный изощренный план, чтобы очернить их?

Возможно ли,— рука Каны инстинктивно потянулась к рукоятке меча,— возможно ли, что нет тупика во взаимоотношениях между Землей и Центральным Контролем? Неужели они пытаются не только физически уничтожить силы Земли, но и дискредитировать их как изменников и убийц? Это единственный шанс для открытой борьбы — противостоять условиям, навязанным Центральным Контролем, доказать, что земляне не меньше других рас и видов имеют право на свободу среди звезд! Это была надежда, пусть весьма сложная, но в этот час Кана чувствовал, что она есть, и он поклялся себе, что когда он в следующий раз поднимется в космос, на нем не будет навязанного ему серо-зеленого мундира.

Корабль вышел из искаженного пространства, но из-за неопытности Кости и неточности вычислений им оставалось еще целых два дня пути до порта Прайма. Слабое «биип» привлекло внимание Каны и Ларсена к экрану под контрольной панелью. Хансу и Кости спали, и некому было объяснить значение крошечной точки света, движущейся по темной поверхности. Кана пошел поднимать Кости.

— Мы больше не одни, кто-то хочет посмотреть, как мы перенесем полет.— Пилот поневоле протер глаза и, кинув взгляд на экран, полностью проснулся.

— Поднимите Хансу!— резко приказал он.

Когда Кана вернулся с Хансу, слабое «биип» превратилось в настойчивое гудение.

— Можете установить связь?— спросил Хансу.

— Если хотите. Но здесь не может быть торговых кораблей. Мы на крейсерском курсе. Должно быть, это другой крейсер.

На Фронне, вооруженные, они знали, что им делать перед лицом потенциального врага, но в космосе они были беспомощны.

— Установить контакт?— спросил Кости.

Хансу задумчиво смотрел на экран, будто надеясь прочесть там «имя, ранг и условия назначения».

— Этот экран,— он ткнул пальцем в прибор,— может использоваться только для приема, или мы автоматически и передаем, когда включаем его?

— Может быть односторонний прием, но это покажется подозрительным.

— Пусть думают что хотят. Нам нужно немного времени, несколько быстрых ответов, прежде чем они увидят наши лица. Включите телевидение.

Кости нажал несколько кнопок. Яркая световая волна пробежала по экрану, и они увидели скелетное лицо гуманоида с Проциона. Фуражка патрульного офицера покрывала его безволосую голову. Виднелся знак «звезда и комета», означавший ранг.

— Что за корабль? — спросил он с бессознательным высокомерием чиновника Центрального Контроля. Он их не видел, но, должно быть, понял, что обращается к землянам. От негодования Кана почувствовал, что у него дыбом встали волосы. По лицу Хансу он видел, что не одинок в своей реакции. Хансу взял микрофон у Кости.

— Это патрульный крейсер, имя и регистрационный номер неизвестны, — он говорил медленно, без выражения, произнося каждое слово на базовом торговом языке, стараясь сделать неразличимым свой родной акцент. — Мы нашли его покинутым и возвращаем соответствующим властям.

Патрульный командир не назвал его открыто лжецом, но на его лице ясно читалось недоверие.

— Вы направляетесь не на базу патруля, — резко заявил он. — Какова ваша цель?

— Как будто он не знает... или не подозревает, — прошептал Кости.

— Мы доложим нашим старшим офицерам в соответствии с законом, — продолжал Хансу.

Узкое лицо начало зловеще удлиняться.

— Земляне! — Слово было произнесено, словно грязное ругательство. — Приготовьтесь к принятию отряда на борт... — Его лицо исчезло с экрана.

— Ну, вот и получили, — уныло ответил Кости. — Если мы попытаемся уйти, то они нас сожгут из своих мощных пушек.

— За мной! — Хансу уже был на полу пути к двери.

Остальные последовали за ним. Вне поля искусственной гравитации они добрались до переборок. Хансу открыл аварийный люк к шлюпкам. Кана с недоверием смотрел на шлюпки, борясь со страхом оказаться в закрытом пространстве.

Хансу остановился у ближайшей шлюпки:

— Кости, возьмите вторую. Это удваивает ваши шансы донести рапорт. Если хоть один из нас выживет, он обязан добраться до Прайма. Наша неудача может означать, в определенном смысле, гибель нашей Земли. Ларсен, полетите с

Кости. Введите маршрут на Землю. Приземлившись, двигайтесь к Прайму. Если сумеете, достаньте транспорт: выпросите, зайдите, украдите. Доберитесь до Маттиаса, даже если по пути придется убивать. Понятно?

Ни один из ветеранов не удивился этому необычному приказу. Хансу втиснулся в шлюпку, и Кана неохотно последовал за ним. Им пришлось приложить всю силу, чтобы закрыться изнутри. Затем Хансу пробрался в сиденье пилота, а Кана занял второе место.

Хансу повернул рычаг на пульте управления перед ним, проверил показания всех приборов и включил двигатель, который должен был отделить их от корабля. Сила удара была такой же, как при взлете с Фронна. Ребра Каны, еще нывавшие после прошлого старта, сдавило со всех сторон. Когда он смог повернуть голову, то увидел, что Хансу лежит, обхватив руками подбородок, глаза его были устремлены на приборы.

— Мы свободны? Нам удалось уйти? — ошеломленно спросил Кана.

— Пока мы живы, — иронически ответил Хансу. — Если бы они заметили наш уход, от нас бы уже остались угольки. Будем надеяться, что еще некоторое время их внимание будет сосредоточено на судне.

— Но почему, сэр? Патруль обычно не стреляет сразу. Офицер произнес «земляне», будто мы ломбрасские мучные черви...

— Вас не слишком должно удивлять, Карр, что некоторые «высшие расы» в совете Центрального Контроля именно так нас и расценивают, неофициально, конечно.

— Но закатане не такие... и Рей, и Мик дружили с лупаном на Секундусе...

— Все правильно. Я могу назвать тысячу разновидностей и рас, которые принимают землян как равных, если мы отвечаем им тем же. Но заметьте два важных обстоятельства, Карр: системы, для которых мы — персона нон грата, населены гуманоидными расами, давно вышедшиими в космос, они пионеры Галактики. В них глубоко скрывается чувство, в котором они не сознаются даже себе — страх. В древности до эпохи атомных войн на Земле мы были разделены на расы и отличались друг от друга цветом кожи, чертами лица. В свою очередь, эти расы делились на нации, которые иногда на столетия удерживали под своей властью целые континенты. Но когда проходило время, каждая из них теряла свою власть. Потому что сильные энергичные бойцы, создавшие эти империи, умирали, а их сы-

новья и сыновья их сыновей были уже другой породы. Некоторое время после ухода сильных бойцов империя еще существует, как хорошо налаженная машина может работать по инерции. Затем детали машины начинают изнашиваться, необходима смазка, а нет никого, кто имел бы желание и силы произвести ремонт и снова отрегулировать механизм. И вот часто после войны побеждает новая, более молодая нация. История движется вперед — старые империи уступают место молодым.

Теперь возьмем галактические расы, с которыми у нас наиболее близкие отношения: все они не нашего вида. Вам нравятся закатане, пресмыкающиеся по происхождению, у нас хорошие отношения с тристанами, далекие предки которых были птицами; юбаны — потомки кошачьих. И все они новички на галактической сцене. Но — и это очень важно — у них разные цели, желания и вкусы. Зачем закатанианцу беспокоиться из-за того, что проходит время, торопиться что-нибудь сделать, как это делаем мы? Продолжительность его жизни близка к тысяче лет, он может позволить себе посидеть и подумать. А мы чувствуем, что не можем. Но мы не угроза для него и его образа жизни.

— Сэр, вы считаете, что мы похожи на гуманоидов с Арктура и Проциона? Их цивилизации стары, но в основном такие же, как и наша!

— И они обнаруживают признаки упадка... Да, мы им угрожаем — нашей молодой, бьющей через край энергией, нашей волей к борьбе — всем тем, что они открыто порицают в нас. Потому что, хотя нам Земля кажется очень старой, в масштабах Галактики она молода. Цель гуманоидов — не открыто, на законном основании заставить нас держаться определенных рамок, подчиняясь решениям Центрального Контроля. Они стараются ослабить нас в бесконечных ненужных войнах, ослабить расу, которая в будущем может бросить им вызов. И поскольку мы хотим быть в космосе, то вынуждены на время принять их условия.

— На время, сэр? — страстно взорвался Кана. — Три столетия мы играем по их правилам.

— Что такое три столетия на галактической шахматной доске? — спокойно возразил Хансу. — Да, триста лет мы подчиняемся их приказам. Но только сейчас они начинают понимать, что их замысел не удался. Я не уверен, что мотивы их действий ясны даже им самим. Они так играли во всемогущих богов, что сами в это поверили и считают, что не могут ошибаться. До сих пор они действовали против нас не открыто.

С самого начала у нас появились друзья, и их становится все больше и больше. Эти друзья начнут задавать вопросы, если Земля будет осуждена и приговорена к заключению в собственных границах. Возможно, сверхцивилизованный разум гуманоидов не приемлет такого решения, но если бы они могли, то отрезали бы нас от мира: землян не принимают в патруль — это служба для «высших» рас, торговцы не позволяют нам вступать в их компании; даже за войны, в которых мы участвуем и погибаем, мы не несем ответственности — мы наемники. Самое совершенное вооружение мехов устарело по сравнению с оружием, скажем... жителей Ригеля-6.

— Но, сэр, зачем этот ход с крейсером?

— Либо какие-то горячие головы в Совете начинают действовать на свой страх и риск, либо они начали понимать, что земляне не совсем то, чем их считали, — Хансу повернул голову и оценивающе посмотрел на Кану. — Как вы думаете, зачем нам обучение класса Х-три, почему специалист по контактам — обязательный член любой орды или легиона?

— Ну... на других мирах нужны связные офицеры, сэр.

— Это официальное объяснение. Ни один агент контроля не сможет его оспаривать, но каждый землянин со склонностью и соответствующим темпераментом для работы по классу Х-три отмечается и подвергается классификации с того момента, как успешно прошел тесты. Ему создают все условия для обучения, побуждают вступать в дружбу с представителями других рас. И когда он подписывает назначение, ему предоставляются возможности для изучения других планет.

— Так вот почему вы хотели, чтобы я вступил в контакт с вентури, сэр?

— Да. И именно поэтому вы побывали в Поулте. Мы давно знаем, что должны располагать как можно большим количеством специалистов по контактам. И чем шире знакомство с другими формами жизни, тем лучше для нас. Если нам придется бросить вызов Центральному Контролю, мы не должны быть одиноки. И чем больше рас будет дружески относиться к нам, чем лучше нас узнают, тем лучше. Мы должны готовиться к другой роли. Что, если в будущем Земля будет поставлять нам не солдат, а исследователей?

— Исследователей?

— Группы тренированных специалистов по освоению вновь открытых планет, чтобы подготовить эти планеты к заселению, если на них нет собственной разумной жизни. Группы, члены которых подбираются по индивидуальным данным.

Люди не будут служить в патруле, не станут торговцами и полицейскими; им будет открыто пространство за следующим Солнцем. В эти группы будут входить не только представители нашей расы, склонные к действиям типа Х-три — телепаты, техники, может, даже совсем не гуманоиды.

— Вы думаете, это возможно, сэр? — спросил Кана, видя, как далеко уводят Хансу его мечты.

— Почему бы и нет?! И возможно, это время не так уж далеко. Нам бы только добраться до Маттиаса с сообщением о событиях на Фронне, и у него будут весомые аргументы в разговорах с командирами. Предположим, все орды и легионы, рассеянные по всей Галактике, получают приказ восстать. Такая ситуация обеспокоит Центральный Контроль и положит конец его тщательно охраняемому миру. Дешевле будет позволить нам идти своим путем, чем бороться с восстанием сразу на сотнях планет.

— До меня доходило множество слухов, сэр, но ничего о восстании...

— Надеюсь, что и не дойдет, — заявил Хансу. — Большинство солдат консервативны и не очень интересуются тем, что происходит за пределами их орды или легиона. В Прайме пытаются расшевелить людей, так распределить среди них назначения, чтобы встревожить их. Но эта история с Фронном свидетельствует о грозящей нам опасности. Как только станет известно, что землян с одобрения Центрального Контроля можно натравить против землян, что мех может охотиться за арчем... — Хансу кулаком ударил по своей подушке. — Время! Нам нужно время! Мы должны добраться до Маттиаса, а он подождет взрывной шнур!

ГЛАВА 16

Для двоих, заключенных в спасательную шлюпку, время двигалось нестерпимо медленно. Они могли лишь спать сидя, глотать таблетки рациона и разговаривать. И Хансу говорил, изливая бесконечный поток рассказов о далеких мирах, на которые человек еще не посмел вступить, и о жестоких битвах в труднейших условиях.

Кана заставлял себя сконцентрироваться на каждом слове, как будто ему предстояло сдавать экзамен по этим лекциям, потому что так ему легче было забыть настоящее, забыть, что они заключены в скорлупке, которая может и не достичь Земли.

К тому же он знал, что его товарищ щедро делится с ним знаниями, которые самому Кане предстояло бы добывать десятилетиями. Он учился у замечательного специалиста класса Х-три, объяснявшего самую суть их дела.

—...поэтому они принесли жертву в ночь двойной луны, а мы спрятались в холмах и следили за ними. Получилось не совсем так, как мы ожидали...

Резкий щелчок прервал Хансу. На приборном щитке вспыхнула красная лампа: они входили в атмосферу.

Кана пытался расслабиться. Самое страшное — возможность миновать свою планету и вечно странствовать в пустоте — теперь позади. Спасательные шлюпки полностью автоматизированы. Те, кто в них передвигается, часто бывают ранены или настолько подавлены, что не могут сами управлять полетом, поэтому маленькие кораблики и рассчитаны на безопасную посадку без участия своих пассажиров. «Где они приземляются? — Кана тупо смотрел в изгиб металлического потолка. — Неудачная посадка, допустим, в море...» Но ждать им осталось не так уж долго.

— Надеюсь, мы приземлимся не слишком далеко от Прайма, сэр. — Кана старался, чтобы его голос не дрожал.

— Я тоже.

Когда они сели, Кана обнаружил, что свисает головой вниз на своих креплениях, и, испуганный этим, попытался разъединить на себе крепления. На помощь к нему пришел Хансу и поставил его на ноги. Задняя стена узкой кабины превратилась в пол, а люк в крыше, через которую они вошли, теперь был в боковой стене. Хансу начал открывать его. Они прошли в выходное помещение, где их встретил блеск огня и столбы дыма. Хансу с угрюмым лицом захлопнул входную дверь.

— Тормозные ракеты... — пробормотал он. — Когда мы приземлились, они вызвали пожар.

«Корабль, должно быть, окружен огнем», — подумал Кана и тут вспомнил один из рассказов Хансу:

— Разве костюмы для высокой температуры не входят в обязательное оборудование спасательной машины, сэр?

— Верно! — Хансу направился обратно в кабину.

Стены были сплошными, проверка показала, что в них нет никаких углублений. Оставалась обивка сидений. Кана потянул ее, и губчатый матрас поддался. Он был прав! В основании каждого сиденья был запасной отсек, и в нем лежали костюмы.

— Они нам тесноваты, — Хансу осматривал находку, — но некоторое время выдержать можно.

От обоих потребовалась акробатическая ловкость, чтобы в тесном помещении забраться в эти громоздкие сооружения.

— Будем надеяться, что огонь носит местный характер. Когда будете выходить, постарайтесь как можно дальше от прыгнуть от корабля.

Кана кивнул и надел шлем.

Хансу пошел первым, лишь на мгновение задержавшись в наружном люке, и затем исчез. Кана как можно быстрее последовал за ним, прыгнул в огонь и дым, упал на одно колено, встал и неуклюже побежал вперед, подальше от корабля.

Он бежал мимо деревьев, кроны которых были охвачены пламенем, стараясь не задеть за корни и упавшие стволы. Густой слой дыма закрывал окружающее. Сначала Кане страшно было входить в огонь, но ничего с ним не случилось, он стал увереннее и больше не избегал пламени, пересекавшего его путь.

Неожиданно деревья кончились, и он оказался на открытом месте на краю утеса. Внизу проходила дорога, а на ней стояла необычная неземная фигура, в которой Кана с трудом узнал Хансу.

Кана уже собирался начать спуск, но человек внизу взмахом руки привлек его внимание, а затем указал на пояс. Кана понял и поиском нашел кнопку на собственном поясе. Потом он подошел к краю обрыва и опустился рядом с Хансу на дорогу. «Жаль, — подумал он, — что эти костюмы не имеют наряду с антигравитацией и ракетных двигателей. По окружающей местности, похоже, что мы находимся в Диких Землях и нам потребуется немало времени, чтобы добраться до цивилизации».

Облака дыма закрывали дорогу, и поэтому они остались в костюмах. Но дорога проходила по скалам, где не было пищи для огня. Судя по растительности они находились где-то в северо-восточной части древнего северо-американского континента — Прайм находился на этом же континенте. Местность уже почти тысячу лет пустынна после атомных войн. Рассказывали о странных мутациях, развивавшихся здесь; даже после возвращения людей с островов Тихого океана и из Африки тут все еще оставались обширные неисследованные местности.

Кана надеялся, что Хансу больше, чем он сам, знает об этой местности и что они не просто идут дальше в пустыню. Может, лучше было оставаться у корабля и ждать появления пожарных, патрулирующих эту территорию?

Оказалось, что Хансу не знает, куда идет, просто удачно угадал направление. Дорога начала спускаться к широкой реке,

на другом берегу которой виднелись желтые поля. Беглецы перешли через мост и со вздохом облегчения сняли костюмы. С невысказанной благодарностью вдыхали они родной воздух Земли. Кана и не догадывался, какое это удовольствие, пока не пришлось ему попробовать разреженную атмосферу Фронна. Под воздействием теплого воздуха и солнца у него стало легко на сердце и даже слегка закружилась голова. Он снова дома, а это сейчас важнее всего!

— Где-то поблизости должна находиться уборочная станция, — сказал Хансу. — Там можно найти телепередатчик. И если удастся вызвать коптер из Прайма...

— Далеко ли мы от Прайма, сэр?

— Думаю, недалеко. Дикая местность находится к северу от центра.

Они шли по дороге мимо желто-коричневых полей, уходивших за горизонт. Кролик проскакал мимо них, остановился, подергивая от любопытства носом. Над головой пролетали стаи птиц.

Кана пробормотал:

— Когда-то это была густонаселенная страна.

— Древние времена изобиловали всем — жизнью так же, как и смертью. Люди размножались быстрее, чем убивали в своих войнах. Ага, вот и станция!

Здание впереди укрывалось среди деревьев, и поблизости блестело озеро — оазис прохлады среди тускло-желтого жара. Кана вспомнил давние летние поездки на полевые работы. Может, и сборщики урожая сейчас здесь? Пшеница уже созрела. Но в здании никого не оказалось, в его комнатах и залах гулким эхом отдавались их шаги. Пока Хансу отыскивал передатчик, Кана пошел на склад продуктов. За задним входом полоса прохладной зелени тянулась к озеру. Белые и желтые лилии рядами росли вдоль тропы, ведущей к прохладе зеленоватых вод, клумбы были полны роскошных цветов.

Повинуясь неожиданному импульсу, Кана пошел туда. Ветерок шевелил его одежду. Было тихо и мирно. Кана медленно расстегнул костюм и со вздохом облегчения сбросил одежду. Теперь он находился на самом краю воды. Длиннокрылые насекомые бегали по спокойной поверхности. В глубине виднелись быстрые черные тени рыб. Мир... дом... тишина и забвение. Он протянул руки.

В его руке лежал нож Милосердия, все эти недели тусклый блеск его лезвия скрывался от глаз у самого сердца Каны. Рука медленно повернулась, нож выскользнул и ушел в темный

сумрак, полоска взбудороженного ила обозначила место его падения. Когда Кана вторично взглянул туда, он ничего не увидел: нож навсегда скрылся. Да покоится он в мире! Кана промыл в воде пальцы, все его тело дрожало от ощущения мира и покоя. Может, мечты Хансу о будущем человечества никогда не осуществлятся, но Кана принял решение: если ему еще предстоит лететь к звездам, то уже не как солдату, не как мечнику любого ранга!

Кана резко встал и направился обратно к зданию станции. Открывая холодильник и перенося продукты в кухонный автомат, он беззаботно насвистывал что-то. Пока им везет. Они добрались до Земли, теперь осталось только связаться с Маттиасом в Прайме. Все остальное будет совсем просто. Он с улыбкой встретил входящего Хансу, но у того было серьезное лицо.

— Связались, сэр? — спросил Кана, раскладывая еду по тарелкам.

— Да. Легко... слишком легко...

— Слишком легко, сэр?

— Как будто кто-то ждал нашего вызова. Мы не станем дожидаться коптера...

— Почему? — Кана опустил кастрюлю.

— Почему я так решил? А что заставило нас насторожиться перед тем, как наводнение чуть не захлестнуло нас в горах Фронна? Как вы догадались, что укрытие вентури находится на крыше склада? Шестое чувство! Я чувствую, что здесь нам оставаться нельзя!

— Но, сэр, на открытом месте нас легко обнаружат. — Кана со вздохом встал из-за стола.

— Здесь в гараже может быть хоппер.

Хансу направился в гараж и снова оказался прав. Две каплеобразные, с закругленными носами наземные машины стояли накрытые кожухами и полностью готовые к использованию. Через несколько минут можно будет выезжать. Хансу снял со стены тускло-зеленый комбинезон и бросил его Кане. Себе он взял такой же. Теперь их меховые мундиры не видны, и они вполне сойдут за полевых рабочих.

Хоппер вывернулся на дорогу, и их путь начался. Сверху, если за ними будет следить коптер, невозможно отличить их машину от других. Начинался сезон уборки урожая, и движение на дороге увеличилось. Хансу сбросил скорость, довольно тем, что они затерялись в веренице машин, приближающихся к Прайму. Кана заметил, что большинство грузовиков везут

продукты — эти продукты отправят вскоре в космос многочисленным ордам и легионам. Земля так долго специализировалась на снабжении наемников всем необходимым. Что произойдет, если орды и легионы перестанут существовать? Сколько времени потребуется, чтобы перестроить всю экономику и направить бурлящую энергию Земли в другое русло?

Кана начал дремать. Ему было жаль еды, которую они так и не попробовали. Настоящая земная пища, свежая, горячая...

— Что случилось?

Голова Кана дернулась, глаза открылись. Но Хансу обращался вовсе не к нему, а к водителю соседнего грузовика. Они стояли в длинной веренице грузовиков и пассажирских хопперов. Хансу выслушал ответ, и его лицо напряглось:

— Впереди осматривают машины.

— Ищут нас, сэр?

— Возможно. Будем надеяться, что они ищут обычного беглеца, бегуна.

Бегун — подпольный делец, занимающийся изготовлением и сбытом наркотиков, тип преступника, на которого нацелена вся земная полиция. Если полиция ищет бегуна, каждая машина в этом потоке будет осмотрена, у каждого человека потребуют удостоверение личности. Один взгляд на оружие, на мундиры под комбинезонами — и их тут же задержат. К тому же, возможно, именно их и ищут.

— Может, свернуть куда-нибудь, сэр?

Хансу покачал головой.

— Если мы попытаемся это сделать, то тут же выдадим себя. Хотел бы я знать, кто командует заставой?

«Если Маттиас входит в загадочную организацию, борющуюся за освобождение Земли, как намекал Хансу, тогда должны быть и другие члены этой организации, — подумал Кана. — Хансу может попросить у одного из них помощи. Но какова вероятность этого?»

По краям дороги вперед шли люди, желая знать, чем вызвана задержка. Хансу посмотрел на них и вышел из хоппера. Он шел тяжелой походкой, маскируя легкий шаг тренированного солдата. Кана отошел в поле, пытаясь рассмотреть, что происходит впереди. Да, застава. Блестят серебром на солнце шлемы полицейских. Уже вторая половина дня. С наступлением темноты, если только они не дойдут до заставы засветло... Кана принял осматривать поля, оценивая местность, обещавшую им свободу.

Впереди были установлены лагерные лампы. Они тянулись

вдоль дороги, примерно на четверть мили. Но освещение не достигало того места, где стоял их хоппер. Тут до него донесся гул мощной машины с экипажем из трех человек. Он засек время. Да, похоже на регулярные объезды. Необыкновенно тщательная засада на бегуна. Ему не приходилось о таких слышать. Значит, бегун высшего класса. Но в это не верилось: эти главари подпольной индустрии не путешествуют и стараются не рисковать. Полиция ищет другую добычу.

Некоторые путники, прошедшие вперед, уже вернулись, громко жалуясь. Очевидно, никто из них не получил объяснений от полиции. С ними был и Хансу.

— Патрульный коптер ходит вдоль дороги,— доложил Кана.

— Да,— Хансу знаком велел ему забраться в хоппер.— Нужно думать и побыстрее.

— Они действительно ищут бегуна?

— Я считаю, они ищут нас.

Кана неожиданно почувствовал озноб.

— Но почему, сэр? Земная полиция не стала бы разыскивать нас по приказу Центрального Контроля: нужно подтверждение нашего штаба. А на это потребовалось бы слишком много времени.

— Не спрашивайте, почему и как!— В этой реплике выплеснулось раздражение Хансу.— Нам хотят помешать увидеться с Маттиасом, готов поклясться!

— И тот, кто хочет этого, достаточно влиятелен, чтобы привести в действие полицию. Теперь поимка нас — только вопрос времени, сэр. Разве что в темноте...

— Да, темнеет. Это наше единственное преимущество. Там обыскивают всех. А на нас — мехские мундиры и никакой возможности спрятать или уничтожить их.

Хансу открыл маленький ящик и достал карту района, которая входила в перечень обязательного оборудования любого хоппера. Он пальцем провел по дороге, а затем откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Между его бровями пролегла глубокая морщина. Солнце почти зашло, но линия машин перед ними так и не двигалась. Все больше и больше людей выходило на поля. Время от времени кто-то из них возвращался к своему хопперу или грузовику, наверное, чтобы позвонить хозяину и сообщить о задержке.

Кана спросил Хансу:

— А мы сможем выбраться отсюда в темноте?

— Да, я в этом уверен. Но добраться до Прайма — это другое дело. Если нас ищут, Прайм закрыт так же надежно,

как взлетевший крейсер. Кэрр, чему вы учились по истории о довоенных городах?

Хотя Канна не понимал, какое отношение имеет древняя история к их теперешнему положению, он послушно пересказал то, что помнил:

— Древние строили здания, башни... открытыe непогоде... пузырчатых куполов не было. Я всегда удивлялся, как они выдерживают...

— А что под землей?

Под землей? Он запомнил башни, как нечто необычное. Но во время атомных войн большинство выживших людей жило под землей. Но уж в этом образе жизни не было ничего древнего.

— Они иногда ездили под землей, сэр. По трубам, проходящим под их городами.

— Что делают шоферы?

Кана осмотрел сцену в поле.

— Разжигают костер, сэр. Я думаю, они собираются открывать неприкосновенные запасы продуктов.

Хансу вырвал карту из креплений.

— Мы присоединимся к ним, Кэрр. Держите рот закрытым, а уши открытыми. И следите за полицейским коптером. Нужно знать, когда его ожидать.

Хотя некоторые шоферы еще ворчали, большинство смотрело на вынужденную остановку как на неожиданный подарок. Связавшись с хозяевами, они больше не испытывали чувства ответственности, поэтому вокруг костра чувствовалось общее облегчение.

— Да, я давно шофер,— громко говорил высокий рыжеволосый мужчина,— но если полиция велит останавливаться, я останавливаюсь. И хозяин сказал только, чтобы я попытался наверстать время после задержки.

Один из его товарищ покачал головой.

— Не пытайся пересечь реку ночью, это опасно. После того, как построили эту новую дорогу, там появились выбоины.

Хансу смешался с группой, настолько усвоив манеры поведения и разговора, как будто всю жизнь только тем и занимался, что водил грузовик. «Прекрасный пример работы специалиста класса Х-три»,— решил Кана. На Фронне Хансу встречался с ллорами и вентури как равный, здесь он также адаптировался сразу.

— Дорога через реку,— обратился он к рыжему,— это прямой путь на Прайм?

— Да.— Шофер оценивающе взглянул на него.— Ты новичок здесь, парень?

— Буду работать в Прайме. Сейчас перегоняю хоппер с запада, местность незнакомая...

— Речная дорога, если ее не знаешь, опасна. Есть старая, говорят, еще довоенная. Прошлым летом там копались парни из Прайма, что-то древнее откопали. Сберегает тридцать три мили, но опасна...

— Опасна!— подхватил другой.— Да это просто ловушка! Что бы ни говорил хозяин, там лучше не ездить в темноте. Никогда не забуду эти провалы. Такие выбоины, что целиком проглотят колесо грузовика. Впрочем, если ехать медленно и освещать дорогу, все обойдется. Нужно свернуть налево в двух милях отсюда...

— Могут еще встретиться провалы?

— Конечно. Там вдоль дороги какие-то руины. Слушай, парень, как минуем заставу, держись рядом, и я покажу тебе.

Хансу поблагодарил и постарался незаметно исчезнуть, а разговор пошел о лесном пожаре, который шоферы видели днем. Мгновение спустя Хансу сжал руку Кане.

ГЛАВА 17

— Коптер?

— Сейчас проходит с нерегулярными интервалами, сэр. Может оказаться здесь в любую минуту.

— Плохо. Если бы мы знали местность, то могли бы разойтись и попытаться пробиться в одиночку.

— А вы знаете местность, сэр?

— Достаточно, чтобы добраться до Прайма незамеченным. Только бы выбраться отсюда.

— Нам нужно чем-то отвлечь внимание, сэр.

Их разговор был прерван окликом от заставы, водители бросились к своим машинам. Началось медленное движение.

Кана забрался в хоппер, не видя выхода из их тяжелого положения. Хотя наступила темнота, костер в поле освещал местность, а если они еще немного продвинутся вперед, то окажутся на участке, залитом лагерными огнями.

— Эй!— Хансу высунулся на оклик.— Хопперы держатся справа,— сказал голос.— Это новый приказ. Подождите, пока впереди освободится место, и выбирайтесь к полю.

Неужели полиция установила, что беглецы движутся в

хоппере? Кана не впервые за долгий день пожалел, что с ними нет мекского бластера. Они совершенно безоружны, даже нож Милосердия...

Но Хансу уже действовал. Из-под комбинезона он извлек трехдюймовую трубку. Медленно и тщательно облизал ее и вставил под контрольную панель. Грузовик перед ними про двинулся на несколько ярдов. Хансу повернул хоппер вправо и тут же отдал приказ:

— Снимите обивку заднего сиденья и дайте сюда!

Кана повиновался. Они съехали с дороги на поле. Перед ними и за ними появлялись другие хопперы.

— Готово! — Хансу установил ручку прибора и пинком отворил дверцу. — Прыгай!

Кана распахнул заднюю дверь и выпрыгнул, ударившись о землю. Он несколько раз перевернулся, царапая кожу. Еще не утратив инерции падения, он пополз вперед. И тут ночь раскололась, блеснул огонь, прогремел взрыв. Послышались крики. Кана закрыл лицо и замер, услышав гул полицейского коптера.

Когда тот прошел мимо, Кана пополз дальше, направляясь к ивовой рощице у ручья, которую он заметил раньше. И хотя он ожидал каждую минуту, что его окликнут, он благополучно добрался до ручья.

Повернувшись, он посмотрел на дорогу. Их хоппер, подожженный запалом Хансу, ярко пылал. Грузовики опять остановились, и вокруг горящей машины виднелась толпа. Очень удачно получилось. Только... удалось ли Хансу уйти так же легко?

Кана пополз вдоль ручья на восток. В том направлении находился Прайм, и если он сумеет отыскать Хансу, то только там. Кане показалось, что впереди что-то осторожно движется. Хансу или полицейские?

Кана расстегнул пояс комбинезона, собираясь использовать его, как пращу. Шорох прекратился, а потом послышался шепот:

— Кэрр?

— Да, сэр!

— Сюда...

Кана двинулся быстрее, догоняя командира. Здесь они находились ближе всего к заставе и ползли наполовину в воде, удаляясь от света лагерных ламп. Хансу держался у ручья, пока возвышенность не загородила их от дороги.

— Куда мы направляемся, сэр? — наконец спросил Кана,

когда они, мокрые, покрытые грязью, выбрались из ручья на берег под покровом деревьев.

— К речной дороге, о которой упоминал шофер.— Хансу пошел медленнее, осторожно придерживая правую руку левой.

— Вы ранены, сэр?

— Немного обжегся. Перед прыжком прижимал обивку к щитку.

Теперь Кана понял. Смутно видная снаружи обивка могла напоминать двух людей, охваченных огнем.

— Можно взглянуть на ожог, сэр?

— Позже.— Хансу хотел уйти как можно дальше.

И это «позже» наступило действительно много времени спустя. Знание направления карты привело их на узкую дорогу, отходившую от главного шоссе. Поскольку движения на ней не было вовсе, они осмелились идти открыто. Взошла луна, когда Хансу остановился и начал осматриваться. Кана понял, что он отыскивает траншеи, вырытые рядом с дорогой.

Хансу с усилием произнес:

— Фонарик...

Кана достал карманный фонарик, установил его на слабый режим работы и направил луч в ближайшую траншею. На дне раскопок виднелись остатки каменной кладки. Должно быть, эти развалины упоминал шофер. Хансу вслух считал траншеи.

— ...четыре, пять. Вот она шестая слева...

Кана направил туда луч, и Хансу слез по камням старой кирпичной кладки. Спрятавшись за ним, Кана еще не знал, что ищет Хансу, но понял, что лучше не задавать вопросов.

Эта траншея была длиннее остальных и отходила в сторону от дороги, но в конце они подошли к куче щебня и обломков, означавшей конец раскопок. Щебень порос колючим кустарником. Хансу потянул за крайний куст, и Кана заторопился ему помочь. Под их совместными усилиями тот поддался, открылся темный провал.

— Подземные пути прямо в Прайм... от старых дней...— речь Хансу звучала прерывисто, и Кана направил ему в лицо луч фонарика. Сквозь пот и грязь было видно, что Хансу держится на одних нервах.

Кана чувствовал, что сейчас не время предлагать помочь. Он осветил отверстие и увидел туннель явно искусственного происхождения. Под сапогами у него были две пыльные полосы, которые когда-то могли быть рельсами. Они проходили мимо осевших боковых коридоров, дважды им пришлось пробиваться сквозь груды земли и гравия. Однако, к их удивлению,

чем дальше они шли, тем лучше становилась дорога. Кана не мог поверить, чтобы эти подземные пути были заброшены со временем атомной войны. И его подозрения подтвердились, когда свет упал на какую-то металлическую деталь в боковом тупике. Металл блеснул, будто на него не подействовали столетия сырости. Главный туннель все расширялся, и к нему присоединялось все больше и больше боковых коридоров. Когда-то, должно быть, это был главный вход в Прайм или в морской порт, на руинах которого был построен Прайм.

— Долго еще?

— Не знаю.— Хансу шел механически.— Мы должны связаться с достигающими — может, одна из их машин подберет нас.

Для Каны его слова не имели смысла, но он не смел расспрашивать и лишь начал догадываться, кто такие эти «достигающие» — загадочное подполье среди солдат, главой которого, вероятно, был Маттиас. Но почему Хансу надеялся встретить их здесь, Кана не мог понять.

Они свернули и оказались в просторном туннеле, где проходило много рядов рельс. Звук их шагов глухо отдавался в подземелье, луч фонарика уходил во тьму. Кана включил его на полную мощность и направил на стены, переводя от одной темной арки к другой. В какую же из этих арок они должны войти? Насколько он мог видеть, они все были одинаковы.

Неуверенность и беспокойство, которые Кана всегда ощущал в замкнутом пространстве, начали действовать на него, хотя пространство пересекающихся путей было большим. Но за пределами досягаемости света фонарика тьма сгущалась и становилась почти осязаемой, будто они действительно были погребены под землей без надежды выбраться на открытый воздух. Запах влажности нес в себе какие-то другие слабые запахи, напоминавшие о далеком прошлом.

— Куда дальше? — нелюбовь к темноте и боязнь закрытого пространства заставили его задать вопрос.

Хансу буркнул что-то, но не ответил, а Кана продолжал обводить лучом фонарика окрестности.

Их проблема была решена неожиданно и драматически. Из одной из арок — Кана не был уверен, из какой именно — послышалось гудение, которое началось как еле слышный шум, а потом превратилось в гул сирены. Кана схватил Хансу за рукав, пытаясь увлечь его в один из проходов и укрыться там, но было слишком поздно. Яркий луч ослепил их, и последовал приказ, которого они не осмелились ослушаться:

— Руки вверх! И стоять на месте!

Кана повиновался с упавшим сердцем. Они были беспомощными, безоружными пленниками.

Несколько позже Кана с горечью думал, что мог заранее предвидеть, чем кончится их пленение. Они сдались без сопротивления. С тех пор он не знал, что с Хансу, их разлучили перед допросом.

Стена, против которой Кана сидел спустя какое-то время, была серая, монолитная, без единой трещины или щели. Ничто не отвлекало взгляда, не давало пищи воображению. Время, не разделенное больше на минуты, часы и дни, тянулось бесконечно.

Даже отраженный свет его камеры бледнел или разгорался с интервалами, в которых не было никакой последовательности, и он не мог по ним измерять ход времени. Проголодавшись, он открывал дверь крошечного шкафчика, доставал капсулы и пластиковую бутылку с водой. Как они туда попадали, он не знал.

Хуже всего была постоянная тишина. Она окутывала Кану толстым слоем, нервы его напряглись. Расхаживая взад и вперед, он пытался утомить себя физически, чтобы уснуть и хоть несколько часов провести в забытье. В ловушке, из которой не было выхода, он чувствовал, что однажды наступит момент, когда он не сможет противиться тишине, когда демон — его собственный страх — победит и овладеет мозгом. Весь мир сузился до размеров этой камеры без окон и дверей где-то глубоко в основании Прайма. Аппаратура камеры функционировала автоматически. Кану могли забыть, оставить здесь на многие годы, и он по-прежнему продолжал бы получать питание, и свет продолжал бы загораться и гаснуть в соответствии с каким-то диким расписанием, вложенным в машину. И даже, когда он умрет...

Кана пытался заставить себя думать о чем-нибудь другом. Если бы у него только была информационная катушка или какой-нибудь писчий материал... Но с таким же успехом он мог мечтать о свободе! Он даже не знал, осужден ли он или еще только дожидается суда.

Хансу ошибался, считая подземные ходы Прайма неизвестными полиции. В арестованной их группе находился агент Центрального Контроля. Специалисты по допросам не были грубы: давным-давно исчезла необходимость в пытке, чтобы развязать языки упрямым пленникам. После того как Кане дали определенное средство, он ничего не мог скрыть и знал,

что выболтал все секреты своей жизни. Когда он пришел в себя, то находился в этой камере, раздетый до белья, и с тех пор здесь и оставался.

Он стал сам себе давать задания, вспоминая после каждой еды все детали курса Х-три. Иногда в процессе этой работы он даже забывался на миг.

— Закон,— Кана произнес это слово медленно, стараясь придать ему соответствующий свистящий звук,— планета земного типа. Суша представлена, главным образом, архипелагами. Самый большой остров Зородал. Крепость Зородала была основана во время полумифического правления пяти королей. Археологические находки и подтвердили некоторые легенды и доказали, что на одном и том же месте сменялось по крайней мере десять цивилизаций, причем иногда между падением одной и подъемом следующей проходили тысячелетия. Закатане — раса рептилий, родственных земным ящерицам. Протяженность их жизни во много превосходит человеческую. Они не агрессивны, чрезвычайно поглощены историческими исследованиями и среди них много известных историков и философов.

Посыпался щелчок. В стене перед Каной раскрылось отверстие, там лежал мундир. На мгновение Кана застыл. Потом схватил мундир, боясь, что это лишь мучительная иллюзия.

Полный новый комплект обмундирования мечника третьего класса! Когда Кана начал одеваться, его руки все еще дрожали. Освобождение, по крайней мере, освобождение из камеры. Что его ожидает? Суд? Возвращение на службу? Он волнуясь застегивал пряжки. Теперь Кана был одет, только меча не хватало: новые ножны на поясе пусты. И нет ножа Милосердия.

Он застегивал ремешок шлема, когда стена сдвинулась и открылся вход в коридор. Кану ожидали четверо конвоиров, двое впереди, двое сзади.

Скоростной лифт поднимал их этаж за этажом в сердце административного штаба. Покинув его, они оказались в широком коридоре. Фрески с изображениями других миров, где сражались орды и легионы, чередовались с окнами, через которые Кана бросил взгляд на Землю, первый с тех пор, как оказался в подземелье. Насколько он мог судить, было утро. Внизу лежал морской залив. Предания утверждали, что древние руины, на которых был основан Прайм, некогда являлись предместьем огромного города, до атомных войн занимавшем весь остров у залива. Меж зданий пролетали коптеры. Все было

так же, как и в тот день, когда Кана впервые прибыл в Прайм и получил назначение в орду Йорка.

Охранники не дали ему времени смотреть в окно или думать о прошлом. Его быстро провели в приемное помещение, где его ждал трибунал. Здесь сидели высокие чины: трое советников штаба, четвертым и пятым членами суда были галактический агент и офицер галактического патруля, судя по знакам различия, командир подсектора.

Кана напрягся. Какое же право имеют эти чужаки судить его? Он был уверен, что может опротестовать это и будет поддержан кодексом службы. Но, желая выиграть время, он отдал честь и доложил согласно правилам:

— Кана Кэрр, мечник третьего класса, назначенный в орду Йорка, место службы — Фронн.

«Где Хансу? Неужели их будут судить порознь?» — пронеслась мысль.

Больше всего на свете Кане хотелось поговорить с Хансу. Потому что он только что сделал ошеломляющее открытие: один из сидевших офицеров был Маттиас, тот самый Маттиас, который по мнению Хансу, был бы их защитником, сражался бы на их стороне, если бы они сумели добраться до него...

Лица офицеров были бесстрастны, но агент Центрального Контроля, арктурианец, ярко-алый и золотой плащ которого кричаще выделялся на фоне серо-зеленых мундиров землян, нетерпеливо ерзal в кресле, как бы желая ускорить процедуру и в то же время не решаясь указывать. Другой чужак, офицер патруля, явно скучал.

Потом Кана увидел то, что лежало перед старшим офицером — меч арча. Это был ответ на один из его вопросов. Его привели для объявления приговора, даже не дав возможности высказаться в свою защиту. Как они могли? Ведь он рассказал правду. Эти люди должны были знать об убийстве на Фронне, о страшной сцене у патрульного крейсера, обо всем, что случилось, знать так, как будто они сами были свидетелями. Как же они могли?

ГЛАВА 18

— За неразрешенный контакт, — начал старший офицер, — за дезертирство с места службы, за кражу крейсера, принадлежавшего галактическому патрулю, арч Кана Кэрр, мечник третьего класса, отныне непригоден к службе в космо-

се! Вы лишаетесь всех званий и привилегий службы и на весь остаток жизни приговариваетесь к работе в одном из рабочих лагерей.

Врожденная дисциплина заставила Кану слушать. Рабочий отряд до конца жизни — это почти рабство. В душе нарастал холодный гнев. Он ответит этим дьяволам с замороженными лицами, скажет им несколько слов правды! И пока он еще не в рабочем отряде.

Когда Кана заговорил, то обратился не к старшим офицерам, а непосредственно к агенту:

— Я узнал, кто вы и вам подобные. Пока вы еще можете заставить землян повиноваться вашей воле. Но когда-нибудь вы заплатите за это...

Белое лицо арктурианца не изменило выражения, только теперь он сидел неподвижно, длинные глаза сузились в щелки, как у хищника, следящего за добычей.

— Как долго, — внимание Каны переключилось на землян, — как долго вы сумеете скрывать такие происшествия? Вы знаете, что они сделали с нами там? Я... — Он помолчал, дожидаясь, пока полностью овладеет своим голосом. — Я дал милосердие Дику Миллзу, выслушав его рассказ. Вы знаете — все вы знаете, что он мне рассказал. Пусть мы лишь наемники, продающие свое искусство другим. Но теперь пришла пора сражаться против убийц. — Он швырнул эти слова прямо в лицо арктурианцу и офицеру патруля.

Затем настроение Каны изменилось. Зачем ему разговаривать с этими бесстрастными судьями, когда ему хочется броситься на арктурианца, ощутить под кулаками его дряблую плоть? Что пользы говорить? Слова ничего не изменят, не нарушат спокойствия этого изменника Маттиаса.

Кана отдал честь и повернулся к ожидающим его стражникам. Неужели его снова отведут в подземную камеру? Или попытаться бежать на обратном пути?

Хансу... Если Кану приговорили к пожизненным работам, то Хансу должны были казнить. Как он ошибался в Маттиасе, в своей вере в новый день! С изменником Маттиасом у повстанцев не было ни малейшего шанса на победу.

Кана в сопровождении стражников спустился на лифте, но не в камеру. Его провели в маленькую комнатку, рядом со входом в здание: он был уверен в этом, так как мимо непрерывно шли в обоих направлениях солдаты. Кану оставили одного, если не считать часового у двери. Оставили ждать. Ждать? Нет, действовать!

ГЛАВА 19

Кана старался оценить ситуацию. Он в мундире, не хватает лишь оружия. Если бы не часовой, он мог бы просто выйти из комнаты, смешаться с толпой в зале и покинуть его, прежде чем поднимется тревога. Потом он смог бы выбраться из Прайма.

Оставалось решить вопрос с часовым. Кана принял разглядывать его — часовой старательно подавлял зевок. Ясно, что он не ждал никаких неожиданностей со стороны пленника. И находились они не в помещении для арестантов, а скорее в комнате ожидания для посетителей низшего ранга. Скамья, на которой сидел Кана, оказалась мягкой; слева от него, вне поля зрения часового, находился видеэкран.

Можно ли его как-то использовать? Немногое импровизации. Он подождал, пока внимание часового отвлек кто-то в коридоре, и затем вскочил на ноги.

— Красный тревожный! — воскликнул он, имитируя изумление.

Часовой повернулся, сделал шаг, а затем бросил на Кану сердитый взгляд.

— Был красный тревожный! — настаивал Кана, указывая на экран.

Охранник пребывал в нерешительности. Если на экране был действительно красный тревожный сигнал, то его долг ясен, он немедленно должен обратиться за распоряжением. А он не уверен, что сигнала не было.

— Держите меня под прицелом бластера, — посоветовал Кана. — Говорю вам: был красный тревожный!

Охранник вытащил бластер и нацелил его на Кану. Потом, прижимаясь спиной к стене, не отводя глаз от пленника, стал двигаться в сторону экрана.

— Сидеть! — выпалил он Кане.

Кана опустился на скамью, но тело его было напряжено до предела и готово к действиям.

У него будет лишь одна секунда, когда охранник, чтобы нажать переговорную кнопку под экраном, вынужден будет повернуться к нему спиной. И если Кана сумеет двинуться...

Охранник повернул голову. В это мгновение Кана бросился на пол. Плечи его ударились о колени охранника, голова его с глухим стуком ткнулась в экран. Кана быстро повернулся, готовый продолжить борьбу, но тело под ним было вялым.

Несколько ошеломленный этой феноменальной удачей, Кана встал на колени, торопливо схватил меч охранника и спрятал в кармане бластер. Только охранник на посту мог иметь бластер, на улице Кану тут же задержат, если увидят оружие. Он сунул меч в ножны, надеясь, что удача будет сопутствовать ему.

Охранника, связанного собственным поясом, с кляпом в рту, он закатил под скамью так, чтобы от двери его нельзя было увидеть. Затем Кана поправил мундир, надел шлем, потерянный им в короткой схватке, и, глубоко вздохнув, вышел в коридор, закрыв за собой дверь. У него было пять минут, может, немного больше, прежде чем начнется преследование. Теперь, когда у него снова меч, никто не отличит его от сотен арчей на улицах Прайма.

Бегство было чистейшей импровизацией и поэтому сработало эффективно, и Кана хотел как можно быстрее уйти из Прайма. Четкой походкой солдата, отправленного с поручением, он миновал коридор и вышел из здания на площадку коптеров, примерно в двадцати этажах над уровнем земли. Из одной такой машины вышел ветеран, и она уже была готова взлететь, когда Кана махнул рукой. Пилот нетерпеливо ждал его.

— Куда?

Жаль, что Кана плохо знает географию города, но в одном он был твердо уверен — попытка приблизиться к космопорту или к одному из трансконтинентальных аэропортов ни к чему хорошему не приведет. Они хорошо охраняются, и сообщение о его побеге будет немедленно передано туда. Немного обескоеный вопросом пилота, он назвал единственное место, где бывал раньше.

— Дом Найма!

Они поднялись в воздух и полетели на восток. Кана пытался опознать объекты под собой. Можно ли бежать по воде? Из Прайма ведут лишь пять наземных дорог и каждая преграждена барьером. Все машины там останавливаются и осматриваются.

— Прилетели. — Коптер опустился на стоянку зала Найма. Кана поблагодарил и на лифте спустился вниз. Но не в сам зал и не на этаж, где офицеры по найму сидели в своих кабинетах. Он направился в единственное место, где не только надеялся укрыться, но и найти помочь в обдумывании следующего шага.

Комната записей была так же тиха, как и в тот день, когда он впервые перешагнул порог. Одна кабина у входа была занята, а остальные свободны. Он быстро выбрал четыре ка-

тушки и направился в самую дальнюю кабину в ряду. Опустив катушки в машину, сел в качающееся кресло.

Час спустя была прослушана последняя катушка. Итак, имеются два ответа. Что же, по крайней мере у него есть выход! Кана стремительно встал и подошел к двери кабинки, чтобы осмотреть помещение. Свет в первой кабине погас, но теперь были заняты три другие. Самое разумное с его стороны попытаться как можно быстрее выбраться из Прайма. Разумеется, никто не ожидает, что он начнет изучать географию в архивах зала Найма.

Два пути... Он снова сел в кресло и глядя невидящими глазами в потолок принялся размышлять. Морской путь. Он умеет плавать, хотя в последнее время у него было мало практики. И подземный, построенный древними. Может, полиция считает, что поскольку его там поймали, то второй раз он не захочет туда войти.

Кана был голоден. Тщательно подобранная тюремная диета не давала возможности накопить силы. Кана не осмеливался пойти в столовую: пришлось бы показать браслет, который тут же выдал бы его. Но сначала нужно было выбраться из Прайма, а там уж можно будет подумать о еде.

Самым старым зданием современного Прайма был исторический музей. Поскольку история не пользуется популярностью у современного населения Земли, то здание всегда пустует. Но, как узнал Кана из катушек, оно сооружено на фундаменте доатомного здания. Возможно, там сохранился выход в подземелье. Говорят, во всех довоенных зданиях они были. Вероятность успеха — один к тысяче, но его учили учитывать все.

Кана собрал катушки и вышел из кабины. Три другие кабины были по-прежнему заняты, и он торопился пройти мимо. Вернув катушки на место, он вышел из комнаты, сосредоточившись на том, чтобы вести себя неторопливо и обычно. К счастью, нужное ему здание находилось в трех кварталах, а мундир сделает его неузнаваемым на улицах. Спускаясь по широкой лестнице к тротуару, он услышал за собой шаги. Кто-то торопился. Кана ускорил шаг и положил руку на пояс, поблизости от рукояти меча. Если его догонят, он будет сражаться: лучше погибнуть в огне бластеров, чем провести всю жизнь в рабочих отрядах!

Кто-то крепко ухватил его за руку, отводя пальцы от оружия. Справа и слева от него шли мощные арчи с угрюмыми лицами.

— Продолжай идти...

Кана автоматически шагал к музею, глядя вперед — его вели не к штабу. И не приземлялся рядом коптер, чтобы подобрать пленника и тюремщиков. Не в состоянии даже предположить, что происходит, Кана молча шел между арчами. Для любого прохожего они казались тремя друзьями, гуляющими по Прайму. Перед входом в музей солдат, который сжал руку Кане, сказал:

— Сюда....

Совершенно сбитый с толку, Кана вошел в здание музея. В широком зале, уставленном витринами с реликтами довоенного периода, никого не было. И никто не появился, когда они спустились по узким ходам в подземелье. Неожиданная поимка, когда он считал себя в безопасности, парализовала волю Каны, но сейчас он начал приходить в себя, собирая силы, чтобы при первой же возможности попытаться освободиться. Но почему его привели сюда? Неужели его считают членом подпольной организации и надеются, что он приведет полицию к своим товарищам? Единственно правильным решением было ждать, пока что-либо прояснится.

Они миновали множество залов с витринами, коридоров, тусклых комнат со шкафами и картотечными ящиками, там сидели занятые работой люди, но никто из них даже не поднял головы, чтобы взглянуть на Кану и его компаньонов. Как будто они втроем были невидимы. Наконец, они дошли до конца этого лабиринта и оказались в большом помещении, занятом механизмами, должно быть, системами отопления и кондиционирования воздуха. Один из арчей прошел вперед и открыл незаметную дверь. За ней оказалась лестница, ведущая в тускло освещенное помещение. Там на рельсах стояли платформы, груженные громоздкими ящиками, но никто из грузчиков также не обратил внимание на Кану и его спутников.

— Туда.— Протянутый палец указал на небольшой вагон. Кана скрчился на тесном сиденье. Один из стражников сел перед ним, а другой сзади. Вагон двинулся, быстро набирая скорость, и погрузился во тьму туннеля. Неужели они направляются в штаб? Но почему под землей? Гораздо проще было бы впихнуть его в коптер и перевезти открыто... Проходили минуты, и Кана начал догадываться, что они не только миновали штаб, но, должно быть, приближаются к границам Прайма. Кана потерял всякое представление о направлении. Они могли находиться под дном залива или далеко в глубине острова, когда вагон остановился у платформы и ему приказали выходить.

На этот раз они не поднимались, а прошли по боковому коридору. Здесь тоже были комнаты с картотеками и лаборатории с многочисленными работниками.

— Сюда...

Снова Кана подчинился приказу, вошел в комнату и остановился ошеломленный.

— Три часа десять минут.— Хансу сверился с часами. Потом повернулся к рядом стоящему человеку в мундире советника:— Вы мне должны полкредита, Матт. Я говорил вам, что он продержится. Я знаю своих кандидатов!

Советник достал из кармана монету и торжественно протянул ее Хансу. Высокий чин, опустивший монету в протянутую руку Хансу, был именно тем самым Маттиасом, который совсем недавно с каменным лицом осудил Кану.

Теперь внимание Хансу снова вернулось к Кане, и он критически осмотрел мечника.

— Довольно живой для мертвеца.— Таково было странное замечание Хансу.— Вы,— он ткнул пальцем в арча,— час назад были убиты при попытке выбраться с острова.

Вторично Кана открыл рот, но на этот раз сумел произнести несколько слов:

— Интересно... если это правда... сэр...

Такой открытой улыбки Кана никогда раньше не видел у Хансу.

— Как драматично,— насмешливо произнес Хансу.— Добро пожаловать в Прайм, в настоящий Прайм. Познакомьтесь с его губернатором — командиром Маттиасом.

— Ты хорошо держался, сынок.— Советник одобрительно кивнул Кане.— Побег прошел так гладко, будто мы договорились заранее.

— Я вам говорил,— вмешался Хансу,— он готов к любому назначению.

Кана начал понимать, почему его оставили в этой комнате и как ему удалось так легко справиться с охранником.

— Вы дали мне шанс,— сказал он почти обвиняюще.— За мной следили?

— Нет. Ваш побег должен был выглядеть естественно. Мы просто предоставили время, место и возможности. Главное зависело от вас,— ответил Хансу.

— Но как же ваши люди нашли меня?

— По информационным катушкам, заказанным в архиве. Вы заказали «Историю Прайма», «Морской берег», «Остатки древних построек в Прайме» и «Карту Прайма». Все это было

заказано в одно и то же время одним человеком. Поэтому мы просто послали за вами солдат.

Кана без приглашения опустился на скамью. События развивались слишком быстро. Все, о чем говорил Хансу, свидетельствовало о разветвленной и прекрасно функционирующей организации.

Он задал один из множества возникших у него вопросов:

— А рабочие лагеря?

— Они существуют и предназначены якобы для преступников и недовольных разного рода,— весело ответил советник.— Агенты Центрального Контроля были бы удивлены, посетив большинство из них, кроме показательных. Сейчас вы находитесь в таком лагере, где все «сосланные» борются против существующего положения. Так что и вы, Карр, можете отбыть назначенное наказание и не думаю, что вы пожалеете о своей участи. Хансу, кажется, не жалеет?

— Нисколько, Матт,— Хансу широко улыбнулся.— Я жалею, что раньше не был посвящен в твои дела. Так много нужно сделать...

— А как Кости и Ларсен, сэр? И вся орда на Фронне?

— Кости и Ларсен приземлились далеко на юге и были встречены нашими людьми. Агенты Центрального Контроля о них и не подозревали. А что касается орды, они пока в безопасности у вентури. Я думаю, мы сумеем договориться с этими торговцами и забрать орду раньше, чем эти изменники и агенты Центрального Контроля до нее доберутся. С другой стороны, мы не можем просто так покончить с Девайсом и рассказать все, что мы узнали о нем и его покровителях. Но вентури будут знать, что мы свое слово сдержали. Здесь, в Прайме-2 у нас считается, что обещания нужно выполнять, если это в человеческих силах.

Кана чувствовал себя, как будто его выбросили в открытый космос. Если бы ему только объяснили все последовательно с самого начала простыми словами, чтобы прекратилось это головокружение, ему стало бы легче.

— Хотите факты?— Маттиас будто читал его мысли.— Положение не настолько просто, чтобы можно было объяснить его в нескольких фразах. Время зарождения плана борьбы — наше прошлое, почти три века назад. Вы знаете: если спросить арктурианца или проционина, что он думает о землянине, тот нарисует образ варвара. Мы сознательно поддерживали такое мнение. Враги были польщены, а нас это не беспокоило.

На самом деле Земля уже по крайней мере двести пятьдесят

лет живет двойной жизнью, хотя об этом знает относительно небольшое число ее обитателей. Одна Земля точно подошла к заданному Центральным Контролем образцу и является одной из низших членов конфедерации. Эта Земля довольна своей третьестепенной ролью. А с космопорта другой Земли вот уже сто лет взлетают корабли, на борту которых пионеры-исследователи, мужчины и женщины, отобранные по определенному тесту. Они улетают в анабиозе, чтобы поселиться на планетах, найденных нашими наемниками. На одних планетах цивилизация деградировала и почти исчезла, другие лишены разумной жизни, на третьих господствующая раса молода — это гуманоиды, с которыми мы можем скрещиваться. Можно даже полагать, что они потомки тех легендарных космонавтов, что покинули Землю задолго до атомных войн и теперь забыли о своем происхождении.

Сейчас земляне тайно расселились почти на тысяче планет. На тридцати наши колонии не выжили, помешали местные болезни, резкое изменение климата. На шести планетах все еще идет борьба за выживание. На остальных земляне процветают.

Центральный Контроль заметил сокращение населения Земли и решил, что наша раса, способная бросить вызов более древним расам, вымирает. Они посчитали, что сработал их план, и только недавно до них начали доходить сведения о том, что происходит на самом деле. Тогда Центральный Контроль начал действовать, но опоздал, по крайней мере, на десять поколений: невозможно бороться против тысячи разных планет и сохранять видимость справедливости и тщательно поддерживаемого равновесия сил.

— Вы еще забыли о наших союзниках, — напомнил Хансу. — Боевой солдат имеет право напоминать штабнику.

— Да, — согласился Маттиас, — несколько молодых энергичных рас попали под этот же запрет на колонизацию и исследования, что наложен на нас. Когда эти расы узнают о наших действиях (а мы специально посылаем своих специалистов по контактам), они начнут копировать наши действия и методы. Теперь по нашим следам идет еще двадцать цивилизаций. Происшествие на Фронне — обвинение и убийство Йорка и его офицеров — это удар нам в спину, и он может обнаружить весь наш план. Но мы не боимся этого, мы подготовились. И если Центральный Контроль собирается учинить суд, то мы слишком много знаем об их планах.

— Тем временем, — прервал Хансу, — операции и здесь и в космосе будут продолжаться, как обычно. И как специалист

по контактам вы, Кана, будете работать в соответствии с приговором.

Кана наконец понял:

— Я с радостью принимаю приговор, сэр! Но когда и где я начну?

Хансу развернул карту Галактики:

— Они пытались оградить звезды от нас и не смогли. Ни одна раса не имеет на это права! У тебя большой выбор, сынок. Перед тобой весь космос!

ЗЕРКАЛО МЕРЛИНА

ГЛАВА 1

Маяк продолжал звать из глубины каменной пещеры. С каждым годом зов звучал слабее: механизм все более изнашивался, хотя создатели пытались сделать его вечным и считали, что смогли предвидеть любую случайность. Но они не учли собственного несовершенства и разрушающих сил природы. Шло время, и за стенами пещеры нарождались и погибали нации, сами же люди все изменялись и изменялись. Все, что знали создатели маяка, исчезло, уничтоженное временем. Моря затопляли землю, откатывались назад, их волны сносили ценные города и страны. Поднимались горы, так что останки некогда богатых портов оказывались в разреженном воздухе больших высот. Пустыни наползали на зеленые поля.

Маяк все звал и звал, призывая исчезнувших с лица земли, оживляя лишь легенды, странные и искаженные временем предания. В делах людей наступил новый темный период. Под гнетом исторических катаклизмов и неумолимо бегущего времени рухнула империя. На ее тело, как пожиратели падали, набросились варвары. Огонь и меч, смерть и рабство шли по земле.

А маяк продолжал звать. Огонь в его сердце потускнел. Время от времени зов прерывался — так человек в смертельной опасности переводит дух между криками о помощи.

И вот этот слабый зов был услышен в далеком космосе.

Металлическая стрела уловила импульс, в сердце корабля заработали молчавшие много столетий механизмы.

Ракета изменила прежний курс и направилась точно на зов маяка.

На борту корабля не было жизни. Он был создан существами, видевшими гибель всего, что они считали более важным, чем их собственная жизнь. Перед тем, как погибнуть, они послали в небо шесть таких ракет-стрел, надеясь, что хоть одна из них отыщет цель.

Со щелканьем пробуждались реле по мере того, как корабль приближался к Земле. Он был плодом тысячелетних экспериментов, высочайшим достижением расы, некогда путешествующей между звездами с той легкостью, с какой человек идет по знакомой тропе. Теперь он должен был выполнить задачу, для которой был запрограммирован.

Ракета мягко перешла на орбиту вокруг Земли и приготовилась спуститься.

Люди внизу с первобытным страхом следили за ее огненным полетом. Некоторые забивались в кожаные палатки, а шаманы били в барабаны и выкрикивали странные гортанные заклинания. Другие же смотрели широко раскрытыми глазами на падавшую звезду, которая могла быть добрым или злым предзнаменованием. Стрела приблизилась к горе, в которой находилась пещера с маяком, и раскололась.

Корпус, пронесший через пространство драгоценный груз, раскрылся, и оттуда вылетели какие-то механизмы. Они не упали в простиравшееся внизу море, а полетели дальше к горному хребту.

Несколько мгновений они висели в воздухе, а потом легко опустились на землю, и вряд ли кто-то видел их спуск, потому что механизмы были скрыты искажением полей видимости. Создатели приняли все возможные меры предосторожности, чтобы защитить свое изобретение.

На земле механизмы вырастили многочисленные подсобные приспособления и настойчиво стали пробиваться к ослабевшему маяку в пещеру.

В некоторых местах необходимо было расширить туннель. Наконец, они добрались до маяка и продолжили работу. Некоторые высекли в скале основание и сели на него, глубоко погрузив провода, от которых их уже нельзя было оторвать. Другие поднялись к потолку пещеры и летали взад и вперед, похожие на огромных безмозглых насекомых. Но в их полете был смысл — они соединяли проводами установленные внизу механизмы.

Спустя какое-то время коммуникационная сеть была завершена. Механизмы подготовились к работе, для которой их запрограммировали. Если бы этот мир не отвечал необходимым требованиям, здесь не было бы маяка. В памяти механизмов заключалась информация, которую следовало использовать при отборе образцов.

Один из летающих механизмов, размером с орла, выбрался из отверстия пещеры и улетел. Ночь была безлунная, небо затянули облака.

Механизм летал по расширяющимся кругам, и его фотоглаз посыпал в пещеру непрерывный поток сведений. Искажающие поля исчезли, как только он начал действовать.

Шел снег, дул резкий холодный ветер, но приборы механизма отметили температуру лишь как один из факторов обстановки.

Высоко горел огонь в центре дома клана.

С невысокого балкона, примыкающего к спальным комнатам, Бригитта смотрела на сидевших внизу мужчин. Смешанные запахи конюшни, хлева, древесного дыма, пищи и питья висели в воздухе густо, как туман. Но когда дом клана закрыт на ночь от тьмы, когда гул голосов плывет из комнаты в комнату и поднимается до самого верха, в такую ночь чувствуешь себя в безопасности.

Бригитта вздрогнула и плотнее запахнулась в плащ. Наступил Самайн — время между концом одного года и началом следующего, когда открывается дверь между этим миром и миром тьмы и злые демоны могут пробраться и напасть на людей. В веселом пламени, в голосах людей, в ржании лошадей, доносившемся из конюшни, была безопасность. Бригитта взяла стоявший на скамье кубок и отхлебнула ячменного эля, слегка скривившись от горечи, но радуясь разлившемуся по телу теплу.

На балконных скамьях, но поодаль от Бригитты, сидели и другие женщины: она была дочерью вождя и пользовалась особым почетом. Пламя отражалось в золотом браслете на ее руке, в широком ожерелье из бронзы с янтарем на груди. Темно-рыжие волосы спадали свободно, чуть не касаясь пола за скамьей, их цвет приятно контрастировал с темно-синим цветом плаща и алым платьем под ним.

Бригитта готовилась к пиру, но то, что происходило внизу, не было настоящим пиром. Она с негодованием услышала весть, из-за которой мужчины собрались на совет, а женщины вынуждены были только смотреть, зевать и сплетничать. Но и сплетничали они лениво, так как давно жили вместе и ничего нового нельзя было сказать ни о событиях, ни друг о друге.

Война с Крылатыми Шлемами — больше ни о чем мужчины не могут думать. Теперь бывает мало обручений и свадеб. А с каждым месяцем Бригитта становится старше. Однако отец все еще не выбрал ей мужа.

Она хорошо знала, что сплетничают и об этом. Если не сейчас, то позже эти сплетни могут спугнуть возможных поклонников.

Война... Бригитта снова глотнула эля, нахмурилась, и в ее взгляде, устремленном на собравшихся внизу, сверкнула злоба. Прежде всего мужчины думают о войне. Какое им дело до того, что захватчики пробрались в долины,— ведь это произошло за много миль отсюда? Какая разница для людей Найрена, которым нечего бояться в их горной крепости? И еще эта болтовня о злых деяниях высокого короля!

Говорят, он бросил жену, чтобы жениться на дочери саксонского повелителя. Интересно, как выглядит новая королева. Вортиген стар, у него взрослые сыновья, которые поднимут меч в защиту опозоренной матери.

Вестник сообщил, что они собирают для этого близких и дальних родичей. Но саксы защитят новую королеву. И снова будет война.

Бригитта не могла вспомнить времени, когда в доме клана не звенело бы оружие. Под карнизом крыши были вывешены блестящие черепа — военные трофеи прошлых набегов.

Она не думала, что Найрен испытывает симпатию к высокому королю: десять дней назад прибыл другой вестник — стройный смуглый мужчина с чисто выбритым лицом, в шлеме и латах имперского войска,— и был принят гораздо радушнее. Императора давно не стало, хотя говорят, что за морями империя существует. Но в их краях имперские орлы исчезли со времен молодости ее отца.

Похоже, что, по крайней мере, один вождь еще верит в императора. Смуглый человек прибыл от него призвать людей Найрена под боевые знамена империи, точно так же как вестник, из-за которого происходит сегодняшний совет. У того вестника было двойное, трудное в произношении имя в стиле римлян. Бригитта произнесла его вслух, гордясь тем, что хорошо владеет древней речью и может выговорить его правильно:

— Амброзиус Аврелиан. Герцог Британский.

Лугейд сказал, что на чужом языке это означает «вождь Британии». Слишком громкий титул, ведь половина земли полна новыми родственниками Вортигена — Крылатыми Шлемами из-за моря.

Отец Бригитты в старину учился в Акве Сулис, когда император Максим правил не только Британией, но и землями за морем. Он помнит, что тогда следовало опасаться только набегов шотландцев и пограничных стычек. Он преклонялся перед римлянами, и в числе других Вортиген изгнал его из городов, потому что высокий король опасался влияния таких людей.

Тогда Найрен вернулся в клан своих отцов и собрал вокруг себя родственников. Может быть, он лишь выжидал, чтобы сказать свое слово.

Бригитта снова отпила эля. Отец всегда сам принимает решения.

Она посмотрела на отца. Вот он сидит на высоком сидении в центре. Одежда его не такая яркая, как у окружающих: рубашку она сшила сама, украсив рисунком со старой вазы,— переплетением зеленых и золотых листьев, темно-красные брюки, плащ того же цвета. Лишь широкое золотое ожерелье, браслеты на запястьях и кольцо на пальце соответствовали великолепию украшений остальных.

И все же именно он здесь главный, и человеку, вошедшему в дом клана и увидевшему Найрена, не нужно было спрашивать, кто здесь вождь. Глядя на отца, Бригитта ощущала гордость.

Найрен не проявлял никаких чувств, вежливо слушая посланца высокого короля. А тот склонился перед ним, явно желая произвести впечатление на маленького вождя, каковым считает Найрена высокий король. Тем не менее влияние вождя этого клана выходило далеко за пределы его дома и многие в горах внимательно прислушивались к его словам. Мудрость Найрена была велика, он удачно воевал и хорошо руководил набегами.

Он мог бы провозгласить себя королем по примеру окружающих, но предпочел не делать этого.

Бригитта нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Она хотела, чтобы отец побыстрее отправил посланца высокого короля, и они бы смогли спокойно пировать.

Сквозь гул голосов слышался рев ветра — снаружи была буря, а в такую бурю ночь может принести всякие неожиданности.

Бригитта взглянула на Лугейда, сидевшего в белых одеждах рядом с ее отцом. Он владел древними знаниями и установил духовную защиту на эту ночь. Хотя борода у него была седая, худое тело оставалось стройным, и вообще признаков старости в нем не было видно. Поглаживая бороду, с отсутствующим взглядом Лугейд тоже слушал посланца Вортигена.

Римляне пытались уничтожить древние знания, и пока они были у власти, люди, подобные Лугейду, скрывались. Теперь же они снова пользовались почетом и к их словам прислушивались. Бригитта сомневалась в том, что Лугейд на стороне высокого короля: он и подобные ему владели древними знаниями и любили Крылатые Шлемы не больше, чем римлян.

От крепкого эля у девушки закружилась голова. Отставив в сторону кубок, она сонным взглядом смотрела на игру пламени в очаге внизу. Языки огня подпрыгивали и извивались, танцевали быстрее и грациознее, чем любая девушка на лугу в канун Белтайна. Ветер гудел так громко, что Бригитта с трудом слышала, о чем говорят внизу.

Было скучно. Пир, который обещал быть таким веселым, был испорчен глупой войной. Бригитта широко зевнула — она была разочарована.

Вчера съехались отдаленные родственники, и у Бригитты появилась слабая надежда, что среди них ее отец найдет, наконец, поклонника.

Она попыталась рассмотреть лица незнакомцев внизу, но все они казались лишь смутными пятнами, покрасневшими от близости пламени. Среди гостей были и юноши, и опытные воины, но ни один не привлек ее внимания вчера. Конечно, она послушно пойдет с тем, кого назовет ее отец.

Ее постоянной печалью было то, что он не называл никого. Все эти возможные поклонники уйдут на войну, многие погибнут, и выбор станет еще меньше.

Бригитта покачала головой, затуманенной элем, поняла вдруг, что больше не выдержит, встала и пошла в свою комнату.

Противоположная дверь ее спальни выходила на парапет стены — внешней защиты крепости. Она была плотно закрыта, но свист ветра сквозь нее слышался здесь еще отчетливее. В дальнем углу тускло горела лампа. Бригитта сняла платье и, завернувшись в плащ, легла на кровать у стены.

Она дрожала не столько от холода каменных стен вокруг, сколько от страха перед ветром и перед тем, что могут принести эти порывы в такую ночь. Но хотелось спать, ее глаза сонно закрылись, лампа затрещала.

Внизу у очага рука Лугейда неожиданно застыла. Он повернулся голову и больше не смотрел ни на Найрена, ни на человека, так красноречиво упрашивающего вождя о поддержке. Казалось, жрец древних прислушивается к чему-то иному.

Его глаза удивленно расширились, а рука передвинулась к эмблеме, вышитой на груди, — золотой спирали. Жрец провел пальцем по спирали от внешнего ее конца до самого центра. Он полуосознанно искал ответ на какой-то важный вопрос.

Подняв голову к балкону, где сидели все женщины, Лугейд принял разглядывать их, но не обнаружил, кого недостает.

Он перевел дыхание, быстро оглянулся по сторонам, боясь,

что привлек к себе внимание. Но все напряженно слушали незваного гостя.

Лугейд слегка отодвинулся назад, закрыл глаза, и его бородатое лицо приобрело выражение глубокой сосредоточенности.

Время ничего не значило для механизмов.

Летающие аппараты возвращались; сведения, доставляемые ими, сортировались, классифицировались, на основании информации уточнялись детали проекта. Решение было принято, дважды проверено, затем была подготовлена самая хрупкая и сложная часть оборудования.

• Затем еще раз в воздух поднялся механизм.

Он включил искажающее поле и полетел по широкой спирали. На самом дальнем витке спирали он перевалил через горный хребет.

Механизм повернулся, порыв ветра подбросил его, точно листок, но ничто не могло помешать ему выполнить задачу.

Бригитта крепко спала, но ей казалось, что она проснулась.

Ее больше не окружали стены родного дома. Она стояла на знакомой тропе, ведущей к ручью Пророчеств, где богиня благословит того, кто сделает ей подношение.

И была совсем не ужасная ночь Самайна, когда злобные силы охотятся на людей. Бригитту окружала зеленая свежесть ранней весны, праздник Белтайна, когда пылают костры, а юноши и девушки прыгают через них рука об руку, молясь силам, повелевающим сном.

Золотой свет шел не от солнца. Луч, как золотое копье, коснулся ее ног, поднялся выше. Она радостно засмеялась, побежала сквозь сияние, охваченная сильным возбуждением. Никогда не чувствовала она себя такой живой, свободной и счастливой, как в тот момент.

И тут она увидела Его. Он ждал ее приближения. Она сразу поняла — именно Его ждала, именно Его высматривала среди посетителей или гостей, именно Его Великая Мать дала ей для полного счастья!

Он весь состоял из света, одетый сиянием и теплом. Бригитта побежала, и сияние и тепло окружили их, отгородили от всего мира. Никто не мог теперь найти их. Она стала частью Его, а Он — частью ее. Они стали единым целым.

Их окружал поющий золотой мир, как будто все птицы запели свои лучшие песни.

Бригитта погрузилась в тепло, забыла обо всем. Осталось только засеянное зерном поле, готовое принести обильный урожай.

В доме клана Лугейд отодвинулся в тень. Тело его слегка раскачивалось, лицо стало похоже на маску, лишенную всякого выражения. Всем своим существом он сосредоточился на чем-то, слышном только ему. Его замешательство росло. Лугейд был похож на человека, который ежедневно проходит мимо давно разрушенного замка, забытого богом, и вдруг слышит из заброшенного святилища призыв к поклонению.

Затем замешательство сменилось возбуждением. Лицо оживилось, и Лугейд превратился в человека, который после долгих лет борьбы вдруг понял, что он победитель.

Поглаживая рукой спираль на груди, он щептал слова не на языке окружавших его людей, не на языке Римской империи, превратившейся в ничто, а на гораздо более древнем наречии. Даже для тех, кто знал, что эти слова пришли из невероятного прошлого, они не имели смысла.

Наверху Бригитта застонала, улыбнулась, вытянула руки, чтобы обнять стоявшего перед ней во сне.

Летающий механизм над крышей крепости начал опускаться. Пробравшись в отверстие, он безошибочно отыскал дверь в комнату, где лежала девушка.

Механизмы в пещере зазвучали громче, потом снова стихли, слышалось сонное ворчание, как будто зверь истратил силы и нуждался в отдыхе. Но работа установок в пещере не прекрывалась. Сигнальный луч усилился, он уходил все дальше и дальше.

Лугейд открыл глаза и посмотрел на двери комнаты Бригитты. Он мог лишь догадываться о том, что произошло там, и бесконечно удивился, что такое могло случиться в его беспокойные дни. Боги давно ушли, но, кажется, они еще живы!

Как можно быстрее он должен пойти к Месту Солнца, где найдет ответ, узнает, что несет это происшествие его народу.

Лугейд услышал гул голосов и почувствовал нетерпение. Окружающие занимаются своими мелкими делами, а он уверен, что сегодня здесь побывало небесное существо и принесло жизнь, а не смерть!

Об этом часе говорили легенды, обещавшие возвращение Повелителей Неба!

ГЛАВА 2

В комнате было жарко. Между приступами боли Бригитта мечтала о том, чтобы погрузить свое разбухшее тело в ручей.

Она смутно сознавала, что большинство жителей крепости и деревни до рассвета ушли в поле на праздник Лугиаса — праздник урожая.

Юлия, нянчившая еще ее мать, терпеливо сидела рядом, время от времени утирая лицо Бригитты влажной тканью. В дальнем углу стояла жаровня, от нее шел запах паленой травы. Когда запах долетел до постели, Бригитта закашлялась. Все двери в доме были открыты, все узлы развязаны, чтобы роды прошли легко.

Но Бригитта считала, что это не поможет: разве легко смертной женщине рожать сына Бога?

Как странно все на нее смотрели в предыдущие месяцы! Только пророчество друида спасло дом Найрена от черного позора. Бывали моменты, когда Бригитта с готовностью взяла бы кинжал и вырезала из тела то, что посеяли в нем чужие силы.

Очень трудно теперь было вспомнить золотое счастье сна, хотя Лугейд уверял ее, что это был вовсе не сон и на самом деле к ней приходил один из сыновей Бога.

Сейчас Бригитта ощущала только боль, а между приступами — страх, что боль станет еще сильней. Но, сжимая зубы, она молчала.

Если рожаешь сына Бога, нельзя кричать.

Тело ее снова напряглось. Рядом оказалась Юлия. Затем как-то незаметно появился Лугейд. Его взгляд унес боль. Бригитта поплыла среди всплесков огня, которые могли быть звездами.

— Сын.

Юлия держала новорожденного на куске чистой ткани.

— Сын.

Лугейд кивнул, как будто никогда не сомневался в этом.

— Его зовут Мирддин.

Юлия враждебно взглянула на него.

— Имя сыну дает отец.

— Его зовут Мирддин.

Друид окунул палец в воду и коснулся им груди ребенка.

— Так сказал бы его отец.

— Ты говоришь о повелителях Неба, — фыркнула Юлия. — Не стану отрицать, что ты спас госпожу от позора. Но все же

никто в замке не поверил полностью твоему пророчеству. Его будут называть «сын нечеловека» и рассказывать всякие небылицы.

Лугейд покачал головой:

— Он первый из своего племени, и благодаря ему вернутся прежние дни. Рассказы о прошлом — не только развлекательные сказки бардов, в них скрывается истина. Присматривай за ребенком и своей госпожой.

Он мельком взглянул на Бригитту, как будто, выполнив свою миссию, она больше не была ему интересна.

Юлия снова издала звук, похожий на фырканье. Она занялась ребенком, который не плакал, а лежал, спокойно глядя на нее.

В эти первые моменты после прихода в мир он, казалось, отдавал себе отчет об окружающем более, чем можно было ожидать от новорожденного. Нянька, заметив эту странную уверенность, сделала магический знак, прежде чем взять ребенка.

Бригитта забылась тягостным сном.

Юлия правильно определила отношение окружающих к Мирддину в его раннем детстве. Он действительно был «сыном нечеловека», но поскольку вождь принял (по крайней мере внешне) утверждение Лугейда, что его дочь зачала от Повелителя Неба, никто открыто не позорил мальчика, но и не воспринимал его, как обычного ребенка.

В первые годы мальчик был странно медлителен и неспособен к обучению. Женщины дома считали его отсталость соответствующей загадке его зачатия. И ходить он начал очень поздно. Если бы не Юлия, мальчик был бы совсем заброшен и, может быть, рано бы умер. Потому что через шесть месяцев после его рождения Бригитта вышла замуж за овдовевшего вождя клана, достаточно древнего, чтобы быть ей отцом. Она покинула крепость Найрена, а вместе с ней и сына.

Бригитта не возражала против расставания: с самого рождения ребенка, очнувшись от обморока, в который, по ее убеждению, ее погрузил Лугейд, она не испытывала к сыну нежности. Место матери занял Лугейд, а Юлия заботилась о физических условиях существования ребенка, в чем Мирддин в его возрасте больше всего нуждался. Именно Юлия яростно защищала ребенка, когда вслух обсуждали его медлительность. А когда ее собственная вера в ум Мирддина слабела, она обращалась к Лугейду.

— Не волнуйся, — говорил Лугейд. Он сажал мальчика на колени и закрывал глаза рукой. — Он живет по другому

времени, своему собственному. Вот увидишь, он заговорит сразу и осмысленно, пойдет уверенно, а не будет ползать, как животные. Он много унаследовал от другого мира, поэтому его нельзя судить нашими мерками.

Юлия некоторое время молча сидела, переводя взгляд с друида на ребенка и обратно.

— Иногда мне кажется,— призналась она,— что ты придумал эту сказку, чтобы спасти мою госпожу от позора. Но ты веришь в свои слова. Почему?

— Почему, женщина? Потому что в ночь его зачатия я ощущил приближение силы. Мы так много утратили.— Он с сожалением покачал головой.— Мы утратили знания, которые позволяли людям бросать вызов звездам. Мы пережевываем обрывки легенд и не знаем, что в них правда, а что позднейшие выдумки. Но все же знающий человек может ощутить присутствие силы. Этот «сын нечеловека» будет велик, он сможет возводить королей на престол и свергать их. Но не только для этого он послан сюда. Нет, он — первооткрыватель! Когда он достигнет полной силы, то заговорит на высоком языке и мы увидим начало нового мира!

Звучавшая в его голосе страсть испугала Юлию. Она взяла мальчика у Лугейда и странно посмотрела на него. Она знала, что друид верит в свои слова, и с этого момента следила за каждым движением Мирддина, ожидая увидеть признаки величия, но не зная, как они проявятся.

Мирддин пошел в возрасте четырех лет и, как предсказывал Лугейд, с первых же шагов пошел уверенно, не ползая, не держась за что-либо, как все другие дети.

Месяц спустя он заговорил, и слова его звучали четко, как у взрослого.

Он не пытался играть с другими детьми, не проявлял интереса к оружию, не слушал воинов, рассказывающих о прошлых битвах. Напротив, он всегда сопровождал друида. И все решили, что Мирддин станет бардом или будет изучать законы и родословные кланов.

В одно из своих редких посещений дома Найрен согласился с этим. К этому времени вождь сделал выбор.

Со своими воинами он присоединился к Амброзиусу, воюя и с высоким королем, предавшим свой народ, и с саксами, которых король пригласил в качестве союзников. Воины часто покидали горную крепость, оставляя лишь небольшой отряд для защиты, а женщины и дети работали на полях и пасли стада овец — главное богатство клана.

В клане не хватало работников, и пяти лет Мирддин начал пасти стадо.

Тогда-то он и нашел пещеру. Как-то он поднялся выше обычного по поросшим мхом скалам, главным образом потому, что старшие ребята-пастухи занимали лучшие пастбища. Обогнув скальный выступ, он забыл о потерянной овце и о других пасшихся внизу овцах.

Мирддина влекло вперед какое-то неведомое манящее чувство. Как во сне, свернул он туда, где виднелась узкая расщелина, едва доступная для его маленького крепкого тела. Обвал, обнаживший вход в пещеру, произошел недавно.

Он протиснулся сквозь щель и оказался в гораздо более широком проходе. Впереди почти ничего не было видно: свет падал только сквозь щель, через которую он сюда проник. Мальчик не испугался, наоборот, его охватило странное растущее возбуждение, как будто впереди лежало что-то удивительное, предназначеннное лишь для него одного.

Он бесстрашно двинулся во тьму, горя нетерпением узнать, что же его ждет.

Отойдя от входа, он с удивлением обнаружил бледное сияние, освещавшее пространство на три-четыре шага, как будто он был окутан светящимся плащом. Это открытие не показалось ему странным, наоборот, все вокруг казалось давно знакомым, не забытым.

Он знал о своем происхождении, об отце — Повелителе Неба. А от Лугейда он узнал, что в далекие-далекие времена жители неба часто опускались на Землю, и женщины Земли рожали им сыновей и дочерей.

Эти дети владели способностями, которых не было у других людей Земли, но когда Повелители Неба перестали появляться, эти способности забывались по мере того, как потомки небесных жителей смешивались с землянами и утрачивали чистоту крови. Сейчас мало кто верил в них, и Лугейд предупредил Мирддина, что тот должен хранить этот рассказ в тайне, пока делами не сумеет подтвердить свое происхождение. Лугейд также сказал, что если мальчик сам не сумеет овладеть знаниями древних, он будет беспомощен, потому что на Земле нет больше учителей и сохранилась лишь малая толика прошлых знаний.

Часть сознания Мирддина, унаследованная от Бригитты, была заторможена от одиночества и испуга. Мальчик часто думал о том, что случится с ним, если он не сумеет найти то, чем должен овладеть. Даже Лугейд был бессилен помочь: он

сказал, что учителя, которые могли бы научить Мирддина, давно мертвы, а от их знаний сохранились лишь обрывки в памяти таких, как сам друид. Но жрец пообещал, что когда придет время, он все свои знания передаст Мирддину, который был для него приемным сыном.

Сероватый свет, сопровождающий мальчика, становился сильнее. Теперь Мирддин видел, что свет исходит от стен. Потрогав их рукой, он почувствовал, что скала дрожит. Мальчик прижался ухом к стене и услышал биение, похожее на удары огромного сердца.

В его сознании ожили все сказки о чудовищах, живущих в глубоких пещерах, и он остановился в нерешительности. Но возбуждение погнало его дальше. И вот он оказался в обширном помещении, залитом ярким светом. Мирддин отшатнулся, закрыл глаза руками, ослепленный блеском.

Дрожь стен превратилась в гул, который ощущался уже не только телом, но и слухом.

— Не бойся.

Мирддин вдруг понял, что уже некоторое время слышит этот голос, и впервые в жизни почувствовал настоящий ужас.

Он боролся с этим ужасом, но не мог оторвать рук от лица, чтобы посмотреть на говорившего с ним. Конечно, ни привидение, ни огнедышащий дракон не станет говорить человеческим голосом!

— Не бойся! — послышалось снова.

Мальчик глубоко вздохнул и, собрав все свое мужество, опустил руки.

Так многое предстало перед его взором! Окружавшие предметы были настолько чужды всему его опыту, что удивление победило остатки страха. В пещере не оказалось ни чешуйчатых чудовищ, ни злобных зверей. В ярком освещении возвышались полированные прямоугольники и цилиндры, для которых на родном языке мальчика не было названий.

Он ощущал присутствие какой-то жизни, разумной, но незнакомой.

Огромная пещера была полна разных предметов. На поверхности некоторых вспыхивали разноцветные огоньки, другие оставались темными, но во всех теплилась чужая жизнь.

Мирддин по-прежнему не видел, кто говорил с ним, и боялся углубляться дальше. Он облизал губы кончиком языка и произнес насколько мог храбро:

— Я не боюсь! — Голос его резко прозвучал в огромном помещении.

Это было лишь отчасти ложью, потому что с каждым мгновением страх утихал, побежденный очарованием необычного места.

Он ожидал, что кто-нибудь выйдет ему навстречу, выступит из-за блока или колонны. Но время шло, а никто не появлялся.

Мирддин снова заговорил, слегка разочарованный подобным приемом.

— Я — Мирддин из клана Найрена.

Он сделал еще два шага в глубь пещеры.

— А ты кто?

По-прежнему вспыхивали и гасли огоньки, не прекращалось гудение. Но ответа не было.

Тут Мирддин увидел в дальнем конце прохода, образованного двумя рядами блоков и цилиндров, какое-то сияние, соединявшее два блока и образующее сплошную стену. Как только его взгляд остановился на этом странном явлении, сияние померкло и появилась какая-то фигура такого же роста, как сам мальчик.

Желая рассмотреть незнакомца, Мирддин быстро пошел вперед, не обращая внимания на незнакомые предметы, всматриваясь лишь в зрелице на сверкающей поверхности. Он никогда раньше не видел такого яркого и четкого отражения, потому что зеркалами в доме клана служили либо маленькие бронзовые пластинки размером с ладонь, либо поверхность полированных щитов.

Здесь было совсем по-другому, и только вытянув руку и увидев, что тот мальчик поступил так же, Мирддин понял, что перед ним зеркало.

Мирддин с интересом смотрел на свое отражение. Темные волосы, сегодня утром так аккуратно расчесанные Юлией, теперь спутанной массой лежали на плечах, в них торчали листья и веточки, застрявшие, когда он пробирался через кусты. Загорелое лицо и густые черные брови, сросшиеся на переносице, изумительные зеленые глаза под ними. Одежда, которую Юлия сшила сама, украсив красной нитью, была порвана и испачкана; длинные брюки заправлены за голенища сапог. На груди висело единственное украшение — коготь орла на красной нити. На подбородке — засохшая грязь, щека исцарапана.

Хотя одежда у него была добротная и теплая, изготовленная самой Юлией, мальчик был одет не так роскошно, как можно было ожидать от внука вождя; в сущности, только отличный нож в кожаных ножнах на поясе свидетельствовал о том, что его владелец не просто сын охотника или копьеносца.

Мирддин поднял руки, отбрасывая волосы со лба. Он решил, что здесь нужно выглядеть достойно. Может, говоривший с ним, разглядев его получше, решил, что он недостоин слов.

— Мы тебя ждали, Мерлин.— Снова и без всякого предупреждения прозвучал голос.

Мерлин? Те, кто скрываются здесь, хотят называть его так. Мирддин снова ощущал страх. Что, если они обнаружат свою ошибку? Он глубоко вздохнул и упрямо посмотрел в зеркало. Собственное отражение почему-то внушило ему уверенность.

— Вы ошибаетесь.— Он заставил себя говорить громко.— Я — Мирддин из дома Найрена.

Он напряженно ждал немедленного наказания: сейчас его выбросят из пещеры, как листок. А ему почему-то хотелось остаться и узнать, что это за место, кто с ним разговаривает, называя этим странным именем.

— Ты Мерлин,— уверенно заявил голос.— И для тебя подготовлено все это. Отдохни, сын, а потом узнаешь, кто ты, и начнешь учиться.

Из правого бока выдвинулась планка. Мирддин осторожно ощупал ее. Она была достаточно широкой и казалась прочной — его вес она выдержит. К тому же он решил, что не стоит спорить с этим голосом, слишком уверенно и властно он звучал.

Мирддин осторожно уселся перед зеркалом.

Хотя сиденье было твердым, оно слегка прогнулось под его весом и сидеть стало очень удобно. Отражение в зеркале исчезло. До того, как Мирддин успел встревожиться, там появилось другое изображение. Началось обучение.

Вначале на Мирддина был наложен строгий запрет: он не мог ни с кем поделиться впечатлениями о своем странном приключении, даже с Лугейдом — единственным во всем клане, кто мог бы его понять.

Но запрета на мысли и воспоминания не было. Иногда узнанное в зеркале так его будоражило, что в доме клана он бродил, как в тумане.

Лугейд, который мог бы что-нибудь заподозрить, в это время отсутствовал, служа посыльным между Найреном и другими вождями и маленькими королями, пытаясь сколотить союз, способный противостоять Крылатым Шлемам и сторонникам предателя Вортигена. Ему постоянно приходилось отправлять отряды в разные концы на беспокойные границы.

В последующие годы Мирддин мог легко ускользнуть из

замка, проникать в пещеру и проводить долгие часы перед зеркалом.

Он вначале не понимал многое из того, что ему показывали. Он был слишком мал, и опыт его был ограничен. Но изображения в зеркале, хотя и не повторявшиеся в подробностях, снова и снова сообщали ему факты, пока они не становились частью сознания мальчика, как ежедневные события жизни, знакомые с рождения.

Мирддин понемногу стал применять изученное на практике. Он обнаружил, что сведения, сообщенные зеркалом, имеют практическое значение. Хотя сам он был мал, но уже мог влиять на ребят, достаточно выросших, чтобы владеть оружием.

Мирддин уже понял, что кроме него никто не может увидеть расщелину, ведущую в пещеру, хотя ничего не знал об иска-жающих полях. Помимо того, что он мог таким образом исчезнуть без следа, он мог также внушить своим товарищам по охоте на пастище, что он весь день находился с ними, хотя на самом деле провел эти часы перед зеркалом.

Мирддину очень хотелось использовать свои знания, но действовали определенные ограничения: так он дважды пытался убедить Юлию увидеть несуществующее и оба раза отказывался от попытки.

Так он узнал, что его новые возможности предназначены не для легких целей, а главным образом, чтобы давать ему время для обучения.

Новости медленно доходили до горной крепости. Лугейд не возвращался. Наоборот, стало известно, что он направился в далекое путешествие к Месту Солнца.

Мирддин горевал об этом: он надеялся поделиться с другим своими удивительными открытиями, понимая, что только старый Лугейд, владевший обрывками древних знаний, сумеет его понять.

Вскоре после известия о поездке Лугейда горстка усталых израненных людей принесла еще более тревожные и трагические вести. Многие из прибывших держались в седлах своих выносливых горных пони только усилием воли и при помощи товарищней. Отряд Найрена столкнулся с изменой в одном из походов, и половина бойцов вместе с вождем погибла. Весь клан замер в ожидании новых тяжелых бед.

Проходило время, и все немного успокоились, но дом клана стал местом скорби и траура. Гвин Однорукий, младший брат Найрена, стал вождем, поскольку у Найрена не было сыновей. Впрочем, Гвин из-за своего увечья не мог стать настоящим

вождем, хотя у него было хитроумное приспособление — прикрепленное к запястью, оно служило ему боевой дубиной.

Если бы Мирддин был старше, он мог бы предъявить свои права, но период войны — не время для вождя-мальчика. Клан с шумным одобрением принял Гвина. Это была пора сбора урожая, и люди работали на своих маленьких полях, постоянно оглядываясь, а меч и копье держали наготове. На высотах у готовых вспыхнуть сигнальными огнями костров бдительно дежурили часовые.

Мирддину теперь редко удавалось ускользнуть в пещеру к зеркалу, и он постоянно испытывал раздраженное нетерпение. Мальчик не знал, многому ли его успели научить. Однажды ему удалось убежать в пещеру к волшебному зеркалу, и по чистой случайности, а может быть и нет, но в этот день он задержался там.

Когда он выбрался из расщелины, сгущались сумерки. Боясь, что ворота крепости закроют, мальчик побежал вниз по склону между скалами, думая только об одном: как бы поскорее добраться до дома клана. Он не заметил подозрительных перемещавшихся теней, пока чья-то рука ухватила его за лодыжку. Он упал и от удара едва не потерял сознание.

Сильные руки прижали Мирддина к земле. Он тщетно пытался сопротивляться. Кто-то ухватил его за волосы и повернул лицом к себе.

— Слава милосердной Троице! — радостно произнес кто-то. — Это то самое отродье. Он сам пришел к нам в руки, как петух за зерном.

Мирддин не сумел рассмотреть своих похитителей. На него набросили плащ, кисло пахнущий смесью человеческого и лошадиного пота, завязали веревкой, так что мальчик превратился в бесформенный тюк, какой любой торговец может легко бросить на спину лошади. И вот, он лежит на спине лошади, головой вниз и подскакивает на каждой неровности дороги.

ГЛАВА 3

Вначале мальчик подумал, что попал в руки военного отряда саксов. Тогда почему они сразу его не убили? Он попытался рассуждать спокойно и вспомнил, что говорили они на его языке.

Именно он был «отродьем». Очевидно, они искали именно его. Но зачем он им?

Мирддин с трудом дышал под плащом, отчаянно пытаясь сохранить мужество.

Очевидно, он чем-то ценен. Как раб?

Нет, рабов достаточно. Из-за того, что он родственник Найрена? Но ведь вождь клана теперь Гвин...

Голова его свисала со спины лошади, от неудобной позы в ней шумело, мальчика начало тошнить. К тому же было очень трудно бороться со страхом.

Долго ли продолжалась эта пытка, Мирддин не знал. Он был почти без сознания, когда его сняли с лошади и без церемоний швырнули на землю.

— Осторожнее — приказал кто-то. — Помни, он нужен живым, а не мертвым.

— Дьявольское отродье. Такие приносят беду, — ответил другой.

Чьи-то руки сомкнулись вокруг тонкой талии Мирддина. Человек, так грубо тащивший его, в темноте казался смуглым. Мальчику прочно связали руки, рывком проверили прочность веревки, и только тогда Мирддин смог разглядеть окружающих.

Фигуры появлялись и исчезали, и он не знал, сколько их. Слышно было, как перебирают ногами лошади. Ночь была очень холодной, и ледяная земля, на которой он лежал, вызывала безостановочную дрожь.

Похитители молчали, и мальчик по-прежнему не знал, кто они. Впрочем, теперь он был уверен, что это не саксы.

Кто-то подъехал к небольшой полянке, где они остановились. Одна из скорчившихся фигур поднялась на ноги и пошла навстречу.

— Он у нас, лорд.

Ответом было хмыканье, затем всадник приказал:

— Тогда поезжайте. Не время отдыхать. В конце концов, в нем течет кровь Найрена, и клан не оставит его без отмщения. Торопитесь. У Зуба Гиганта вас ждут свежие лошади.

Всадник исчез в темноте ночи.

Снова мальчика посадили на лошадь, только на этот раз в седло, веревка, пропущенная под животом лошади, стягивала ноги. На него опять набросили плащ. Голова отчаянно болела, он боролся с обмороком, опасаясь упасть на землю и быть задавленным прежде, чем всадники подхватят его.

Они ехали всю ночь, остановившись один раз у высокой скалы, которая действительно могла быть зубом, вырванным из чьей-то огромной ужасной пасти. Здесь они пересели на свежих лошадей. Сознание Мирддина помутилось, им овладели

страх и недоумение. Никто не разговаривал с ним, не заботился о его состоянии. Тело превратилось в сплошной синяк, и каждый шаг лошади вызывал новый прилив мучительной боли. Мальчик сжал губы, решив, что никакая боль не вырвет у него крик.

Всадники спустились с холмов. Рассвет застал их на одной из дорог, построенных римлянами. Теперь Мирддин мог лучше рассмотреть своих спутников. Они были похожи на людей клана Найрена, только лица их были незнакомы. Из десяти человек восемь были обычными копьеносцами, какие могут служить любому вождю клана.

Поводья лошади Мирддина держал человек в искусно сшитом алом плаще, правда, изорванном и испачканном. Его волосы, цвета полированной бронзы, опускались ниже плеч. Толстогубый рот окружали густые усы и щетина: несколько дней его полных щек не касалась бритва.

Это был сравнительно молодой широкоплечий человек с бронзовыми браслетами на толстых руках. На боку у него висел меч римского образца, а спину прикрывали полоски металла. Глаза у него покраснели: вероятно, он давно не спал, так как время от времени широко зевал.

Сосед Мирддина слева представлял полную противоположность. Это был худой человек в помятой, лишенной украшений кирасе. Шлем без верхушки все время съезжал набок, так как был слишком велик. Оружием ему служили меч и копье с острым наконечником. Однако в его поведении не было сонливости, наоборот, во всем облике ощущалось напряжение. Всадник непрерывно оглядывался по сторонам, как будто ожидал в любую минуту натолкнуться на засаду.

Мирддин так устал, что еле держался в седле, но похитители не обращали на него никакого внимания. Полученные в пещере знания не помогли ему определить, чего ожидать. Он знал только, что будущее не сулит ему ничего хорошего, но не пытался представить себе, каким оно будет, и не интересовался ни личностью похитителей, ни окружающей местностью. А местность для человека, родившегося в горах и проведшего там всю жизнь, была очень странной.

К полудню дорога стала оживленной.

Отряды вооруженных всадников-саксов уступили им дорогу. Впереди возвышались каменные здания, отличные от домов клана Найрена.

Мирддина мучали жажда и голод, но он ничего не просил у сопровождающих. Однако когда они остановились у ручья, что-

бы напиться и напоить лошадей, один из копьеносцев набрал воды в деревянную чашку и поднес ее к губам мальчика. Мирдин с жадностью выпил воду, и в голове у него прояснилось.

Воин, единственный из всех проявивший доброту, был гораздо моложе остальных, его бледно-голубые глаза смотрели на мир с тяжелым мрачным выражением.

Мирдин хотел поблагодарить воина и попытался заговорить.

— Спасибо,— проговорил он хрипло.

На голос повернулся человек в шлеме.

— Придержи язык, дьявольское отродье, или мы загоним тебе в рот кол!

Он подъехал ближе и рывком натянул на голову Мирдина капюшон плаща. Затем обратился к копьеносцу:

— Дурак! Ты что, хочешь, чтобы тобой завладели демоны? Этот колдун, хотя и молод, может вызвать духов.

Мирдин услышал приглушенные восклицания, должно быть, своего благодетеля, и обрадовался, что успел немного попить до вмешательства руководителей отряда.

Он очнулся от транса, в котором находился большую часть ночи. Как будто шок от внезапного нападения отбил у него способность рассуждать, а небольшое проявление человечности вернуло ему эту способность.

Где искать помощи? Хотя Мирдин был молод, знания его были велики. Где-то глубоко в сознании появилось ощущение, что вся эта история — часть того будущего, к которому готовило его зеркало.

Похитители называли его «дьявольским отродьем». Он и раньше слышал эти слова, хотя в лицо ему их не говорили, ведь в его жилах текла кровь клана Найрена. Но поговаривали, что его отец не небесный повелитель, а демон. Разве не зачат он в канун Самайна, когда высвобождаются все злые силы? Не найди Мирдин пещеру с зеркалом, возможно, он и сам поверил бы в это. Но пещера была несомненным доказательством существования небесного народа, и там он узнал, что рожден с определенной целью. Вся его жизнь должна быть посвящена этой цели.

До сих пор у него не было врагов.

Кланом правил Гвин, и Мирдин никогда не протестовал: его не прельщало будущее военного вождя. Все знали, что со временем он уйдет с Лугейдом и будет изучать известные барду тайны.

Для кого Мирдин может быть угрозой? Со смертью Найрена он потерял всякую ценность как заложник. Он размышлял

над этим, пока они не прибыли в город, признающий власть Вортигена.

Из разговоров своих похитителей Мирддин понял, что этот город и есть цель их пути.

Очнувшись от своих мыслей, мальчик попытался оглядеться. Капюшон позволял ему видеть только дорогу под ногами и основания каменных стен, но он мог слушать.

Вначале, привыкший к звукам небольшого поселка, Мирддин был совершенно оглушен и с трудом отличал один звук от другого.

Лошади остановились, ослабла веревка, связывающая ноги Мирддина. Тяжелая рука сняла его с седла и грубо бросила на землю. Ноги под ним подогнулись. Он почувствовал отвратительный запах. Когда сдернули плащ, Мирддин увидел, что стоит в каменной клетушке с единственной скамьей и узкой щелью в стене.

Человек в шлеме развязал ему руки (они так затекли от неподвижности, что он их почти не чувствовал) и толкнул мальчика в сторону скамьи.

— Жди воли высокого короля,— проворчал он и ушел, захлопнув за собой дверь.

Мирддин оказался в полутиме.

— Король,— произнес Мирддин вслух.

Есть лишь один король, хотя его власть опирается главным образом на саксов, которых он сначала пригласил, чтобы укрепить свою армию и защититься от набегов шотландцев, а затем, чтобы расправиться с теми, кто мог стать его соперником. С самого раннего детства Мирддин привык к мысли, что Вортиген— предатель, человек, который повинуется Крылатым Шлемам и по их приказу перебил всех своих близких родственников.

Чего же Вортиген хочет от Мирддина?

От напряженного размышления сильней заболела голова. Мирддин молча сидел на каменной скамье, растирая опухшие руки, чтобы вернулось нормальное кровообращение, и с трудом сдерживал стоны боли.

Он старался вспомнить все, что знал о высоком короле. Последний слух, дошедший до горных кланов, гласил, что Вортиген собирается соорудить высокую башню, которая затмит все, построенное римлянами.

Но бродячий однорукий торговец, рассказавший об этом, добавил, что строительство встретилось с трудностями: тщательно уложенные камни на следующее утро оказываются разбитыми или разбросанными.

Говорили, что чье-то волшебство препятствует усилиям строителей башни.

Мирддин прислонился головой к стене. Он так устал, что больше не мог сопротивляться сну и погрузился во тьму, более тяжелую, чем тьма тюремной камеры.

Проснувшись, он увидел мерцающий свет и на мгновение решил, что сидит перед зеркалом, а светятся прямоугольники и цилиндры в пещере. Протерев глаза, он понял, что свет исходит от факела, вставленного в кольцо на стене справа от него. Под факелом стоял человек и смотрел на мальчика.

Мирддин ощущал внезапный приступ радости. Такую белую одежду он видел лишь на Лугейде в праздничные дни. Впрочем, не было золотой спирали, которую Лугейд носил на груди, но ведь существует братство бардов. Значит, перед ним друг, а Мирддин знал слова, с которыми можно обращаться за помощью. Он собирался произнести фразу, которой научил его Лугейд, но тут заговорил незнакомец.

— Сын демона, сын нечеловека, запрещаю тебе использовать дьявольскую силу. Накладываю на тебя духовные узы повиновения, их ты не сможешь порвать!

Он начал напевать заклинание, указывая на Мирддина жезлом, частично белым, частично ржаво-красным, похожим на высохшую кровь.

Ощущение было такое, будто в нос мальчику ударила волна отвратительного зловония.

Мирддин затряс головой, пытаясь избавиться от невидимого облака, окружавшего этого человека. В то же время Мирддин понял, что все ранее испытанные страхи ничто перед тем, что он ощущал сейчас, потому что теперь опасность грозила не только его телу, но всему существу. Мальчик принялся повторять не слова приветствия, а другие, которым его тоже научил Лугейд.

Он видел, как расширились глаза друида, посох взлетел в воздух, как будто жрец хотел кого-то ударить. Поднятый им ветер коснулся лица Мирддина.

Но жест этот был лишь пустой угрозой. Поняв это, мальчик овладел собой и подавил страх.

— Что тебе нужно от меня?

Мирддин сознательно не прибавил никаких слов вежливости. Незнакомец мог носить такую же одежду, как Лугейд, но внутренний голос говорил Мирддину, что он не может быть похожим на Лугейда.

Красный конец посоха указывал на мальчика как копье, подготовленное для последнего смертельного удара.

— Ты, не знающий отца, послужишь высокому королю. Мы, говорящие с Силами, установили, что башня не может

стоять, пока в основание ее не будет пролита кровь юноши, не знающего отца.

Глубоко в памяти Мирддина ожило воспоминание. Возможно, он узнал об этом от зеркала, а потом забыл. Он не всегда мог вспомнить, что показывали ему в пещере. Некоторые факты, казалось, глубоко погружаются в его сознание и лежат там, пока случайное слово или вид предмета не оживит их и не вызовет на поверхность.

Внезапно он осознал, что ему не грозит смерть. Сюда его привела не только воля короля. То, что он оказался здесь, связано с целью всей его жизни!

Если друид ожидал, что мальчик испугается и будет просить о жалости, то он был разочарован, потому что Мирддин смотрел на него уверенно, высоко подняв голову.

— О каких Силах ты говоришь? В наши дни твои слова продиктованы не волей небесных существ, а лишь желанием людей.

Он снова сознательно опустил слова уважения.

Друид тяжело дышал. Он смотрел прямо в глаза мальчику, пытаясь подавить его волю и сделать послушным исполнителем приказов. А Мирддин, собрав все свои знания, уверенно отвечал ему взглядом.

— Ты знаешь о небесных существах? — спросил незнакомец голосом, лишенным прежнего высокомерия. Теперь в его голосе звучала нотка неуверенности.

— А ты? — ответил вопросом Мирддин.

— Об этом запрещено говорить невладеющим тайнами! — Лицо незнакомца вспыхнуло гневом. — Что ты подсмотрел, дьявольское отродье?

— А мог я подсмотреть это?

Мирддин отчетливо произносил слова узнавания, которым давно научил его Лугейд.

Но к его удивлению, друид облегченно засмеялся.

— Эти слова бессмысленны. Ты теперь никого не обманешь.

Он чуть повернул голову, не отводя взгляда от Мирддина, как бы опасаясь, что мальчик может оказаться более сильным противником, и сказал:

— Входи!

Потом повторил:

— Войди и возьми его!

Человек в старых латах вошел, почтительно обходя друида. Мирддин не сопротивлялся, когда ему снова связали руки и подтолкнули к двери.

Друид уже вышел и ждал их снаружи.

На улице яркий свет солнца заставил Мирддина зажмуриться, он не мог поднять руку, чтобы защититься от сияния. Его окружили несколько стражников, а за ними толпились жители города и саксы. Они смотрели на мальчика с нетерпеливым ожиданием.

Тот самый отвратительный запах, который сопровождал друида, теперь висел в воздухе. Он должен был вызвать в человеке страх, победить его мужество, чтобы тот без сопротивления встретил смерть.

И все же мальчик шел уверенно, без колебаний, полностью владея собой.

Дорога поднималась на холм к груде камней, из которых Вортиген собирался строить свою крепость. На ходу Мирддин смотрел по сторонам, не потому что хотел разглядеть лица собравшихся, а как бы проникая взором в глубь почвы.

Дорогу преградил гладкий камень, накрытый вышитой тканью. На этом импровизированном троне сидел король.

Мирддин увидел человека, близкого по возрасту к своему деду, но в чертах его лица не было благородства и гордости. Лицо короля опухло, как будто он много пил. Глаза Вортигена не останавливаясь перебегали с одного лица на другое. Похоже, что он постоянно ожидал измены. Руки короля лежали на рукояти меча; по вздутому животу, на котором с трудом застегнулась перевязь меча, видно было, что он уже не воин.

За ним стояла грациозная молодая женщина с золотой короной на волосах, желтых, как созревшая пшеница. Ее платье все было вышито золотом, так что она сверкала на солнце, как металлическая статуэтка.

Несмотря на красоту, в ее лице чувствовалась жестокость, а в облике не было ни робости, ни неуверенности. Она глядела вокруг с легкой улыбкой, не смягчавшей высокомерного выражения.

Когда ее взгляд остановился на мальчике, в нем блеснуло нетерпение.

— Этот мальчишка? — спросил король. — Доказано, что он сын нечеловека?

— Господин король, — ответил друид, — об этом говорила сама родившая его. В ночь Самайна он был зачат каким-то демоном или дьяволом...

— Господин король, почему твои люди лгут тебе?

Голос Мирддина звучал спокойно и уверенно.

Друид повернулся, подняв жезл. В этот момент ожило

погруженное в сознание Мирддина знание. Он взглядом остановил жреца.

Краска сбежала с лица друида, черты его лица расслабились. Он выглядел опустошенным.

Вортиген со страхом следил за этой переменой.

— Что ты сделал, рожденный демоном?

Он скрестил пальцы, чтобы одолеть сглаз.

— Ничего, господин король, я лишь добился возможности рассказать, как плохо тебе служат твои люди.

Король облизнул губы. Рука его сжала рукоять меча, наполовину достав его из ножен.

— В чем же плохо мне служат?

— В строительстве этой башни.

Мирддин кивком указал на груду камней.

— Прикажи копать здесь и ты увидишь — там протекает ключ, вода смягчает почву, и поэтому земля не выдерживает тяжести камней. А в воде ты увидишь судьбу этой земли. Там скорчился белый заморский дракон.

Мальчик бросил взгляд на королеву. Та пристально глядела на Мирддина, как будто ее взгляд был оружием. Мирддин ощущал давление ее воли, но сила ее была слаба по сравнению с тем, чему научило его зеркало.

— На другом краю бассейна — красный дракон древних. Эти драконы ведут бесконечную битву. Сейчас силы белого дракона увеличиваются, и он теснит красного. Но близок тот день, когда красный дракон начнет побеждать. Пусть твои люди начнут копать. Все будет так, как я сказал.

Золотая королева протянула руку, как бы собираясь положить ее на плечо Вортигена.

В тот же момент Мирддин, вооруженный знаниями зеркала, понял, что она его враг. Она не просто сакская девка, соблазнившая короля, она...

Он нахмурился, ощущив угрозу, которой не понимал и с которой раньше не встречался. Встревоженный, он сосредоточил внимание на короле, инстинктивно чувствуя, что нужно напрячь свою волю.

— Прикажи копать, господин король!

Вортиген наклонился вперед, так что королева не смогла его коснуться, тяжело кивнул и сказал:

— Пусть копают.

Принесли лопаты и под пристальным взглядом короля начали быстро копать. И вот со склонов холма ударила струя воды. Обнаружилась пещера с подземным бассейном.

Мирддин напряг силы. На этот раз требовалось не просто затуманить мозги своих сверстников. Нет, он должен был создать иллюзию, которую никогда не сможет забыть ни один из присутствующих.

С одной стороны бассейна вспыхнуло красное пламя, с другой — белое. Языки пламени тянулись навстречу друг к другу.

Мирддин удерживал иллюзию как мог долго, затем, разом, опустошенный, позволил огням исчезнуть. На лицах окружающих был написан страх. Кто-то торопливо разрезал путы на его руках.

Король повернулся к нему напряженное, побледневшее лицо.

— Это правда, правда, — повторял он.

Голос Мирддина прозвучал в тишине, опустившейся на холм:

— Твои дни приближаются к концу, высокий король. Знай, что с вечерней звездой появится Амброзиус!

ГЛАВА 4

— О тебе говорят как о пророке, мальчик.

Воин в красном плаще откинулся назад, открыв взору нагрудный панцирь старой римской работы. На нем был выгравирован бог в лавровом венке, сжимавший в руке пучок молний. Воин был приземистый, с замкнутым лицом, как будто он считал проявление эмоций непозволительной слабостью. И не только в его одежде чувствовался римлянин: о римском происхождении напоминала его обветренная смуглая кожа, коротко остриженные волосы, гладко выбритое лицо.

Вортиген был изгнан из города, где теперь расположился лагерь Амброзиуса.

Мирддин явственно ощутил целеустремленность этого человека. Это — настоящий вождь. Все, что говорили об Амброзиусе Аврелиане, оказалось правдой: он был последним из римлян со всеми их достоинствами и недостатками.

Это был предводитель, за которым идут люди, но не его искал Мирддин, не ему суждено было сплотить Британию в единую нацию.

Он был слишком римлянин, чтобы стать для многочисленных племен чем-то большим, чем удачливым военным предводителем.

— Господин, я горец и хорошо знаю эту землю.

Мальчик тщательно подбирал слова, он не мог сказать всей правды — Амброзиус не поверил бы ему.

— Я лишь сказал людям короля, что на этом холме нельзя ставить башню, потому что под землей скрывается источник.

— А эти драконы, красный и белый? Наши пленники клянутся, что видели их схватку, — быстро возразил Амброзиус. — Откуда они явились? Тоже из твоего ручья?

— Господин, люди видят то, что ожидают. Вода оказалась там, где я сказал, поэтому они готовы были увидеть и остальное. Драконы были лишь в их воображении. Белый дракон саксов поддерживал Вортигена, а красный дракон нашей земли терпел поражение.

* Он спокойно встретил пронзительный взгляд вождя.

— У меня нет практики в колдовстве, — произнес Амброзиус с выражением, которое невозможно было понять. — Колдовство оскорбляет богов и обманывает глупцов. Помни это, юный пророк! Хотя человек имеет право хвататься за любое оружие, чтобы спасти свою жизнь, потом ему лучше к этому оружию не возвращаться. Мы сражаемся открыто вот этим.

Он коснулся меча, лежавшего перед ним на столе.

— Магия ночи, зло колдовства — все это не для нас. И пусть трижды проклятая сакская девушка, покорившая короля, пробует эти штуки.

Мирдин слышал рассказы о том, что именно королева дала яд, которым отравили старшего сына Вортигена, тем самым положив начало восстания против короля.

— Господин, — ответил он, — я не колдун и прошу только позволения вернуться домой.

Ему показалось, что во взгляде Амброзиуса мелькнуло любопытство.

— В тебе течет кровь Найрена, благородного воина и верного человека. И возраст твой позволяет владеть оружием. Если хочешь, я возьму тебя в свое войско. Только больше никаких предсказаний, никакого обмана!

— Господин, ты оказываешь мне великую честь. — Мирдин поклонился. — Но я не воин. Моя служба будет иной.

— Какой еще иной? Разве ты бард и имеешь власть над словами? Мальчик, тебе нужно многие годы учиться, чтобы стать бардом. А я не король, чтобы посыпать к врагам оратора, а не войско. Я не назову тебя трусом: по всем данным ты был в смертельной опасности и вышел невредимым лишь благодаря разуму. Но наше время — это время борьбы с мечом в руках, и саксы не слушают слов, как мы бы хотели.

— Господин, ты говоришь о колдовстве, но во мне живет дар предсказания. Ты и это считаешь злом?

Амбродиус долго молчал, потом ответил более спокойным, рассудительным тоном:

— Нет, я не отрицаю, что в предсказаниях бывает истина. Но все равно они вредны. Если человек знает, что его ждет победа, он будет сражаться менее отчаянно. Если он знает о поражении, то тем более храбрость покинет его и он готов будет отказаться от битвы. Поэтому я не желаю знать, что ждет меня впереди, не советую обращаться к авгурам, как делали в легионах в прежние дни. Я думаю, ты прав, Мирддин из дома Найрена. Если ты хочешь служить мне так, я должен отказаться и тебе лучше уехать. Ты предсказал конец Вортигена и этим послужил нам, за это тебе спасибо! Мы будем сражаться за победу красного дракона, но без колдовства. Тебе же дадут лошадь, припасы и уезжай от нас поскорее.

Так Мирддин, увезенный с гор испуганным ошеломленным пленником, вернулся в клан, внешне оставаясь маленьким мальчиком, но повзрослев разумом и духом. Тот, кто взвывает, как он, к высшим силам, в одно мгновение переживает годы и перескакивает от детства к зрелости.

Мирддин не стал заезжать в дом клана, а направился прямо к пещере. Отпустив лошадь пасть на небольшой поляне перед склоном, в котором находилась пещера, он пробрался через расщелину и оказался перед зеркалом. Идя по пещере, он уловил мало заметные изменения, хотя, на первый взгляд, все осталось прежним: огоньки так же мелькали на машинах и как всегда на него смотрело собственное отражение.

Сила воли, поддерживавшая мальчика в пути, теперь покинула его. Он упал на скамью перед зеркалом, охваченный усталостью, опустошенный и неимеющий сил даже на то, чтобы думать о чем-либо.

Но беспокойство не оставляло его. Даже в этом потайном месте что-то было неладно.

Мирддин порылся в седельном мешке, отыскал кусок сухого хлеба и маленькую бутылку кислого вина. Жуя, Мирддин смотрел в зеркало и видел свое отражение: спутанные волосы, маленькое смуглое лицо, отличное от лиц окружающих. Шло ли это отличие от его небесного отца?

Среди множества изображений, которые показывало ему зеркало, он никогда не видел лиц других людей.

Хотя внутренности пещеры отражались в зеркале, мальчика

не оставляло ощущение, что он не один, словно в воздухе был разлит какой-то слабый запах.

Удовлетворив голод, Мирддин начал осматривать все закоулки пещеры и принюхиваться, словно охотничья собака. Никого не было. Возможно, чужак был здесь раньше.

Мирддин вновь сел на скамью перед зеркалом, обхватив голову руками, и некоторое время сидел так, погрузившись в мысли о будущем.

Послышался резкий звенящий звук, как будто ударили куском бронзы о другой металл. Мирддин поднял голову. Зеркало ожило, изображение мальчика исчезло с его поверхности. Его место занял знакомый клубящийся туман. Он ощущался, темнел...

Мирддин смотрел на незнакомую девушку. Она держалась напряженно и как будто к чему-то прислушивалась. За ней виднелась хорошо знакомая местность — склон с расщелиной, ведущей в пещеру.

Эта девушка была не из дома клана!

Тело у нее было стройное, еще без женских округостей, кожа бледная, цвета слоновой кости, а волосы черные. В этом черном облаке волос сверкали какие-то странные красноватые искры.

Лицо девушки было треугольное, скулы широкие, подбородок заостренный.

Мирддин внезапно понял, что у него такие же черты лица.

На ней было простое платье: в зеленом прямоугольнике прорезали дырку для головы, у талии платье перехвачено серебряной цепочкой, на ногах невысокие сапожки и никаких браслетов и ожерелий.

Рукой с длинными пальцами она убрала с лица волосы и посмотрела с зеркала прямо на Мирддина. Ему показалось, что она его видит, но в ее глазах ничего не отразилось.

Она казалась неуместной в этой пустынной местности, а все же в ней чувствовалась власть, как у дочери вождя.

Мирддин подвинулся ближе к зеркалу, чтобы лучше разглядеть изображение. Девушка странно привлекала его, больше, чем любая другая. Кто она? Как попала в горы? Гостит в доме клана? Но в эти дни, когда по дорогам бродят разбойники, девушки не покидают безопасных убежищ.

И тут послышался знакомый голос, источника которого Мирддин так и не установил:

— Это Нимье. Она — проклятие Мерлина. Она из рода других.

— Кто эти другие? — спросил Мирддин.

Голос зеркала по-прежнему звал его этим странным именем «Мерлин». Он уже привык к этому, но для себя всегда оставался Мирддином.

— Те, кто не хочет нового возрождения человечества, — ответил голос. — Слушай внимательно, Мерлин, потому что зло рядом и ты должен быть вооружен против него. Давным-давно, когда наш народ прилетел в этот мир, здесь возникла могучая нация. Наши знания мы щедро отдавали людям Земли, и человечество процветало. Дочери людей выходили замуж за рожденных небом. Дети, родившиеся от таких браков, были героями и владели древней силой. Мы не понимали тогда, что в людях есть и порок — склонность к насилию. Были и другие народы, подобно нам летавшие на межзвездных кораблях. Они не хотели, чтобы люди поднялись к величию и знаниям, поэтому тайно явились в ваш мир и использовали этот порок в своих целях. Последовали такие войны, о которых вы и понятия не имеете! Сражались молниями, взятыми с неба, переворачивали горы, превращали сушу в море, а море в землю. Многие из нас погибли в этих войнах, и те, кого мы учили, тоже погибли. Темные вернулись в небо, решив, что человек никогда не поднимется вновь, а останется зверем, необученным и не поддающимся обучению. Немногие из наших детей выжили и попытались сберечь знания. Но для этого нужны были машины, а они, подобные тем, что ты видишь в пещере, были уничтожены в войне. Металл невозможно было обрабатывать, и человек вернулся к орудиям из камня и кости. Те, кто начал свою жизнь в огромных городах, закончили ее в первобытных пещерах, вооруженные лишь теми знаниями, которые сохранились в их памяти. Мы не могли вернуться, потому что Темные контролировали межзвездные дороги и уничтожили бы нас, если бы обнаружили. Так проходили века. Однако для всего приходит время упадка, и наши враги ослабли, хотя мы тоже очень многое утратили. Но мы не забывали тех, кого оставили беспомощными в этом мире, и, собрав все, что у нас осталось, построили корабли, способные пересечь пространство космоса. Корабли были маленькие и не вмещали нас, но могли нести начальные элементы жизни. Если бы они достигли Земли, то их груз положил бы начало возрождению новой расы: мы отправили свои корабли с семенами жизни. Маяк, вызвавший один из наших кораблей, был очень стар, мощность его ограничена, и лишь по счастливой случайности он смог посадить корабль жизни. Так родился ты, Мерлин. На тебе лежит

важная задача помочь нам вернуться, а для этого нужен мир. Старый маяк мертв, но существует более мощный маяк. Если его привести в действие, он привлечет на Землю весь флот небесного народа. Это тоже твоя задача. Но тебя поджидает опасность! Точно так же, как и мы, сигнальные маяки оставили на Земле и Темные. И один из них ожил. Оттуда происходит Нимье. Она должна помешать тебе выполнить твою задачу. Будь осторожен, потому что в ней воплощено все коварство Темных! Она владеет силами, которые сравнимы с твоими. Сюда ее привлекла энергия этого места, но она не нашла то, что искала: наши защитные поля еще прочны. Она будет искать тебя, все, что ты сделаешь, она постараётся переделать, чтобы человек вновь не стал великим. Итак, у тебя две задачи. Первая — оживить Великий Маяк. Это трудно, потому что часть маяка давным-давно увезена за море, на Западный остров. Те, у кого сохранились остатки древних знаний, хотели использовать силу маяка, но не смогли. Вторая задача — выдвинуть вождя, который прекратит все распри и установит мир. Тогда мы сможем вернуться и снова работать с людьми. Вот что ты должен сделать, а Нимье постараётся тебе помешать. Будь осторожен, Мерлин, потому что ты — наша единственная надежда и остается все меньше времени на ее осуществление! Если ты не справишься, Темные окончательно завладеют твоим миром и человек будет жить звериной жизнью без солнца знаний.

Изображение Нимье исчезло, его сменила другая картина: огромные стоячие камни, поверх них лежат еще камни. Мирддин узнал это место — когда-то давно о нем рассказывал Лугейд.

Это сооружение было создано сказочным народом, населявшим остров до того, как из-за моря появился народ Мирддина. Оно было священным не только для своих забытых строителей, но и для тех, кто пришел им на смену. Обладавшие знаниями постигли здесь тайны движения звезд. И сейчас тут жили люди, стремившиеся к знаниям.

Мирддин верил, что именно сюда ушел после смерти Найрена Лугейд.

— Это Великий Маяк! — произнес голос.

Картина задрожала и исчезла. Мирддин понял, что остался один. Задача была разъяснена, предупреждение сделано.

У мальчика было над чем подумать. Как одному можно вернуть такой огромный камень с Западного острова? Кто сейчас, во время войны, когда страна расколота на части,

прислушается к его призыву? Да он и не может все рассказать. Мирддин понимал, что только такие, как Лугейд, поверят в его рассказ.

Мирддин не знал, имеет ли Лугейд какое-то влияние на королей и предводителей армии. Во всяком случае, Мирддин решил, что прежде всего он должен отправиться к Месту Солнца и отыскать там Лугейда.

Выработав план, мальчик лег между машинами, завернулся в плащ и уснул. Сон его был тревожным. Ему казалось, что он заперт в большом ящике, прочные стены из камня прозрачны, как горный ручей, и сквозь них он видит все происходящее.

Перед ящиком стояла Нимье и смеялась.

Руки ее двигались в знаке, отгоняющем колдовство. Он много раз видел этот жест в детстве. Мирддин знал, что он ее пленник, но ему было необходимо высвободиться, чтобы выполнить какую-то задачу. Он бился в прозрачные стены ящика, тело его покрылось синяками и кровоподтеками, но выбраться он не мог. Его все время преследовало ощущение какой-то страшной неудачи.

Картина изменилась. Перед ним был Лугейд.

Друид спал на постели из сухих листьев, покрытых оленевой шкурой. Мирддин склонился над ним, коснулся ладонью лба спящего и услышал свой собственный голос:

— Я приду.

При этих словах друид открыл глаза.

Он узнал Мирддина и заговорил. Губы его двигались, но Мирддин не слышал слов, как ни напрягал свой слух.

Внезапно клубы тумана разделили их. Лугейд отшатнулся, взмахнул руками, как бы отстраняя зло. Туман сгустился в фигуру.

Мирддин снова увидел смеющуюся Нимье и проснулся. Он был по-прежнему один. Молчание нарушал лишь гул машин.

Мирддин знал, что должен был идти к Месту Солнца, убедившись, что никто его не преследует.

Вначале нужно было раздобыть припасы и меч. Он не воин, но обращаться с оружием умел, а ему предстояло углубиться в спорную территорию, где одинокому страннику перережут горло из-за лошади или плаща.

Ведя лошадь, Мирддин спустился по склону холма и увидел страшную картину.

Тут гостили меч и огонь. Угли остывали, значит, прошло несколько дней. Борясь с тошнотой, он бродил среди развалин, обходя обожженные тела защитников крепости. По тому, что

женских тел было всего одно или два, Мирддин догадался, что женщин и детей увели в рабство.

Он нашел Юлию, все еще сжимавшую обломок копья. Умерла она, видимо, быстро, от удара мечом. Мирддин отнес погибших в чудом уцелевший сарай, где лежали мешки с зерном. Из них он сделал похоронный настил, уложив на них тела своих родичей. Юлию он положил последней.

Достав огниво, он поджег мешки: у него не было сил достойно похоронить мертвых, а оставлять их непогребенными он не хотел.

Мирддин отыскал немного заплесневелого хлеба, кусок подпорченного мышами сыра и бутылку, которую наполнил водой из ручья. Он уходил, не оглядываясь на поднявшееся позади него пламя.

Все, что знал Мирддин в прошлом, ушло.

Детство кончилось. Ему предстояло выполнить свое предназначение.

Было утро. На горизонте собирались грозовые облака. Мирддин старался глубоко дышать: во рту все еще чувствовался привкус дыма, а перед глазами стояла картина побоища.

Пошел дождь, и это природное явление было так естественно по сравнению с отвратительными деяниями людей!

Мирддин размышлял над рассказом зеркала. Неужели когда-то человек жил в мире и обладал огромными знаниями? Если это так,— а у него не было причин не верить,— он сделает все, чтобы вернуть золотой век!

В душе мальчика росла ненависть, но не к тем, кто разрушил дом его клана,— такова природа всех варваров. Нет, он ненавидел Темных, которые летают меж звездами, владеют неисчерпаемыми силами и при этом хотят, чтобы человек оставался грубым животным!

Что движет Темными? Ревность к тем, другим, помогавшим Земле? Или страх? Может, они видели в человечестве врага, как кошка или собака — враги с самого рождения?

Если это так, то какое качество в человеке вызывает такой сильный страх? Мирддин хотел бы спросить об этом зеркало и решил, что спросит, когда вернется.

А сейчас он должен отогнать такие мысли и сосредоточиться на будущем.

Помня предупреждение, мальчик старался избавиться от возможного преследования и держался в стороне от любых жилищ, останавливался в развалинах, давно покинутых людьми. Дважды он ночевал в руинах. Запасы пищи растягивал как мог.

В конце концов, он был горцем и ему удавалось иногда поймать кролика или сбить камнем утку.

Мясо он ел сырым, так как не осмеливался разводить костер.

Дважды Мирддин прятался вместе с лошадью в кустах, когда мимо проезжали какие-то люди. Возможно, это были рекруты Амброзиуса, но осторожность брала верх.

Наконец Мирддин выехал на равнину и увидел гигантские стоячие камни.

Он достиг Места Солнца.

ГЛАВА 5

Дождь стучал по крыше грубой хижины, но внутри горел огонь. Мирддин закутался в плащ, в руках он держал деревянную чашку с горячим супом из кролика, сваренного на травах. Дверью в хижину служила шкура, время от времени раскачиваемая ветром. Мирддин слишком устал, чтобы есть, хотя запах пищи возбуждал аппетит.

Лугейд не нарушал молчания. Он сидел, скрестив ноги, и чинил свое платье, ставшее из белого серым. Друид, занимавший некогда в доме клана почетное место, теперь был похож на обычного нищего.

Но в его голосе не было нищенских ноток, а глаза смотрели на Мирддина строго и проницательно.

— Поешь и спи,— сказал он.— Тут тебе ничего не угрожает.

— Откуда ты знаешь, что мне грозит опасность?

Мирддин сделал глоток из чашки.

— А откуда я знал, что ты идешь? — ответил вопросом Лугейд.— Боги дали мне способности и ум, чтобы пользоваться ими. Разве ты сам не предвидел нашу встречу?

Мирддин вспомнил свой сон и кивнул.

— Я видел сон...

Лугейд пожал плечами.

— Кто может сказать, что такое сон? Возможно, это сообщение, посланное и полученное.

Затем он медленно добавил:

— Я думаю, ты многое узнал, сын чужого.

— Я узнал...

Мирддин снова отхлебнул супа. Он хотел рассказать все, что произошло с ним в пещере, но что-то удерживало его.

Возможно, ни с кем на Земле он не сможет поделиться узнанным.

— Я узнал, что привело меня в это место. Меня здесь ждет задача.

Он надеялся, что сказал не слишком много.

— Это я тоже знаю. Но ты начнешь решать ее не сейчас. Пости после еды. Сон необходим каждому человеку.

Мирддин спал без сновидений на груде листьев, прикрытый шкурами. Проснувшись он увидел, что шкура, служившая дверью, откинута, дождь на улице кончился и светит солнце.

Через дверной проем Мирддин видел несколько стоявших камней. Они казались более странными, чем самые древние здания. Между двумя камнями виднелась фигура в белом.

Когда она приблизилась, Мирддин увидел, что это Лугейд. Борода его теперь была белей одежды и достигала пояса, длинные волосы касались плеч. Двигался друид не по-стариковски, скорее он шел уверенно, как человек средних лет.

В руках у него был мешок, из него торчали стебли каких-то растений. Мирддин догадался, что друид собирал лечебные травы.

Мальчик отбросил плащ, которым укрывался во сне. Утренний холод сменился приятным теплом. Мирддин с удовольствием потянулся и встал. Наклонив голову (выход был низким даже для его небольшого роста), он вышел из хижины.

— Доброе утро, хозяин,— приветствовал он друида.

Лугейд опустил мешок.

— Ты называешь меня хозяином, но ты и сам здесь хозяин. Ты чего-то хочешь?

Мирддин молчал.

Старик улыбнулся.

— Ты хочешь о чем-то спросить меня, но не знаешь, в каких словах это сделать. Не ищи красивых фраз, между нами не должно быть церемоний. Я дал тебе имя при рождении.

— Да,— согласился мальчик,— ты дал мне имя Мирддин. Я слышал, что некогда так называли бога здешних гор. Мне дали и другое имя — Мерлин.

— Мерлин...

Лугейд произнес это слово медленно, как бы проверяя каждый звук.

— В клане нет такого имени. Но если его дали тебе, то не без причины. Итак, Мерлин-Мирддин, о чем ты хочешь спросить меня?

— Как добиться, чтобы Амброзиус Римский выслушал меня?

На лице друида не отразилось удивление, он спокойно спросил:

— Зачем тебе внимание Амброзиуса? И почему бы тебе просто не пойти к нему?

Мирддин вначале ответил на второй вопрос, коротко рассказал о Вортигене, своем пророчестве и о встрече с Амброзиусом.

— Ты считаешь, что он не будет тебя слушать, поскольку ты колдун, так?

— Если древние знания — колдовство, то да. А его внимание мне нужно вот для чего: я должен вернуть в Место Солнца камень, увезенный на Западный остров. Его нужно положить в соответствующее место.

Лугейд медленно кивнул, еще не дослушав до конца.

— Я слышал об этом. Но Амброзиус привык иметь дело с предметами этого мира, которые можно увидеть, услышать, потрогать. Легенды не интересуют его. Впрочем...

— Ты знаешь, как добиться его внимания?

— Возможно. Римские императоры в древности воздвигали памятники в ознаменование побед. И этот камень принадлежит Британии, он у нас украден. Если Амброзиус выиграет большое сражение, от радости он может стать говорчивей.

— На это нужно время, удача и случай,— возразил мальчик.

— Юность всегда нетерпелива. Я долго жил, достаточно долго, чтобы понять: время должно быть твоим слугой, а не хозяином. Другого пути нет. Камень можно привезти сюда лишь с помощью воинов и корабля. Ты думаешь, жители Западного острова так просто отадут то, что считают своим законным трофеем?

Мирддин в нетерпении ходил взад и вперед. Он не очень верил в план друида: его успех слишком зависел от случайностей. Но несмотря на все знания, сообщенные ему зеркалом, он не видел другого выхода, кроме помощи Лугейда, так как знал, что встреча с Амброзиусом не принесет ему самому ничего хорошего.

Мальчик коснулся рукой высокого синеватого камня из внешнего круга.

Прикосновение каким-то образом передало ему представление о такой древности, что он ощущал благоговейный страх. На синеватой поверхности были рассыпаны маленькие желтые кристаллы размером с фасолину.

Мирддин не знал размеров камня, который ищет, но если он похож на этот, то и сотня людей не пошевелит его.

Сомнение заставило мальчика испытать свои силы.

Он осмотрелся. Другой камень упал и лежал в густой траве. Мирддин потянулся к нему. Посох даже из священного дуба не подойдет ему, орудием может послужить лишь металл, и притом не всякий.

Мирддин достал нож, подошел к упавшему камню и начал медленно, в определенном ритме постукивать по нему острием. Одновременно он издавал гортанные звуки, которые зеркало заставляло его произносить снова и снова, пока он не добился правильной тональности.

Быстрее и громче становилось постукивание. Горло Мирддина слегка болело от непривычного напряжения голосовых связок.

Вдруг он услышал другой голос — к нему присоединился Лугейд.

Стук-стук, рука движется быстро, еще быстрей, еще! Лицо Мирддина покрылось потом, рука устала, но он не поддавался телесной слабости.

Он был так поглощен своим занятием, что первое движение камня застало его почти врасплох. Камень шевелился в борозде, образовавшейся при его падении поколения назад, шевелился, как зверь, просыпающийся после долгой спячки.

Камень поднимался, но Мирддин не мог удержать его, и мегалит упал обратно в борозду. Тяжело дыша, Мирддин опустился на колени рядом с ним.

— Хорошо сделано, сын Неба!

Хотя в ушах у него звенело, он рассыпал Лугейда. Друид прислонился к камню с противоположной стороны, удивленно глядя на Мирддина.

— Но тебе нужно лучшее оружие, чем этот нож, — добавил друид. — Если у тебя хватит духа, ты его сможешь получить.

— Где?

— Из рук умерших.

Друид указал на низкие курганы за каменным кольцом.

— Это их работа. Когда они умирали, с ними хоронили их оружие, чтобы оно не попало в руки более слабых.

— Взять у мертвых!

Часть сознания Мирддина, принадлежавшая этому миру, ужаснулась от такой возможности. Мертвые ревниво хранят свои сокровища. Обычный член клана никогда бы не решился взять что-нибудь у мертвых.

— Если бы они были живы, они сами отдали бы оружие в твои руки, — возразил Лугейд. — Здесь лежат те, в ком тоже

была небесная кровь. Их никто не охраняет, и все же их оружие не может попасть в недостойные руки.

Мирддин, держась за камень, с трудом встал.

— Человек может потратить всю жизнь на поиски и ничего не найти в этих пещерах.

— Подобное стремится к подобному,— спокойно ответил Лугейд.— Смотри.

Он достал из-за пазухи маленький кожаный мешочек, потемневший от пота, как будто он носил его очень долго, развязал, и в руке у него оказался слиток металла, блестевший, как драгоценность.

— Возьми его, почувствуй,— приказал он.

Мирддин протянул руку, и друид опустил в нее слиток.

Мирддин поднес металл к глазам, потрогал его кончиком пальца. Это была явно не бронза и не чистое золото. По цвету похожий на бронзу, это был сплав, но каких именно металлов, он не мог догадаться. Слиток был цвета светлого серебра, но, хоть он был маленьким, на нем играла радуга цветов, меняясь с каждым движением.

— Это металл небесного народа,— пояснил Лугейд.— Он сохранился со временем катастрофы. Если в могилах есть что-нибудь принадлежащее строителям Места Солнца, то металл даст знать. Он действует как прут, при помощи которого ищут воду.

Лугейд оторвал край своей одежды и тщательно проверил прочность полоски. Затем завязал ею слиток металла и привязал ее к пальцам так, что металл свободно свисал.

— Начнем поиски,— сказал он.

Вместе они начали осматривать курганы, некоторые из которых напоминали по форме диски, другие — кольца с разорванными краями.

С вытянутой рукой Лугейд поднимался на каждый, следя за свисающим слитком.

К ночи Мирддин потерял надежду, что приспособление Лугейда поможет им отыскать небесное оружие. Но друид казался спокойным и уверенным.

— Если не сегодня,— сказал он, когда они вернулись в хижину,— так завтра...

— И послезавтра, и еще послезавтра,— угрюмо продолжил мальчик.

— Если будет необходимо,— кивнул Лугейд.— Мирддин-Мерлин, прежде всего тебе следует научиться терпению. Тебе его явно не хватает. Но это обычный недостаток молодости.

— Ты уже говорил,— заметил Мирддин.
Он подложил дров в костер.

— Я должен ждать внимания Амброзиуса, ждать, пока мы отыщем оружие, ждать...

— Я не спрашивал, зачем тебе это нужно. Но теперь спрошу: нужно ли торопиться?

Лугейд мешал в кotle варево из листьев.

— Я должен выполнить два задания,— ответил мальчик,— хотя и не знаю, почему они возложены на меня. Я не просил о рождении от Повелителей Неба.

Мирддин сидел на корточках и глядел на огонь.

— Мое рождение принесло мне только неприятности.

— От этого не свободно никакое рождение,— заметил Лугейд.— Если ты откажешься от дела своей жизни, что же ты будешь делать еще? Возьмешь меч воина? И умрешь, успев, быть может, оборвать несколько других жизней.

Мирддин вспомнил, каким он в последний раз видел дом клана. Таковы плоды войны, такова жизнь, на которую обречены люди, если не произойдет никаких изменений. Да, у него нет выбора! Он должен нести ношу, возложенную на него зеркалом.

— Я буду делать то, что должен,— тяжело вздохнув произнес он.— И если ожидание — часть моего дела, я вынесу его. Но меня предупредили...

Он подумал о том, сможет ли рассказать Лугейду все, сообщенное зеркалом.

— Существует некто...

Он понял, что может продолжать.

— Чья задача — помешать мне.

— Один из Темных,— согласился Лугейд.

Увидев улыбку Лугейда, Мирддин удивился. Многое ли знает друид?

— Здесь хранится кое-что из знаний древних.— Лугейд коснулся своего лба.— Принадлежащие к нам должны учиться двадцать лет. Эти знания никогда не записывались, но передавались устно от поколения к поколению. Темные некогда принесли гибель на Землю. Значит, у них тоже есть верные слуги? Знаешь ли ты, кто твой враг?

— Девушка.

Не закрывая глаза, Мирддин вдруг увидел напряженный, ищущий взгляд Нимье, ее прекрасными волосами шаловливо играл ветер.

Такой он увидел ее в зеркале.

— Я знаю лишь, что ее зовут Нимье, однако не знаю ни клана, ни племени,— добавил мальчик.

Лугейд покачал головой.

— Нимье — это имя Силы. В старину так звали водяную богиню. Я запомню.

Они ели молча, занятые своими мыслями, и так же молча легли спать. Но Мирдин чувствовал, что рядом друг, и ему было хорошо. Редко испытывал он подобное чувство, лишь в пещере у зеркала.

На рассвете они снова начали поиски.

На этот раз Мирдин был сосредоточен и спокоен: если ему необходимо терпение, то чем скорее он им овладеет, тем лучше.

Солнце стояло уже высоко, когда они поднялись на кольцевой курган чуть выше соседних. И тут слиток металла начал раскачиваться, блестя на солнце.

Лугейд рассмеялся:

— Разве я не говорил, что подобное стремится к подобному? Вот доказательство, мальчик!

Он топнул ногой по дерну, покрывающему курган.

— Под ним лежит то, что мы ищем!

Он положил слиток металла в карман, торопливо направился к хижине и вернулся с бронзовым топором.

— Настоящей лопаты у нас нет,— сказал он,— но этот топор и твой нож послужат нам.

С силой, удивительной для его возраста, Лугейд стал рыть дерн. Работа была тяжелая, и они по очереди рубили топором, убирая землю с помощью ножа и корзины. К закату они добрались до массивного камня, служившего крышей склепа. Лугейд расчистил его в поисках входного отверстия.

Солнце зашло, сгущались сумерки. Лугейд стоял в выкопанной ими траншее.

— Факел! Нельзя оставлять это на ночь!

Мирдин выпрямился, высыпал очередную корзину земли. В глубине души он знал, что друид прав: открытую могилу нельзя оставлять на ночь. Но все, что было в нем земного, человеческого, в ужасе содрогнулось при мысли о том, что придется в темноте вторгаться в могилу.

Он отложил в сторону неуклюжие орудия и заторопился мимо мегалитов к хижине.

Хорошо укрытые угли еще сохраняли огонь.

Мальчик сунул два факела в угли, потом взмахнул ими над головой, раздувая пламя.

Держа в руках факелы, он думал лишь о том, как бы побыстрее добраться до могилы.

Смутное ощущение тревоги накатило внезапно. Он пошел медленнее, оглядываясь по сторонам.

Придя к могиле, Мирддин воткнул факелы в землю. И при их свете увидел, что Лугейд в его отсутствие не терял времени даром: обнажились края откопанного ими камня и теперь друид углублялся под него, чтобы найти вход в склеп.

Ниже оказался другой камень, меньше и расположенный вертикально. Он поддался, хотя бронзовый топор при этом раскололся. Открылось отверстие. Миниатюрное телосложение Мирддина позволило ему заглянуть внутрь.

Лугейд светил ему факелом.

Внутри оказались различные предметы: кувшины, копья, что-то завернутое в ткань, распавшуюся от дуновений свежего воздуха. Все это не интересовало Мирддина. Он хотел увидеть блеск металла.

С большой осторожностью мальчик сунул руку в отверстие и нашупал там что-то холодное и прочное. Схватив это, он извлек наружу меч.

Клинок его был из того же сплава, что и сокровище Лугейда. Нетронутое временем, прямое и гладкое, оружие отразило свет факелов радугой отблесков. Большая тусклая жемчужина украшала витую рукоять.

Мирддин протянул меч друиду и начал торопливо забрасывать землей отверстие.

— Нужно спрятать, — сказал он, тяжело дыша. — Оттуда за нами следят.

Он кивнул в сторону, не поворачивая головы.

— Возьми это, мальчик, иди! — распорядился Лугейд. — Оставь мне свет. Я закопаю могилу. Этим рисковать нельзя!

Он отдал меч Мирддину. Мальчику хотелось завернуть лезвие в плащ: оно сверкало ярче факелов.

Держа оружие перед собой, он побежал к хижине. И так остро ощущал чье-то присутствие, что ежесекундно ожидал ожлика.

Может быть, это какой-нибудь бродячий горец или даже сакский разведчик. А этот меч настолько ценная добыча, что вполне может быть причиной нападения. В то же время Мирддин ощущал, что за ним следит необычный враг.

Убегая с факелами, он не опустил дверной занавес, и теперь огонь в хижине указывал ему путь.

Мирддин был в десяти шагах от двери, когда от ближайше-

го камня отделилась фигура и направилась к нему. Мальчик повернулся лицом к привидению. Рукоять меча удобно лежала в руке, как будто оружие было выковано специально для него.

Меч был длиннее римских мечей, которые он видел в войске Амбродиуса.

Он взмахнул оружием, с которого, казалось, сорвался язык пламени. Мирддин наконец понял, что значит быть воином, почувствовал яростное возбуждение битвы.

Не осознавая этого, он оскалил зубы и испустил низкий крик.

Но не ударил. Свет из двери хижины упал на приближающуюся фигуру, и он узнал ее.

— Нимье!

На этот раз он не только увидел, но и услышал ее смех.

— Мерлин!

В тоне, каким она произнесла его имя, звучала насмешка.

ГЛАВА 6

— Храбрый воин!

Насмешка девушки жалила, выводила из себя.

— Что ты теперь сделаешь? Ударишь меня мечом, как поступают разбойники в этих темных землях?

Мирддин опустил меч. Она заставила его почувствовать себя глупцом, ребенком.

Но он знал, кто она, и не должен был допустить, чтобы она взяла верх.

— Те, кто прячутся во тьме и подсматривают оттуда, — ответил он, — должны быть готовы к встрече с обнаженным клинком.

— Ты веришь, что металл победит меня, Мерлин? Ты все еще придерживаешься предрассудков твоего племени?

Глаза ее сверкали, как у кошки, в свете, падавшем из хижины. Она улыбалась.

— Лучше испытай-ка свои силы на таких!

Повернувшись, Нимье указала на камень, из-за которого вышла.

Из-за камня появились фигуры, рожденные кошмарным воображением. Но Мирддин знал, что на самом деле они не существуют. Он сам заставил короля и всех остальных видеть драконов. А теперь Нимье пытается запугать иллюзиями его. Мирддин пристально посмотрел на них, и они рассеялись, исчезли.

Нимье перестала улыбаться, лицо ее напряглось. Она зашипела, как змея или сердитая кошка.

— Ты думаешь, что узнал всю науку древних! — воскликнула она.— Глупец, ты потратишь годы и все еще будешь лишь в начале. Ты еще мальчик...

— А ты девочка,— парировал он.— Нет, я не говорю, что знаю много, но такие игрушки мне знакомы.

Она качнула головой так, что волосы ее разметались по плечам.

— Посмотри на меня,— приказала она.— Посмотри на меня, Мерлин!

Ее матовая кожа светилась собственным блеском, черты лица слегка изменились.

Красота окутала ее, как плащ. Неожиданно на голове у нее появился венок, аромат цветов коснулся ноздрей Мирддина.

Одежда ее исчезла, и его взору предстало все ее стройное тело.

— Мерлин...

Голос ее звучал низко и страстно, он многое обещал. Девушка нерешительно подошла ближе, как будто хотела коснуться его, но девичий страх помешал ей.

— Мерлин,— простонала она,— опусти свое оружие и иди ко мне. Я покажу тебе такое, что ты не видел и во сне. Я жду, иди!

Она протянула руки.

Впервые Мирддин ощутил себя мужчиной. Горячо зашевелились в душе неиспытанные чувства.

Запах цветов, очарование женского тела...

Он уже не так крепко сжимал рукоять меча. Все земное в нем хотело ее.

— Мерлин, тебя обманули,— шептала она.— Жизнь здесь, а не там. Тебя оградили от нее, лишили свободы. Иди ко мне, и ты узнаешь, что значит быть по-настоящему счастливым! Иди, Мерлин!

Она протянула руки, призывая его в свои объятия. Глаза ее были сонно тяжелы, рот изогнулся, ожидая поцелуев.

— Мерлин...

Страстный шепот обещал то, о чем он лишь смутно догадывался.

Спас его меч. Почти уронив его, Мирддин коснулся острием ноги и тут же почувствовал боль, нарушившую очарование.

Он произнес лишь одно слово:

— Ведьма!

Снова глаза Нимье блеснули. Цветущий венок исчез, на ней вновь оказалось зеленое платье. Она топнула ногой и протянула к нему когти, готовые рвать его тело.

— Глупец,— негромко воскликнула Нимье.— Ты сделал выбор и с этого часа начинаешь платить за него. Отныне между нами только война, и не думай, что я слабый враг! После каждой победы ты будешь встречаться со мной, и если сегодня мне не хватило сил, то помни, что будут еще дни... и ночи. Помни это, Мерлин!

И как пришла она из ночи, так и ушла в нее, смешавшись с тенями. Мирдин даже не мог сказать, куда она подевалась. Вместе с ней исчезло ощущение, что за ним следят.

Теперь он знал, что свободен, по крайней мере, на какое-то время, и облегченно вздохнул.

Но он все же подождал, прислушиваясь, призвав на помощь навыки, которым научило его Зеркало. Да, Нимье ушла. Ощущалась лишь древняя сила, свойственная Месту Солнца. Там, где люди поклялись всем сердцем, навсегда останется дыхание силы, может, уменьшающееся с течением времени, но никогда не исчезающее совсем.

Держа меч обеими руками, Мирдин вошел в хижину и разжег костер. Готовя еду, он держал меч наготове.

Он не боялся Нимье, не верил, что она может вызвать к жизни силы, с которыми он не справился бы. Теперь он решительно боролся с сохранившимся в памяти видением: матово-белая Нимье в ночи, с зовущим и сонным голосом. Он понял, что женщины не для него. Никакие узы не должны мешать ему выполнить задачу.

— Кто здесь был?

Мирдин очнулся от сумятицы мыслей, когда прозвучал вопрос. Лугейд стоял у входа, откинув занавес.

— Как ты?...— начал мальчик.

— Как я узнал? Благодаря силе, которую изучил! Враждебные силы проснулись этой ночью, но сейчас врагов нет.

Ноздри друида расширились, он слегка повернул голову, оглядываясь через плечо. Одежда его была в земле, руки исцарапаны, под ногти забилась грязь.

— Нимье была здесь,— сказал Мирдин.

— Какое злое известие! Она видела меч?

Мирдину было неловко, но, рассказав все друиду, он облегчил свою душу.

Лугейд кивнул.

— Что ж, если бы ты был старше... Нет, не думаю, чтобы

у нее вышло. Но будь осторожен. Она идет по твоему следу, и обмануть ее будет нелегко. У Темных своя сила, и умение обманывать людей — ее составная часть. Не думаю, чтобы ей легко удавались чары, пока у тебя в руках это.

Он указал на меч.

— Но время не ждет. Я не сознавал этого. Я сделаю то, о чем ты меня просил. Я поеду к Амбродзиусу.

Мирддин испытал внезапное облегчение.

Он знал, что опасно оставаться одному. Но в то же время чувствовал странную близость к камням, как будто они, прожив собственную жизнь, теперь делились с ним силой.

Эту ночь мальчик спал, прижимая к себе меч. Если девушка, приходившая из тьмы, пыталась навеять ему колдовские сны, ей это не удалось: он спал без сновидений.

Проснулся он не только отдохнувшим, но и уверенным, что нужное должно быть сделано.

Лугейд уехал на лошади, которую привел с гор Мирддин. Проводив его, мальчик отправился проверять ловушки, поставленные друидом. Ему повезло: в обеих была дичь.

Он поджарил мясо на прутке и с жадностью съел его.

Позже он изготовил грубые ножны, связав куски коры полосками, оторванными от плаща, и теперь постоянно носил меч с собой, даже ночью он клал чудесный клинок рядом.

Часами бродил он меж камней, время от времени касаясь их рукой и каждый раз ощущал подъем духа от таких прикосновений.

Впервые он начал объективно оценивать знания, полученные у зеркала. Многое из того, что оно сообщило, он не мог использовать, потому что металлические чудеса народа с небес больше нельзя было изготовить в его мире. Для этого требовалась специальные знания. Он понял, что усвоил лишь небольшую часть того, что было некогда привычно для его предков.

Мирддин мог вызывать иллюзии, как в случае с Вортигеном, и удерживать их короткое время; умел немного лечить, не только используя травы, но и мысленно видя источник болезни и возлагая руки на нужное место. Так он мог восстановить функции больных или поврежденных органов. Но это требовало, чтобы больной верил в свое выздоровление. А Мирддин сомневался, чтобы многие могли ему поверить. Слишком уж его лечение напоминало то, что люди называли колдовством.

Он получил способность, вслушиваясь в речь на чужом языке, улавливать мысли, рождающие слова, и понимать сказанное.

Он знал, как уменьшить вес. Один раз он уже применил эту способность к упавшему камню. Если понадобится, он использует свое умение в полную силу.

Бродя меж камней, Мирддин критически оценивал свое обучение. Возможно, он знает больше Лугейда, но его знания могли быть гораздо значительнее, если бы их раса не впала так глубоко в варварство. Он знал это и чувствовал нарастающее раздражение. Все равно что стоять у входа в сокровищницу и быть не в состоянии преодолеть невидимый барьер.

Единственное, что успокаивало его и внушало уверенность, это — камни и меч. Он часто думал, из какого же металла выковано оружие небесных народов?

Были ли небесные жители похожи на него, сына без отца? Зеркало показало ему много чудес, и он знал, что небесные люди не сражались так, как сражаются теперь: человек против человека, лицом к лицу.

Они повелевали громами и молниями и поражали ими на расстоянии. Мальчик по-настоящему заболел, когда зеркало показало ему картину битв, во время которых весь мир пыпал, пораженный до самого сердца. Вскипали моря, горы вздымались и опадали с легкостью, с какой сам Мирддин мог швырнуть кусок земли.

Мальчик хотел испытать силу меча и слов и поднять один из упавших камней, но осторожность не позволяла ему провести такое испытание, и поэтому с терпением, которое вырабатывал в себе, он ждал возвращения Лугейда.

Была весна, хотя он утратил точный счет дням. Трава у камней позеленела, свежие листочки раздвигали пожелтевшие, убитые морозом, распускались цветы, пели птицы. Дважды видел он, как лис с лисицей играли меж камней. В нем самом нарастало какое-то беспокойство, которое он пытался подавить. Дважды во сне он видел Нимье и, проснувшись, чувствовал стыд. И все время он смотрел на тропу, по которой уехал Лугейд.

Мирддин начал считать дни, укладывая камешки в линию у двери. Друид вернулся, когда он положил пятнадцатый камень. С ним приехали шесть копьеносцев. Воины не подъехали близко, они беспокойно поглядывали на камни.

Лугейд облегченно вздохнул, слезая с коня. Он поднял руку, приветствуя подбежавшего Мирддина.

— Все хорошо? — спросил Мирддин.

Лицо друида было мрачно, и Мирддин остановился, неуверенно посмотрев на всадников, которые не шевелились. Было

похоже, что они с радостью при первой же возможности ускакут отсюда.

— Только отчасти,— ответил друид.— Амброзиус мертв. Мирддин застыл.

— Как он погиб? В битве?

— Нет. Он умер из-за заморской волчицы, хотя она и протянула к нему руку из могилы. Она и высокий король погибли в пламени лишь на день раньше. Но смерть, посланная мною, настигла Амброзиуса руками ее служанок. Правду узнали слишком поздно.

«Лучше бы он погиб в битве,— подумал Мирддин.— Амброзиус не заслужил такого конца».

— Мир ему,— негромко сказал мальчик.— Мы такого больше не увидим.

Какое-то воспоминание проснулось в нем, но оно было преждевременным и тут же ушло.

— Да, он был герой. И как герой, он будет лежать здесь! Лугейд указал на Место Солнца.

— Сводный брат Амброзиуса теперь возглавляет войско. Я говорил с Утером, которого люди называют Пендрагоном. Он следует старым обычаям и хочет, чтобы Королевский камень был отобран у заморских варваров и привезен назад, в Британию. Он станет надгробным камнем на могиле Амброзиуса.

Странны прихоти судьбы! Хоть велико было желание Мирддина выполнить наказ зеркала, он все же хотел, чтобы не смерть стала тому подмогой. Он смутно помнил Утера: высокого молодого человека с рыже-золотистыми волосами, по старому обычанию достигавшими плеч, с розовым смешливым лицом. В этом лице не чувствовалась сила, жившая в смуглом, гладко выбритом лице Амброзиуса.

— Король отправил к берегу отряд. Там ждет корабль. Возможно, камень придется выкупить кровью,— продолжал друид.

Мирддин медленно покачал головой:

— Я не хотел бы силой отбирать...

Но он знал, что сделает все, чтобы добыть Королевский камень.

В пути Лугейд рассказал ему о новом правителе.

Амброзиус никогда не пользовался королевским титулом, довольствуясь присвоенным ему заморским императором званием герцога Британского. Но теперь, после смерти Вортигена и исчезновения его войска, Утер готов был протянуть руку к королевской короне, и никто не помешал бы ему в этом.

— Племена поддерживают его,— заметил Лугейд,— счи-

тают его своим, а не римлянином, и те, кто шел за его братом, вынуждены идти за ним, он теперь их единственная надежда. Саксы получили такой удар, что теперь долго не оправятся. Впрочем, я думаю, люди Пендрагона недолго будут отдыхать и их мечи не заржавеют в ножнах. Утер обладает всеми достоинствами, а также и недостатками племен. Он могучий воин, и люди пойдут за ним, как всегда идут за героями. Но у него есть и серьезные недостатки. Мне кажется, что ему не хватает целеустремленности и рвения брата. Амброзиус знал единственное дело в жизни: восстановление безопасного правления в Британии, хотя он ошибался, думая, что оно придет от римлян. Время заморских императоров кончилось. Мы ведем собственное сражение и не хотим видеть на своих дорогах марширующих римских орлов.

— Ты нашел пороки в Утере? — спросил его Мирдин.

Они ехали поодаль от эскорта, воины с готовностью оставили их наедине, не стремясь общаться с друидом и его товарищем.

— Не больше, чем в каждом человеке, слишком склонном следовать своим желаниям. Сейчас желание Утера — обеспечить себе мирное правление — служит доброй цели. Но в будущем...

Лугейд пожал плечами.

— Я не пытаюсь слишком далеко заглядывать в будущее: довольно того, что он дал тебе, сын Неба, возможность осуществить твою задачу.

Мирдин был уверен, что на самом деле Лугейд глубоко встревожен и что-то скрывает, но не выпытывал, что именно. Как сказал друид, пока достаточно того, что Утер дал им возможность овладеть Королевским камнем.

Попутный ветер перенес их корабль через пролив на Западный остров. Здесь они высадились в небольшой бухте, не встретив ни одного человека. Первый день они шли как по пустыне, хотя воины были настороже и посыпали вперед разведчиков. Война — их профессия, и они хорошо знали ее.

На второй день прискакал разведчик и сообщил, что обнаружил засаду в узкой долине. Его бдительность спасла их. Воины спешились и, укрываясь, обошли лощину.

Сидевшие в засаде не ожидали нападения с тыла, и битва превратилась в кровавую бойню.

Мирдин и Лугейд занимались ранеными, когда привели знатного пленника.

Он держал голову высоко поднятой, хотя на его лице зияла огромная рана, а правая рука была сломана.

— Перевяжите его. Он должен выжить,— приказал командир их отряда.— Это Гилломан — правитель территории, где находится Королевский камень. С ним мы можем начать переговоры.

Юный вождь, услышав это, плеснул на землю им под ноги и попытался рассмеяться, хотя ему и мешала рана на лице.

— Разве вы великаны? — спросил он.— Вы не похожи на великанов и ничем не отличаетесь от моих людей. Вам не удастся увезти Королевский камень.

— Поживем — увидим,— ответил Мирддин.— А сейчас нужно заняться твоей раной.

Вначале вождь сопротивлялся, хотя они желали ему добра. Но наконец он сдался. Лугейд выпрямил кость на руке, наложил деревянные планки и плотно перевязал их. Мирддин положил на лицо вождя компресс из трав и руками попытался соединить края раны, как учило его зеркало.

Пленник недоверчиво взглянул на Мирддина и сказал:

— Кто ты такой? Мне больше не больно. Твои руки — руки целителя.

— В этом мой дар, как твой дар — в умении руководить битвой, король. Я не желаю тебе зла. Слушай мое предложение. Если я сумею сдвинуть с места камень и поднять его лишь своими руками и звуком голоса, поклянешься ли ты, что твои люди мирно пропустят нас с камнем в Британию?

Гилломан снова рассмеялся.

— Ни один человек не сможет этого сделать! Если это не шутка с твоей стороны, я даю слово чести. Подними камень силой рук и голоса, и я уведу своих воинов. Они дадут вам свободный проход. Но если ты не сможешь, будьте готовы к нашему нападению.

— Хорошо,— ответил Мирддин.

И вот они ехали по стране, а по обе стороны собирались люди Гилломана, готовые уничтожить их, если Мирддин потерпит поражение.

Наступил день, когда он в одиночестве стоял перед дюжиной камней. Часть из них лежала, другие стояли. Без колебаний он подошел к камню средних размеров, на котором был вырезан знак, так хорошо известный ему — спираль небесного народа.

Он извлек меч из ножен. Солнце отразилось в нем радугой. Мирддин услышал удивленный ропот окружающих. Потом он начал медленно постукивать, приговаривая. На этот раз ему было гораздо легче произносить необычные слова-звуки. Быс-

трое становилось постукивание, громче издаваемые звуки. Радужное сияние освещало руку, державшую меч.

Удары металла о камень звучали почти непрерывно. Мирддин ударял так быстро, что трудно было уловить паузу, когда он поднимал меч. Его голос сливался со звоном металла, и эти звуки уже нельзя было разделить.

Камень двинулся и начал подниматься со своей земляной постели. Мирддин не останавливался, ритм его ударов стал еще яростнее и пение — еще громче.

Мирддин стал очень медленно поворачиваться, камень поворачивался за ним. И вот он уже стоит поперек траншеи. Мирддин сделал шаг, другой, камень — за ним. Мирддин ничего не видел, кроме сверкания меча. Отгоняя усталость, напрягая волю, он продолжал свое дело.

Мирддин медленно шел, а камень, поддерживаемый колебаниями, о которых говорило зеркало, двигался по воздуху за ним. Мирддин миновал остальные камни и чуть спустился по склону.

Тут он опустил меч и камень сразу лег на землю. Замолкло хриплое напряженное пение. Мирддин взглянул туда, где стоял Гилломан.

Лицо юного вождя было почти полностью забинтовано, виднелись лишь глаза, широкие и полные благоговейного страха.

Вождь поднял руку в приветствии.

— Ты сделал то, что могут сделать только благородные герои! Как я обещал, так и будет. Поскольку Королевский камень ответил на твой приказ, ты можешь увезти его. Я не знаю источника твоего колдовства, но хочу, чтобы оно было подальше от моей земли. Трудно жить под угрозой такой силы!

Так Мирддин добыл Королевский камень без дальнейшего кровопролития и вернул его в Британию. Камень воздвигли во славу Амброзиуса, но Мирддин знал, что у камня есть и другая цель.

Эту цель откроет будущее.

ГЛАВА 7

Утер Пендрагон стал высоким королем, и в Британии наступил мир. Мирддин жил в Месте Солнца. Хотя Королевский камень и стоял на месте, Мирддин знал, что он свою задачу еще не выполнил, потому что Утер, как и его предшественник Амброзиус, был не тем королем, которого он искал.

Лугейд оказался прав. Утер был доблестным воином, но имел и свои недостатки.

Скорый на гнев, он не умел контролировать себя так, как это умел Амброзиус. Красивый, горячий, он легко следовал своим желаниям.

И вот однажды утром он приехал к Мирддину в Место Солнца.

Он отослал сопровождающих и теперь удивленно разглядывал юношу.

— Тебя называют Мирддином? — спросил он резко, как будто не веря себе.

— Да.

— Но ты совсем молод. Как ты можешь быть пророком и двигать скалы своей волей и ударами меча? Кто ты на самом деле?

— Мне говорили, что я сын нечеловека, — ответил Мирддин. — Что касается моих способностей, то они даны мне с определенными целями. И первая из них — чтобы Королевский камень вернулся на свое место ради блага этой земли.

Утер уперся руками в бока, подбородок его был вздернут, как будто он собирался бросить вызов.

— Кто ты такой, чтобы решать, в чем благо Британии. Ты даже не окровавил меч у нее на службе, если только правдивы слухи о тебе.

Он кивком указал на меч в ножнах из коры, висевший на поясе у Мирддина.

— Меч не мой, господин. Я лишь временный его хранитель. И мои способности не для войн.

— Я слышал, что ты пророк. Если это правда, скажи, победит ли Пендрагон?

— Победит. Но белый дракон будет возвращаться снова и снова. Господин король, собери эту землю в единое королевство, если хочешь править по-настоящему.

Утер кивнул.

— Для этого не нужен дар пророчества, юноша. Каждый знает, что это необходимо. Скажи мне что-нибудь, чего я не могу предвидеть сам. Тогда я возьму тебя под свою защиту, дам тебе почетное место в своей свите.

Мирддин покачал головой.

— Господин король, двор и почет, которые ты предлагаешь, не для меня. Твой брат предложил мне однажды вступить в его войско, но как пророку мне не оказалось места среди его подданных. Если ты будешь слушать мои советы, твои люди

будут недовольны. Мне лучше быть подальше от твоего дворца. Ты просишь о пророчестве. Вот оно. У тебя родится наследник, но рождение его будет тайным. Это будет повелитель, какого наша земля не знала со времен императора Максима. Имя его будут помнить поколения. Если он выполнит то, к чему призван, эта земля будет благословенна превыше всех стран в мире!

— У многих есть сыновья,— ответил Утер,— кто сменит меня, сейчас не важно. Да я и не узнаю, прав ли ты или солгал. Если хочешь показать свое волшебство, скажи еще что-нибудь, колдун.

— Господин король, ты ожидаешь, что я вызову гром с ясного неба или превращу твою свиту в свору собак? Я имею дело не с тем, что ты называешь колдовством, а с древней мудростью. Я могу сказать, что до конца следующего года я тебе понадоблюсь. Когда наступит этот момент, пусть твой вестник идет к месту, где стоял дом клана Найрена, и разожжет на развалинах костер. Я отвечу на твой призыв.

Утер рассмеялся.

— Я не знаю, зачем ты можешь мне понадобиться. Мне кажется, силы твои незначительны. Ты можешь лишь создавать иллюзии и заставлять видеть людей то, чего нет. Ты прав: мои люди не верят тебе и тебе лучше быть подальше. Не знаю, каким ты станешь, когда повзрослеешь, но я не думаю, чтобы мы могли иметь дело друг с другом.

Он запахнул плащ и ушел. Мирддин смотрел, как он уходит, и внезапно увидел мгновенную перемену. Высокий человек в алом плаще, с великолепным вооружением вдруг оказался сгорбленным и сморщенным, лицо его посинело, сильные мускулистые ноги превратились в тощие кости. Смерть глядела через его плечо. Мирддин понял, что не смерть ожидает Утера, а предательство и медленный упадок. Он хотел предупредить короля, но знал, что слова его окажутся напрасными.

Мирддин вздохнул, думая о своем опасном и часто бесполезном даре. Лучше бы его не было. Он видит в лице человека его смерть и не может сказать ему об этом.

Мирддин положил руку на Королевский камень, еще раз подивившись, какая сила удерживает его здесь и заставляет выполнять поручение небесного народа. Зеркало объяснило ему, что камень — это маяк, но как он действует, Мирддин не знал. Он чувствовал только скрытую в нем огромную энергию, как и в других камнях этого места.

В хижине его ждал Лугейд. Друид уже собрал немногочисленные пожитки Мирддина, привел и оседлал его коня.

— Ты должен уехать.

Эта неожиданность поразила юношу.

— Почему?

— Ищущие добрались до этого места. Ты сделал то, чему противились Темные, и теперь они хотят убить тебя, чтобы ты не мог еще чем-нибудь повредить им. Прошлой ночью в кругу танцевали Теневые Танцоры. Но ни у одного из них не нашлось достаточно сил, чтобы обрести себе тело. Но я думаю, что если ты задержишься здесь дольше, то они вернутся. С каждым возвращением они будут становиться все сильнее, пока не станут серьезной угрозой для твоего мозга и тела. Я не спрашивал тебя об источниках твоей силы. Да ты и не должен мне рассказывать. Но предупреждаю тебя, Мирддин: возвращайся к этому месту и возобновляй тут свои силы. Те, кто учил тебя, должны и смогут, я надеюсь, защитить тебя от Темных.

— Идем со мной! — попросил Мирддин.

Друид покачал головой.

— Каждому свое. Твои знания должен использовать только ты, ты для этого рожден. Я же останусь здесь.

— А Теневые Танцоры?

Мирддин взглянул на ряды стоящих камней. При свете солнца от каждого из них тянулась тень, но в них не ощущалось угрозы. Мирддин знал, что Лугейд говорит о тех призраках, которыми его хотела запугать Нимье в ночь их встречи.

— Я для них неинтересен, они посланы за другой добычей.

Мирддин подумал об одиночестве в пещере.

Совсем близко от него будут руины дома клана.

— Ты нужен мне, — сказал он. — Мне трудно будет жить в горах с дикими зверями.

— В тебе говорит страх, — строго ответил Лугейд. — Каждый человек идет в жизни своей дорогой, лишь изредка он может встретить другого. Ты должен привыкнуть к своему одиночеству в этом мире.

Мирддин уехал от Места Солнца, оставив позади недавно привезенный камень и знал, что впереди у него одиночество — судьба тех, кто владеет древней силой.

Пустынными тропами вернулся он на горный склон, где была ведущая в пещеру расщелина.

На этот раз ему было гораздо труднее притиснуться в щель: он сильно вырос.

Наконец он пробрался во внутреннее помещение, где по-прежнему гудели и щелкали установки. Устав физически и духовно, он сел перед зеркалом.

— Ты вернулся,— прозвучал голос.

Он был такой же монотонный, как всегда.

— Маяк теперь на месте. До сих пор ты выполнял все, для чего родился.

Мирддин не знал, откуда зеркалу известно о его успехе. Может, оно читало его мысли? Это предположение ему не понравилось. Неужели он лишь слуга чужаков? Раб, которому не позволены собственные желания или действия? Тогда злополучно его рождение! Человек не может рождаться для судьбы, которую не может изменить.

— Дело сделано,— ответил он без выражения.

— Отдыхай и жди,— послышалось в ответ.

Мирддину вновь показалось, что он освободился от какого-то принуждения, которого раньше не сознавал. Он заморгал и потянулся, как бы проснувшись от долгого сна, потом вышел из пещеры, глубоко дыша горным воздухом.

Он не вернулся в разрушенный дом клана.

В горах он построил себе хижину из камня и ветвей. Приближалась середина лета, и Мирддин принялся готовить запасы на зиму. Он собирал травы и коренья. Однажды он отыскал одичавшую корову, убил ее и запас мяса впрок.

Когда вороны слетелись на шкуру, которую он забросил на куст, дикая кошка явилась оспаривать у них добычу.

Вороны испускали боевые клики. Мирддин дождался, пока шкура не была очищена от мяса, потом выскреб и обработал ее, как мог. Впоследствии внутренности всех животных, которых ему удалось убить, он оставлял для своих крылатых и пушистых соседей.

Это была трудная жизнь, лишенная даже тех скромных удобств, какие давал ему дом клана. Мирддин похудел, вырос, кожа его потемнела на солнце. Наступил день, когда он хорошо заточенным ножом впервые выбрил подбородок и одновременно подрезал сильно отросшие усы.

Одежда стала ему мала, и он сшил новую из грубо обработанных шкур. Самые толстые части их пошли на изготовление обуви.

Короткое лето приближалось к концу, нужно было готовиться к холодам. Каждое утро Мирддин поднимался на камень, откуда были видны развалины дома клана. Он находился слишком далеко, чтобы видеть подробности, но каждый раз убеждался, что сигнала Утера еще нет.

Почти неохотно он навешивал зеркало, но голос редко заговаривал с ним, большинство его вопросов оставалось без ответа.

Однажды он нашел запутавшегося в кустах ворона. Освободив его и не обращая внимания на удары клюва, Мирддин увидел, что у птицы сломана лапка, и начал ее лечить.

Когда лапка зажила, ворон не захотел улетать. Он часто сидел на бревне, которое Мирддин прикатил к хижине и использовал в качестве рабочего стола. Здесь он плел ивовые корзины, в которых хранил зерно дикой ржи.

Мирддин назвал птицу Вран и удивился, когда ворон, приняв предложенную ему пищу, ответил на резкие крики, которыми Мирддин подражал птице. Утром, когда Мирддин выходил из хижины, Вран подлетал к нему, садился на плечо и негромко кричал, как будто рассказывал что-то на незнакомом языке.

Зима была суровой, и в дни самых сильных бурь Мирддин уходил в пещеру с зеркалом. Щель ему пришлось расширить, иначе он не протиснулся бы в нее. Вран исчез, очевидно отыскав себе убежище, и Мирдину не хватало его общества.

Юноша не приближался к зеркалу, чувствуя, что сейчас не время использовать механизмы со звезд. На многих из них огоньки уже не загорались. Мирддин иногда со страхом думал, что зеркало по-своему стареет и сила его ослабевает.

Трудно было следить за временем. Мирддин пытался вести календарь, выкладывая камни, но буря разбросала их, а Мирддин не помнил их точного количества и отказался от попытки вести счет дням. Иногда целыми днями он ничего не ел и проводил долгие часы в состоянии похожем на летаргию.

По крайней мере никто не тревожил его в горах. Со временем своего возвращения он не видел ни одного человека, и присущая ему интуиция не предупреждала о присутствии других, как это было при встрече с Нимье.

Он гадал, куда она девалась и что делает. Иногда ему начинало казаться, что нужно выследить ее, как она в свое время выследила его. Но когда он спросил об этом у зеркала, последовал быстрый и решительный ответ:

— Не приближайся к тем, кто служит другим. Они приведут тебя к битве, а время еще не настало.

Мирддин хотел уже отойти, когда снова послышался голос:

— Наступает время выполнения второй задачи. Слушай. Должен родиться ребенок так, как родился ты, нашей крови, бесспорочный. Но все люди должны верить, что зачал его великий король. Когда Утер попросит твоей помощи в этом деле, используй данные тебе силы. Пусть король поверит, что был близок с избранной им женщиной и наслаждался ночью ее любовью. Пусть и женщина поверит, что она принимала своего

мужа. В ее комнате ты должен оставить ее одну и открыть окно. Когда родится ее ребенок, ты должен забрать его, сказав королю, что ребенок в опасности: многие не хотят, чтобы у короля был законный наследник. Ты отвезешь ребенка на север, к лорду Эктору, который воспитает его как преемника. Пусть лорд Эктор считает, что ты усыновил ребенка. Он принадлежит к древней расе, и ты покажешь ему опознавательный знак. В его жилах течет наша кровь, а подобное ищет подобное. Будь готов выполнить это, когда появится королевский посланец. В этом ребенке — надежда вашей земли, а также и наша надежда. Лишь когда воцарится король нашей крови, наступит мир и мы сможем вернуться.

— Когда же это произойдет? — осмелился спросить Мирддин.

— С приходом весны. Учись ежедневно создавать иллюзии, пока не сможешь пользоваться ими так же легко, как опытный воин владеет мечом. Лишь при помощи этого оружия ты сможешь выполнить задачу.

Так Мирддин очнулся от сонной бездеятельности, когда незаметно проходили дни, не отличаясь друг от друга. Он проверял свои силы, как борец разминает мышцы перед схваткой.

Мирддин создавал свои иллюзии на ближайшем холме, добиваясь максимального жизненного правдоподобия. Однажды он вздвинул вход в пещеру темный зловещий лес. На другой день он уничтожил лес и заменил его лугом, на котором под легким ветерком покачивались летние цветы. Затем он начал создавать людей. К нему шел Найрен, плащ его раздувался ветром, бронзовая цепь свисала поверх кожаного камзола, ярко сияя. Подходя, он улыбнулся и поднял руку в дружеском приветствии.

Труднее всего было преодолеть стремление удержать эти иллюзии, не пытаясь превратить их в живых людей. Мирддин уставал больше, чем тогда, когда поднимал Королевский камень.

Но чем больше он упражнялся, тем реальнее и правдоподобнее становились его иллюзии. Правда, он не был уверен, что для других они будут такими же жизненными, как для него.

Тогда он использовал Врана, который вернулся с наступлением весны. Мирддин создал иллюзию освежеванной овцы, и ворон с резким криком пытался рвать ее мясо. Но когда овца вдруг превратилась в куст, он испуганно улетел.

Так ежедневно Мирддин упражнялся в создании иллюзий, пока однажды утром, взобравшись на свой наблюдательный пост, не увидел столб дыма над разрушенным домом клана.

Захватив лишь меч в кожаных ножнах, он быстро прошел по еле заметной тропе, и сквозь брешь в стене увидел стоявших у костра людей. Одного из них он узнал. Это был Кредок, друдинник Утера. То, что именно он был послан за Мирддином, свидетельствовало о том, что желание короля видеть его было велико.

Мирддин понял, что наступило время, о котором его предупреждал голос зеркала.

Он знал, что этим богато одетым людям он кажется нищим, диким бродягой или каким-то существом из горских легенд. Но шел он гордо, зная, что лишь он может выполнить желание короля, даже если для этого придется прибегнуть к обману.

— Ты Мирддин?

В голосе Кредока слышалось явное отвращение.

— Да. И высокому королю нужна моя служба,— спокойно ответил Мирддин.— Жизнь в горах, мой господин, нелегка!

— Оно и видно!

Кредок не насмехался в открытую, но глаза выдавали его. Впрочем, Мирддину было все равно.

При въезде в город короля ему дали новую одежду. Годы войны, сакские рейды увеличили число руин в этом некогда богатом городе. Но некоторые здания восстановили и аккуратно отштукатурили, а внутри создавалось даже впечатление великолепия, так как роскошные занавеси скрывали повреждения.

Мирддина отвели во внутреннее помещение.

На кровати сидел Утер. Он как будто только что проснулся, хотя утро уже давно наступило.

— Здравствуй, пророк.

Утер напился из серебряной чаши и передал ее ждущему юноше, знаком приказал снова наполнить ее заморским вином.

— Ты говорил правду в день нашей последней встречи. Мне действительно нужна твоя помощь. Если ты послужишь мне, можешь сам назначить награду. Убирайтесь все отсюда! — приказал он собравшимся.— Я буду говорить с пророком наедине.

— Господин король, он опасный колдун,— возразил Кредок.

— Неважно. Пока его колдовство приносит пользу этой земле. Не очень значительную, конечно, но, по крайней мере, колдовство еще никому не повредило. А теперь оставьте меня!

Они повиновались с видимой неохотой.

Король ждал, пока они выйдут, потом заговорил чуть слышно, так чтобы голос его не был слышен за стенами.

— Мирддин, ты имеешь дело с иллюзиями. Ты говорил мне, что люди видят то, что хотят видеть. Женщины тоже подвластны иллюзиям?

— Да, господин король.

Утер кивнул. Небольшими глотками он отпивал вино.

— Тогда я хочу, чтобы ты сотворил иллюзию для меня, пророк. Недавно я короновался здесь перед войском и своими приверженцами. Не последний из них — герцог Глорис из Корнуолла. Он пожилой человек, достаточно крепкий, чтобы ответить на призыв боевого рога, но недостаточно, чтобы удовлетворить молодую жену. Его жена леди Игрена по возрасту годится ему в дочери. Прекраснее этой леди я никого не видел, хотя обладал многими женщинами и все они приходили ко мне добровольно. Когда я попытался заговорить с ней, она не ответила, но рассказала об этом своему лорду. Он очень невежливо, не попрощавшись уехал со двора, опозорив мой дом.

Лицо Утера вспыхнуло, и он продолжал говорить с гневно сжатыми губами.

— Ни один человек не может так оскорбить короля, чтобы остальные не болтали об этом украдкой. Я уже послал отряд в Корнуолл, чтобы это стало ясно герцогу Глорису. Но его леди — это другое дело! Я буду держать ее в своих объятиях и она узнает, как может любить короля! Герцога выманили из крепости, но леди там в безопасности, как он считает. Скажи, пророк, смогу ли я проникнуть к ней в будуар или она сама попадет ко мне в спальню?

— Ты говоришь об иллюзиях, господин король. Можно создать иллюзию настолько сильную, — по крайней мере, на одну ночь, — что леди будет считать, что к ней вернулся муж. Но это будет лишь внешность герцога...

Утер громко расхохотался. Мирддин видел, что король уже изрядно опьянел.

— Прекрасная шутка, пророк! Она доставит мне удовольствие. Ты клянешься, что это можно сделать?

— На короткое время, господин король. И нужно быть близко к крепости герцога.

— Неважно! — Утер махнул рукой. — В моих конюшнях лучшие кони. Если понадобится, мы загоним их насмерть.

Все было сделано по приказу короля. Они ехали всю ночь при свете луны.

Мирддин не рассуждал, добрый или злой поступок он готовится совершить. Его интересовали лишь последствия. Бу-

дет рожден еще один сын Неба, подобный ему, полуизгнанику в этом мире, и отныне Мирддин не будет так одинок.

Когда родится ребенок и будет отвезен к Эктору, он сам освободится. Мирддин так яростно жаждал этой свободы, как раб стремится избавиться от цепей.

Через три дня они подъехали к крепости у моря и укрылись в роще. Мирддин один пошел вперед, чтобы взглянуть на крепость, в которую хотел проникнуть Утер, и стал готовиться к созданию самой главной своей иллюзии.

ГЛАВА 8

Ночь была необычайно холодной для конца Белтайна. С моря дул резкий ветер. Даже сквозь толстые стены крепости Мирддин слышал удары волн. Сам он мучился от насморка и не чувствовал уверенности в своих силах.

Утер и его люди спали в укрытии. Было легко подмешать порошок сонной травы в единственную бутыль с вересковым медом: резкий вкус напитка отбивал привкус зелья. Со всем искусством, полученным от зеркала, Мирддин поместил в мозг Утера иллюзию.

И вот Мирддин шел по переходам крепости.

Ему дважды пришлось прибегать к искажающим полям, чтобы остаться невидимым.

Он остановился перед занавесом, закрывающим вход в комнату, снова начав создавать иллюзию.

Когда все было сделано, он перевел дыхание и двинулся вперед. Храбро отдернув занавес, он вошел. Если его действия верны, женщина в комнате увидит лишь своего неожиданно вернувшегося мужа.

В руке Мирддин держал небольшой сверток с сонным порошком. Когда он даст ей под каким-либо предлогом этого зелья, его задача будет выполнена.

Лампа старинного римского образца горела у кровати, сделанной в виде богато украшенного ящика со снимающейся крышкой.

На кровати никого не было. Женщина стояла у окна, глядя на штормовое море.

На ее плечи, чуть скрывая наготу, был наброшен плащ. Услышав шаги, она быстро оглянулась.

Испуганное выражение сразу исчезло с ее лица. Она неуверенно улыбнулась, как будто не зная, в каком настроении находится вошедший.

— Милорд? Но как ты пришел сюда?

Мирддин облегченно вздохнул. Иллюзия удалась, женщина видела герцога Глориса.

— Где же мне еще быть? — спросил он. — Прекрасная леди, эта ночь не для войны.

Она отошла от окна, опустив край плаща.

Теперь он хорошо видел, что она создана для радостной любви, хотя сам смотрел на нее без тени того смущения, какое ощущил при виде соблазнительного тела Нимье. Герцогиня Игреда была действительно прекрасной, но красота ее была красотой римской богини. Она смотрела на него, чуть улыбаясь, и он догадался, что в некоторых вопросах она правила старым лордом так же безраздельно, как Утер Британией.

«Кончай эту игру», — умоляло что-то внутри Мирддина. В этой комнате, пахнущей женщиной и жизнью, совершенно незнакомой ему, он был так неуверен, как молодой олень, заподозривший западню. Рука его двинулась к столику, на котором стояла высокая стеклянная бутыль, привезенная из-за моря, и два прекрасных кубка.

— Ночь холодна, — сказал он. — Я хочу согреться вином.

Игреда негромко рассмеялась.

— Есть и другие способы согреться, лорд.

Она стыдливо указала на кровать.

Он тоже заставил себя рассмеяться.

— Прекрасно, но вначале, пожалуй, налей мне вина. А потом мы попробуем твой способ, чтобы определить, который лучше.

Она надула губы, но ждала, пока он наливал вино в кубки, потом послушно взяла один из них. Он сделал вид, что пьет, а она опустошила кубок в несколько глотков.

— Милорд, ты необычайно сдержан.

Она подошла ближе, и Мирддин ощутил аромат ее тела. Не обращая внимания на свою наготу, она подняла руки и расстегнула его плащ.

— Лорд, ты сегодня сам не свой.

Мирддин хотел отшатнуться, уйти от ее руки. Усилием воли он сдержался. Поставив кубок, он взял ее за руки и сжал их, взглянув ей в глаза.

Лицо ее потеряло игривое выражение и разгладилось, а взгляд замер неподвижно, как будто она его больше не видела.

Мирддин мягко отвел ее к кровати.

Она легла на подушки и, когда Мирддин отошел, не шелохнулась.

Окно было полуоткрыто. Занавес и ставни откинуты в сторону. Мирддин удостоверился в том, что они останутся открытыми.

Женщина в постели сонно бормотала, слова ее предназначались не ему, а видению, которое он поместил ей в мозг.

Снаружи послышалось негромкое гудение.

Мирддин быстро вышел из комнаты.

Стражники его не видели.

Добравшись до своего наблюдательного пункта перед крепостью Глориса, Мирддин обернулся. Ярко светила луна. В отдалении виднелись костры: там простой народ праздновал Белтайн. Он хорошо выбрал ночь: в крепости оставались лишь немногие постоянные обитатели.

Окна, выходившего в сторону моря, он не мог видеть. Да и не его дело, что там происходило. Теперь нужно было сохранить иллюзию Утера. Мирддин добрался до скрытого лагеря и долгие часы просидел рядом со спящими.

На рассвете Утер зашевелился. Глаза его открылись, но он не узнавал окружающих.

Протянув руки, он пытался кого-то удержать.

Мирддин быстро вскочил на ноги. Кончиком пальца он коснулся лица короля между глазами и отдал мысленный приказ: «Проснись!»

Утер замигал, огляделся вокруг, зевнул и увидел Мирддина. Лицо его нахмурилось.

— Итак, колдун, твое волшебство как будто подействовало!

Голос его звучал хмуро.

— Ты выполнил обещание.

Ни торжества, ни удовлетворения не слышалось в его голосе. Взгляд его избегал взгляда Мирддина.

Мирддин догадался, что, удовлетворив свою страсть, Утер теперь стыдился своего поступка и не хотел видеть человека, бывшего свидетелем этого стыда.

— Если ты доволен и я выполнил твой приказ, господин король, позволь мне удалиться. Мне не нравится жизнь при дворе,— устало сказал Мирддин.

Он ожидал, что Утер отвернется, но не так резко.

Мирддину не хотелось полностью утратить расположение короля, потому что дело его еще не было закончено и для его завершения нужно было сохранить какую-то связь с двором.

— Хорошо, уезжай когда и куда хочешь.— Утер даже не взглянул на Мирддина, а смотрел на спящих.

Мирддин с достоинством выслушал сказанное и не поклонившись пошел к пасущимся лошадям.

Взяв свою лошадь (он решил, что Утер отдаст ему ее для возвращения), юноша, не оглянувшись на короля, двинулся в путь. Не успел он добраться до вершины небольшого холма, как услышал топот копыт и увидел человека, скакавшего на покрытой пеной лошади.

— Где король? — крикнул он Мирддину. — Где Утер?

То, что он знал об их тайном походе, удивило Мирддина. Но всадник был так уверен, что Утер где-то по-соседству, что было очевидно: у него какое-то срочное сообщение, ради которого можно нарушить тайну.

— Зачем тебе король? — спросил Мирддин. — Саксы прорубили в боевой рог?

Человек покачал головой.

— Герцог Глорис убит вчера в схватке. Король должен узнать.

Мирддин показал туда, откуда пришел:

— Там ты найдешь короля.

Вестник ускакал раньше, чем Мирддин закончил фразу. Пуская свою лошадь рысью, Мирддин обдумывал значение услышанного. Герцогиня Игрена скоро узнает, что в те часы, когда она принимала своего мужа, он был мертв.

Утеру теперь легко будет овладеть женщиной, которую он считает самой желанной.

Как скажется их брак на жизни, которую (Мирддин был уверен в этом) Игрена носит теперь в своем чреве? Будет ли король считать ребенка своим? Что произойдет, когда Утер обсудит его происхождение с герцогиней?

Мирддин ясно почувствовал отвращение короля к самому себе в тех нескольких словах, которыми они обменялись. Как этот стыд отразится на его поступках?

Пройдет больше полугода, прежде чем Мирддин узнает об этом. Его собственная задача ему была ясна: ребенок зачат этой ночью и должен быть спрятан на севере в доме человека, в жилах которого течет древняя кровь. Он узнает Мирддина по условным словам. Почему бы не убедиться в этом немедленно? Мирддин повернул лошадь не к пещере, а на север.

Несколько недель спустя он знал, что Эктор — молодой лорд небольшой территории, расположенной среди гор и ущелий. Соседи его уважали, но обращались к нему только при необходимости совместной защиты от врагов.

Его люди были известны тем, что крайне неохотно прини-

мали незнакомцев. Эктор женился на своей двоюродной сестре: много поколений браки заключались только среди членов их семьи.

Мирддин собрал эти отрывочные сведения у бродячих торговцев. Теперь, когда угроза сакских набегов ослабла, торговцы снова появились на дорогах. Разговаривал он и с кузнецом, который проработал зиму в крепости Эктора, а сейчас торопился к больной матери.

Услышанное понравилось Мирддину.

Судя по всему, Эктор был умным человеком и опытным воином. Ему удалось уберечь свои земли от набегов пиктов с севера.

Жена его принадлежала к заморской вере, которую называли христианством. Она приютила старого жреца этой веры — его известного целителя. Хотя Эктор ревниво берег свои территории, он без крайней необходимости не обнажал меч, и его подданные процветали, насколько это было возможно в те беспокойные времена.

Когда Мирддин подошел наконец к узкой тропе, ведущей в земли Эктора, он обнаружил, что тропа охраняется. Охранники, не профессиональные солдаты, попросили его задержаться в лагере, а один из них посказал с сообщением к дому клана.

Мирддин начертил на клочке кожи спираль — знак древних сил — и сказал, что хочет тайно побеседовать с лордом.

Он ждал почти до заката. Наконец всадник вернулся и сказал, что Мирддин может идти, а он сам будет его проводником. Лорд ждал его на центральном дворе дома клана. Мирддину на мгновение показалось, что он вернулся домой и тяжелые годы одиночества позади.

Так же некогда с обнаженной головой стоял Найрен, приветливой улыбкой встречая гостя.

Эктор крепко пожал юноше руку. Увидев, что они одни, Мирддин шепотом произнес условные слова.

Волосы Эктора были такими же черными, как и у него самого. Треугольное лицо с заостренным подбородком, четко очерченные губы, узкий горбатый нос. Мирддин как бы видел свое лицо, только немного постарше.

— Добро пожаловать, брат, — приветствовал Эктор.

Он не удивился словам Мирддина, таким древним, что значение их забылось.

— Дом родича открыт для тебя.

В этой части план Мирддина осуществился легко. Хотя ни лорд Эктор, ни его жена Тринихид не имели никаких контак-

тов с небесным народом, традиция таких связей прочно жила в истории их клана. Они без расспросов выслушали Мирддина. Он не объяснил обстоятельств появления ребенка, для которого он ищет убежище, но они с готовностью согласились помочь ему.

Тринихид, хотя и искренне следовала новой вере, проповедуемой Натом — мягким пожилым человеком, который старался лечить тело так же, как облегчать души своих учеников, — все же принадлежала клану. Когда Мирддин говорил о важности сохранения ребенка в безопасности, она согласно кивала.

Двигалась она медленно, осторожно нося свой большой живот, в котором находился долгожданный наследник Эктора. Положив руки на живот, она внимательно слушала Мирддина.

Ее спокойное счастье заставило Мирддина ощутить неловкость, и он держался в стороне от верхнего этажа дома клана, где постоянно находилась Тринихид. Ни одна из женщин, которых он видел в доме короля, не привлекала Мирддина. Лишь однажды желание шевельнулось в нем, когда он увидел Нимье, привившую его быть мужчиной.

Счастье Тринихид и забота, которой окружал ее лорд, были чем-то новым для Мирддина. Поскольку в них обоих чувствовалось древнее наследие, они казались ему ближе, чем люди в клане его деда.

В их близости он ощущал тепло, подобное теплу очага в зимний день, но такое тепло было ему заказано.

Мирддин чувствовал беспокойство и в то же время что-то привязывало его к этому месту. Он не мог решиться уехать и жить в одиночестве в пещере. Он ходил с Эктором на поля, помогал учитывать скот, делал все, что делает лорд небольшого поместья.

Он старательно утомлял себя, чтобы спать без снов.

Вскоре вернулся кузнец и рассказал новости: король женился на герцогине Игрене, но не жил с ней, потому что она носила под сердцем ребенка своего первого мужа. Пока она не родит, король не требовал ее к себе.

«Итак, герцогиня поверила в иллюзию, — думал Мирддин. — А Утер ничего не делает, чтобы разуверить ее».

Для осуществления планов Мирддина так было даже лучше, потому что Утер не захочет держать ребенка при дворе. Воспитание в чужих семьях было широко распространено в высшем обществе. Короли отсылали своих сыновей, не только чтобы избавить их от искушений, которым они легче поддавались бы дома, но и чтобы сберечь их жизни. Всегда найдется

завистливый претендент, считающий, что убийство расчистит ему дорогу к трону.

Мирддин должен был уехать на юг, до того как в этих суровых северных горах наступит зима, и отыскать Утера. Однажды он уже сумел внушить королю нужные мысли и сделает это снова, ведь свой дар он использует для осуществления великого плана!

В течение лета Мирддин сильно изменился, он возмужал, стал выше, шире в плечах.

Увидев свое отражение в полированном щите, он еще раз поразился своему сходству с Эктором, хотя лицо его было жестче, а глаза всегда были полузакрыты, как будто до поры он скрывал их выражение, как скрывают тайное оружие. Борода у него была редкая и росла медленно. От работы под солнцем Мирддин загорел и окреп.

Перед ночью Самайна Мирддин уехал из крепости, сопровождаемый добрыми желаниями своих отдаленных родственников, хорошо одетый, с отличными кожаными ножами, скрывающими его меч. Меч этот поразил Эктора, но он даже не касался его рукояти под предлогом того, что такое оружие предназначено лишь для одного владельца.

— Да, — согласился Мирддин. — Но не я его владелец, Эктор. Тот, кто придет, пойдет с ним на битву. Я лишь слуга.

Он вел с собой запасную лошадь, нагруженную припасами, потому что собирался продвигаться на юг пустынными дорогами, чтобы известие о нем раньше времени не дошло до Утера. Он хотел застать короля врасплох, так легче было добиться осуществления своих планов.

Не особенно торопясь, Мирддин добрался до пещеры, причем его дважды задерживали бури, длившиеся по целым суткам. На знакомой тропе, которую ноги находили сами собой, лежал снег. Послышался хриплый крик, и большая черная птица опустилась рядом с ним.

Мирддин протянул руку и радостно окликнул:

— Вран!

Да, это был Вран. Он немедленно вцепился когтями в перчатку Мирддина и громким карканьем приветствовал хозяина.

— Подожди немного, Вран, — пообещал Мирддин. — Я накормлю тебя.

Птица перелетела на камень, а юноша порылся в мешке, достал кусок копченой свинины и бросил на землю. Мгновенно черный комок перьев опустился на мясо.

Никаких следов того, что кто-то побывал здесь за долгие месяцы отсутствия Мирддина, не было.

Юноша отстегнул пояс с мечом и спрятал его в темном углу пещеры возле самой большой установки. Он заметил, что большинство механизмов теперь молчали. Только на поверхности одного по-прежнему бегали огоньки.

Долго стоял он перед зеркалом, глядя на свое отражение. Теперь он выглядел гораздо старше своего возраста. Лицо его стало замкнутым, а серая скромная одежда и плащ делали его фигуру темной и мрачной. Возможно, именно таким должен появляться колдун в мире, наслаждающемся светом, блеском драгоценностей и сверканием золота.

Он снова вышел наружу. Вран доедал мясо. Прежде чем сесть на коня, Мирддин отыскал еще один кусок.

— Маленький брат,— позвал он.

При звуке его голоса ворон оторвался от еды, поднял голову и взглянул на Мирддина черными бусинками глаз.

— Прощай и будь здоров. Когда я вернусь, ты попируешь снова.

Мирддин повернулся лошадь в сторону долины, где стоял дом клана.

Ночь Самайна давно прошла, и зимние морозы ледяной хваткой сжали землю, когда Мирддин оказался в комнате, где сидел высокий король Утер.

Огонь в очаге яростно бушевал, но давал мало тепла. Как и предполагал Мирддин, Утер был один. Он явно не хотел ни с кем делиться тайной, связанной с колдуном.

— Итак, ты вернулся, колдун,— сказал король вместо приветствия.

Ни в лице его, ни в голосе не было приветливости.

— Я не звал тебя.

— События позвали меня, господин король,— ответил Мирддин.— Я выполнил твое желание и не просил награды...

Утер резко опустил на стол кубок с вином.

— Если ты дорожишь жизнью, колдун, попридержи язык в своем грязном рту! — взревел он.

— Я говорю не о прошлом, господин король. Это твое дело. Я прошу того, что в будущем.

— Все стонут и клянчат у трона. Что тебе надо: золота, серебра, поместья? — насмехался Утер, но в глазах его было беспокойство.

— Мне нужен приемыш, господин король.

— Приемыш?

От удивления Утер широко открыл рот, потом глаза его угрожающе сузились.

— Что это за заговор, колдун?

— Никакого заговора, господин король. Вскоре та, кого ты любишь, родит ребенка. Этот ребенок для тебя — угроза. Не к чему всегда иметь его перед глазами.

Утер вскочил с кресла. Он взмахнул рукой для удара, но остановился, подавив свой гнев.

— Зачем тебе этот ребенок? — хрипло спросил он.

— Я отчасти ответственен за его рождение, господин король. Я человек силы, и многое, во что я верю, я предал в ту ночь, чтобы помочь тебе. Теперь я должен заплатить за вмешательство в события. Ребенок вырастет в безопасности, о нем будут хорошо заботиться. Люди забудут о нем. При твоем дворе перестанут шептаться. У тебя и у королевы полегчает на сердце. Если же он останется здесь, найдутся такие, кто захочет использовать его как повод для переворота. Не все сторонники Глориса мертвы, хотя сейчас они и молчат.

Лицо Утера стало задумчивым. Он ходил взад и вперед у очага, сосредоточенно размышляя.

— Колдун, в твоих словах есть мудрость. Я хотел бы убрать ребенка со двора как из-за королевы, так и ради его собственной безопасности. Как ты сказал, есть такие, кто не смирится. Если ребенок окажется мальчиком, они станут связывать с ним надежды на будущее. Жена считает...

Утер помолчал, затем продолжил:

— Иногда ей кажется, что она зачала от демона в обличии ее мужа. Она боится родить чудовище. Возьми ребенка, колдун, если хочешь, и не говори мне, где ты будешь его воспитывать и кем. Лучше забыть о нем.

— Хорошо.

Мирддин внутренне расслабился. Он добился своего без опасных расспросов.

— Я остановился в гостинице Лебеды. Дай мне знать о рождении ребенка. Я приду и уйду незаметно.

Утер кивнул, и Мирддин вышел. Предстояло многое сделать. Несмотря на все свои знания и мощь, он опасался ехать зимой на север с новорожденным младенцем, но он не зря выбрал эту гостиницу. Жена хозяина гостиницы недавно родила и теперь кормила здорового ребенка. У Мирддина была возможность наблюдать, спрашивать и получать ответы.

Ему оставалось только ждать.

ГЛАВА 9

Сообщение пришло в канун праздника Бригинты.

Мирддин уже позаботился о питании ребенка. На рынке рабов он купил маленькую смуглую пикскую женщину, взятую во время набега на древнюю римскую стену. За три дня до этого она родила мертвого ребенка и находилась в таком отчаянии, что торговец не запросил дорого. Мирддин, используя силы зеркала, смог поговорить с женщиной и пообещал ей свободу, если она позаботится о новорожденном. Возможно, она поверила в его обещание и не сопротивлялась, когда он отвел ее в гостиницу, велел умыться, снабдил платьем и дождевиком, вероятно лучшими в ее жизни.

Ребенок Игреды оказался мальчиком, в чем Мирддин был уверен заранее. Поскольку имени у него не было, Мирддин поступил также, как некогда Лугейд. Заменив отца, он взял ребенка на руки и, глядя в крохотное красное лицико, произнес имя, услышанное от зеркала:

— Артур!

Три недели спустя он нанял конные носилки и договорился с отрядом, едущим на укрепление северной границы. Ведь придется ехать через все еще необитаемые земли, и отряд послужит защитой.

Так они добрались до земель Эктора, где юношу встретили как родного. Эктор настаивал, чтобы Мирддин остался жить у него. Но юношей владело такое беспокойство, что он не согласился. Чем скорее он уедет отсюда, тем меньше вероятность, что люди короля или королевские враги смогут выслежить Артура.

— Когда он подрастет и сможет начать учиться, — ответил Мирддин на предложение Эктора, — я вернусь.

Он был уверен, что Артуру необходимо сообщить те же знания, которые перевернули его жизнь.

— А до того времени забудь, что он не твоей крови.

Тринихид, держа своего сына Кея у полной груди, улыбнулась:

— Родич, он будет в безопасности.

Эктор энергично кивнул:

— Я поклянусь в этом кровью, если ты пожелаешь...

Мирддин тоже улыбнулся в ответ.

— Родич, зачем клятва тем, у кого общая кровь? Я не сомневаюсь, что он станет вторым твоим сыном.

И вот ранней весной он уехал, направляясь на юг, дорогой,

ведущей к Месту Солнца. Мирддин чувствовал себя очень одиноким и с нетерпением ждал встречи с Лугейдом.

К тому же он так запутает возможных преследователей: все это время Мирддин не мог избавиться от ощущения, что за ним охотятся.

Если король изменил свое намерение, его люди искали бы юношу более открыто. Но его как будто преследовала тень. Он знал, что только Нимье могла командовать такой тенью.

Мирддину была неизвестна глубина ее знаний, и он решил, что благоразумней будет подозревать самое худшее: она узнала об Артуре.

Больше всего он боялся за ребенка.

Если, когда он уедет от Эктора, ощущение слежки исчезнет, значит, ребенок в опасности. Тогда он немедленно вернется, чтобы организовать защиту. Но, к его облегчению, тень невидимого преследователя сопровождала его всю дорогу.

Мирддин тщательно осматривал местность, по которой проезжал, чтобы его не застали врасплох. Но нападения все не было, сохранялось лишь постоянное неприятное ощущение наблюдения.

Он надеялся, что избавится от него в Месте Солнца. Мирддин хорошо помнил, какое необыкновенное чувство он испытал, касаясь древних камней.

Насколько сильна Нимье? Очень многое зависело от ответа на этот вопрос. Что она предприняла за эти годы, прошедшие после их последней встречи? Мирддин был уверен, что она не сидела, сложа руки.

И вот он подъехал к большому кругу стоячих камней, спешился и стал наблюдать, как тает темнота, поглощаемая восходящим солнцем. Он оказался прав: впервые за последнее время он почувствовал присутствие наблюдателя. Но страх, что Нимье пойдет по его следам назад и доберется до Артура, продолжал жить в нем.

Мирддин пересек лужайку у хижины Лугейда. Ему был необходим совет друга, необходим был товарищ в той страшной битве, которую он вел. Еще не дойдя до примитивного сооружения, он увидел обвалившуюся крышу: тут больше никто не жил.

— Лугейд!

Он не мог сдержать отчаянного зова, хотя крик прозвучал слишком громко в утреннем воздухе. Занавеса из шкур не было, Мирддин наклонился и вошел внутрь хижины.

Уже давно здесь не было ни души. Бронзовый котел, деревянные чашки и ложки исчезли. Не оставалось никаких вещей друида.

Но по крайней мере не было и никаких следов насилия. Лугейд не стал добычей мародеров или разбойников, решивших навестить это пустынное место.

Юноша медленно вернулся к Королевскому камню и положил ладонь на его грубую поверхность. Какая сила! Он почувствовал, как его внутренняя энергия сливается с излучением камня. Уверенность, пошатнувшаяся при исчезновении Лугейда, вернулась к нему.

Он не напрасно пришел сюда. Нужно было разбудить силы, которые дадут безопасность Артуру и уберут преследователей с пути самого Мирддина. Он чувствовал, как отвечает ему камень, как копятся силы, словно невидимое войско.

Он собрал силы, направил и выпустил их, как стрелу из лука, на север, к маленькой долине Эктора.

Ощутив усталость и опустошенность, Мирддин опустился на траву и прижался плечами к Королевскому камню; глаза его устремились в небо, на облака, медленно плывущие по своим делам, недоступным пониманию человека. За облаками, за голубизной неба находились другие миры, их было гораздо больше, чем может сосчитать человек. Эти отдаленные миры населены, но зеркало редко и бегло показывало ему эту жизнь. Однако, если вернется небесный народ, его корабли послужат мостом к этим мирам. Хватит ли у Мирддина смелости улететь к ним? Он не знал, но мысль эта возбуждала его. Долго ли будет продолжаться ожидание?

Люди мыслят годами, Повелители Неба — столетиями. Жизнь человеческая коротка. У Повелителей Неба она, должно быть, в три, в четыре, в сто раз длиннее человеческой!

Он чувствовал, что немного боится тех, кто придет по его вызову, если он сумеет сделать все, чему учило его зеркало.

Мирддин уснул рядом с конем, щипавшим на поляне свежевыросшую у камней траву.

Во сне ожившее воображение нарисовало ему необычайные картины, на которые лишь намекало зеркало. В этих картинах не было ничего угрожающего, хотя они и были неземными. Мирддин ощущал лишь удивление и радость от вида города с сияющими башнями из радужного стекла, взмывшими высоко в небо, совсем иного цвета, чем зеленое. Другие башни стояли над поверхностью моря, красные, как драгоценные кораллы. Но хоть он и мог представить себе города, их обитателей он не видел. Может, человек даже в воображении способен видеть лишь равных себе?

Мирддина разбудил порывистый ветер, предвещавший

дождь и бурю. Он взял коня за повод и пошел к хижине Лугейда. Здесь он провел ночь, слушая рев ветра. Дважды молния ударяла в Королевский камень, как будто он привлекал к себе ярость неба.

Мирддину не раз приходилось попадать в бури, но такой видеть не доводилось. Он заткнул уши пальцами и закрыл глаза, но рев бури продолжал преследовать его. В воздухе ощущался странный запах. Силы, которые люди не надеялись обуздвать, взбесились и готовы были стереть жизнь с лица земли.

Несмотря на страх, Мирддина охватило сильное возбуждение. Ему хотелось сквозь ревущую стихию, прыгать и кричать, забыть все, стать частью этого хаоса, освободиться от напряжения, от необходимости постоянно быть начеку.

К утру буря кончилась. Лишь торчавшие к небу корни деревьев напоминали о ней. Мирддин ощущал необыкновенное спокойствие, как будто буря прогнала его неуверенность и страх.

Осталась только свобода, обретенная в эти темные часы.

Вместе с бурей исчезло и ощущение, что его преследуют. Но он проявил осмотрительность и пошел к пещере окольным путем, применяя всевозможные меры предосторожности.

На этот раз его не приветствовал Вран, хотя Мирддин свистом позвал его и положил на землю еду. Наблюдая и прислушиваясь, Мирддин вдруг осознал, что горный склон охвачен странной тишиной. Не было видно птиц. Даже ветер стих.

Он вслушивался не только ушами, но и разумом. Само по себе отсутствие жизни служило предупреждением. Он догадывался, что могло произойти. Хитроумный враг не стал тратить время на преследование, а прямо явился сюда.

Он снял с коня седло и упряжь и отпустил животное. Бросив несколько быстрых взглядов в направлении пещеры, он решил, что там никого не было: камни, которыми он прикрывал вход в расщелину, были нетронуты. Больше всего его теперь беспокоил меч. Он был уверен, что ни один из небесных механизмов вынести невозможно: они слишком велики и не пройдут в щель. Как они попали в пещеру, он не знал. Возможно, они находились там уже много столетий.

Другое дело — меч, ведь Нимье знает, что он им обладает. Возможно, она захочет отобрать у него оружие. Положив седло на плечо, он пошел к пещере. Нимье знала о ней, так что он теперь не раскрывает тайну. Мирддин хорошо знал, что у зеркала есть своя защита, миновать которую может только он.

Он быстро стал отбрасывать камни от входа через плечи,

все время испытывая растущее напряжение. Кто-то пытался подавить его волю. Мирддин как будто снова слышал звенящий смех Нимье, чувствовал, что она следит за ним, ждет, давит на его волю, хочет заставить его повиноваться. Но она слишком самоуверенна, слишком убеждена в своей силе. Возможно, она привыкла легко добиваться повиновения, создавая иллюзии, которые он тоже теперь умел создавать. Она до сих пор просто не встречала достойных соперников.

Мирддин не стал противиться, потому что в тот момент их желания совпадали: она хотела, чтобы он вошел в пещеру, а он хотел убедиться в сохранности меча.

Вот отброшен последний камень и Мирддин вступил в извилиящийся туннель. Снова он убедился, что даже расширенный проход стал тесен для него. Он порвал одежду, протискиваясь между стен, и расцарапал себе кожу.

Пещера была погружена в полутьму, горело лишь несколько маленьких огоньков.

Мирддин опустил седло наземь и направился прямо к нише, где спрятал меч. Сверток находился на месте. Мирддин вытащил меч из ножен, чтобы убедиться, что он цел. В темноте меч сверкнул тусклым светом.

Держа рукоять в правой руке, Мирддин пальцами левой провел по гладкой поверхности. Прикосновение, как и к Королевскому камню, дало ему ощущение необыкновенной силы, огромной энергии, которую он может освободить по своей воле. Это было не просто орудие, предназначенное для Королевского камня. Меч будет использован в будущем, а как — это станет ясно со временем. Но пока что меч цел. И Мирддин снова вложил его в ножны.

— Мерлин! — послышался знакомый голос.

Мирддин обогнул ближайший механизм и посмотрел в темную поверхность зеркала.

Оно покрылось серебристым туманом, и в середине прозрачного свечения стояла Нимье. Теперь это была женщина, и женские ее достоинства, так обеспокоившие Мирддина в Месте Солнца, теперь были выражены гораздо сильнее. Образ женщины, глядевшей на него, как будто она действительно стояла за зеркалом, ошеломил его.

— Мерлин!

Это был не призыв к вниманию, а скорее приветствие близкому по духу человеку. Не смотря на все, что разделяло их, они были в чем-то близки друг другу.

— Увы, бедный Мерлин!

В ее голосе не было насмешки, скорее жалость.

— Ты попал в ловушку, и она захлопнулась. Все твои планы теперь уничтожит время. Те, кто давал тебе поручения, умны, но все же недостаточно. Они поставили охрану вокруг своего зеркала, но, может, не знали, что можно поставить охрану вокруг охраны. Мерлин, ты ушел под землю, как преследуемая лисица, но, в отличие от лисы, не сможешь выйти назад! Я установила силовое поле, и оно помешает тебе выйти, будет держать тебя до тех пор, пока ты не погибнешь от голода и жажды. Это ужасный поступок, но если тебя не остановить, ты натворишь дел еще хуже. Твой Артур будет жить, но ничем не отличаясь от других людей. Так распадается твоя мечта о королевстве! Артур не получит корону, и смерть в безвестности станет его уделом. Прощай, Мерлин. Жаль, что мы не смогли с тобой действовать сообща, как родичи!

Она исчезла во вспышке света. Мирддин протянул руку, как бы пытаясь помешать ее исчезновению, хотя и знал, что не реальная Нимье стояла там, а лишь ее изображение, потом повернулся и спустя минуту был около расщелины.

Отверстие было цело, он мог просунуть в него руку. Но едва он сделал это, как его кулак встретился с невидимой стеной.

Еще две попытки и стало понятно, что преграда непроницаема.

Мирддин не стал тратить времени на бесполезные физические усилия. Только у зеркала мог найтись ответ, и он вернулся к нему и сел на скамью, как часто делал раньше. Внимательно глядя на свое изображение, он думал о своем положении, увереный, что зеркало каким-то образом услышит его мысли и просьбу о помощи.

Ожили застывшие механизмы, и Мирддин услышал голос зеркала:

— Силовое поле пока слишком сильно, а твое тело устроено так, что не выдержит длительного физического напряжения. Но выход есть. Ты будешь спать, Мерлин, и во время сна жизненные процессы в твоем теле замедлятся. Когда наступит нужный момент, когда время ослабит силовое поле, ты пронесешься и выйдешь, целый и невредимый.

В зеркале Мирддин увидел самого себя, идущим к длинной машине в дальнем углу пещеры. Вот он просовывает пальцы в маленькие отверстия и нажимает. Крышка машины поднимается. Он раздевается, ложится внутрь, и крышка закрывается.

Мирддин вздрогнул. Он не сомневался в мудрости зеркала, но ему показалось, что он живым входит в могилу.

Зеркало снова прояснилось. Он увидел в нем свое отражение и неохотно встал.

Смерть от голода и жажды или эта могила живьем? И то и другое плохо. Но он верил зеркалу и решил последовать его советам.

Длинный ящик открылся точно так, как показало зеркало. Мирддин заглянул внутрь. Стёны ящика бледно светились, а на дне была приятно пахнувшая жидкость. Мирддин разделся, сложил одежду и перекинул ногу через край ящика. Жидкость, теплая и какая-то успокаивающая, доходила ему до голени.

Он сел на дно ящика. Теперь жидкость поднялась ему до груди, затем до щек. Последнее, что он запомнил, была быстро опустившаяся крышка, отрезавшая его от мира.

Мирддин погрузился в странные сны о городах с высокими башнями, парившими в воздухе.

Люди там летали на существах, но не птицах, а на хитроумно изготовленных из металла механизмах.

Иногда спящий на мгновение оказывался в теле одного из этих людей, и тут им овладевали настолько чуждые мысли, что он даже не мог понять их. Эти люди свободно передвигались не только под облаками, но и под водой. Казалось, в мире для них нет тайн.

Но они не были счастливы, ими владело какое-то беспокойство, тревога.

И вот наступило время, когда их мир сошел с ума. Воющие ветры обрушились на города, волны высотой с горы вздымались из моря и стирали с земли следы человеческой деятельности. Горы дышали пламенем, потоки огненной лавы стекали по их склонам. Густые облака пара окутывали землю и море, скрывая небо.

Когда все закончилось, изуродованная и обожженная земля изменилась до неузнаваемости: появились новые заливы, новые реки. Во многих местах поверхность земли скрылась под водой, зато в других обнаружились равнины, некогда бывшие морским дном.

Но человек выжил. Небольшие группы людей, ошеломленные, отупевшие, приспособились к новому миру. Мало кто из них помнил прошлое, да и то обрывочно.

Остальные превратились в тупые существа, которые ели, спали и иногда совокуплялись со звериным бесстыдством.

Эти остатки человечества деградировали, стали хуже животных. Некоторые охотились на своих соплеменников, убивая добычу каменными осколками скал. Немногие цеплялись за свои воспоминания. У этих немногих хватило ума обосбитьсь, уйти в такие места, где можно было защищаться от безмозглых животных.

С этих людей началось очень медленное возрождение человечества.

Правда превратилась в легенды, приукрашенные воображением. Более поздние поколения не верили, что в прошлом человек был иным, чем в их времена. Но всегда были такие, кто помнил лучше, чьи рассказы передавались из поколения в поколение менее искаженными.

Во сне Мирддин был среди тех людей, которые стремились выжить, терпели поражение, но никогда не были уничтожены окончательно.

Посыпался долгий звук, похожий на звон огромного металлического гонга.

Мирддин шевельнулся в ящике, дыхание его участлилось, жидкость, полностью покрывавшая тело, ушла. Веки спящего задрожали.

Это слабое движение послужило сигналом: стержни подняли крышку ящика, Мирддин открыл глаза и издал слабый стон.

Мышцы его затекли, но не больше, чем если бы он провел ночь на открытом воздухе. Мозг его быстро возвращался к действительности.

Мирддин выбрался из ящика.

Жидкость, заполнявшая ящик, стекала с тела большими каплями, моментально высыхая.

Он поиском глазами свою одежду. Ткань от времени пожелтела и стала непрочной.

Одевшись, Мирддин подошел к зеркалу. Главное было узнать, как долго он проспал?

Сильный, как всегда, голос ответил на его мысль:

— Прошло шестнадцать лет в твоем мире, Мерлин. Силовое поле ослабло. Ты свободен. Та, что установила поле, ничего не сможет предпринять: силы ее истощены. Теперь она будет добиваться твоего поражения другими способами. Пора тебе принимать бой!

Мирддин смотрел на свое отражение. Шестнадцать лет! Но он старше не более чем на год.

— Жидкость сохраняет жизнь, Мерлин. Но не думай о прошлом. Ты должен выполнить свою задачу. Артур станет королем Британии.

— Утер? — спросил Мирддин.

— Утер умирает. Вокруг него знатные лорды, двое женаты на его дочерях. Но сыновей, кроме Артура, у него не было; о

его правах ты и должен заявить. Хотя ты и не сделал для Артура то, что собирался, не научил его всему, что умеешь сам,— все же он небесной крови. Посади Артура на трон, Мерлин, и Британия получит короля, чье имя будет на устах людей и через тысячу лет! Артур, ты и меч — должны быть вместе. Такова задача, для которой ты родился, и не стояло перед человеком задачи более значительной, чем эта.

ГЛАВА 10

Мерлин стоял, глядя вниз на большой лагерь, где на множестве шатров развевались знамена вождей и рыцарей.

Мирдина больше нет!

За прошедшие шестнадцать лет нынешний Мерлин отрастил редкую бороду, в остальном он мало изменился.

Но изменились люди вокруг. Артур вырос, и Мерлин не принимал участия в его обучении. Теперь уже ничего нельзя исправить бесплодными сожалениями о прошедшем, надо с надеждой смотреть вперед.

Благодаря случаю, он сменил свое полуистлевшее от времени платье на длинный шерстяной балахон, в каких ходят барды. Его он нашел в багаже лежавшего на земле мертвеца, рядом паслась лошадь. Три сакса обагрили землю своей кровью, сопровождая незнакомца, умершего в бою.

Мерлин не знал, кто его благодетель и как он попал в засаду, но поблагодарил неизвестного за лошадь и одежду и похоронил его лицом к восходящему солнцу.

На пути к временной столице Британии он встретил людей, от которых узнал, что Утер умер уже несколько дней назад, но преемник еще не назван.

Разузнав, как обстоят дела, Мерлин соответственно этому составил план и теперь издали изучал расположение лагеря. Знамя Лота, женатого на одной из дочерей Утера, видно было ясно. А вот и Корнуолльский Олень, поднятый сыном Глориса, который не был законным наследником, но за которого стояли все рыцари Корнуолла.

Мерлин видел незнакомые гербы и догадывался, что здесь собирались все лорды, имеющие хотя бы слабую надежду на выдвижение.

Он искал изображение парящего ястреба — герб Эктора — и увидел его, но не в центре, среди палаток знатных лордов, а рядом с палаткой короля Урпена из северного

королевства, которое много лет мужественно отражает набеги пиктов из-за древней стены. Мерлин по пыльной дороге направился туда.

Перед ним стоял молодой человек, примерявший камзол с тесно нашитыми бронзовыми кольцами. Мерлин едва не окликнул его по имени. Юноша поднял голову, взглянул на подъезжающего, и Мерлин увидел молодого Эктора.

— Лорд Кей,— обратился Мерлин, догадавшись, кто перед ним,— лорд Эктор здесь?

— Отец ушел на совет герцогов,— ответил Кей, с неодобрением глядя на незнакомца.— У тебя для него известия?

— Мы дальние родственники,— ответил Мерлин,— и у меня есть для него известие.

У Кея в отличие от отца было высокомерное лицо.

Мерлин очень хотел спросить об Артуре, узнать, как он прожил эти шестнадцать лет, но, взглянув еще раз на Кея, решил не спрашивать.

Сын Эктора неохотно приблизился, чтобы отдать долг вежливости гостю, и поддержал поводья, пока Мерлин спешился.

Из-за простой одежды, покрытой дорожной пылью, Мерлин, вероятно, выглядел немного лучше нищего.

Но внимание юноши он воспринял как должное.

В палатке после яркого солнца казалось сумрачно. Кей приказал слуге принести вина.

Он с любопытством поглядывал на сверток (там находился тщательно упакованный меч), который Мерлин положил себе на колени, садясь на походный стул, но ничего не спросил.

— Как поживают твои отец и мать?

Мерлин, по обычай кланов, пролил на землю несколько капель и отпил; лучшего вина он не смог бы получить ни в одной гостинице. Он припомнил лето, проведенное в долине Эктора, и как они вместе работали, собирая плоды земли.

— Отец здоров... Мать...

Кей помолчал.

— Она умерла прошлой зимой, незнакомец.

Рука Мерлина дрогнула. Он вспомнил, как гордо носила Тринихид сына, как близки были они с мужем. Это был тяжелый удар для Эктора.

— Да будет счастлива она на Благословенном Острове!

— Мы верим в Христа, незнакомец,— резко заметил Кей.— Ты сам носишь одежду церковного брата, почему же ты говоришь о Благословенном Острове?

Опечаленный воспоминаниями и чувством утраты, Мерлин удивленно взглянул на юношу.

— Эта одежда принадлежит не мне.

Он сказал первое, что пришло ему в голову:

— Я бард.

В палатке, кроме Кея и двух слуг, никого не было.

«Неужели Артура оставили в долине?» — мелькнула тревожная мысль. Если так, то его план потерпел провал, еще не начав осуществляться.

— Кей, где ты, мальчик? — послышался знакомый голос.

Когда Эктор вошел, Мерлин радостно вскочил на ноги. Но это был не тот Эктор, которого он знал.

Мерлин на мгновение замер от неуверенности, глядя на вошедшего с раскрытым от удивления ртом.

Стройное некогда тело Эктора растолстело, волосы поседели, у него было усталое лицо человека, принуждающего себя вставать по утрам и приниматься за ненавистные дела и не ждущего отдыха даже к концу дня.

Но глаза, глядевшие на Мерлина, остались прежними. Вначале в них мелькнуло удивление, затем радость.

— Ты жив! — нарушил напряженное молчание Эктор. — Почему ты так долго не приходил?

— Я был в заключении, — ответил Мерлин, — и лишь недавно вырвался на свободу.

— Ты изменился, но не постарел. Странно, — медленно произнес Эктор.

Тут он, по-видимому, вспомнил, что они не одни, и повернулся к сыну.

— Отыщи Артура и приведи его сюда. Он должен встретиться с нашим гостем.

Когда они остались одни, Эктор продолжил:

— Хороший вырос парень. Но ты не вернулся, и мы смогли учить его только тому, чему учили Кея. Я знаю, что должно быть не так.

— Вы дали ему лучшее, что могли. Тебя не в чем обвинить, — коротко ответил Мерлин. — Это моя вина, но я не мог все предвидеть. Скажи мне, выбрал ли Совет короля?

Эктор покачал головой.

— Идет спор. Многие поддерживают Корнуолла. Он показал себя хорошим боевым командиром. Другие стоят за Лота, потому что он женат на дочери умершего короля. Лот честолюбив. Они могут разорвать Британию на части прежде, чем мы увидим конец спора. Уриен размышляет и строит планы,

но не делится ими со мной. А Крылатые Шлемы грабят, как хотят. Снова наступили плохие дни, и нет такого вождя, который смог бы взять в руки ослабевшие поводья власти.

— Поводья власти,— повторил Мерлин.— Похоже, я пришел в момент, когда нужно действовать быстро, иначе будет потеряна всякая надежда. Слушай, родич. В Артуре — кровь Пендрагона. Он сын Утера. Король велел его спрятать, чтобы до него не смогли добраться такие люди, как Лот и остальные. У меня есть для него древняя сила, или, по крайней мере, символ ее.

Он резко повернулся и взял меч.

— Он должен получить его открыто перед теми, кто сам думает занять трон.

Эктор тяжело молчал. Подняв глаза, Мерлин увидел ужас на лице лорда.

— Что? Он искален? Он нарушил законы клана?

Выражение лица Эктора испугало Мерлина.

— Он...

Эктор облизал губы.

— Он прекрасный парень и... клянусь ранами Христа, но почему ты не сказал мне об этом раньше?

— Что с ним случилось?

Мерлин опустил меч и схватил Эктора за руку. Он затряс лорда, как будто силой хотел добиться ответа.

— Утер взял ко двору своих незаконнорожденных детей. Одна из его дочерей — Моргана выглядит старше своего возраста и знает мужчин. Неделю назад она затащила Артура к себе в постель...

Мерлин стоял, превратившись в подобие одного из столбов Места Солнца. Мозг его быстро работал. Артур не сын Утера, но если он сообщит истинные обстоятельства рождения мальчика, кто из лордов последует за ним? Нет, будут болтать о ночных демонах, зачавших его. Мерлин слишком хорошо помнил такие разговоры.

Но возлежать со своей сестрой — это на всю жизнь бросит пятно на Артура.

— Эта Моргана замужем? — спросил он.

— Еще нет. Король уже умирал, но когда слух о ее поведении дошел до него, он сильно разгневался. Он призвал леди, которая последнее время находилась при нем, так как была известна как целительница. В ее руки он отдал Моргизу, хотя девушка не хотела идти. Говорят, ее увезли ночью связанныю и с заткнутым ртом. И никто не знает, куда.

Мерлин облегченно вздохнул.

— Известно ли, что Артур — причина ее высылки?

Лицо Эктора слегка просветлело.

— Нет. Она была близка со многими мужчинами. Утер сам застал ее в постели с одним стражником. Он знал ее характер и поклялся, что она не сможет больше позорить его при дворе.

— Тогда мы в безопасности. Возможны слухи, но если девушки нет, они быстро забудутся. Артур будет править. Я получил уже знак, что это предопределено. Нужно сделать так...

Говоря, он разворачивал меч и заметил, что Эктор оправился от шока и согласно кивает головой.

— Помни, — предупредил Мерлин, закончив, — Мирддин мертв, жив Мерлин. Артуру пока лучше не знать о своем происхождении.

— Это... — начал Эктор.

Но тут хлопнул входной клапан палатки, и в нее ворвался юноша, как будто за ним гнались преследователи.

Взглянув на него, Мерлин удивился даже больше, чем при появлении Эктора. Это не мог быть Артур!

У парня не было никаких примет древней расы. Он был выше Эктора и Мерлина на несколько дюймов, с рыжеватыми волосами, обычными для членов клана, нос не горбатый и узкий, не было сжатого рта, который ожидал увидеть Мерлин. Молодой гигант был похож на Утера. Но как это могло быть? В его лице и манерах наблюдалась открытость, которая в представлении Мерлина никак не совмещалась с древним наследием.

— Лорд, — обратился юноша. — Кей сообщил, что ты хочешь поговорить со мной.

Он широко и открыто улыбнулся.

— Я хочу, чтобы ты познакомился с этим господином, — сказал Эктор и указал на Мерлина. — Благодаря ему ты стал моим приемным сыном. У него есть для тебя очень важное известие.

Мерлин облизал губы кончиком языка.

Его глаза отказывались узнавать в этом красивом мальчике Артура. Если бы он выглядел как член древней расы, тогда Мерлин уверенно рассказал бы ему то, что считал необходимым, но сейчас, при виде самого обычного члена клана, он заколебался.

— Господин?

Юноша вопросительно повернулся к нему. В глазах его было внимание.

Может, все эти годы он задавал себе вопросы, на которые

не могли ответить его приемные родители. Для Артура было бы естественно задумываться над своим происхождением. А для получения ответа у него не было зеркала.

— Я Мерлин, обладатель древних знаний.

Он внимательно следил за Артуром, ожидая хоть малейшей реакции, свидетельствующей о том, что Артур не похож на окружающих. Но лицо юноши отразило лишь удивление.

— В тебе течет королевская кровь.

После случая с Моргазой, вероятно, лучше было не указывать на родство с Утером.

— В сущности ты потомок Максима и Амброзиуса.

«И гораздо более древней и великой расы», — добавил про себя Мерлин.

— Во времена твоего младенчества нашлись такие, кто счел, что ты слишком близко к трону. Поэтому было решено, что ты будешь воспитываться вдали от дворца. Поскольку лорд Эктор мой родственник, а заботу о тебе поручили мне, я передал тебя ему. Но планы, которые мы тогда составили, не осуществились. Я должен был обучить тебя древним знаниям, но попал в руки врага и только недавно освободился из тюрьмы, где провел все эти годы. Вот что я должен тебе сказать, Артур: до твоего рождения и во время рождения были пророчества. Ты будешь королем Британии.

Юноша, вначале удивившийся, теперь рассмеялся.

— Лорд Мерлин, кто я такой, чтобы претендовать на трон, из-за которого враждуют важные господа? У меня нет ни одного вассала, нет племени, которое поддержало бы мои требования.

— У тебя есть нечто большее, чем армия.

Мерлин верил в свои слова, он должен был верить зеркалу!

— Это власть над силой, которая была, есть и будет вечно. Ты докажешь это завтра утром перед всеми.

Мерлин поднял руку, предупреждая вопросы юноши.

— Я не скажу тебе, как это будет сделано. Ты придешь на испытание ничего не знающим, и ни один человек впоследствии не сможет оспорить результат испытания. Но только ты, рожденный для этого, сможешь его выдержать.

Артур внимательно смотрел на него.

— Ты явно веришь в свои слова, лорд Мерлин. Но за корону короля Британии мало кто из достойных людей поблагодарил бы тебя. Те, кто стремится теперь к ней, не видят тяжести, которую она накладывает на своего владельца.

Мерлин чувствовал, что сомнения его уменьшаются. Если юноша сумел его понять, значит, он действительно принадле-

жит к древней расе. Если бы его только можно было обучить! Но время прошло. Теперь все зависит от храбрости Артура.

Эктор обратился к Мерлину:

— Я скажу о нем Совету. Будут кричать о колдовстве...

Артур неожиданно резко и решительно возразил:

— Я не участвую в колдовстве!

— Нет никакого колдовства,— успокоил юношу Мерлин,— только древние знания, забытые большинством людей. Если кто-либо владеет ими в большей степени, чем я, то сможет победить тебя. Но было предсказано, что править будешь ты.

Мерлина в этом разговоре поддерживала вера в зеркало. Если она пошатнется, у него не останется цели в жизни: все, на что он потратил жизнь, окажется ни к чему.

Но в то же время Мерлина охватило дурное предчувствие, как будто он потерял давно хранимое сокровище. Его вера в то, что Артур будет похож на существа, летающие меж звездами, развеялась в пыль. Даже не было никакого ощущения родства, как с Эктором. Между ним и Артуром не возникло внутреннего узнавания.

Юноша переминался с ноги на ногу, переводя взгляд с Мерлина на Эктора, как бы ожидая разрешения уйти. Когда Эктор кивнул, Артур мгновенно исчез. Ему явно хотелось быть подальше от незнакомца.

— Вот что я подумал. Поблизости есть камень, один из древних. Он подойдет.

Эктор говорил кратко, как будто тоже ощутил царящую в палатке напряженную атмосферу.

— Но станут ли тебя слушать?

— Станут,— угрюмо ответил Мерлин.— Идем к этому камню.

Эктор оказался прав. Это действительно был стоячий камень, очень похожий на камни Места Солнца. Только этот был один; и, возможно, его поставили здесь в древности в честь победы. В нем по-прежнему генерировалась огромная энергия. Проведя пальцем по поверхности камня, Мерлин ощущил эту энергию. Камень как нельзя лучше подходил для его целей.

Мерлин развернул меч и, взяв рукоять обеими руками, уперся концом меча в камень. И начал медленно и негромко петь, заставляя камень поддаться металлу меча.

Он вложил в свою песню все, чему научило его зеркало, отбросив все постороннее. Остались только камень и металл, и они вынуждены были подчиниться его воле.

Конец меча двинулся внутрь, как будто упирался не в

твёрдый камень, а в мягкое дерево. Дюйм за дюймом меч углублялся в камень. Когда он вошел в него на две трети, Мерлин пошатнулся и упал бы, если бы Эктор не подхватил его.

— Древние знания — страшная вещь, родич.

Он крепко обнял Мерлина за плечи.

— Не поверил бы, если бы не видел своими глазами. Но Артур не знает слов силы. Сможет ли он выдернуть меч?

— Только он и сможет, — слабо ответил на это Мерлин. — Он принадлежит к расе, обладающей властью над металлом и камнем, хотя сам этого не знает.

Мерлин держался из последних сил.

— Теперь нужно сообщить лордам об испытании.

• Впоследствии Мерлин не мог ясно вспомнить, как он стоял перед собравшимися.

Он знал только, что в нем была такая сила, что и без всяких иллюзий люди слушали и верили. С факелами в руках устремились они к камню и увидели погруженный в него меч. Они согласились, что предложенное Мерлином испытание должно указать вождя. И хоть они не верили, что кому-нибудь это удастся, что-то заставляло их согласиться.

Сам Мерлин так устал, что скорее упал, чем лег на груду плащей в палатке Эктора.

Он спал без сновидений, как человек, одержавший победу над превосходящими силами противника.

Утром Мерлин поел, не чувствуя вкуса и не зная, что ест, — так сконцентрирована была вся его энергия на предстоящем испытании. Позже он занял место у камня, с трудом оставаясь внешне невозмутимым, чего требовало его положение пророка.

Претенденты на трон пришли один за другим. Стоял Лот Оркнейский с лисьим лицом под рыжими волосами, переводя взгляд с одного человека на другого, как будто решая, как использовать их для своих целей.

Меч под его рукой не шевельнулся. Лот даже отдернул руку от рукояти, как будто она была раскалена. Сделал попытку сын Глориса Корнуолльского. Пытались и другие. Их было так много, что имена их ничего не значили для Мерлина. Большинство из местных племен, но были и представители армии Амбродиуса, явные римляне.

Потом пошли молодые. Некоторые юноши только начали носить оружие. Их усилия вырвать волшебный меч были яростней, как будто они верили там, где старшие сомневались. Мерлин из всех запомнил только смуглое лицо Кея.

Мерлин затаил дыхание, когда в круг вступил Артур.

Солнце превратило его волосы в золото с Западного острова. И тут в мозгу Мерлина сложились определенным образом слова, и он про себя произнес условную фразу.

Артур вытер ладони о полу, как будто они были влажными от пота. Одежда его была освещена так же ярко, как волосы.

От него словно исходило солнце. Или Мерлину только казалось так?

Юноша сжал рукоять небесного меча.

Мерлин видел, как напряглись мышцы на его плечах и руках от усилия. Лицо его сохраняло серьезность. Из всей этой толпы единственным уверенным в себе человеком был Артур.

И вот раздался протестующий хриплый звук. Меч медленно высвобождался, выходил из камня. Мерлин услышал удивленные возгласы собравшихся. Они все пытались, они знали, что это невозможно, и вот на их глазах Артур совершил невозможное.

Он продолжал тянуть. Рукоять меча пришлась ему точно по руке. Клинок вспыхнул огнем, Артур радостно рассмеялся и взмахнул им над головой.

Мерлин не кричал, но его слова были подхвачены толпой, как будто он провозгласил их вслух:

— Да здравствует Артур Пендрагон. Высокий король Британии, который был, есть и будет!

Мерлин видел, что даже Лот отдал мечом салют новому вождю.

Мерлин бросил взгляд на стоящих несколько в стороне женщин. Каждая королева и леди в глубине души надеялась, что великое деяние совершил ее муж и она будет править вместе с ним. И среди них Мерлин увидел своего врага.

Кулаки его сами собой сжались. Он мог бы догадаться, что Нимье будет здесь. На этот раз на ней было не простое зеленое платье, а соответствующий наряд, богато украшенный вышивкой фантастического рисунка из серебра. На темных волосах был серебряный обруч с зеленым камнем. Высокая и стройная с царственной осанкой,— она выделялась на фоне остальных женщин, как королева среди полевых работниц.

Она встретила его взгляд и слегка улыбнулась. Мерлин почувствовал угрозу. Нужно было защищаться. Если бы он только знал, какими возможностями она располагает! Зеркало говорило, что, заключив Мерлина в пещеру, она почти истощила свои силы. Но если поле с годами ослабло, то Нимье могла восстановить свои силы.

К Артуру подходили лорды и клялись в верности. Мерлин увидел Эктора, как всегда стоящего немногого в стороне, и подошел к нему.

— Эктор, кто эта женщина?

Голос его заглушался приветствиями.

Он хотел знать, какое положение занимает Нимье при дворце, кто ее поддерживает открыто и тайно.

— Ее зовут леди Озера. У нее есть своя крепость. Говорят, некогда это был замок старинной богини, правившей реками и озерами. Она великий целитель и вплоть до самой смерти лечила Утера. Люди верят в ее искусство. Но если она наша родственница, то никогда не говорила об этом.

— Нет! — взорвался Мерлин. — Она не наша, она из Темных, Эктор, и ее настоящее имя Нимье. Это по ее воле я находился в заключении. Мы должны следить за ней. Она желает Артуру зла.

Но они опоздали. Когда Эктор подозревал двух верных людей, чтобы приказать им следить за леди Озера, она уже исчезла и никто не знал куда.

Мерлин понял, что теперь опасения всегда будут омрачать его дни и ночи.

ГЛАВА 11

Снова стоял Мерлин в Месте Солнца.

Хижина Лугейда превратилась в груду обломков, в которой уже нельзя было распознать бывшее жилище человека. Не в первый раз Мерлин подумал о том, куда исчез друид. Жив ли он вообще?

Одиночество, всегда поджидавшее поблизости, накинулось на Мерлина, как дикий зверь на добычу: последний друг Эктор пал от удара сакского топора две битвы назад.

Время теперь считали не годами, а битвами. Артур оказался военачальником, которого все так ждали. Даже в юности он искусней управлял войсками, чем Утер, отражая набеги врагов на Британию. Он проявил больше гибкости и понимания характера племени, чем по-римски жестокий Амброзиус.

Его ответом на набеги Крылатых Шлемов была кавалерия — черные всадники границ.

Лошадей фризской породы, более крупных и тяжелых, чем местные, скрестили с темными лошадьми севера и получили крепкое и сильное потомство, способное нести воина в полном

вооружении. Сами лошади тоже были укрыты кожаными латами с нашитыми на них металлическими полосками.

Саксы, несмотря на свое поклонение белым лошадям, которых они приносили в жертву богу Вотану, не были настоящими всадниками, и оружием Артура стали быстрые кавалерийские удары по пехоте. Амброзиус в свое время удачно сдерживал саксов, отгоняя тех, кого Вортиген призвал на защиту от пиков и шотландцев с севера.

Утер благоразумно сохранил то, чего достиг его брат, но только Артур заставил саксов отступить повсюду.

Все чаще саксы садились на свои корабли с дракоными головами, увозили женщин и детей и все свое имущество. Они направлялись за море, прочь от Британии, где люди Артура не давали им покоя, заставляя постоянно держать в руках меч или копье.

Артур постоянно побеждал.

Мерлин спешился у Королевского камня и коснулся ладонями поверхности плиты.

Каким юным, полным торжества и надежд был он в тот день, когда стоял здесь впервые! Он слишком легко выиграл, чтобы торжествовать: переправить камень из-за моря, поместить его в землю Британии — уж слишком ничтожно это было для полной победы.

Мерлин устало вздохнул. Да, он сделал Артура королем. Но Артур, сидящий теперь на троне, не король из его снов. Он вежливо выслушивает Мерлина, но только иногда соглашается с ним. Короля всюду сопровождают жрецы Христа и, когда только могут, нащептывают ему о колдовстве Мерлина, снова и снова напоминают, что он родился от демона.

Теперь Мерлину казалось, что в его планах всегда был просчет. Только трижды он действовал безошибочно: привез камень на нужное место, где в будущем он послужит маяком, освободил небесный меч и посадил Артура на трон.

Но у Артура не было знаний, от которых зависело будущее небесного народа, и его характер был сформирован другими, а Мерлин давно уже убедился, что Нимье имеет немало способов добиваться своего.

Прежде всего — королева. Рот Мерлина изогнулся в гримасе, как будто он ощущал физическую боль. Королевская дочь и такая красавица, что у мужчин захватывает дыхание, когда они смотрят на нее, — внешне она достойная пара Артуру. А на самом деле — игрушка, кукла, настолько поглощенная мыслями о своем теле, что глаза ее не знали покоя, когда она находи-

лась в обществе. Они осматривали каждого мужчину, проверяя, оценил ли он красоту ее лица и фигуры. Такова была Джине-вра.

И хотя с тех пор, как леди Озера с подозрительной улыбкой отвернулась от торжества Артура, он ее не видел, Мерлин чувствовал присутствие Нимье около королевы.

Как давно это было...

Мерлин потер рукой лоб. Его переполняли глубокая душевная усталость и предчувствие, которого он не мог понять. Дважды приходил он в пещеру, но зеркало молчало. Он не пытался нарушить его молчание и надеялся на свои силы.

Ему по-прежнему иногда снились сны, подкрепляющие волю. Он видел вздымавшиеся в небо города, людей, научившихся летать, изменивших свой мир, как гончар меняет податливую глину. Он видел, на что способен человек, а проснувшись, созерцал убожество и упадок человечества в свой век.

У него есть мудрость, но кто последует его советам? Артур слушал его только, когда это соответствовало его планам. Остальные (и то лишь немногие) приходили к нему лишь как к целителю. Большинство служило жрецам из-за моря. Все, что не одобряли жрецы, считалось порождением зла.

Теперь Мерлин был в стороне от всех, как в броне из непробиваемого льда. Звери в лесу казались ему ближе людей. И всегда его гнетет одиночество.

Сама внешность способствовала его обособлению: достигнув мужской зрелости, Мерлин перестал стареть. Он благородно изменил с помощью трав свое лицо и волосы, искусственно старя их, иначе его продолжающаяся молодость вызвала бы враждебность в людях, которые больше всего боялись упадка сил и приближения старости, означавшей для них смерть.

Мерлин покачал головой в ответ на свои невеселые мысли и выпрямился. Нельзя позволять неуверенности овладеть собой! Артур правит Британией с помощью меча, который вложил ему в руки он, Мерлин. Король установил мир. Ни один человек не может одержать победу, не изведав вначале вкус поражения. Наступил час, к которому была устремлена вся его жизнь. С новой энергией, как бы очнувшись от кошмара, он огляделся вокруг. Высокие и сильные, возвышались рядом древние камни.

Зеркало учило его: «Сила была, есть и будет». Он привезет сюда Артура вопреки всем заморским жрецам, отведет его к зеркалу. Почему он позволил унынию овладеть своим разумом, нашептывать ему темные мысли? Он, Мерлин, может быть, последний человек на Земле, владеющий древними знаниями!

Он слишком долго тратил время попусту. Теперь Артур не занят отражением набегов, он готов к выполнению своей главной задачи.

И Мерлину, когда он отбросил сомнения, показалось, что камни ослепительно сверкнули на солнце, вспыхнули, как факелы. Они и были факелами, несущими забытый свет в их темный мир. Мерлин высоко поднял голову и расправил плечи.

Почему же все-таки он позволил неуверенности овладеть собой? Похоже, в словах людей о колдовстве есть какая-то правда, и им внезапно овладело могучее заклятие, как то, при помощи которого зеркало сохранило ему жизнь. Теперь он ощущал силу так же ясно, как в тот день, когда поднял Королевский камень на Западном острове.

И все же ему не хотелось уходить, не хотелось возвращаться во дворец-крепость короля. Камни по духу были ему ближе людей. С глубоким сожалением вспомнил он, как ждал рождения Артура, надеялся, что кто-то разделит его одиночество, особенно сильное, когда он оказывался в толпе.

Мерлин свистнул, и лошадь, пасшаяся у камней, заржала в ответ, подошла к нему и ткнулась головой в грудь, а он потрепал ее за уши и гриву. Это была знаменитая черная порода, более послушная и лишенная порывов к независимости, которые иногда заставляли черных лошадей сбрасывать любого всадника.

Сев с седло, Мерлин задержался, задумчиво глядя на камни. Он видел насыпь, воздвигнутую над Амброзиусом, этим сильным человеком, который так стремился вернуть прошлое. Только в прошлом он видел безопасность.

Утер лежал не здесь. Чужеземные жрецы положили его тело под полом одной из своих церквей, построенной на месте бывшего римского храма. Сами камни древней постройки теперь служили новым богам.

Видел Мерлин и могилу, в которую он вторгся некогда, чтобы достать меч. Кто лежит там? Один из Повелителей Неба, встретивший смерть далеко от дома? Или сын от смешанного брака, подобный Мерлину?

Он этого не знал, но рука взметнулась в воинском приветствии не только человеку, прозванному Последним Римлянином, но и этому неизвестному из глубокого прошлого.

Уезжая от Места Солнца, Мерлин был полон решимости отвести Артура к зеркалу. Артур далеко не глуп, он поймет разницу между древними знаниями и тем, что невежественные люди называют колдовством.

К тому же наступает время пустить в ход Королевский

камень. В пещере есть необходимый предмет. Его нужно положить под камень, тогда вызов будет послан.

В ответ появятся корабли со звезд.

Снова человек сможет завоевать небо, землю и море! Мерлин чувствовал, как горячая надежда растапливает лед недоверия. Человек стоит на пороге нового великого времени.

Так думал он на пути в Камелот и ночью ему снились яркие сны.

Через несколько дней Мерлин приблизился к стенам древнего замка, который Артур превратил в самую мощную в Британии крепость. Стража хорошо его знала и не остановила у внешних ворот. Мерлин задержался лишь для того, чтобы сменить свое пыльное дорожное платье на более подходящее к великолепию королевского двора.

— Здравствуй, Мерлин.

Артур сидел за круглым столом. Это тоже было изобретением Мерлина: круглый обеденный стол, за которым ни один гордый рыцарь или маленький король не мог бы утверждать, что его посадили на место, не соответствующее его достоинству.

— Здравствуй, король.

Мерлин сразу заметил среди знакомых лиц новое.

Кей больше не сидел по правую руку короля.

Это место занимал юноша, почти мальчик.

Глядя на смуглое лицо незнакомца, Мерлин сдержал невольную дрожь. Если в чертах Артура ничего не говорило о присутствии древней расы, то во внешности этого юноши оно читалось так ясно, как еще не случалось видеть Мерлину. Разве лишь в зеркале, отражавшем его собственное лицо.

Внешность юноши в одно и то же время была знакомой и незнакомой. Глаза смотрели из-под густых ресниц жестко и непроницаемо. Это были глаза старика, не соответствовавшие юному облику. В них виднелась угроза.

Мерлин обуздал свое воображение. Нужно было радоваться появлению еще одного представителя древней расы, но ничто в этом юноше не радовало его.

— Ты вовремя.

Король махнул рукой, виночерпий торопливо наполнил серебряную чашу заморским вином и поднес ее Мерлину.

— Ты вовремя, бард, чтобы выпить за нового потомка Пендрагона, пришедшего ко мне на службу.

Он кивнул юноше.

— Это Модред, сын леди Моргазы и мой племянник.

Рука Мерлина сжала кубок. Ему не нужен был даже этот косой, мрачный взгляд, брошенный юношей, взгляд, предвещавший опасность, чтобы все понять.

Племянник Артура? Нет, его сын от Моргасы, которую скрыла Нимье. По его взгляду Мерлин понял, что юноша знает правду, или, по крайней мере, ту ее часть, которая может принести наибольший вред Артуру,— что он действительно сын короля и женщины, известной как сводная сестра короля.

Мерлин выпил вино, надеясь на свою долгую практику в скрывании подлинных чувств.

— Лорд Модред, кровь Пендрагона — это высокая честь. Он кивнул юноше.

— Да.

Артур улыбнулся.

— И он явился как раз вовремя, чтобы успеть окровавить свой меч и показать характер. На сакском берегу горят сигнальные огни. Эти псы опять ищут добычу. Мы выезжаем на охоту.

Глаза короля горели. Мерлин понял, что не сможет остановить Артура. Придется отложить планы знакомства Артура с зеркалом.

Артур по-прежнему не будет знать своего наследия и истинной задачи. Модред — сын короля, воспитанный Нимье. Это Мерлин знал инстинктивно. У нее было достаточно времени, чтобы подготовиться к удару. И вот она нанесла его. К злобе того, кто считал себя лишенным законного места, добавляется железная воля Нимье.

Этот юноша — страшная угроза!

Но не только осторожность говорила в Мерлине. В нем начал закипать гнев. Пора было отыскать Нимье. А может ли быть лучшая дорога к ней, чем через Модреда, ее создание?

Мерлин прислушивался к возбужденным разговорам о новой экспедиции против саксов.

Сидя за круглым столом, он поднял взгляд к галерее и переводил его от одного прекрасного лица к другому. Королева хвастала, что ее сопровождают красивейшие женщины Британии, но ни одна не может соперничать с ней.

Вот и Джиневра в богато украшенном платье желтого, как созревшая пшеница, цвета. Маленькая золотая корона на волосах такого же цвета, что и платье. Платье и волосы сливаются, их невозможно отличить.

На шее тяжелое янтарное ожерелье. Когда она наклоняется вперед, к ее щекам свисают серьги — драгоценные камни. Глаза внимательно следят... за кем?

Мерлин проследил направление ее взгляда.

Она смотрела на Модреда и слегка улыбалась. Мерлин знал, что за этим взглядом, смысл которого он может разгадать, что-то кроется. И это беспокоило. То, что женщины оставались для него загадкой, возможно, было громадным недостатком. Он считал Джиневру куклой, игрушкой без собственных мыслей и целей. Но так ли это?

Однако сейчас Мерлин искал другое лицо. И поэтому отвернулся от яркого лика королевы к менее яркой чреде окружавших ее леди. Некоторых он знал по имени, других внешне, но никогда не разглядывал их так тщательно, как сейчас. Той, которую он искал, не было. Не было леди такой же яркой, а может, еще более яркой, чем сама королева. Если Нимье представила двору Модреда, то сама не явилась сюда, иначе присутствовала бы на пиру.

Мерлин осторожно поискал ее с помощью своих особых чувств, которые редко использовал в присутствии большого количества людей: слишком много личностей, изучающих собственную энергию. Он был готов поклясться, что Нимье здесь не было.

Но воля ее здесь присутствовала в лице «королевского племянника».

Мерлин верил, что неожиданное известие об англосаксах тревожит короля. Все выглядело так, будто сам Артур видит в этом только возможность показать новоявленному племяннику проворство и неуязвимость черной кавалерии.

Теперь настал час. Мерлин знал это.

Он должен вызвать небесные корабли, пусть даже и без участия Артура!

Среди всеобщего пира Мерлин погрузился в собственные мысли и вдруг понял, что люди вокруг него встают, зовут оруженосцев и готовятся к отъезду. Ими владело возбуждение, жажда битвы. Мерлин чувствовал силу их эмоций, ощущал, как в нем самом пробуждается та же жажда сражения, и сумел подавить ее силой, принадлежавшей не Земле, а Повелителям Неба. Мерлин призван использовать мысль и невидимые силы, а не примитивное оружие этого мира!

Перед ним кто-то стоял. Мерлин взглянул на Модреда.

— Тебя называют бардом.

В голосе Модреда слышался звон невидимого оружия.

— Тебя также зовут колдуном и сыном нечеловека.

В его тоне звучала насмешка. Любой другой на месте Мерлина выхватил бы в ответ оружие.

— Все это правда.

Мерлин несколько удивился открытому проявлению враждебности, хотя с самого начала ждал, что человек Нимье как-то проявится.

— И насколько правда, что говорят?

На этот раз в голосе Модреда звучал открытый вызов. Мерлин улыбнулся.

— Много ли мы знаем о себе? Способны ли мы отличить правду от вымысла? У каждого из нас есть свои силы, большие и малые. Дело лишь в том, как мы используем данное нам.

— Силы могут быть даны тьмой и светом. Король слушает жрецов света, бард. Старые времена миновали.

Мерлин рассмеялся. Его охватило то же возбуждение битвы, что и остальных при известии о набеге саксов, но по другой причине. Нимье через этого юношу бросала ему вызов. А когда дело доходит до войны, сомнения исчезают. Он может использовать силы, которые не снились другим и которые по его приказанию подняли камень.

Продолжая разговаривать с Модредом, он перечислял все эти силы в уме.

— Разве ты никогда не слышал, лорд Модред, что существует нечто такое, что было, есть и будет? — спросил он.

Он произнес имя юноши с насмешкой и видел, как вспыхнуло его лицо.

— Та, которая тебя учила, должна была знать это.

Он отвернулся от собеседника, но Модред схватил его за рукав.

— Ты невежлив, бард. Кого ты имеешь в виду?

Мерлин снова рассмеялся: Нимье не полностью владеет этим мальчиком, хотя в нем есть древняя кровь, но он не умеет подавлять вспышки гнева.

— Мальчик, — сказал он, не употребив на этот раз слова «лорд», — тебя учили многому, но только не хорошим манерам.

Мерлин выдернул рукав.

— Прежде всего тебе следует узнать сущность человека, с которым ты говоришь.

Разговор показал, что Нимье не слишком искусно подобрав свое оружие. Это не Эктор и даже не Кей. Юноша не очень умен.

Мерлин прошел сквозь толпу возбужденных мужчин.

У дверей он оглянулся. Модред смотрел ему вслед и держал в своей руке заморского жреца.

Бритое лицо жреца было взволновано.

Мерлин видел, как двигались губы Модреда, и не сомневался, что готовится какая-то ловушка.

Быстро прошел он в свою комнату и снял одежду барда. Это белое платье делало его слишком заметным. Он надел простую одежду и взял плащ с капюшоном. Потом оседлал свежую лошадь, заполнил седельные сумки хлебом и сыром с кухни, где слуги готовили то же самое для сбирающегося в поход отряда. Мерлин выехал раньше и направился в горы.

Уже несколько лет не бывал он здесь, но помнил каждый поворот тропы. Так как он никогда не забывал о своей одиночной жизни в лесах, ему было легко и привычно проводить ночи без огня и двигаться тайно.

Руины крепости Найрена теперь превратились в насыпь, поросшую кустарником.

Мерлин долгоостоял здесь, вспоминая, чем был дом клана для Мирддина.

Потом был подъем. Наверху Мерлин снял с лошади седло и упряжь, стянул ее и пустил пастись. Он убрал камни из расщелины. В пещере было темно, ни один из механизмов не светился. Мерлин не приближался к зеркалу: было не время для вопросов. Он сам хорошо знал, что нужно делать.

У стены он подобрал цилиндр размером с ладонь. Зеркало давно рассказывало ему об этом цилиндре, и рассказ он помнил так хорошо, как будто выслушал его час назад. В этом предмете заключалась цель всей его жизни.

Не было больше колебаний, попыток действовать через людей. Он сам выполнит волю Повелителя Неба!

Маяк был легче, чем он предполагал.

Мерлин вынес его наружу и снова замаскировал расщелину. Зеркало могло еще понадобиться.

Рано или поздно сюда придет Артур.

Мерлин не знал, сколько времени сигнал будет идти до кораблей: месяцы, годы... До этого часа Артур должен оставаться королем.

Прижимая цилиндр к груди, как драгоценное сокровище, Мерлин начал спуск.

ГЛАВА 12

Было темно, когда Мерлин добрался до Места Солнца. Год приближался к концу, морозными утрами и долгими темными ночами становилось все холоднее. Камни казались далекими, словно сознательно избегали контакта с людьми этого мира.

Если бы с ним был сверкающий меч, задача была бы сравни-

тельно легкой. Но меч остался у Артура, и Мерлин должен был рассчитывать лишь на свои знания. Пробираясь в каменный круг, он вздрагивал не только от холодного ветра. Родство с этими камнями, которое он всегда чувствовал, исчезло. Мерлин уже не ласкал, как раньше, камни рукой.

Необходимость заставляла его приняться за работу немедленно. Он подошел к Королевскому камню, осторожно положил на землю цилиндр и осмотрел камень.

Было ясно, что нельзя просто положить цилиндр на камень, как он наивно полагал поначалу. Хотя это место считалось священным, любой прохожий мог заинтересоваться странным предметом, поэтому цилиндр нужно было хорошо спрятать под самым массивным каменным блоком.

Мерлин поднимал этот камень и сможет поднять его вновь, хотя без меча это значительно труднее, а с собой у него был только обычный нож.

От камней падали густые тени, в них таилось что-то угрожающее. Мерлин все время тревожно оглядывался: раньше Нимье пользовалась лишь такими иллюзиями, которые он и сам мог вызвать, но неизвестно, что можно ожидать от нее теперь.

Мерлин вспомнил слова Лугейда: в древних храмах долго сохраняются таинственные силы, которым некогда здесь поклонялись.

Наступала ночь, надо было искать место для ночлега. До утра у Мерлина было время, чтобы подготовиться к величайшему свершению в жизни, большему, чем даже иллюзия, сопутствующая рождению Артура.

Снова подобрав маяк, он двинулся к насыпи, некогда бывшей жилищем Лугейда.

Тут он расположился, напился из ручья, который почти совершенно затянуло илом с тех пор, как сюда перестал приходить друид, и поужинал остатками провизии, привезенной из Камелота.

Потом Мерлин сел, прислонившись спиной к остаткам стены, и посмотрел на Место Солнца. С наступлением темноты поднялся ветер. Пролетая между камнями, он издавал воющий звук. Впечатлительный человек мог услышать в нем жалобы умерших.

Не в первый раз Мерлин задумался о Повелителях Неба. Что они искали здесь? Почему они хотели вернуться? Они так могущественны, что легко перелетают от одной звезды к другой, почему же они не найдут для себя другой, лучший мир?

Может, существует что-то, что можно найти только здесь?
И человечество нужно им, чтобы выжить?

Зеркало отвечало уклончиво, когда он пытался расспрашивать об этом. Когда оно выдавало информацию, Мерлин часто испытывал чувство угнетения: в его мире не было слов для тех необычных предметов и сложных машин, которыми легко пользовался небесный народ. Но некоторые, самые простые вопросы, в свою очередь, смущали зеркало.

Ночь опускалась на Место Солнца, а Мерлин сосредоточенно концентрировал силы, накапливал необходимую энергию. Ему предстояли не манипуляции иллюзиями, а реальное действие.

Сейчас он был такой же полководец, как Артур, но войско его — не люди. Все глубже погружался он в свою память, и неожиданно в сознании возникла забытая картина: на этом самом месте стоит Нимье, тело ее белеет, волосы развеиваются ветер. Он слышит музыку ее голоса, чуть не касается теплого тела.

Мерлин решительно подавил это наваждение. Он должен забыть о ней!

Неимоверным усилием воли он переключил свое сознание и сосредоточился на воспоминании о зеркале, как если бы оно было перед ним.

Мерлин слышал его голос, различал слова. Он знал, что ему нужно делать, успокоился и больше не чувствовал усталости. В нем нарастила сила, заполняла тело и мозг. Ее нужно было сдерживать до наступления нужного момента. Мерлин не замечал, как проходило время, не чувствовал холода. Внутренняя энергия согревала его, и, несмотря на резкий ветер, он отбросил плащ.

Случайно взглянув на свои руки, лежащие на коленях, он не удивился, увидев, что они слегка светятся. Он чувствовал свою силу. Ему все труднее становилось сдерживаться. Губы его шевелились, но не произносили ни слова, только в мозгу продолжали звучать древние заклинания.

Когда небо посерело, Мерлин встал.

Хотя он просидел неподвижно всю ночь, тело его не затекло. Наоборот, он чувствовал себя, как бегун, рвущийся в путь. Левой рукой он прижал к себе маяк, в правой держал наготове нож и так приблизился к Королевскому камню, встал рядом с ним лицом к восходящему солнцу. Маяк он положил у своих ног. Вот он вытянул руку и со звоном начал ударять ножом о камень, произнося одновременно слова, которые готовился произнести всю жизнь.

Удар, еще удар, темп все ускоряется. На небе появилось

зарево — предвестник восхода. Голос Мерлина произносил слова заклинания, может быть, более древние, чем сами камни.

Камень ожидал неохотно, тяжело.

От обрушившегося шквала ударов металла о камень возник сноп искр. Голос Мерлина стал громче, он требовал, чтобы силы, заключенные в камне, подчинились воле человека.

Камень зашевелился, не так быстро, как в ответ на удары меча, но зашевелился!

Мерлин напряг волю, поднял нож и край камня последовал за лезвием.

Мокрая одежда прилипла к телу. Несмотря на холод, Мерлина было так жарко, что с тела струился пот. Выше, еще выше, пока камень не встал вертикально. И тут Мерлин произнес единственное слово, которое не осмеливался произносить раньше, — слово, связующее силу. Камень продолжал стоять, и яма под ним была пуста.

Мерлин опустился на колени и стал копать землю ножом.

Он не знал, сколько времени слово будет удерживать камень, и копал все глубже и быстрее.

Наконец углубление было готово. Мерлин поставил в него маяк, направив более легкий конец в небо. Работая еще быстрее, он сгреб обратно выкопанную землю и утрамбовал ее руками и рукоятью ножа. Наконец отбросил нож и запачканными землей, с обломанными ногтями руками коснулся цилиндра в определенном месте, повернулся, и крышка легко снялась.

Дрожа от крайнего напряжения и усталости, Мерлин выбрался из-под камня и взглянул на возвышавшийся монумент. Мысленно произнес он заклинание. Камень рухнул вниз со страшной силой.

Он так устал, что мог только лежать, касаясь руками камня, почти теряя сознание.

Именно прикосновение к камню привело его в себя. Он всегда чувствовал силу, заключенную в нем, но на этот раз биение его было иным. Поняв в чем дело, Мерлин испустил крик облегчения и радости. Получилось! Маяк действовал!

Он слишком ослаб, чтобы сразу встать, и продолжал сидеть, опустив голову на грудь и опираясь руками на камень, все время ощущая мощное биение.

Его привело в себя ощущение опасности, как будто ветер донес отвратительный запах. Мерлин ощупью поиском в траве нож — свое единственное оружие. Теперь он слышал стук

копыт и крик, который могла издавать только человеческая глотка.

Саксы? Разбойники? Мерлин знал только, что приближаются враги, поэтому не вставая, отполз в тень камня. Отсюда ему был виден отряд. Всадники направлялись прямо к его ненадежному укрытию.

Мерлин понял, что они не решаются вторгнуться в Место Солнца.

Один из них подъехал со стороны хижины Лугейда, гоня перед собой лошадь Мерлина.

Мерлин слышал возбужденные голоса, но не разбирал слов. Однако он был достаточно близко, чтобы рассмотреть на двоих из прибывших одежду заморских жрецов. Остальные были явно вассалами одного из племенных вождей.

Жрецы подгоняли воинов. Но, невзирая на нетерпеливые приказы, воины не торопились приближаться к священному месту.

Древнейший закон, соблюдаемый всеми племенами, гласил: нельзя проливать кровь и преследовать беглеца в Месте Солнца.

Мерлин был уверен, что ищут его, но причины понять не мог. Артур дал при своем дворе место верящим в Христа, и многие из его приближенных были христианами, но король придерживался либеральной политики Амброзиуса. Когда к нему присоединились воины, готовые сражаться с захватчиками, он не спрашивал, в какого бога они веруют. В его окружении были такие, кто склонял колени перед убийцей быков Митрой, а другие верили в древних богов Британии.

Кто разрешил этим всадникам преследовать его? Мерлин готов был поклясться, что сделано это было без ведома короля.

Хотя Артур никогда не был так близок к Мерлину, как тот надеялся, но все же уважал его и иногда прислушивался к человеку, вложившему меч Британии в его руки. Нет, Артур не стал бы преследовать его! Но кто-то ведь послал этих охотников.

Мерлин подумал о Модреде. Неужели этот явившийся ниоткуда «племянник» приобрел такую власть в Камелоте?

Жрецы по-прежнему подгоняли всадников, а воины пятились. И вот серые рясы двинулись вперед. Один поднял символ своего бога — деревянный крест. Оба пели молитву.

Мерлин видел, что меньший из жрецов обнажил меч, хотя это противоречило всем представлениям Мерлина: жрец не может быть воином.

Почему же он должен прятаться, как загнанный зверь? Мерлин встал, вышел из-за камня и выпрямился, как воин, ожидающий нападения противника.

Когда жрецы приблизились, Мерлин, разглядев их лица. Одного из них он узнал.

Это был тот самый жрец, с которым Модред говорил на пиру в Камелоте. Итак, его подозрения оправдываются. Эта встреча — дело рук Модреда.

— Кого вы ищите, люди божьей службы? — спросил Мерлин.

Жрец, державший крест, на языке римлян произносил заклятия против сил тьмы. Его спутник не поднял меча, и хотя у него были глаза фанатика, он все же не был готов напасть на безоружного.

— Дьявольское отродье! — воскликнул он, заглушив слова молитвы другого.

Мерлин покачал головой.

— Вы стоите на месте, которое знало многих богов, — спокойно сказал он. — Большинство из них давно забыто, потому что исчезли те, кто взывал к ним в минуту опасности. Пока люди сознают, что помимо них есть еще гораздо большие силы, способные привести их к лучшей жизни, к миру, будут существовать и боги. И неважно, как человек называет эту силу: Митра, Христос или Лаг. Сила остается все той же. Только смертные люди отличаются друг от друга, а сила была, есть и будет, не уменьшаясь, и переживет даже Землю, на которой мы стоим.

— Богохульник! — послышался голос жреца. — Слуга зла!

Мерлин пожал плечами.

— Ты берешь на себя мою роль, жрец. Это барду подобает играть словами, и он делает это с большой легкостью, он может открыто устыдить короля при его дворе. Я не спорю с тобой. То, что я слышал о вашем Христе, убеждает, что он действительно один из обладающих истинной силой. Но он не единственный. У каждого племени в свое время появляется собственный бог. Я приветствую вашего Христа как одно из видевших Великий Свет. Но разве Христос учил вас преследовать человека, не идущего одной с ним дорогой? Я думаю, нет, а иначе он не принадлежал бы к великим, для которых ясны и открыты все пути!

Молитва второго жреца затихла. Со странным выражением на старческом лице смотрел он на Мерлина.

— Ты говоришь необычные вещи, сын мой, — произнес он.

— Если ты слышал обо мне, жрец, то знаешь, что я

вообще необычный человек. Если хочешь сразиться силами, то знай: это детская игра, а ребенок не сознает, чем играет! Смотри!

Он быстро провел перед собой пальцем. На вершинах камней вспыхнули огоньки. Старший жрец смотрел на них спокойно, зато его спутник возбужденно воскликнул:

— Работа Дьявола!

— Если это так, то уничтожь ее, жрец! Добро должно победить зло,— улыбнулся Мерлин.

Жрец заговорил по-латыни, но огни продолжали гореть. Они погасли, лишь когда Мерлин щелкнул пальцами. Лицо жреца побагровело от гнева.

— Природа зла не вне человека, а в нем самом,— заметил Мерлин.— Он создает в себе возможности для ненависти, страха и всего того, что таится в темноте. Если же он не создает такой возможности, то и не порождает дьяволов. Я не использую силу для вреда, никогда не использовал, да и не собираюсь. Ибо, если я обращаю свои способности на это, они погибнут. Какого бога я призываю, используя эту силу, это мое дело. Я не заставляю других верить в него. Достаточно, что я знаю о существовании силы, которая была, есть и будет!

Старший жрец некоторое время смотрел на него, потом сказал:

— Незнакомец, у нас с тобой разные дороги. Но с этого момента я не верю, что ты помощник злой силы. Ты фатально заблуждаешься, и я буду молиться, чтобы ты отвернулся от ложного пути и свернул на истинный.

Мерлин склонил голову.

— Жрец, все молитвы, произнесенные с добрыми намерениями, замечаются силой. И неважно, к кому они обращены. Я не желаю тебе зла, не желай мне его и ты.

— Нет!— крикнул младший жрец.

Он пылал гневом, а может, испытывал страх.

— Это дьявольское отродье — угроза для всех верующих. Он умрет!

Жрец сделал неожиданный и весьма искусный выпад мечом, и Мерлин решил, что прежде чем надеть рясу жреца, он был воином. Но Мерлин был наготове. Его рука взметнулась, и меч, словно притянутый сильным магнитом, отлетел в сторону и ударился о ближайший камень. Клинок меча раскололся.

— Иди с миром,— сказал Мерлин жрецу.

Жрец, не веря своим глазам, смотрел на осколки оружия.

— Я никому не хочу зла. Но тебе лучше уехать отсюда. Тут живет древнее заклятие. Ни один человек не смеет обнажать меч в священном кругу. Установившие этот закон давно мертвые, но сила их молитв живет. Иди и радуйся, что камни не восстали против тебя.

— Брат Гилдас,— негромко сказал старший жрец,— во имя твоего повиновения господу, уходи! Этот человек идет своей дорогой и не нам его допрашивать.

Когда они отъехали к ожидающим их воинам, старший жрец отдал приказ и воины отпустили лошадь Мерлина. Отряд торопливо двинулся прочь. Вероятно, воины в отличие от жрецов верили в силу древних.

Мерлин посмотрел им вслед. Снова на него обрушилась свинцовая усталость. Он должен был поспать. Но разумно ли задерживаться здесь?

Поразмыслив, он решил, что старшему жрецу можно верить: в споре сил Мерлин оказался сильнее. К тому же было ясно, что воины не захотят возвращаться к Месту Солнца.

Мерлин подошел к Королевскому камню. Солнце пригревало. Ветер стих.

Мерлин сгреб сухую траву, постелил плащ и устроил себе постель.

Проснулся он к вечеру. Его разбудило ржание лошади, пасшейся поблизости. Мерлин позавидовал лошади: он проголодался. Накануне вечером были съедены последние продукты, а время года было неподходящее для ягод или орехов. Придется вспомнить детство и испытать удачу в охоте на кролика с пращей и камнем.

Выбрав несколько подходящих булыжников, Мерлин начал охоту и обнаружил, что старое умение не забылось.

Он развел костер, добыв огонь ударами ножа о камень, поджарил кролика и съел все до последнего кусочка.

Несмотря на сгущавшиеся тени, Мерлин снова лег на постель из сухой травы и спокойно уснул. Он чувствовал, что, выполнив задачу своей жизни, обрел свободу. В этом круге камней ничто не может угрожать ему.

Спал он без сновидений и был разбужен первыми лучами солнца.

Задерживаться было незачем. Мерлину казалось, что пройдет немало времени, прежде чем придет ответ на зов маяка. Но перед отъездом он снова положил руку на камень, чтобы ощутить уверенное мощное биение.

Он двинулся в Камелот. Присылка Модредом жрецов была открытым объявлением войны, и Мерлин не мог этого стерпеть.

Юноша не должен думать, что хоть в чем-то одержал победу и заставил Мерлина бежать!

Теперь Мерлин свободен и все силы использует на то, чтобы заставить Артура выслушать его. Он установил маяк, и отныне дальнейшее от него не зависит.

В дороге он услышал новость о победе короля над саксами. Он с самого начала считал, что это всего лишь незначительная стычка, но даже такая небольшая победа возвысит Модреда в глазах воинов.

В трехэтажном внутреннем дворце, обнесенном каменной стеной, у Мерлина была своя комната. Он прошел туда, задержавшись лишь для того, чтобы приказать слуге принести ему котел с горячей водой для умывания. Тело и одежда у него просолились от пота.

Стоя посреди своей маленькой комнаты, он огляделся и почувствовал странное беспокойство, как будто комната была ему незнакома.

Вот банки с лекарствами, пучки сухих трав, подвешенные на стене, несколько книг на латинском, камни, странная форма которых привлекла его внимание. Никакого богатства и никаких украшений. Кровать, похожая на грубый ящик, с суровым полотном постельного белья; ни ковров на стенах, ни шкур. Он вспомнил другие комнаты — прекрасные комнаты своих снов.

Увидит ли он их когда-нибудь наяву?

Людям потребуется много времени, чтобы восстановить утраченные знания и построить новые города. Даже если корабли прилетят завтра, сменится не одно поколение, прежде чем мир снова расцветет.

А если небесный народ встретится с такими, как Гилдас? Возможно ли переубедить таких жрецов-фанатиков?

Найдется ли достаточно людей, которые поверят Повелителям Неба и вместе с ними станут строить будущее? Или страх и благоговение перерастут в ужас и невежественные люди отвернутся от предложенного им нового мира?

Теперь Мерлин осознал, почему он должен выиграть битву за Артура: не потому что Артур не знает себе равных как военачальник, а потому что он символ, за которым пойдут люди, в которого они поверят.

Артура нужно подготовить к приходу со звезд небесного народа.

ГЛАВА 13

Мерлин не попал к Артуру, потому что Артур сам пришел к нему. У двери послышался скребущий звук, как будто кто-то пришел с тайным поручением. Мерлин отдернул занавес у двери и увидел короля.

Это был не уверенный в себе Артур, восседавший в пиршественном зале и пьющий за Модреда.

Король угрожающе смотрел на Мерлина, левый глаз у него дергался.

Артур оглянулся, желая убедиться, что его никто не видел, быстро вошел в комнату и заговорил почти шепотом.

— Мне рассказали о тебе, колдун, но я не верил этим рассказам. Я предпочел заткнуть уши, потому что именно ты привел меня на трон.

Гнев сверкнул в его взгляде, пальцы на рукояти небесного меча сжались.

— Теперь я добьюсь от тебя правды, даже если ее придется добывать мечом! Я дошел до того, колдун, что не остановлюсь и перед этим!

— Какой правды ты хочешь, господин король? — спросил Мерлин тоже негромко.

Ясно, что короля настроили против него, и он знал, чьих рук это дело.

— Я на самом деле сын Утера?

Мерлин быстро принял решение. Он догадывался, какую позорную историю мог рассказать Модред и использовать ее как оружие против короля, против Мерлина, против всего дома Пендрагона.

— Так считал он сам, — спокойно ответил Мерлин.

— Значит...

Лицо короля побледнело.

— Значит, Моргана и я... Модред...

Неожиданно в его взоре блеснуло понимание.

— Так считал он сам, — повторил Артур. — Ты странно подбираешь слова, Мерлин. Может ли быть, что он ошибался? Если он ошибался, то кто мой отец? Лорд Глорис погиб накануне того дня, когда моя мать лежала с человеком, которого сочла своим мужем. Я слышал странную историю, Мерлин. Она способна опозорить мое имя хуже, чем предателя Вортигена, отдавшего свой народ под топоры саксов. Ты привез меня к Эктору. Только ты знаешь правду. Если я на самом деле сын Утера, то собственная похоть осудила меня на изгнание из

рядов честных людей. Моя честь погибла, и если я отдаю приказ поваренку на кухне, тот плюнет мне под ноги. Ты говоришь, что Утер считал меня своим сыном. Что это значит? Говорю тебе: я близок к тому, чтобы перерезать себе горло собственным мечом!

Мерлин пододвинул табурет.

— Это странная история, господин король, и корни ее уходят в далекое прошлое.

Артур посмотрел на табурет, словно не хотел засиживаться здесь, но все же сел и выпалил:

— Рассказывай и побыстрее! Если ты даже ненамного облегчишь мою тяжесть... Говори!

— Ты знаешь, что рассказывают обо мне. Это правда.

Мерлин сел на край кровати и по-прежнему говорил шепотом, чтобы их не могли подслушать.

— Я сын нечеловека...

Артур нетерпеливо пожал плечами.

— Я знаю, тебя зовут дьявольским отродьем. Но какое это имеет отношение...

— Не дьявольское отродье,— прервал его Мерлин строгостью тона, заставляя короля слушать.— Я происхожу от небесного народа. В древних легендах сказана правда о том, что дочери человеческие некогда рожали сыновей от сошедших с неба. От этих браков возникла могучая раса, создавшая такие чудеса, которые людям и не снились. Но в конце была жестокая война, опустошившая мир, и земля превратилась в море, а море в землю. Горы поднялись на равнинах, все изменилось, а немногие выжившие вернулись к дикости и почти ничего не запомнили из прошлого. Они опустились ниже лесных зверей. Но те, кто породил их, о них не забыли. Когда война, изгнавшая их опять на небо (у небесного народа есть могущественные враги, о которых мы не знаем), закончилась, они продолжали помнить о Земле и стремились вернуться на нее. Они оставили на небе корабли, один из них ответил на сигнал древнего маяка, установленного в наших горах. Корабль принес семя небесного народа, и моя мать первой зачала от него.

— Ты сочинил нелепую сказку,— прервал его Артур.

— Посмотри мне в глаза, король,— приказал Мерлин.— Сочиняю я или говорю правду?

Артур посмотрел ему в глаза, потом медленно произнес:

— Хотя это кажется невероятным, но ты веришь в свои слова.

— Я готов доказать, что говорю правду,— заявил Мер-

лин.— Одна из возложенных на меня обязанностей заключалась в воспитании могучего короля, который установил бы мир во всей Британии, потому что, когда Повелители Неба вернутся к нам, им будет необходим мир. Амбродиус был великим полководцем, но мир виделся ему только на римский манер. Утер хорошо справлялся с племенами, но сам принадлежал к ним и имел не только достоинства, но и недостатки: его одолевали страсти, он не знал самодисциплины, к тому же у него была очень необузданная натура. На коронации он увидел герцогиню Игрену и возжелал ее. Его желание было таким неприкрытым, что муж Игреды уехал со двора, вызвав этим неудовольствие Утера. Глорис оставил жену в совершенной, как он считал, безопасности — в крепости на берегу моря. Крепость эта никогда не сдавалась врагу, настолько мощно она была укреплена. Тогда Утер послал за мной и решил использовать мои возможности, чтобы его желание осуществилось. Я сказал ему, что могу создать иллюзию: придать ему внешность Глориса, чтобы он мог насладиться любовью в постели герцогини. Но я усыпал его, и во сне он увидел все это, а сам я проник в крепость и внушил герцогине другой сон. Но тот, кто приходил к ней, не был человеком нашего мира, она зачала по воле Повелителей Неба. Утер устыдился своего поступка, а герцогиня, узнав, что ее муж в действительности погиб до того, как приходил к ней, пришла в ужас и прислушивалась к разговорам оочных демонах, поэтому она с радостью отдала тебя в мои руки. В жилах Эктора тоже текла кровь Повелителей Неба, хотя род его произошел от них в глубокой древности. Он с готовностью взял на себя твое воспитание. Я должен был учить тебя так же, как учили меня самого, дать тебе знания наших отцов. Но у меня есть и был враг.

Мерлин замолк в нерешительности: «Должен ли я говорить о Нимье? Вероятно, должен. Артура необходимо предупредить».

— У Повелителей Неба, как я уже сказал, тоже есть злобные враги чужой породы. Они хотят, чтобы мы никогда не поднялись, чтобы человечество всегда оставалось во тьме, так близкой им — во тьме ненависти, убийств, отчаяния. Враги узнали о моем рождении и произвели на свет моего противника, обладающего такой же властью, как и я, а может, и большей. Мы еще не встречались в открытой схватке. Это существо, порожденное тьмой, люди зовут Нимье, леди Озера.

На лице Артура ясно читалось изумление.

— Но она помогла Утеру, она дала убежище Моргазе, воспитала Модреда.

Сказав это, он внезапно замолчал и выражение его лица стало напряженным и внимательным.

— Да,— спокойно подтвердил Мерлин,— и это внимание к дому Пендрагона может объясняться по-разному.

Король сжал кулаки.

— Я понимаю твой намек. Ты думаешь, что она сделала это с целью навредить мне. Но ты говоришь, а она действует. Ты был у нее в плену?

Пользуясь своей властью, она держала меня в заключении, откуда я не мог выйти до самой твоей коронации, высокий король. То, что ты должен был знать с детства, для тебя потеряно. Потом я узнал, что Моргана соблазнила тебя, и хотя у меня нет доказательств, я считаю, что это тоже дело рук Нимье. И вот теперь она пользуется плодами своей работы: она превратила Модреда в свое оружие.

— Он мой сын,— угрюмо заметил Артур,— я не могу отречься от него.

— Плотью он, может быть, и твой сын,— согласился Мерлин,— но душа его принадлежит тьме. Именно он распространяет сплетни, позорящие твое имя, способные уничтожить все, что ты завоевал.

Артур смотрел на свои кулаки. Лицо его было мрачно.

— Как это предотвратить?— без всякого выражения спросил Артур.— Кто поверит твоему рассказу? Скорее согласятся с болтовней о демонах и прочих страхах. И я упаду с трона так же легко, как лист с дерева под порывом ветра в конце года.

— Прежде всего ты должен овладеть своим наследием, хотя оно пришло к тебе поздно. Я докажу тебе, что говорил правду. Я согласен, что большинство не поверит, но эти новые знания вооружат тебя и ты сможешь победить Модреда и ту, которая стоит за ним.

— Это твое доказательство?

— Оно в другом месте, господин король, и ты должен посетить это место безоружным, даже без щита, и лишь со мной одним.

— А Модред будет спокойно разливать яд?

— Мы на время чем-нибудь закроем Модреду рот, и этот факт не будет выглядеть странным в глазах окружающих. Ведь он все же Пендрагоновой крови, поэтому ты можешь оставить его правителем. Но прими меры, чтобы он не смог сговориться с лордами.

— Будь уверен, я не дам ему такой возможности!

В голосе Артура звучало облегчение.

— Тёперь нужно придумать объяснение, почему я уезжаю от двора так спешно.

— Господин король, в том направлении, куда мы двинемся, лежат старые заброшенные крепости. Некогда с моря к ним вела римская дорога. Может ли быть лучший предлог, чем осмотр этих крепостей? Возьми с собой двух своих дружинников. Когда мы окажемся вблизи того места, ты заболеешь. Я буду за тобой ухаживать. Ну, и еще один слуга, которому ты сможешь довериться. Есть у тебя такой?

Артур кивнул.

— Блехерис, пришедший ко мне после гибели Эктора. Он учил меня владеть мечом. Он уже стар, но тайны хранить умеет.

Мерлин напряг память. Блехерис? Маленький смуглый человек с татуировкой на лбу, не из племени.

— Пикт?

— Да. После одного набега он остался лежать на поле боя со сломанной ногой. Эктор не разрешил убить его. Он женился на Фланне, моей няньке. Когда ее служба кончилась, Эктор предложил ей свободу, но она отказалась и решила остаться. Блехерис теперь мне ближе всех родственников.

Мерлин кивнул.

— Мы выедем по твоему приказу, господин король. И поразмышляй над услышанным здесь: я не рассказал тебе и половины истории, касающейся нас обоих.

Напряжение и боль, преследовавшие короля, утихли, их сменило ожидание, какое охватывает человека перед важным испытанием.

Когда король вышел, Мерлину было над чем подумать. Он не ожидал, что Модред очернит собственное рождение, чтобы низвергнуть короля. У королевы не было детей. Мерлин подозревал, что виноват в этом сам король.

Возможно, они, полукровки, не могут по какой-то причине иметь детей от земных женщин. Это подтверждало и его собственное равнодушие ко всем женщинам, кроме Нимье.

Артур, поскольку у него с Джиневрой не было детей, имел только одного наследника — Модреда. Тот факт, что Артур мог зачать ребенка с Моргазой, противоречило подозрениям Мерлина. Не приложила ли к этому зачатию свою руку Нимье?

Она, несомненно, была при дворе, когда это произошло, и сразу после этого увезла Моргазу. На самом ли деле Модред является сыном Артура? Может, он, как и Нимье, сын Темного?

Мерлин ощущал в нем наличие силы, с настойчивостью

заявляющей о присутствии древней крови. Все же Модред, как говорят сплетники и как считал Эктор,— сын Артура и его так называемой сводной сестры.

Возможно, Модред распространяет эти слухи, чтобы подчинить себе Артура. Когда Артуру впервые сообщили о них, он, конечно, потерял рассудок, но и любой бы на его месте впал в отчаяние. А теперь, когда Артур узнал правду, когда он получил доказательство, он будет неуязвим для Модреда. Нужно подумать, далеко ли зайдет Модред, чтобы свергнуть своего отца. Неужели он так юн и горяч, что не понимает: позор отца запятнает и его? К тому же король не может проявлять физическую слабость, имя его должно оставаться безупречным.

Модред честолюбив, в этом Мерлин был уверен. Вряд ли юноша станет вредить самому себе: он слишком хочет стать наследником короля. Он может решиться на безрассудные действия в случае беременности королевы.

Артур будет вооружен. Ему необходимо только добраться до зеркала, и правда сделает его неуязвимым для интриг.

Артур назначил Модреда правителем на время своего отсутствия и принял все возможные меры, чтобы помешать возможному сговору. Впрочем, Модред остался доволен. Он не замечал присутствия Мерлина, хотя жрец Гилдас гневно поглядывал в сторону Мерлина со своего места рядом с троном Модреда.

Когда они выехали из Камелота, Артур полуобернулся в седле и взглянул на свой дворец. Лицо его было мрачным.

— Не знаю почему,— сказал он ехавшему справа от него Мерлину,— но будущее как бы затянулось тучами. Солнце светит ярко, но когда я смотрю назад, там сгущаются тени.

— Нелегко отбросить неуверенность,— ответил Мерлин.— Ты слишком много узнал за очень короткое время, господин король. Время тоже может стать врагом. Немало на этой земле таких, кто восстанет против любого изменения, даже если оно несет с собой мир.

— Это я тоже начинаю понимать. Мои сторожевые отряды ждут сигнальных огней, как будто жалеют о тех временах, когда мы постоянно были в седле, усталые, измученные и голодные, а впереди и позади нас поджидал враг. Смерть шла рядом, но сейчас за пиршественным столом они тоскуют об этих днях, хвалятся битвами, лагерями и походами. Даже во мне закипает кровь, когда я кладу руку на рукоять меча. Мы рождены для войны, мы жили войной, а теперь, когда война позади, мы кажемся себе бесполезными.

Мерлин рассмеялся:

— Но не только война может занимать умы и руки людей, господин король. Нам еще предстоит борьба, но не против своих. Подожди и увидишь. Перед нами такие дела, по сравнению с которыми Девять Великих битв Британии покажутся играми беззаботных детей!

— Покажи мне это, Мерлин, и я буду тебе благодарен. Я думаю, что родился лишь для одной цели — для битвы. И взамен войн и набегов мне нужно что-нибудь достойное.

Артур осмотрел три старые крепости, и в каждой оставил отряд с приказом тщательно изучить возможности крепости и доложить ему, когда он будет возвращаться. Так получилось, что когда они достигли четвертой крепости (Мерлин знал, что дальше им придется свернуть в горы), с Артуром осталось совсем немного людей.

Среди оставшихся не было ни одного из знатных лордов — всех их Артур предусмотрительно оставил осматривать крепости.

Восемь человек, выехавших в полуразрушенное укрепление, были наименее любопытны, они лишь повиновались приказам и ни о чем не задумывались.

Вечером Артур пожаловался на головную боль. Он почти ничего не ел, и Мерлин предложил ему лечь пораньше.

Только слуге-пикту король сказал правду.

Комната, отведенная для короля, должна была тщательно охраняться, а его отсутствие — оставаться тайной.

Ночь была безлунная, но Мерлин не сомневался, что легко отыщет пещеру, как перелетная птица находит через моря дорогу домой. Артуру была прекрасно знакома тактика укрытий и засад, и он с искусством, выработанным долгой практикой, сумел незаметно ускользнуть от отряда.

Мерлин считал, что болезнь короля может затянуться дня на четыре, прежде чем воины отряда забеспокоятся и начнут удивляться, почему не видно ни короля, ни какого-либо вестника с новостями о его здоровье.

До пещеры с зеркалом была еще ночь пути, и темнота задержала их.

— Похоже на дни моего детства, — признался Артур шепотом, когда они добрались до вершины хребта и лежа пытались разглядеть местность впереди. — Так мы с Кеем убегали тайком по ночам. Но тогда мы охотились не за тем, за чем охотимся сейчас. Мерлин, если Кей — сын Эктора, значит, он тоже принадлежит к древней расе, о которой ты говоришь с таким почтением. Может, он тоже владеет древними секретами?

— Все определено по звездам. Я не выбирал, — ответил Мерлин. — Я поступаю так, как мне указано. Однако нужно поторопиться, Артур. Впереди долгий путь.

Они успели добраться до пещеры еще до рассвета. Мерлин чуть ли не на ощупь отодвинул камни, которые он всегда укладывал так, будто они свалились сверху, и освободил вход.

Мерлин прошел вперед. В пещере его встретила не прежняя тьма, а сплошное полыхание света: все механизмы ожили либо за время его отсутствия, либо при его появлении. Артур с трудом протиснулся вслед и молча встал перед полированной поверхностью зеркала. Мерлин, бросив на него искоса взгляд, увидел, что король охвачен благоговейным страхом. Здесь ничего не напоминало знакомый ему мир.

Мерлин мягко положил руку на плечо Артура, приближаясь к сверкающей поверхности, и заговорил:

— Здесь стоит Артур, высокий король Британии, рожденный и воспитанный по приказу тех, кому мы служим.

Их отражение в зеркале колебалось, возможно, причиной было мерцание огней.

Артур вздрогнул, когда ниоткуда послышался голос:

— Родственный привет тебе, Артур. Для тебя теперь прошлое закрыто и наступил час выбора. Ты должен действовать на благо своего народа, хотя из-за козней врага ты слишком поздно пришел на встречу. Будь внимателен, Артур! Твой выбор решает не только твою судьбу, но судьбу всей Британии. Мерлин, дальнейшее предназначено для Артура. Ты ничего не увидишь.

Скамья скользнула вперед, как при первом посещении пещеры Мирддином много лет назад.

Артур опустился на скамью в состоянии какого-то оцепенения. Для Мерлина в зеркале ничего не изменилось, он видел там только два отражения. Король же слегка наклонился вперед, издавая возгласы удивления. Глаза его расширились, губы шевелились.

Мерлин отошел. Конечно, он опоздал с выполнением своей последней обязанности.

Но может статься, что это опоздание будет на пользу! Быть может, использовав Модреда, Нимье ослабила свой контроль над будущим? Иначе король никогда не поверил бы ему. Артур преследуемый позором, который навлек на него Модред, был подготовлен к восприятию рассказа Мерлина.

Король, не отрывая взгляда от зеркала, сидел неподвижно, как вылитый из металла, подобно окружавшим его механизмам.

На его лице тень тревоги сменялась выражением решительности. То, что узнавал Артур, медленно преобразовывало его.

К зеркалу пришел победоносный полководец, привыкший к торжеству на поле битвы, а теперь это был уже предводитель другого типа. Сердце Мерлина радостно забилось при виде этой метаморфозы. Нимфея проиграла!

Когда Артур выйдет отсюда, он не будет страшиться сил Тьмы и превратится в вождя, каким должен был стать уже давно.

ГЛАВА 14

Прошла ночь, день, еще одна ночь, прежде чем Артур встал со скамьи и повернулся к Мерлину. В его глазах сверкала уверенность человека, которому предстоит трудная задача, требующая всей его энергии, до последней капли.

— Ты видел? — спросил Мерлин.

— Видел, — ответил король. — Если это и сон, то человеку есть смысл жить ради такого сна. Но, брат, мы с тобой не похожи на других людей. Многие не поверят нам...

Мерлин внимательно смотрел на Артура. В его облике не осталось и следа возбуждения, только серьезность, как будто он принял на свои плечи тяжесть, которую должен нести, хочет он этого или нет.

— Правильно ли выбрано время? — продолжал король. — Человек так долго жил в страхе, что сейчас на любое новшество смотрит как на угрозу.

Мерлин испытывал те же сомнения. Захотят ли люди устремиться к звездам?

— Ограниченные умы, — продолжал Артур, — сочтут все это работой дьявола.

Он взмахом руки указал на механизмы.

— Ты знал это с детства. Я пришел сюда взрослым и усталым человеком и легко могу понять такие страхи. А страх ведет к ненависти и разрушению. К тому же существует ведь и леди Озера. Если она наш враг, мы должны больше знать о ней, установить источник ее силы.

— Она знает меня, — ответил Мерлин. — Я давно ее враг. Если она меня обнаружит...

Артур кивнул.

— Верно. Но она хорошо служила Утеру и известна своим даром целительницы. Мы начали маскарад с того, что я

заболел. А нельзя ли это продолжить? Я вернусь в Камелот больной, и слуги пошлют за Нимье. Тебе, брат, придется пострадать: ведь ты не сможешь меня вылечить. Может, тебе даже на время придется уйти в изгнание.

— Господин король, я знаю эту женщину и испытал ее силу,— возразил Мерлин.— Что, если ты не выстоишь против нее? Тогда все наши планы рухнут.

— Придется рискнуть. Я не вижу других возможностей одолеть ее. Иначе она продолжит плести свои интриги и запутает нас, как паук. Брат, ты необычайно боишься этой Нимье. Почему?

Мерлин вспыхнул:

— Разве не достаточно, что она держала меня в плену, когда ты нуждался во мне? Зеркало мало рассказывало мне о силах Тьмы, но то, что я знаю, устрашает. Подвергать тебя опасности — не самый лучший способ в нашем положении!

— Возможно,— согласился Артур.— Но мы должны выманить Нимье из укрытия. Говорят, никто не может добраться туда против ее воли: густой туман окутывает древнюю крепость, в которой она живет. Но если я смогу удержать ее в Камелоте, ты с твоими знаниями, проникнешь в тайное место и узнаешь, в чем ее поддержка.

Артур мыслил военными схемами, и Мерлин, хотя и неохотно, согласился с его планом.

— Что показало тебе зеркало? — спросил он.

Артур вздохнул.

— Зеркало оставляет людям выбор. Оно показывает, что может произойти, но будущее может меняться от действий людей.

— Верно. Хорошо, пусть будет по-твоему, господин король.

И все же, согласившись, Мерлин испытывал неуверенность. Артур избран королем, теперь он знает о своей истинной роли и должен принимать решения, но все же он не встречался с Тьмой лицом к лицу, он знаком с делами Тьмы только в связи с Модредом. Нимье же известна ему лишь как таинственная повелительница.

Вместе они закрыли вход в пещеру и тайком вернулись в лагерь. Миновав часовых, Артур негромко выругался из-за их невмешательства. В комнате их ждал Блехерис.

— Хорошо, что ты вернулся, господин король,— сказал он с явным облегчением.— Люди беспокоятся. Тирион дважды спрашивал меня, где ты. Он собирался послать вестника к лорду Гавайну в соседнюю крепость.

— Я чувствую себя плохо, Блехерис, — ответил король. — Слушай внимательно, друг. Вот что нужно сделать. Ты расскажешь всем, что мне хуже. Потом Мерлин прикажет нарубить веток и устроить носилки. Ты будешь рядом. Поднося мне воду и еду, ты будешь рассказывать о моем бреде, о том, что никогда не видел такой лихорадки и очень беспокоишься. Ты понял?

Маленький пикт перевел взгляд с Артура на Мерлина, потом посмотрел на короля.

— Это военная хитрость, господин король?

Артур кивнул.

— Но война ведется не мечами и копьями. Я должен вернуться в Камелот серьезно больным, и только ты и Мерлин будете ухаживать за мной, чтобы никто не догадался об обмане.

Блехерис взглянул на дверь.

— Господин король, люди беспокоятся. Им не нравится это место. Между собой они говорят, что ты заболел по вине древних духов, которые не любят живых. Эти разговоры опасны.

— Разговоры о демонах могут быть нам полезны, — вмешался Мерлин.

Лицо Артура стало угрюмым.

— Они опасны для тебя, Мерлин. Вокруг и так постоянно шептались и сплетничали. Тебя могут обвинить в кознях демонов.

— Совершенно верно. Но и эти разговоры послужат нашей же пользе. Да будет так! Иди, Блехерис. Сам ничего не говори о духах, но если услышишь о них от других, постарайся выглядеть многозначительным, будто мог бы кое-что добавить.

Пикт улыбнулся.

— Лорд Мерлин, я не знаю, какую игру затеяли вы с королем, но постараюсь как можно лучше сыграть в ней!

Как предлагал Артур, так и было сделано. Мерлин дал ему травы, от которой у короля покраснело лицо и поднялась температура.

Блехерис рассказал, что сопровождающие их воины убеждены в том, что король заболел из-за нападения демонов.

Все искоса поглядывали на Мерлина.

Пикту были даны дальнейшие инструкции. Вернувшись в Камелот, он должен был распространить слух, что сможет помочь королю только леди Озера, поддержавшая Утера, когда остальные знахари обрекли его на смерть.

Лорды, сопровождающие Артура, присоединились к ним на обратном пути. Они настаивали на свидании с королем, но

увидели лишь, что король лежит без сознания. Мерлин казался сильно обеспокоенным, как будто встретился с болезнью, с которой не может справиться, несмотря на все свои знания.

Мерлин знал, что Седрик отправил вестника, и поэтому не удивился, когда на полпути назад (они возвращались медленно, так как слуги несли носилки) вестник вернулся с одним из жрецов в рясе.

К облегчению Мерлина, это был не Гилдас. Когда жрец попытался приблизиться к королю, Артур закричал, что его пришел мучить новый демон, и так естественно разыграл бред от высокой температуры, что жрец вынужден был отойти.

Лорды потребовали от Мерлина объяснения, что за болезнь свалила короля. Лицо у Мерлина вытянулось, и он стал говорить о странных духах руин. Кто знает, какие злые дела творились некогда в их тени?

Наконец они прибыли в Камелот. Артура внесли во дворец и уложили в постель. Но когда торопливо пришли Модред и Джиневра, Артур приказал им уйти, назвав предателями и убийцами. Казалось, только присутствие Блехериса и Мерлина успокаивало короля. Артур ни на мгновение не переставал играть роль серьезно больного человека. Лишь оставшись наедине с Мерлином, он шепотом обменивался с ним несколькими словами.

На втотой день Блехерис начал исполнять свою часть плана. Вернувшись, он, точно тень, проскользнул в комнату короля и опустился на колени у его постели.

— Господин король, я сделал, как ты приказал, — прошептал он. — Я говорил о леди Озера двум горничным королевы, человеку, ожидавшему возвращения лорда Кея, и многим другим. Мне кажется, они прислушивались.

Голова Артура едва заметно шевельнулась на подушке в знак того, что он все слышал и понял. Мерлин облегченно вздохнул.

Хорошо, что Кей как раз возвращался после посещения двора короля Уриена на севере.

Он никогда не испытывал к Кею таких чувств, как к его отцу, но знал, что Кей исключительно предан Артуру, к тому же он очень ревниво относился к приближенным короля. Если Кей будет рядом, Мерлин с легким сердцем возьмется за выполнение своей части плана.

Он склонился над королем, как бы осматривая больного, никого не было видно, но Мерлин говорил еле слышно.

— Скажи Кею.

Король чуть заметно кивнул. Должно быть, он тоже испы-

тывал необходимость в чьей-то поддержке в отсутствии Мерлина.

Они ждали, когда созреют плоды деятельности Блехериса. Утром следующего дня в комнату вошла королева в сопровождении Модреда и Кея. Мерлин верил, что Кей серьезно озабочен, относительно же остальных он сомневался. Джиневра слишком ценила корону, чтобы желать смерти Артуру, Модред же опасен и не достоин доверия. Сейчас он должен был открыть свои намерения.

К Мерлину Кей обратился со словами, которых тот давно ждал:

— Похоже, знахарь, что ты можешь сделать меньше, чем хотел заставить нас поверить. В твоих руках нашему господину становится не лучше, а хуже. Поэтому мы поищем другого целителя, чтобы вернуть ему здоровье.

— Эй! — прервал его Модред с высокомерием, подействовавшим на Кея, как красная тряпка на быка. — Добрый брат Гилдас знает это искусство. Поскольку он слуга Господа, кто лучше его сумеет изгнать демонов, завладевших королем?

Кей вспыхнул:

— Мы не имеем доказательств искусства твоего жреца, мальчик.

Тон его низводил Модреда на положение ребенка.

— Ты забываешься, Кей! — гневно выкрикнул Модред. — Я сам крови Пендрагона.

— А я его приемный брат, — спокойно ответил Кей.

По закону племени приемный брат был не менее близким родственником, чем кровный. В глазах всего Камелота Кей был полноправным братом короля.

Кей отвернулся от юноши, на чьем лице открыто выражалась ненависть, и обратился к Мерлину:

— Ты не нашел способа лечения, не сумел даже немного облегчить страдания нашего господина, поэтому мы пошлем за более искусным лекарем. Известно, что леди Озера отлично справляется с такими болезнями. Разве не избавила она от них Утера в самом их начале?

Мерлин склонил голову.

— Я слишком люблю нашего господина, чтобы возражать против любой помощи. Если вы думаете, что это поможет, позовите леди.

Кей на мгновение заколебался. Он как будто ожидал горячих возражений, а не немедленного согласия. Джиневра подошла к постели.

— Мой господин, я уже послала за ней. Только она сможет

поднять моего мужа с постели. А что касается тебя, бард и самозваный целитель,— крикнула она Мерлину,— то тебе лучше убраться отсюда. Я приказываю! Уходи!

Артур лежал с закрытыми глазами и тихо стонал. Мерлин сделал вид, что хочет подойти к нему, но Кей преградил ему дорогу.

— Королева сказала, чтобы ты уходил, сын нечеловека. Твое имя не в чести здесь, тебе пора это понять!

Мерлин ушел. Его не беспокоило, что его уход может показаться бегством испуганного человека. Гораздо важнее было не встретиться с Нимье. Она может догадаться о их планах, если увидит его, поэтому мудро будет избегать встречи с ней.

В своей маленькой комнате он занялся подготовкой. Сняв парадную одежду, снова надел свое старое дорожное платье, делавшее его похожим на слугу, потом отобрал из своих запасов определенные предметы. Тут был кусок звездного металла — упавший на землю метеорит, гладкое стекло того же происхождения. В маленький кожаный мешочек Мерлин положил травы и надел его на шею. Слабый запах трав будет взвадривать его, проясняя голову, помогая постоянно быть настороже. Последним он взял подарок Лугейда — слиток металла, который когда-то давно помог найти меч для Артура.

В этих предметах не было никакой магии, как ее представляли себе люди, но они были неземного происхождения, а как сказал когда-то Лугейд: «подобное ищет подобное».

В течение многих лет Мерлин собирал (незаметно, как он надеялся) сведения о крепости Нимье. Он считал, что рассказы о густом тумане, постоянно окружавшем загадочную крепость, — обычная человеческая реакция на галлюцинации. Его этот туман не обманет. То, что он никогда не приближался к замку, возможно, даже лучше: Нимье решила, что он хорошо усвоил урок и никогда больше не решится меряться с ней силами.

Последним он извлек из тайника за своей кроватью жезл длиной с руку. К концу жезла он приделал звездное стекло, убедившись, что металлические полосы крепко держат камень. В рукоять жезла он вложил метеоритное железо. Потом положил жезл на ладонь, испытывая его в разных местах, пока концы не уравнялись.

Потом Мерлин взял на кухне продукты и подвесил к плечу кожаную бутылку с питьевой водой из ручья. Вооружившись своим нехитрым оружием и провизией для путешествия, Мерлин вышел из королевского дворца.

Уходя, Мерлин создал иллюзию, чтобы остаться незамеченным. Он был уверен, что его отсутствие в Камелоте будет не скоро обнаружено.

Мерлин не сразу отправился в нужном направлении. Вначале он двинулся на восток, прошел некоторое расстояние по старой римской дороге, пока не дошел до еще более древней боковой тропы, проходившей по совершенно безлюдной местности.

О цели своего пути — замке Нимье он не думал, так как не имел представления о том, какая охрана вокруг крепости, но не сомневался, что это необычные стены. В его пещере было особое искажающее поле, которое ослепляло людей, не принадлежавших к древней расе. А если кто-нибудь не сворачивал, имелось приспособление, преграждающее путь. Мерлин не сомневался, что Нимье имеет свои аналогичные защитные устройства. Нужно было ожидать самого худшего.

К ночи Мерлин достиг края леса, который люди называли первой защитой Нимье.

Дорога огибала лес, как будто даже в древности люди считали этот лес нечистым.

Мерлин укрылся под кустом, не разжигая костра, и пожевал хлеба с сыром, запив его водой из бутылки. Его интуиция и особые чувства подсказывали, что вокруг не было ни души, поэтому Мерлин спокойно задремал: погрузиться в глубокий сон он не осмеливался.

Когда взошла луна в своем полном блеске, он ощущал в лесу какое-то движение, но ни животного и ни человека. Это были силы, которыми сам Мерлин хорошо владел. Какие бы часовые ни сторожили крепость Нимье, они были всегда начеку.

Мерлин не пытался определить сущность этих сил. Он не хотел, чтобы они почувствовали его присутствие.

Возможно, Нимье полагалась на искажающие поля днем и на пугающие иллюзии ночью, что вполне надежно защищало ее владения от людей.

Но Мерлину было известно то, чего не знали обычные люди: текущая вода избавляет от искажений и иллюзий. Отсюда происходит древнее поверье, что злые силы могут остановиться, не осмеливаясь перейти текущую воду.

По прогалине невдалеке протекал ручей, не глубокий, но довольно широкий. Здесь и была брешь в охранной зоне Нимье.

Прежде чем взошло солнце, Мерлин добрался до ручья. Там, где его пересекала дорога, лежали камни для перехода

вброд. Но Мерлин не пошел по ним, а спустился в воду и пошел, находясь на одинаковом расстоянии от обоих берегов.

Он шел по колено в воде, такой чистой, что хорошо были видны камни на дне и тени быстрых рыб. Перед собой Мерлин держал жезл.

Он чувствовал присутствие маленьких живых существ, жителей леса, но ни следа тех сил, которые бродили ночью.

Жезл находился в равновесии, пока Мерлин не вошел в лесную чащу. Неожиданно жезл сам собой повернулся в его руке. Стекло указало вперед и слегка на восток. Мерлин решил идти и дальше по ручью, пока тот течет в нужном направлении.

Жезл в его руке медленно поворачивался, пока снова не занял горизонтальное положение. Немного впереди ручей делал резкий поворот, настолько крутой, что он не мог быть естественным. Увидев тщательно пригнанные древние камни, Мерлин убедился, что его догадка верна.

Ручей стал гораздо уже, как будто его загнали в искусственный канал. Уровень воды поднялся, идти стало труднее, сильное течение смыво ил и песок, и теперь Мерлин медленно ступал по камням. Благоразумнее было держаться ближе к берегу под укрытием нависших ветвей. Впереди солнце отражалось на обширной водной поверхности: Мерлин находился прямо перед крепостью.

Нимье действительно была леди Озера.

На острове, где лишь один-два куста сумели укорениться среди скал, стоял замок из черного камня.

В нижнем этаже замка окон не было, а выше виднелись узкие бойницы, дававшие немного света. Камни были необработаны и скреплены по римскому способу.

Справа от замка отходила каменная дамба.

В середине она была проломлена, и Мерлин предположил, что жители замка имеют возможность перекрывать брешь времененным мостом.

Вода в озере светилась странным собственным светом, это свидетельствовало о наличии иллюзий. Для тех, кто не сведущ в таких делах, все озеро и замок кажутся окружеными непроницаемым туманом, как и гласили слухи.

Мерлин рассматривал замок. Никаких признаков жизни не было видно, как будто это были давно покинутые руины. Но жезл в руке Мерлина продолжал поворачиваться, указывая на крепость. Если его выпустить, он полетит над водой, притянутый мощным источником силы. Задача Мерлина — каким-либо способом преодолеть расстояние до замка.

Внезапно рядом с ним по водной глади пошла сильная рябь. Повинуясь инстинкту, Мерлин поспешил вышел из воды на берег. И вслед за ним из глубины озера вынырнула чудовищная голова с клыкастой разинутой пастью.

ГЛАВА 15

Видение не было иллюзией. Чудовищная голова была вполне реальна, хотя ничего подобного Мерлин в жизни не видел. Он припомнил сведения, сообщенные зеркалом, о существовании многих миров и о том, что стенки между этими мирами иногда утончаются.

Случайно или благодаря применению мощной энергии, жизненные формы одного мира могут проникать в другой. Отсюда рассказы о гигантских змеях и драконах.

Хоть существо из воды было чужим для этого мира, оно не становилось от этого менее опасным. Мерлин не сомневался, что житель озера — часть защиты Нимье.

Существо двигалось к берегу с поразительной скоростью, его голова со страшными кинжалоподобными клыками высоко вздымаилась над поверхностью воды, зловещее шипение и отвратительный запах явственно доносились до Мерлина. Мерлин повернул жезл в руке с такой силой, с какой заставлял подниматься камень.

Глаза существа, глубоко посаженные в узком чешуйчатом черепе, больше не смотрели прямо на Мерлина. Как зачарованные, следовали они за поворотами жезла. Мерлин испытал облегчение: существо было не настолько чуждо, чтобы не поддаться контролю.

Голова существа слегка поворачивалась из стороны в сторону вслед за поворотами жезла. Мерлин больше не интересовал чудовище, полностью подвластное жезлу. Когда Мерлин замедлил повороты жезла, существо не двинулось. Голова его продолжала раскачиваться, тусклые глаза смотрели слепо.

Мерлин, внимательно следя за чудовищем, остановил вращения, и загипнотизированное существо, разматывая кольца длинной шеи, исчезло под водой.

Вначале Мерлин хотел добраться до острова вплавь, опасаясь, что проход по дамбе привлечет внимание обитателей замка. Теперь он понял, что делать этого нельзя. Он не знал, долго ли сможет удержать змееподобное существо в подчинении, поэтому как можно быстрее пошел по берегу к дамбе,

продолжая внимательно поглядывать на воду и мысленно контролируя присутствие других караульных.

У конца дамбы он остановился, глядя через брешь на остров. Вода необычно блестела. Должно быть, его присутствие возбудило действие какого-то из сторожевых механизмов, призванного ошеломить и смутить незваного гостя.

Под ногами Мерлина лежала древняя дорога. Замок вблизи был совершенно не похож на знакомые ему крепости. Как будто темное приземистое здание явилось в этот мир из совершенно другого, как и чешуйчатое чудовище в озере. Вид тяжелых очертаний его стен внушал беспокойство и тревогу.

Может быть, это влияние какого-то искажающего поля? У Мерлина не было никакого желания появляться на острове и в замке, однако не желания управляли им.

Он снова начал поворачивать жезл, держа его на расстоянии вытянутой руки. Если его защита сработает, ни один наблюдатель из замка не сможет ничего разглядеть за сиянием.

Мерлин добрался до края бреши и увидел выемки в древнем камне. Его догадка подтвердилась: брешь в нужные моменты перекрывалась мостом; сейчас мост отсутствовал, и дорогу преграждала узкая полоска воды.

Внизу виднелись упавшие камни, зеленые от слизи. Некоторые выступали над поверхностью воды, хотя верхушки их были влажные и тоже слизистые. Мерлин критически оценил расстояние между ними; здесь сияние воды было особенно сильным, но все же не настолько, чтобы совсем скрыть от него камни. Если идти этим путем, то придется отказаться от использования жезла и тем самым обнаружить себя перед возможными наблюдателями из замка. Мерлин обдумал эту проблему и не смог найти другого выхода.

Он прочно привязал жезл к поясу: теперь ему понадобятся обе руки и вся его воля! И вот, перегнувшись через край бреши, с большой осторожностью он спустился на поверхность первого камня.

Необходимо было следить за водой: если в озере существуют и другие чудовища, то сейчас было самое подходящее время и место им появиться. Поверхность воды так сверкала, что он не видел, что она скрывает.

Следующий камень был покрыт зеленой слизью и находился более чем в шаге от Мерлина. Он прыгнул, ноги скользнули, но он успел вцепиться в камень и не упал в воду.

Гибель была так близка! Во рту пересохло, его била дрожь. Следующий камень был не так далеко, и его поверхность, хотя

и неровная и грубая, оказалась сухой. Однако потребовалась вся его решительность, чтобы перебраться на него. Когда камень качнулся под ним, как бы собираясь перевернуться и сбросить его в воду, Мерлин снова подавил в себе приступ страха.

Следующий камень оказался ровнее, хотя и покрыт слизью. Мерлин перебрался на него с бьющимся сердцем. Он сидел на третьем камне, восстанавливая дыхание и глядя по сторонам, нет ли признаков, что за ним охотятся какие-нибудь чудовища.

Последним прыжком он приземлился у другого края бреши на маленький скальный выступ, где едва можно было поместить ноги. Лицо его находилось лишь в нескольких дюймах от стены, по которой предстояло взобраться. Мерлин вытянулся в поисках опоры для рук, не решаясь поднять голову и подтянуться.

Поднявшись на вершину дамбы, он несколько мгновений лежал неподвижно, пока сердце не стало биться нормально, а воля не победила чувства.

Потом он встал на ноги. Впереди сгустилась тьма, как будто ночь здесь постоянно отгоняла свет дня.

Мерлин отвязал жезл и поднял его перед собой стеклом вверх. Жезл указывал вперед, почти вырываясь из рук. Но Мерлину не нужно было этого лишнего доказательства, чтобы знать: то, что находится в замке, не вполне принадлежит этому миру.

Идя к черному входу, он пытался определить, ждет ли там какой-нибудь новый охранник. Есть ли у Нимье оруженосцы и служанки, может, как озерное чудовище, проникшие из другого мира или времени?

Если они и были, то защита их была для него непроницаема. Он не мог обнаружить ничьего присутствия.

Стоя перед дверным занавесом, колеблющимся на ветру, Мерлин понял, что Нимье не нужны ни двери, ни замки. Облачный покров был не менее эффективен, чем каменная стена: Мерлин не мог сделать вперед ни шага.

Но он не собирался сдаваться так быстро. Мерлин достал свое последнее оружие — слиток небесного металла, подарок Лугейда. Металл можно было сгибать как физическим усилием, так и силой воли. Мерлин прижимал металл к стеклу жезла, пока оно не оказалось покрыто сверкающим покровом.

Чем ближе он подносил конец жезла к облачной двери, тем ярче светился металл.

Вот он ударил жезлом в центр тьмы, как воин ударяет

копьем. В ответ сверкнул яркий свет, на мгновение Мерлин ослеп. Над головой как будто ударил гром.

Он закрыл глаза рукой.

Тьма впереди рассеялась. Из входа пробивался свет, более яркий, чем свет от лампы или факела.

Держа жезл перед собой, Мерлин переступил порог.

Как и пещера, когда он увидел ее в первый раз, так и это обширное помещение, занимавшее весь нижний этаж башни, было уставлено машинами. Некоторые из них походили на знакомые ему установки в пещере, на них так же сверкали огоньки. Другие были незнакомы. И никакого зеркала. Нимье получала инструкции иначе, чем он.

У дальней стены виднелась извижающаяся лестница, ведущая на второй этаж.

Мерлин пошел по проходу между установками. Вид знакомых механизмов внушал уверенность. Он поднялся по лестнице на второй этаж, где были окна. Поднявшись через отверстие в полу, он ощутил знакомые запахи трав и кореньев. Принюхавшись, он смог определить и те, что сам хранил и собирал.

Длинный занавес делил помещение надвое.

С одной стороны были табуреты, стол, связки сухой травы на стенах, шкаф с полками, на которых стояли закрытые сосуды и горшки. Осматривая это помещение, Мерлин чувствовал себя почти дома.

Но было здесь и нечто иное. Аромат трав не мог скрыть запах, далеко не такой приятный. Кто-то создавал здесь иллюзии, используя наркотики, с которыми (Мерлин знал это) лучше не иметь дела. Это был совершенно очевидный запах коварного злака.

Мерлин отдернул занавес. За ним оказалась постель, застланная алоей с золотом тканью. Поверх был накинут золотой покров со сложным рисунком. На стенах висели дорогие золотые ковры, но на них были вышиты не фантастические звери, охотники или другие рисунки, которыми пользуются люди при дворе,— линии на коврах были резкие, сплошь состоящие из углов.

Чем-то этот узор напоминал города из снов Мерлина. Чем дольше он смотрел на эти линии, тем беспокойнее становился, как будто за ними скрывалось что-то злое.

Тут же стоял ящик в форме кровати, а на нем — прислоненное к стене зеркало. Мерлин стал осторожно продвигаться по комнате, тщательно следя за тем, чтобы его отражение не появилось на полированной поверхности. Вполне возможно,

что это ловушка, и, вернувшись, Нимье узнает, кто вторгся в ее обитель. Однако, подойдя ближе, он убедился, что это зеркало — обычный предмет украшения.

В этой части помещения Мерлину было спокойно, поэтому он решил, что это личная комната Нимье. Вверх входа не было: башня имела только два этажа.

Не было заметно присутствие слуг; Нимье, должно быть, жила одна, или же у нее были слуги, которым не нужны помещение, еда и питье.

Вернувшись в первое помещение-лабораторию, Мерлин широком взмахнул жезлом, направляя индикатор на стены.

Жезл спокойно лежал в его руке: находящееся здесь не имело родства со звездами, и Мерлин вернулся на заставленный механизмами нижний этаж.

Больше всего ему хотелось уничтожить все стоящее здесь, но если он попытается сделать это, то может не справиться.

Он медленно прошел между машинами, подмечая непохожие на те, что знал по своей пещере.

Таких механизмов было три. Один, формой напоминающий шкаф, стоял вертикально, поверхность его отличалась от остальных: те были полированные, а эта — шероховатая и похожая на непрозрачное стекло. Жезл в руке Мерлина ожила. Прежде чем он смог удержать его, конец жезла ударился о непрозрачную поверхность на уровне его груди.

Поверхность не разбилась, но в ней произошло изменение, как будто непрозрачная пленка сдвинулась и открылась внутренность шкафа.

Мерлин, затаив дыхание, смотрел на изображение женщины. Хотя глаза ее были открыты, не было заметно никаких признаков жизни, точно это была статуя. Рыжие волосы длинными локонами спускались на плечи. Шею украшало ожерелье, запястья — браслеты. На взгляд она была молода, но в то же время в ней ощущалась какая-то зрелость.

Вначале Мерлин решил, что она мертва, хотя и тщательно сохранена способом, не известным в этом мире; потом присмотрелся внимательнее и решил коснуться пальцем прозрачной стенки. В ответ возле тела девушки слегка закружились струйки: она была погружена в жидкость точно так же, как он когда-то лежал в своей пещере!

Говорили, что некогда Нимье привела сюда Моргазу, дочь Утера. Но эта юная девушка не может быть матерью взрослого Модреда, разве что ее заключили в ящик сразу же после рождения сына! Приглядевшись внимательно, Мерлин заметил

сходство ее с Утером, но не было никакого сходства с темноволосым Модредом.

Зачем Нимье держит ее здесь? Леди Озера, должно быть, отводит в будущем какую-то роль для дочери Утера.

Зная Нимье, Мерлин не сомневался, что цель у нее не добрая.

Он внимательно осмотрел ящик в поисках какого-либо замка, но ничего не нашел. Возможно, он открывался при помощи каких-то особых слов.

Хоть ему и жаль было спящую девушку, но он не видел возможности освободить ее.

Поверхность ящика снова теряла прозрачность, как будто изнутри его затягивало изморозью. Пленка сгустилась совершенно, чему Мерлин был рад. Чем меньше следов его посещения останется здесь, тем лучше.

Он прошел мимо тюрьмы Моргазы к причудливому механизму из проводов, переплетенных металлическими лентами. Ленты образовывали нечто похожее на шлем, с верхушки которого провода уходили в высокий столб.

Перед столбом стояла скамья, на ней и лежал шлем. Мерлин внимательно рассмотрел все это устройство, и им овладело возбуждение. Вполне вероятно, что это было устройство для связи, такое же, как и его зеркало!

Мерлин обогнул совершенно гладкий столб, поднявшись почти до потолка. Меж его верхушкой и потолочной балкой оставалось пространство примерно в половину жезла Мерлина. Из верхушки столба в это пространство поднимались разной длины выступы толщиной с палец.

Даже в своих снах об исчезнувших городах Мерлин не видел такого. Но если это — связь между Нимье и теми, кто послал ее на Землю, и если эту связь можно оборвать...

Он глубоко уважал все, связанное с Повелителями Неба, и очень мало знал о них, поэтому ему не хотелось вмешиваться в их дела. Но он знал также, что у него появилась возможность нанести врагу величайшее поражение.

Жезл предупредил его, что в столбе таится большая сила. Однако когда он направил жезл на шлем, реакция оказалась более слабой, а провода, соединявшие шлем со столбом, оказались такими хрупкими.

Мерлин перевел дыхание. Даже если он и разбудит силы, которые погубят его самого, поражение Нимье и стоявших за ней стоило этого! Он уже выполнил возложенное на него задание: маяк действует. Когда прилетят Повелители Неба, Артур их встретит. Значит, смерть его не так уж важна.

Медленно и осторожно Мерлин провел жезлом по поверхности скамьи, потом положил его, не касаясь проводов, уходящих в столб. Затем, как и тогда, когда нужно было поднять камень, он начал постукивать звездным металлом и негромко запел.

Он не пытался коснуться шлема, всю свою волю устремив на его крепление. Шлем сам собой поднялся над поверхностью скамьи.

Он поднимался рывками, как бы сопротивляясь чужой воле, но поднимался. Вот он уже выше головы Мерлина. Провода туго натянулись, как струны арфы.

Мерлин чувствовал, как за достижимыми пределами его разума что-то зреет. Он не обращал на это внимания, сконцентрировав все усилия на главной цели. Шлем дергался, резко опускаясь и снова поднимаясь. Но провода держались. Мерлин настойчиво продолжал постукивать.

Посыпался резкий звенящий звук. Один из проводов лопнул и вяло повис на столбе, шлем, освободившись с одной стороны, двигался, повинуясь приказам Мерлина.

Еще щелчок — теперь шлем удерживал лишь один провод. Шлем нырнул, как подбитая птица, чуть не ударив Мерлина в лицо. Голос Мерлина звучал громче и увереннее. И вот произнесено слово приказа.

Лопнул последний провод. Вся жизнь ушла из шлема. Он упал, и Мерлин наступил на него, превращая хрупкое содержимое в крошево. Подняв смятый клубок кончиком жезла, он понес его перед собой.

Последняя установка, назначения которой он не понимал, тоже представляла собой столб, но без шлема, без проводов, без отверстий на поверхности, даже без огоньков. Мерлин ничего не мог понять. А те, чье присутствие он ощущил в сражении со шлемом, становились все беспокойнее.

Он не знал, кто они, но чувствовал, что каким-то образом они родственны существам из леса. Его собственная внутренняя сила ушла на борьбу со шлемом, поэтому лучше было встретить возможное нападение снаружи, а не в крепости Нимье, где у нападающих могут быть неизвестные источники энергии. Хотя лес тоже был подвластен Нимье, у Мерлина там были свои союзники.

Он выбежал из замка. Добравшись до бреши в дамбе, обернулся и бросил обломки шлема в озеро, где сверкающая вода поглотила его. Лучше было бы закопать в землю — вода стала союзником врага, — но сейчас Мерлину нужны были свободные руки.

Он боялся возвращения по скользким камням и опасался не только невидимых преследователей, но и земных слуг Нимье. Если его застигнут врасплох на этих скользких камнях, он станет легкой добычей.

Однако взглянув в сторону берега, он увидел застывшую поверхность воды и мост над дамбой.

Мост запросто мог быть ловушкой, поэтому, слегка наклоняясь вперед, Мерлин концом жезла коснулся едва видимой поверхности. Послышался глухой удар. Поверхность была вполне реальна.

Опираясь на жезл, Мерлин ступил на мост, заставляя себя не смотреть вниз.

ГЛАВА 16

Во время перехода он не чувствовал уверенности, хотя жезл все время сообщал ему, что он на твердой поверхности. Добравшись до другой стороны бреши, Мерлин вздохнул с облегчением. Но радоваться было еще не время.

Взглянув на темный лес, через который пролегала древняя дорога, Мерлин застыл. Деревья пробудились, эти сверхъестественные стражи охраняли границы замка Нимье.

Придется возвращаться прежним путем — по ручью. Но воспоминания об огромной змее, таившейся в озере, делали спуск в воду задачей, для выполнения которой потребовалась вся его воля.

Мерлин спустился в самую глубокую часть русла, держа жезл в руке. Слабые подергивания жезла вместе с обостренными особыми чувствами послужат для него хорошим предупреждением при любом неожиданном нападении. Вода здесь была не такой чистой, как ниже по ручью, и он шел скользя и оступаясь. Поднятый им со дна ил делал ходьбу еще более трудной.

Он уже далеко прошел по водной дороге и приблизился к повороту, за которым начинался обычный ручей, когда жезл в его руке резко повернулся. В то же время ощущение присутствия силы заставило его обернуться.

Он ожидал увидеть чудовище, то самое, которое он обманул в воде, но не женщину, стоявшую на поверхности водной глади, которая по ее приказу стала твердой.

Она улыбнулась. Как и в ту ночь, когда был найден меч, Мерлин видел Нимье. Она не пыталась прикрыть свое стройное

белое тело, даже отбросила назад черные волосы, чтобы показать себя во всей красе. Если не считать ожерелья из камней, белых, как и ее кожа, двух широких браслетов и цепочки, на которой висел камень в форме луны, лежавшей меж полных грудей, она была совершенно нагая.

Нимье с насмешливой игривостью подняла голову.

— Мерлин...

Его имя донеслось до ушей дуновением ветерка.

Вдруг он заметил, что губы ее не движутся, и тут же поднял жезл и ударил, как копьем в битве.

Конец жезла коснулся ее груди рядом с лунным камнем. Колебание воздуха — и ничего! Иллюзия!

Его тревожило, что иллюзия позвала его по имени. Нимье, вероятно, подозревала, что он придет, иначе ей незачем было создавать такой призрак. Или она уже в самом Камелоте узнала о его вторжении?

Во всяком случае Мерлин встревожился. Со всем в этом мире он обращался с уверенностью и мудростью, только эта женщина будила его чувства и делала неуклюжим, как неопытного юнца. Беспокоили его не силы, которые она могла вызвать, а то тонкое слабое влияние, которое неотразимо действует на мужчину и не поддается его контролю.

Долго после исчезновения иллюзии Мерлин стоял неподвижно, ожидая нового появления призрака, но его не было. Чувствуя себя преследуемым беглецом, он пошел дальше, мечтая побыстрее уйти из этого злого леса.

Знает ли Нимье, какой вред причинил он ее жилищу? Теперь он готов был признать ее способной на все. Повлияло ли как-нибудь разрушение шлема на ее планы?

Он так мало знает, а должен знать так много!

Тяжело дыша, посматривая по сторонам и крепко держа жезл, чтобы уловить малейшее его движение, Мерлин быстро шел вперед.

Ему казалось, что полумрак под кронами деревьев на обоих берегах сгущается, а за ним кто-то крадется. Он приструнил свое воображение, попытался не рассуждать, ведь думать о нападении часто означает вызвать его.

Не слышалось голосов птиц. Мерлин не чувствовал присутствия жизни.

Поскольку привидений больше не появлялось, Мерлин решил, что Нимье оставила только одно на всякий случай, в ожидании его прихода.

Он знал о лунном камне, который был на ней, не от зеркала, а скорее из легенд племени своей матери. В старину это был

знак избранных для служения Матери Земле: девушка с рас-
тущим полумесяцем, мать с полной луной, старуха с убываю-
щим серпом. Почему Нимье избрала сёбе такой архаический
символ? Эта местность была заселена, и он знал, что местные
жители, главным образом женщины, придерживаются древних
верований.

При этой мысли легкая необъяснимая дрожь пробежала у
него по спине. Припомнилось ощущение зла в комнате Нимье,
какое-то предупреждение, настолько неясное, что он не сумел
понять его.

Мерлин облегченно вздохнул, выбравшись наконец-то из-
под мрачного покрова деревьев.

Солнце заходило. Мерлин отошел далеко от края леса,
прежде чем решился присесть, чтобы перекусить.

Сегодня полнолуние. Мерлин очень устал: уничтожение
шлема Нимье отняло у него много сил.

Глупо было идти дальше таким слабым и уставшим.

Но все же даже на открытой местности он испытывал
тревожное чувство. Мерлин сидел, скрестив ноги, жезл лежал
у него на коленях. Он прислушивался с ожиданием, которого
сам не мог понять.

Чего он ждет?

Сгостились сумерки, а он продолжал сидеть, напрягая все
свои чувства. Он часто поглядывал на черное пятно леса, от-
туда исходило ощущение тревоги. Мерлин осматривал и мест-
ность перед собой — некогда эти склоны были расчищены
людьми, которые потом ушли, и поля стали зарастать кустар-
ником.

Слышался лай лисы, какая-то птица пролетела над головой.
Ночь была полна жизни.

Чего он ждет?

Время от времени он поглядывал на жезл.

Тот был еле виден, стекло и металл на его концах не блес-
тели. Мерлин начал верить, что угроза исходила не от Ни-
мье.

Она не была связана с другим миром.

Иногда он пытался погрузиться в легкую дремоту, но
внутреннее чувство препятствовало сну.

Взошла луна, как будто в небо бросили золотую римскую
монету. И вот где-то далеко началось что-то вначале неслыш-
шее. Внутреннее чувство Мерлина ощущало лишь легкую виб-
рацию земли и воздуха.

Она становилась все сильнее, пока он, наконец, не услышал
голоса.

Пение, от которого волосы вставали дыбом, заставило сильнее биться его сердце. Он знал слова силы и умел ими пользоваться, но эти были чужими для него.

Было в этом вопле что-то совершенно чужое и дикое. Он не мог разобрать ни слова. В нем не было ничего от небесного народа.

Пение было древним, шло от молодости Земли, из времен, предшествующих прилету космических кораблей.

Пение перешло в серию резких криков.

Мерлин узнал их.

Под луной шла охота, и он был добычей.

У богини, чей символ иллюзии Нимье несла на груди, тоже была своя темная сторона.

Этой богини люди приносили кровавые жертвы — проливали человеческую кровь. У нее было три возраста и два лица, второе лицо было обращено к тьме.

Этого лица люди боялись и старались его умилостивить.

Поддаться атавистическому страху — значило обречь себя на поражение. Мерлин дважды склонил голову, стараясь унять сердцебиение, собрать силы, которые повиновались ему. Должен был быть выход — и этот выход не в бегстве.

Он таился глубоко в сознании и принадлежал этому миру, а не миру зеркала.

Великая Мать и ее жрицы, залившие Землю кровью человеческой...

Из глубин памяти Мерлин извлек то, что когда-то говорил ему Лугейд. У Матери был соперник. Позже соперник стал ее мужем: Рогатый Бог, которому приносили жертвы охотники. Верят ли в него эти жрицы?

Времени для размышлений оставалось мало.

Мерлин мог бежать, но вся его натура восставала против этого. К тому же он знал, что тем самым погубит себя. Придется обратиться к иллюзии. Она должна быть необыкновенно сильной, потому что ей предстояло противостоять силе Матери.

Мерлин встал, сознательно отключился от криков охотниц и всмотрелся в себя, надеясь, что не всю энергию потратил в замке на озере. Перед ним не было зеркала, в котором он мог бы провернуть иллюзию. Он надеялся лишь на картину в своем воображении.

Теперь преследовательницы были так близко, что он видел их белые тела среди кустов, развевающиеся волосы. Подобно Нимье, они были обнажены, лишь на шеях висели ожерелья из желудей. Были они всех возрастов: девушки, едва достигшие

зрелости, матроны со свисающими грудями, выкормившие детей, старухи, чья кожа казалась под луной высохшей.

Увидев Мерлина, они замолчали. На их лицах отражалась лишь ярость — темная сторона их богини. В глазах горела жажда крови. Мерлин заставил себя не думать ни о чем, только о созданной им защите.

Бегущие в первом ряду женщины оказались на расстоянии одного прыжка, но вдруг замешкались, в их взглядах мелькнуло удивление.

Если его иллюзия подействовала, они видели не мужчину, а темную фигуру, увенчанную лунными рогами. Рогатый Охотник не боялся ярости богини. Ему, как и ей, принадлежали и земля и небо.

Предводительница своры, высокая женщина с раскачивающимися грудями, зарычала. Она дважды пыталась дотянуться до него руками с длинными ногтями, но не решалась дотронуться. Остальные чуть отступили, неуверенно переводя взгляды от жрицы к Мерлину.

Он поднял жезл, хотя звездное стекло не имело против них власти. Но с ним он чувствовал себя увереннее.

Он заговорил:

— Вы не охотитесь за мной, женщины Богини.

И это был не вопрос, а утверждение.

— Вы можете призвать Землю к ответу, бросить в нее семена, зачать, выносить плод и собрать урожай, но все, что живет на Земле, послушно мне. Смотрите!

Он указал жезлом влево. Там стоял, оскалив зубы, огромный волк. Ни один человек еще не видел такого. Мерлин указал вправо. Там сидела гигантская кошка с длинными когтями и клыками. Волк зарычал, а кошка зашипела.

Женщины начали отступать, но жрица с места не сдвинулась. Зубы ее сверкнули в оскале, таком же зловещем, как и у кошки.

— Охотник, — выплюнула она, — не противься Матери!

— Я не просто охотник, — ответил Мерлин. — Мать знает меня, я ее племени. Взгляни на меня, жрица. Я дик, и гнев мой растет. Служу вашей Матери, но я не преклоню перед ней колени. Мы равны по силе. Разве не так?

Жрица неохотно склонила голову, но не отступила.

— Мы охотимся, когда угрожают Матери, — настаивала она.

— Разве я угрожаю ей, жрица?

Впервые в ней проснулась неуверенность.

— Может, ты не тот, кого мы ищем...

— Но ты привела за мной свою свору, — возразил он. — Я не желаю зла твоей госпоже. Мы с ней равно служим силам жизни. Ищи добычу в другом месте, жрица.

Она с удивлением посмотрела на него и попятилась, увлекая за собой других женщин.

Мерлин смотрел им вслед. Он не сомневался, что за этим внезапным нападением каким-то образом скрывается Нимье. Неужели леди Озера обратилась к древнейшей расе, чтобы завербовать себе последователей?

Женщины исчезли, слышался лишь топот их босых ног по земле среди кустов. Очевидно, они пустились по другому следу.

Мерлин надеялся, что никто не бродит здесь в одиночестве: получив однажды отпор, свора сорвет на другом свою ярость.

Так ли появились впервые перед людьми Повелители Неба, принимая облик земных богов? Мерлин почти верил, что следовал образцу поведения, применявшемуся когда-то очень давно. Простым людям нужны символы, воплощающие непонятные им огромные силы и по Земле ходило столько разных богов!

Древние Повелители неба могли принять облик одного из них: так легче было заставить людей слушать, привести их на новый путь жизни и мыслей.

Мерлин шел по залитой лунным светом местности старой дорогой, чтобы как можно быстрее уйти от этого зловещего места.

Три дня спустя Мерлин увидел перед собой высокий холм Камелота. Он очень устал и проголодался. Последнюю ночь он провел в пастушьей хижине. Пастух поделился с ним убогой пищей. Он мало что знал и смог сообщить лишь о том, что король болен и не покидает своей комнаты. Итак, Артур продолжал играть свою роль. Подойдя ближе, Мерлин увидел отряд всадников, торопливо скачущих куда-то. Когда они проехали мимо, Мерлин заторопился к стене замка.

У входа стояло вдвое больше обычного количества стражников, а внутри крепости готовился к выходу новый отряд. Часовые скрестили копья, преграждая Мерлину вход.

— Стой!

— Вы меня знаете, — возразил Мерлин. — Так почему же не впускаете?

— По приказу лорда Кея никто не должен входить...

— Тогда пошлите известие лорду Кею, — ответил Мерлин. — Я не из тех, кого можно заставить ждать.

Часовой колебался, на лице его была написана враждебность. Однако один из его товарищ ушел, а Мерлин прислонился к стене и приготовился терпеливо ждать. Он хотел знать, что же произошло. Приказы отдает Кей, значит Артур все еще играет свою роль или... Мерлин пытался догадаться, что же не удалось в их планах.

Посланный вернулся.

— Иди к лорду Кею,— коротко бросил он Мерлину без знаков вежливости.

Мерлин ни о чем не стал спрашивать.

Всюду были признаки войны. Саксы? Неужели они вторглись во время его отсутствия? Он внимательно прислушивался, но ничего не мог понять из приказов и криков солдат.

По лестнице Мерлин поднялся на башню.

Там у окна, выходящего на внешние укрепления, стоял Кей. Он быстро обернулся.

— Артур?— вопросительно произнес Мерлин.

Лицо Кея стало еще более хмурым.

— Далек ли ты от предательства, бард?— угрожающе спросил он.— Я не знаю этого. Но когда узнаю...

Он медленно сжал руку в кулак.

— Если мои подозрения подтвердятся, я возьму тебя за горло и медленно задушу.

— Ты сэкономишь время,— заметил Мерлин,— если расскажешь мне, что произошло. Когда я уходил, король изображал больного...

Кей по-волчьи оскалил зубы. Это совсем не походило на улыбку.

— Так он сказал мне. Но посмотри на него теперь, целитель. И если умеешь лечить, принимайся немедленно.

Нимье! Мерлин чуть не произнес это имя вслух. Может, они с Артуром потерпели поражение, пытаясь достичь успеха в ее крепости. Яд — удобное оружие, а Нимье умеет им пользоваться.

Он повернулся к двери.

— Я хочу видеть его.

Если бы Кей попытался остановить его, Мерлин сбил бы названого брата короля с ног.

Ледяной ужас придал ему сил. Если Артур умер...

И вот он снова в комнате короля. Блехерис, сидевший у постели, встал. Он тоже повернул унылое лицо в сторону Мерлина, но Мерлин не отрывал взгляда от человека на постели.

На этот раз лицо Артура не пылало в псевдолихорадке. Оно

осунулось, кожа посерела. Король был похож на мертвеца. Мерлин медленно принял за работу, используя все свои знания целителя.

Тело короля было холодным. Мерлин приказал принести нагретые камни, завернуть их и обложить тело короля. Затем он использовал свое шестое чувство и ужаснулся. Хотя симптомы, которые он наблюдал, вполне могли быть следствием болезни, за ними скрывалось какое-то зло, державшее короля в своем плену.

Кей вначале молча следил за всем этим, потом спросил:

— Что это? Вчера, когда леди Нимье, уезжала, он был здоров, а сегодня утром...

Он сжал кулаки, лицо его исказилось от боли. Кей редко проявлял свои чувства, но Мерлин знал, что его связывает с Артуром взаимная любовь.

— Значит, этот ублюдок, этот предатель...

— Он зачарован,— ответил Мерлин на вопрос.— Его нужно как можно скорее разбудить.

— Ты сможешь?

— Да, используя некоторые средства. Я пойду в свою комнату, но ты останешься здесь. Никто не должен приближаться к нему, кроме вас двоих.

Он кивнул в сторону пикта.

— Я сейчас вернусь.

«Когда Нимье уезжала, король был здоров,— размышлял Мерлин по пути к себе.— Значит, она наложила на короля замедленный приказ, который подействовал после ее отъезда».

На остальные слова Кея Мерлин не обратил внимания. Сейчас самое главное — спасти Артура.

В своей комнате он торопливо отбирал необходимые средства, складывая их в корзинку. Возвратясь к королю, он нес с собой и свой жезл.

Придя в королевскую спальню, он послал Блехериса за котлом с водой. Пикт разжег жаровню, и Мерлин стал бросать в кипящую воду разные травы. Комната наполнилась ароматами.

— Где его меч?

Он обернулся к Кею.

Блехерис достал ножны из-за шкафа.

— Этот искал его,— сказал он,— но не нашел.

Он отдал меч Мерлину.

Мерлин вытащил меч из ножен, и тот сверкнул.

— Модред? Об этом отродье ты говорил, Кей?

— Да.

В голосе Кея звучала ярость.

— Он старался навязать лордам свою волю во время болезни короля. Они не поддержали его. Тогда он стал обхаживать королеву, и она слушала его. Ночью она уехала с Модредом. Видевшие ее говорили, что она ехала добровольно. Тьфу! Она вдвое старше его, но стоит ему поглядеть на нее, как она краснеет, словно девушка. Она думает, что Артур все равно умрет, а она останется королевой. Что ты делаешь?

— Я возвращаю назад вашего господина. Часть его сейчас в чужом мире, который гиблен для человека. Но,тише!

Мерлин поднял меч и слегка коснулся концом лба Артура выше и между глаз. Хотя Кей и Блехерис слушали, а его слова не были предназначены для обычных людей, Мерлин начал петь. Глаза его были закрыты, и он старался представить себя не в комнате короля, а в том месте, куда кто-то, — несомненно Нимье, — поместил Артура.

Его окружало нечто, сквозь которое пролетали какие-то странные вспышки. Каждая из этих вспышек была чьей-то личностью, заключенной здесь, в этом аду. Меч служил указателем, с помощью которого Мерлин искал Артура.

Он пошел по светлой дорожке, а вспышки пролетали мимо и гасли. Но одна золотая вспышка задержалась. Увидя это, Мерлин изменил пение. Раньше слова его были рассчитаны на дальний поиск, теперь же в них звучал настойчивый призыв.

По светлой дорожке к мечу приближалась извивающаяся фигура, борющаяся с удерживающей ее волей. Воля Мерлина вступила в борьбу и подавила сопротивление. Он приказывал, как имеющий на это право. В свой приказ Мерлин вложил всю свою тревогу за Артура, свою веру в него и в их общую миссию.

Вместе они удерживались в полосе света.

Им помогал меч. Мерлин открыл глаза.

Он так и не был уверен, видел ли на самом деле вспышку света, скользнувшую с лезвия меча к голове короля. Но он услышал стон Артура, увидел, как шевельнулась на подушке его голова.

Мерлин выиграл.

ГЛАВА 17

Ветер доносил до вершины стены слова барда, стоявшего внизу. Артур с напряженным осунувшимся лицом молча смотрел, а Кей монотонно проклинал барда, который по древнему

племенному закону был неприкосновенен для мести или физической расправы.

Мерлин же думал о том, кто прислал барда — Модред или сама Нимье? Это могла быть и Джиневра, — потому что бард внизу был со двора ее отца; прославился он там остротой языка и злым умом, который позволял ему извлекать максимальную пользу из своих знаний барда.

Сейчас бард громко пел об Артуре, который лежал с собственной сестрой и зачал сына, а теперь охотится за ним. Он пел о том, что Артур одержим демонами и не является истинным королем.

Со временем выздоровления король отказывался слушать Кея и остальных, советовавших немедленно начать преследование Модреда и Джиневры. Он снова и снова терпеливо повторял, что обнажить сейчас меч — значит уничтожить единство Британии, сделать ее легкой добычей морских волков, которые набросятся на ее беззащитное тело.

Мерлин считал Модреда более дальновидным и не мог понять, зачем тот раздувает давний скандал. Лорды не станут поддерживать его после того, как раскроется стыд его матери. Пусть Модред и принадлежит к семье Пендрагонов, но ни один лорд не пожелает, чтобы он носил корону. Запятнав Артура, он тем самым запятнал себя!

Джиневра тоже многое теряла. Если она сочла Модреда будущим правителем, зачем она уменьшает его шансы?

Слишком много вопросов, и все ведут, — а он был уверен в этом, — к Нимье.

Если она обнаружила вторжение в свою крепость, ярость могла толкнуть ее на действия, которые не вяжутся с представлением о коварной интриганке. Она отбросила все прикрытия, чтобы нанести смертельный удар. Он был уверен в этом!

Пение продолжалось, насмешливое, пронзительное, приводящее в ярость. В прошлом такое оскорбление могло довести до самоубийства. Артур бессилен на него ответить, но Мерлин не должен это спустить.

Мерлин поднял жезл, указывая его концом на барда. Это не настоящее оружие, он не нарушает закона о неприкосновенности барда.

Мерлин направил вперед концентрированную мысль, зная, что бард не решился бы идти сюда, не защитившись.

Вдруг бард замолчал, покачал головой и схватился руками за горло.

Прозвенел голос Мерлина:

— Тот, кто выплюнул яд, сам должен проглотить его!
Говори, человек малой силы, говори правду!

Потребовалась вся его сила воли, чтобы подчинить барда. Мерлин правильно рассудил, что этот человек явился хорошо вооруженным — у него была сильная защита.

Бард опустился на колени, глядя прямо на Мерлина. Лицо его чудовищно исказилось, как будто во рту действительно был смертоносный яд и выплюнуть его нельзя, а можно только проглотить.

Снова Мерлин указал на него жезлом:

— Говори правду. Нам больше не нужны твои грязные выдумки. Кто послал тебя позорить великого короля?

Как бы против воли губы барда разомкнулись:

— Она,— прохрипел он.

Это единственное слово будто вырвали из него орудием пытки.

— Назови, эту женщину,— приказал Мерлин.— Или ты наговорил столько лжи, что уста твои навсегда отвыкли произносить правду? Все будут знать, что ты лжец, и никто не будет тебя слушать!

Во взгляде барда сверкнули ненависть и страх. Страх становился все сильнее.

— Это рассказала леди Моргаза,— с усилием выдавил он.— Кто лучше ее знает правду?

Моргаза — девушка, которую Мерлин видел в крепости Нимье? Для этого Нимье держала ее столько лет? Мерлин слышал за собой приглушенные возгласы удивления.

Мерлин заставил себя говорить спокойно:

— Ты видел леди Моргазу? Ты говоришь, что никто лучше ее не знает правду. Как...

Его прервал резкий голос Артура:

— Да будет так, Мерлин. Король не воюет с женщинами!

Насмешливая улыбка появилась на лице барда.

— Красиво сказано, господин король. Цепляйся за тень чести, какая у тебя осталась. Пусть сын демона лишил меня речи. Достаточно ушей слышало. Лорды лучше запоминают зло, чем добро: так устроен мир. Даже если тебе каким-то чудом удастся доказать свою невиновность, большинство будет охотнее слушать слова обвинения, чем оправдания. Слушайте внимательно. Лорд Модред обрекает вас на бесчестие. Сейчас он идет, чтобы принести справедливость на эту землю. Если вы встретитесь с ним, то пусть сила рассудит, кто прав, а кто виноват.

— Отлично! — Услышал Мерлин восклицание Кея. — Господин король, всякий лорд, серьезно вслушивающийся в эту ложь, — предатель. А с предателями можно обращаться только одним способом. Они увидят мечи честных людей.

Остальные одобрительно зашумели, но сам Артур нахмурился и обратился не к Кею, а к барду:

— Бард, ты сказал что хотел. Теперь иди.

— Какой ответ ты даешь лорду Модреду, великий король? Этот титул прозвучал почти насмешливо в его устах.

— Я не стану делить Британию на части по его воле.

— У тебя нет выбора, — возразил бард на это. — Иначе ты испытаешь бесчестие перед лицом всех людей. Помни это!

Бард встал с колен, бросил на Мерлина последний взгляд и пошел, повернувшись к королю спиной.

Кей зарычал.

— Копье в спину, — свирепо воскликнул он. — Вот достойная плата. Но он прав, брат. Либо ты будешь сражаться, либо власть перейдет к Модреду. И как же этот ублюдок использует эту власть? Мало кто из знатных лордов станет ему повиноваться, начнется грызня между лордами, каждый возмечтает о короне. Что из этого получится? Раздираемая распрыями земля станет легкой добычей саксов. Так было после смерти Утера. Господин король, у тебя нет выбора! Ты загонишь эту подлую ложь в глотку выродка своим мечом, иначе тебя ждет бесчестие перед лицом всех, кто шел за тобой все эти годы!

Выражение лица Артура не изменилось, он перевел взгляд от удалявшегося барда к Кею, затем к Мерлину.

— Идите за мной, — коротко сказал он и пошел по стене.

Придворные расступились, давая ему проход.

Кей правильно обрисовал ситуацию. Король будет обесчен, если не станет сражаться, и в любом случае начнется война между лордами. Все, чего он добился, погибнет, рухнет, как сгнивший плод падает с дерева.

Мерлин, идя за королем, думал о маяке.

Долго ли осталось ждать? Он не знал ответа на этот вопрос. Может быть, то, что он привел в действие маяк, ввергнет их в мир, полный хаоса. Однако он не видел для себя возможности действовать по-другому.

Вместе с Кеем он пошел вслед за Артуром. Король шагал взад и вперед по комнате, сцепив руки за спиной и опустив голову на грудь. В лице его была боль, такая, какую не могла бы вызвать физическая рана.

— Братья, — сказал он, — вы одни знаете правду о моем

прошлом. Да,— сказал он Мерлину,— я рассказал всю правду Кею, потому что он отчасти тоже древней крови. Но поверит ли кто-нибудь третий этой правде?

Первым заговорил Кей.

— Если даже поверят, брат, то сочтут это злой правдой и будут смотреть на тебя с еще большей ненавистью. Мало кто способен признать, что существует раса, более одаренная, чем человечество. Жрецы учат, что таким был Христос, но он мертв. Такое люди могут простить только мертвому. Но самого Христа в его время ненавидели и осудили на самое позорное наказание, которому подвергали лишь рабов и предателей. Люди поклоняются богам, но когда боги появляются, люди боятся и ненавидят их. В природе человека заложено стремление стащить вниз тех, кто поднялся выше их. Ты — величайший король Британии, более великий, чем Максим, потому что служил стране не из-за честолюбия. Если бы у тебя не было короны, ты продолжал бы служить стране. Люди это знают, но это не заставит их уважать тебя больше. Ты думаешь, что Лот, который претендовал на трон, любит тебя? Ни он, ни герцог Корнуолльский, ни один из тех, кто может притязать на трон! Да, они используют против тебя этот старый скандал. Но то был юношеский грех, и ясно, что ты не знал о близком родстве с леди Моргазой. К тому же она побывала не в одной постели и можно намекнуть, что Модред вовсе не тобой зачат...

— Нет! — прервал Артур. — Мы не станем позорить имя женщины, чтобы отвести от себя угрозу. Возможно, она была тем, что ты говоришь. Но я не стану кричать перед всеми: «Эта женщина обманула и обольстила меня!» Такие дела не для короля.

Кей кивнул.

— Ты так решил, брат. Но такое благородство не принесет тебе пользы. Люди воспринимают сдержанность как открытое признание своей вины. Но сказать всю правду еще хуже. Нам в лицо будут швырять «рожденные демоном», пока мы не оглохнем, и это оттолкнет от нас даже тех, кто иначе поддержал бы тебя.

— Он прав, — спокойно подтвердил Мерлин. — И любой выбор усиливает врага. Паутина сплетена хорошо. Нимье мстит нам. Но я уверен также, Артур, что она не может больше говорить со своим руководящим голосом. Теперь ей придется полагаться только на себя. И она не может помешать действию маяка.

Кей повернулся к нему.

— Этот маяк. Ты пообещал, что он приведет Повелителей Неба. В каком количестве они придут и когда это будет? Помогут ли они оружием нашему королю или будут стоять в стороне, наблюдая, как люди сражаются друг с другом, чтобы потом договориться с победителем?

— Я не знаю ответов на эти вопросы,— ответил Мерлин.— Время для Повелителей Неба идет по-другому, не так, как наши дни и годы. Они живут гораздо дольше нас. Может, пройдет много лет, прежде чем их корабли спустятся с неба!

Кей покачал головой.

— Тогда лучше не рассчитывать на их помощь. Нам нужно справиться с Модредом, и побыстрее. Сейчас силы его малы, но люди будут съезжаться к нему. И не забудьте, с ним королева. Само ее присутствие в его лагере свидетельствует, что она верит в этот позорный рассказ и поэтому уехала от тебя, Артур.

— Я знаю это,— ответил король.

Голос его звучал устало, лицо было измученным и осунувшимся.

— Люди будут говорить также, что я выступил против собственного сына.

— Ты выступишь против предателя!— горячо заявил Кей. Внезапно он повернулся к Мерлину.

— Это твое дело! Если твои знания так велики и всеобъемлющи, то почему...

Но Артур ответил с убеждением, какого не ожидал от него Мерлин:

— Не трать времени, брат, на перечисление всех «если». Мерлин делает лишь то, что выпало ему на долю. И от него зависит наш успех в конце.

С удивлением Мерлин внимательно взглянул на Артура. В голосе короля прозвучала такая нота, как будто ему был дан дар пророчества.

— Что ты имеешь в виду?— спросил он.

— Когда наступит время,— тем же уверенным тоном продолжал Артур,— это станет известно и тебе, родич. У каждого из нас своя роль.

Они выехали из Камелота, преисполненные уверенностью в своей правоте не менее, чем если бы двигались против захватчиков.

Артуру сообщили новости: войско действительно раскололось, и часть знатных лордов (возможно, по указанной Кеем

причине) держались в стороне от враждовавших, другие же открыто примкнули к Модреду.

Модред осмелился поднять знамя с драконом и провозгласить себя королем, поскольку Артур не достоин трона.

Кей хрюпло рассмеялся, когда услышал эту весть.

— Он глупец,— свирепо прорычал Кей.— Неужели он считает, что Лот, внимательно следящий за событиями, даст ему спокойно усидеть на непрочном троне?

Если Лот ждал, то Констанс Корнуолльский не стал выжидать. Вскоре под гордо развевающимся флагом с изображением медведя он привел свое войско в лагерь Артура и перед всеми подтвердил свою верность королю.

Старая вражда была забыта, и Артур повеселел: ведь Констанс был внуком Глориса и единственным кровным родственником Артура.

На четвертый день, когда их войско усилилось двумя отрядами черных всадников, освободившихся от дежурства на границе, Артур созвал совет, встретившись с сохранившими верность лордами и командирами.

— Мы выступили против того, кто был нашим братом по мечу и щиту,— печально заявил король.— Сотни раз вместе смотрели мы в лицо врагам и встречали смерть. Мы не должны теперь в гневе скрещивать с ними оружие. Я не откажусь от короны, потому что не могу снять с себя обязанности перед этой землей. Но это тяжелая задача — убивать старых друзей!

Он помолчал, но никто из собравшихся не заговорил. Мерлин подумал, что Артур и не ожидает ответа. Он медленно продолжил:

— Никто в будущем не посмеет сказать, что я желал зла обманутым. Я пошлю всадника к Модреду и предложу встретиться без оружия и поговорить. Может, мне удастся уговорить его не нарушать мир, добытый дорогой ценой.

Ему ответил Констанс, самый знатный, хотя и самый молодой из лордов.

— Господин король, это поступок человека, который действительно вначале думает о других. Мало кто после такой песни барда способен протянуть руку пославшему этого барда. Если ты пойдешь на встречу, я буду с тобой.

— И я, и я, и я,— подхватили остальные.

Никто из видевших лицо Артура не сказал бы, что он совершает этот шаг из страха — его поступок объясняется любовью к Британии, которой он служил всю жизнь.

Один из старейших лордов, некий Овъен, в юности служив-

ший в гвардии Амброзиуса и пользующийся большим уважением, вызвался быть посланником.

Выслушав короля, Овьең выехал из лагеря. Все отдохали, ожидая день и всю ночь. На второй день Овьең вернулся.

Он прошел прямо к Артуру.

— Господин король, я передал твои слова Модреду. Среди его последователей были разные мнения, но наконец он согласился на переговоры и сказал, что встреча состоится у меньших камней Лангвеллина. Каждый может привести с собой по десять сторонников. Жрец Гилдас оговорил условие, что среди этих десяти не должно быть Мерлина, потому что он может привлечь себе в помощь дьявола. На это Модред рассмеялся и сказал, что способен победить и дьявола. Господин король, с их войсками едет и леди Моргаза. Она не состарилась и выглядит так же, как при дворе Утера. И с ней леди Озера. Люди смотрят на них искоса, даже приближенные Модреда, потому что в том, что возраст не коснулся леди Моргазы, есть нечто неестественное!

— Если она на самом деле леди Моргаза! — выпалил Кей. — У Утера повсюду было множество незаконных детей, и эта, если она выглядит так молодо, может быть дочерью одного из них. Это еще одна хитрость, созданная для того, чтобы навредить нашему господину!

Артур жестом как бы отмахнулся от догадок Кея.

— Главное, Модред согласился на встречу. Пусть это подбодрит нас!

Позже, когда наступила ночь, Артур пришел к Мерлину.

— У тебя есть силы, — начал он. — Можешь ли ты применить их к Модреду, чтобы он произнес перед своими лордами слова, укрепляющие мир? Я не верю, что можно так овладеть человеком, чтобы он поступил против своей воли. Ведь этот человек может залить нашу землю кровью и я испробую все, чтобы помешать ему!

— Это зависит от того, насколько хорошо его вооружила Нимье, — откровенно ответил Мерлин. — Я сделал все, что мог, чтобы ослабить ее, но насколько это удалось, мы узнаем только в столкновении. Я попытаюсь сделать все возможное, родич.

— Больщего я и не прошу, — сказал Артур. — Хотел бы я научиться тому, что сейчас мне нужно больше, чем человеческие сила и воля.

Он медленно встал.

— Что ж, пойдем спать, если сумеем уснуть. Завтрашний день принесет мир или кровь, и мы не можем предвидеть, что именно.

— Вот еще что,— сказал Мерлин.— Они назначили местом встречи древние камни. Если это часть забытого святилища, как Место Солнца, тогда я смогу использовать большие силы.

— Если только такие места не враждебны нам!

— Господин король, я обнаружил в этой земле много таких мест. И только в одном были силы Тьмы,— это крепость Нимье. Надеюсь, оно единственное.

Если король и спал в эту ночь, то Мерлин не уснул. Он лежал на плаще, закрыв глаза, но мозг его лихорадочно работал. Он напряженно искал что-нибудь, что можно было бы использовать как оружие или защиту. Слово за словом собирая он все, что знал, все, что усвоил от зеркала. Он понимал, что ему предстоит решающая схватка с Нимье.

Хоть он и не спал, но утром чувствовал себя готовым к этой схватке. На всем протяжении пути он постоянно касался своего жезла, как юноша трогает меч перед своей первой битвой.

Они пришли на узкий твердый участок земли среди болот. Тут и там виднелись зеркала воды, одни затянутые зеленью, другие чистые, но темные, с высокими тростниками. На этом участке земли стояли камни, о которых говорил Модред. На склоне холма разместились войска мятежников.

Люди Артура расположились на противоположном склоне, а король спешился. Вместе с ним пошли Кей, Мерлин и Овьеен.

Артур не взял с собой Констанса, передав герцогу командование войсками. Констанс возражал, но король напомнил ему о долгах: после Артура он был ближе всех к короне.

Артур шел впереди, Мерлин и Кей рядом и чуть позади. Зазвучало пение мятежных войск, и Мерлин увидел тесную группу монахов под знаменем с драконами.

Женщин не было видно, и если королева, Моргана и Нимье и были здесь, то воины прикрывали их собой.

Мерлин разглядывал камни, к которым они приближались, рассчитывая скорость шага так, чтобы подойти к установленному месту одновременно с Модредом. На взгляд в этих камнях не было внешних отличий от камней в Месте Солнца. Мерлин продолжал недоумевать, почему Модред выбрал это место. По словам монахов, окружавших Модреда, такие места посвящены дьяволу. Ясно, что Нимье никогда не позволила бы своей марионетке выбрать место, где спят древние силы, которые Мерлин мог бы пробудить.

Разве что Модред — ее собственное творение,— перестал подчиняться, и теперь он, а не она отдает приказы.

Камни были установлены по кругу небольшого диаметра.

Мерлин слегка повернул жезл. Он не уловил даже искры энергии, камни были мертвы, как самые обычные скалы. Что ж, он и не надеялся на иное.

Теперь ему был виден Модред. Его узкое лицо так и говорило каждой своей черточкой о древней крови, но было в нем что-то отталкивающее.

Модред улыбался с видом баловня судьбы.

Мерлин осторожно послал мысленный импульс в его сторону, но натолкнулся на барьер, прочный, как сталь.

Модред был действительно хорошо вооружен!

ГЛАВА 18

Мерлин не прекращал попыток прощупать врага. Он уловил взгляд Модреда и его косую усмешку, как будто Модред понял, что делает Мерлин, и не боялся.

С неприкрытым вызовом Модред обратился к Артуру:

— Ты хотел встречи. О чём ты хочешь просить меня?

Мерлин почувствовал, как напрягся Кей, с каким трудом сдержал он гнев, услышав подобное оскорбление.

Но ответ Артура прозвучал спокойно:

— Я не прошу, Модред. Я говорю тебе правду. Если мы начнем войну, Британия погибнет. Тогда все, чего мы добились, будет утрачено.

— Ты потерял свой трон, — надменно ответил Модред. — Ты просишь свою корону, Артур?

Мерлин видел, как вспыхнуло лицо короля.

Но Артур сохранил самообладание, и Мерлин почувствовал гордость за него.

Сам он по-прежнему пытался пробить защитный барьер Модреда и добраться до этого человека. Он был так поглощен этой задачей, что чуть не пропустил грозное предупреждение.

Он повернул голову. Что-то зашевелилось у ближайшего камня, шурша в траве.

Прежде чем Артур смог ответить, один из людей Модреда с криком удивления и ужаса обнажил меч и ударил.

На мгновение все увидели поднятую голову змеи. Но это не было настоящей змеей. Мерлин слишком поздно понял, что это была иллюзия.

— Предательство!

Кей выхватил свой меч и ударил человека, обнажившего оружие.

Змея исчезла так же внезапно, как и появилась.

Модред с обнаженным мечом прыгнул к королю, но Кей отразил его нападение.

Меж камней развернулось сражение.

Сзади послышался звук труб: Констанс приказал наступать.

В этот момент у лица Мерлина сверкнула сталь. Мерлин поднял жезл и нанес мысленный удар нападавшему. Тот дико закричал. Меч выпал из его руки, глаза застыли. Он упал, увлекая за собой Мерлина.

Удар о камень на мгновение оглушил Мерлина. Человек, получивший мысленный посыл, шатаясь, встал, но тут же снова упал от меча воина Артура.

Вниз по склону шла гвардия Артура, вели его коня, чтобы он мог сражаться конным.

Модред исчез. Мерлин, цепляясь за камень, старался не попасть под копыта и видел, как Модред перепрыгивал с кочки на кочку, чтобы примкнуть к воинам, искавшим проход к месту сражения.

Среди камней лежали четыре тела. Одно из них принадлежало Овьеену. Его невидящие глаза смотрели прямо на солнце, а на лице застыло выражение удивления, как будто смерть пришла так быстро, что он даже не успел осознать это.

Мерлин, прия в себя, переходил от одного тела к другому. Он знал, что сегодня понадобятся его знания целителя, но здесь все были мертвые.

Мерлин направился к повозкам с медикаментами. Тут он сбросил плащ и принялся за работу, но все время сознавал, что подвел Артура.

Если бы он не пытался так напряженно овладеть волей Модреда, то увидел бы иллюзию и рассеял ее, прежде чем началось это смертоубийство.

Он не сомневался, что появление змеи было делом рук Нимье.

Он перевязывал раны, спасал жизни, а в долине делали все, чтобы унести их как можно больше. Кто бы ни победил в этот день, Британия проиграла!

Время перестало измеряться проходящими часами. Мерлин работал. Многим он облегчал кончину, другим давал шанс уцелеть. У тех, кто имел возможность отвечать, он расспрашивал о ходе битвы. Но раненые видели лишь часть боя. Иногда они рассказывали об отступлении, иногда — о небольших победах, о том, как заставляли отступать мятежников.

В полдень принесли юного оруженосца Кея.

Мальчик заплакал, когда Мерлин стал перевязывать его сломанную руку. Он сказал, что его господин погиб, перебив множество врагов.

«Итак, Кей погиб, как погиб до него Эктор,— устало подумал Мерлин.— Кей всегда был правой рукой Артура, и вот теперь эта рука отрублена. Кей, Овъен и сколько еще других, последовавших за Артуром».

Он как будто видел ужасный сон, словно погрузился в ад, который, как утверждают последователи Христа, поглотит всех неверующих.

Всюду кровь, тела мертвецов, торопливо оттащенные в сторону, чтобы расчистить место для тех, кому еще можно было оказать помощь.

Запах крови наполнял ноздри, висел вокруг. Кровь покрывала одежду, руки, ноги, даже щеки Мерлина. Кровь пахла неминуемой смертью.

Солнце, к началу этой бойни стоявшее над головой, теперь склонялось к западу.

— Мерлин.

Кто-то потянул его за руку.

Мерлин нетерпеливо отмахнулся, занятый стонущим воином, который сжимал руками большую рану на животе.

— Мерлин!

Он оглянулся и увидел маленького человека со смуглым лицом с порезом, из которого сочилась кровь. У этого человека было имя...

Мерлин порылся в памяти:

— Блехерис?

— Мерлин!

Он дернул его за руку.

— Бери с собой свои лекарства и пошли!

Мерлин вышел из оцепенения, в которое погрузился от окружавших его страданий и своих попыток облегчить их. Блехерис мог искать его только по одной причине.

В этот момент Мерлин понял, что все испытанные им в жизни страхи — ничто перед тем ужасом, который охватил его.

Артур!

Не может быть, чтобы смерть в бою подкараулила Артура!

Все в нем восстало против этой мысли.

Ужас сменился свирепым гневом. Ему захотелось сдавить два горла: Модреда и Нимье.

Схватив мешочек из льняной ткани, две банки с лечебными мазями, он повернулся к Блехерису.

— Где?

Пикт нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Идем.

Он побежал, и Мерлин легко последовал за пиктом.

Они пробирались среди следов битвы. В отдалении слышались крики, стоны, вопли раненых людей и лошадей.

Блехерис свернул направо вдоль берега реки, текущей в болото.

Здесь было больше мертвых и слабо стонущих раненых. Но Мерлин не слышал их голосов. Сейчас главное — Артур.

Артур — это Британия, Артур — это сияющее будущее мира!

— Это Модред, — проговорил пикт.

Он тяжело дышал.

— Король прорубался сквозь ряды, чтобы добраться до изменника. Он пронзил Модреда копьем, но тот не сразу умер и успел нанести королю удар.

Впереди виднелась хижина: вероятно, ею пользовались птицеловы.

Снаружи стояли два телохранителя Артура.

Мерлин пронесся между ними, и вот он стоит на коленях у тела, лежащего на груде изорванных и окровавленных плащей.

Глаза Артура были закрыты. Капли пота выступили на его лбу и щеках. Дыхание с хрипом вырывалось из горла.

С него сняли латы, обнажили тело.

Внизу живота видна была окровавленная одежда.

Быстро, но осторожно Мерлин убрал одежду с раны. То, что он увидел, ошеломило: люди не живут с такими ранами!

Но Артур был не просто человек, он был нечто большее!

Мерлин принялся очищать и перевязывать рану.

— Он будет жить?

Блехерис следил за его работой, присев на корточки, и с ним рядом — Гавайн, один из телохранителей Артура.

— Не знаю.

Мерлин устало откинулся. Он наконец-то вышел из смертоносного оцепенения, охватившего его с начала битвы.

Сейчас он отчетливо вспомнил ящик-гроб в пещере, который сохраняет жизнь. Сможет ли он вылечить Артура, или, по крайней мере, сохранить ему жизнь до прилета Повелителей Неба? Их знания больше знаний Мерлина и всех остальных обладателей этого мира.

Но пещера была далеко. Сможет ли он поддержать в Артуре жизнь, пока они доберутся туда? Мердин вооружен лишь

знаниями, тем немногим, чем поделились с ним через зеркало. И еще у него есть воля!

С этого момента вся его воля была направлена на спасение Артура.

— Как идет сражение?

Он не мог везти Артура по местности, где за ним будут охотиться. Он увидел, как молодой телохранитель гневно взглянул на него: разве что-нибудь может иметь значение, кроме спасения его раненого господина? Но Блехерис сразу догадался, почему Мерлин задал этот вопрос.

— Если ты хочешь увезти отсюда короля, лорд Мерлин,— ответил он,— то люди Модреда разбиты. Они бегут перед местью черных всадников.

— Куда ты хочешь везти короля?— спросил телохранитель.

— Он тяжело ранен,— ответил Мерлин.— Его нужно отвезти туда, где его сумеют вылечить.

— Мерлин...

Все повернули головы. Артур открыл глаза, голос его звучал тихо. Они затаили дыхание, чтобы не заглушить шепот.

— Я убил его...

Это было не утверждение и не вопрос.

— Он мертв,— ответил Мерлин без выражения.

— Он меня вынудил. Он так ненавидел меня, что пожертвовал своей жизнью, чтобы убить меня. Почему?

Мерлин покачал головой.

— Не знаю. Он был лишь орудием в чужих руках. Ненависть эта стара. Однажды она уже превратила этот мир в пепел...

— И опять превращает.

Голос Артура слегка окреп.

— Единство нарушено, Мерлин.

Рука короля чуть шевельнулась, как бы ища чего-то.

— Где меч?

— Вот, господин король.

Блехерис порылся в груде одежды, на которой лежал король.

— Больше я не возьму его в руки,— сказал король.

— Пока не залечатся твои раны,— быстро исправил Мерлин.

— Брат.

Губы Артура изогнулись в слабой улыбке.

— Не обманывай себя. Твои знания велики, но все же ограничены.

— Но ведь сказано: ты тот, кто был, есть и будет.
Мерлин смотрел в глаза Артуру, вливая в него свою силу.
— Будет,— сонно проговорил Артур, смыкая глаза.
Блехерис с испугом смотрел на него.
— Он ушел от нас?

— Нет. Он спит и будет спать, не чувствуя боли. А тем временем мы перевезем его в то место, где ему помогут.

— Лорд Мерлин, а кто теперь поведет нас за собой?— спросил телохранитель.

— Король передал командование Констансу Корнуолльскому. Передайте герцогу, что Артур жив и что он только уехал, чтобы излечиться.

Теперь Мерлин рассуждал четко и логично.

— Передайте герцогу также, что он должен отыскать лагерь Модреда. Там он найдет королеву и двух других: леди Моргазу и леди Озера. Им ничего нельзя говорить о короле, только то, что он легко ранен и отдыхает. Герцог должен позаботиться, чтобы эти женщины больше не приносили вреда.

— Лорд Мерлин, все это будет передано герцогу Констансу. Но как ты перевезешь короля и куда?

— В конных носилках, хорошо укутанного. В горы, где есть место, хорошо известное целителям.

Он стал отдавать приказы, беспрекословно исполнявшиеся слугами Артура, цеплявшимися за крохотную надежду, что король выживет.

К утру Мерлин был готов вести маленький отряд.

Король лежал на конных носилках. Блехерис вел его лошадь, Мерлин ехал сзади.

Он повидался с Констансом, подтвердившим, что войска Модреда разбиты и королевство в безопасности.

— Герцог,— сказал ему Мерлин,— не скрою от вас, хотя советую не разглашать это, что король тяжело ранен. У него только один шанс выжить. Для этого нужно достичь места исцеления. Я буду стараться поддерживать его жизнь до того времени. В твои руки он передал командование, и тебе теперь править. Как и король, Британия здесь тоже была тяжело ранена.

Ты должен излечить раны страны, как я пытаюсь излечить раны короля.

Констанс выслушал и ответил:

— Целитель, я слышал о тебе немало странного, но никто никогда не говорил, что ты враждебен королю, наоборот, известно, что к тебе он обращался в случаи затруднений.

Поэтому я верю тебе и буду править Британией, но не как король, а как наместник. Разве что придет известие, что твои надежды не оправдались. Только тогда я начну править как Пендрагон.

— Да будет так! А как женщины?

— Нашли королеву, почти потерявшую рассудок. Она умоляет, чтобы ее отослали в дом святых женщин, которые называют себя сестрами и живут в Авалоне. Леди Моргана — ее тоже нашли — мертва. Мы не знаем, от чего она умерла: на ее теле нет ран, лицо не искажено, как если бы она выпила яд. Она скорее похожа на спящую. Но мы не нашли и следа третьей женщины.

Мерлин вздохнул. Джиневра и Моргана не имели значения, другое дело — Нимье!

Неужели, вызвав к жизни эту трагедию, она будет усугублять ее, пытаясь убить Артура?

Этого он не должен допустить! Артур выживет, несмотря на все чары и иллюзии!

— Ищите ее тщательно, — приказал он, хотя был уверен, что если Нимье сама не захочет, ее не найдут. — Из всех врагов короля она самый опасный.

Констанс кивнул.

— Ты возьмешь с собой охрану?

Настала очередь Мерлина задуматься над ответом.

— Нет. Большой отряд легче заметить. Силы Модреда разбиты, но они рассеялись. Среди оставшихся немало захочет рискнуть и попытаться убить Артура. Маленькая же группа может передвигаться тайно, ее труднее выследить. Я возьму с собой только пикта Блехериса. Он опытный следопыт и поможет нам замаскироваться.

И вот они с максимальной скоростью движутся по дикой местности.

Воля Мерлина поддерживала жизнь в спящем короле.

Они никого не встретили на избранном Блехерисом пути. Только дважды издалека из укрытия следили они за небольшими отрядами мятежников.

Они поднялись в горы, и Мерлин увидел вдали вершину горы с пещерой.

Здесь он повернулся к Блехерису:

— Добрый товарищ, впереди наша цель. Но я не знаю, что мы найдем там. Если король живым доберется до пещеры, то я надеюсь на его выздоровление. Но если он и выживет, то этого нельзя сказать о нас...

— Целитель,— ответил пикт,— я жил дольше, чем может надеяться воин моего племени. Король однажды подарил мне жизнь, откажу ли я ему в этом же? Я человек без рода, но король посадил меня рядом со своим очагом и назвал своим вассалом. Скажи мне, что нужно сделать, и я сделаю!

Трудно было поднять конные носилки на последний переход, их пришлось нести на руках. И вот наконец они у входа в пещеру.

Мерлин не был удивлен, увидев Нимье. Она сидела на камне лицом к ним. Вся ее фигура излучала терпение, как будто она давно ждала.

Мерлин легко опустил носилки и затем повернулся к ней.

— Посмотри на свою работу,— сказал он.— Гордись ее результатом, Нимье!

К его удивлению, на ее лице не отразилось торжество.

— Смертью человека незачем гордиться,— ответила она бесцветным тоном.— То, что сделано, должно быть сделано.

— Почему?

— Потому что люди уже один раз были игрушкой Повелителей Неба, которые пользовались ими беззаботно, учили их тому, что им рано было знать, вовлекали в свои споры. В результате — мир разрушен, опустошен и чуть не погиб. Впоследствии началась война между звездами, и была дана клятва, что никогда не будут использоваться другие расы...

— Однако похоже, что эта клятва не особенно соблюдается,— заметил Мерлин.— Ты слуга Темных и принесла Британию такое кровопролитие, которое не забудется и тысячу лет спустя.

— Я сделала то, что должно было быть сделано,— без выражения повторила Нимье.— Ты вызвал бы к жизни знания, которыми люди еще не могут овладеть. Они использовали бы эти знания в злых целях. Это ты, Мерлин, призвал короля к изменению мира, и это твои действия убили его.

— Он не мертв,— возразил Мерлин,— и он не умрет, колдунья. В назначенный час он будет стоять у маяка и приветствовать своих родителей!

Она почти равнодушно взглянула на Артура.

— Твой маяк, Мерлин, бесполезен. Повелители Неба измениют время не так, как мы. Пройдет, может быть, много столетий, прежде чем они ответят на зов маяка. И к тому времени люди будут способны осознать, какое зло несут им дары Повелителей Неба. Ты установил маяк, Мерлин, но я нанесла поражение твоему королю.

Мерлин покачал головой.

— Еще нет. Мне обещано: он был, есть и будет.

Она посмотрела на него с жалостью.

— Мерлин, ты смог бы стать таким великим, а предпочел оставаться таким малым — последователем древних непонятных слов, охранником варварского короля, которого скоро забудут!

Она встала и широко развела руки, так что широкие рукава обнажили ее белые плечи.

— Мерлин!

В голосе звучала томная призывная нота.

— Ты знаешь, мы с тобой родственники по духу. Ни один мужчина Земли не вызывал у меня желания, а ты не можешь ни одну женщину из их племен назвать своей. Моя башня и озеро укроют нас от людей, и мы сможем жить спокойно. У нас долгая жизнь, гораздо дольше жизни обычных людей. Разве ты никогда не испытывал одиночества, Мерлин? Мы выполнили свои задачи и теперь свободны...

Он смотрел на нее и чувствовал могучее желание отбросить и забыть прошлое.

Нимье рассмеялась.

— Ах, Мерлин, я вижу, ты помнишь! Да, я могу быть более желанной, чем все женщины. Многому я могу научить тебя!

Мерлин отступил на шаг.

— Не сомневаюсь, — сухо сказал он. — Но я служу королю Артуру.

— Умирающему!

Теперь она смотрела на него насмешливо.

— Одинокий Мерлин, ты можешь не быть больше одиночным:

От ее слов его был озабочен. Нимье нашла его уязвимое место!

— Если такова моя участь, — ответил он, — то я останусь одиноким.

Он радовался, что его голос звучит уверенно.

Нимье отвернулась от него, плечи ее опустились. Он понял, что сейчас она уже не играет.

Он разрывался, он знал, что больше не увидит ее, что отказывается от того, что принесло бы тепло в его жизнь.

Он чуть было не шагнул за неё. Но здесь был Артур...

Мерлин следил, как Нимье медленно уходит, зная, что еще есть возможность позвать ее, что их обоих в чем-то обманули Повелители Неба, которые холодно и бесчувственно сделали их тем, чем они стали.

И вот она исчезла. Все кончилось!

Он подошел к тайному входу в пещеру и начал отваливать камни. На помощь к нему пришел Блехерис.

Лицо маленького человека было полно отчаяния.

— Лорд Мерлин, что это за место? У меня болит голова, и боль становится все сильнее.

Мерлин вспомнил об охранных устройствах.

— Здесь охрана, Блехерис, тебе нужно уходить отсюда. Пикт сел на ближайший камень.

— Нет,— добавил Мерлин.— Не жди нас. Я могу войти в пещеру, и король может. Мы долго не выйдем оттуда, Блехерис.

Пикт покачал головой.

— Лорд Мерлин, неважно, дни или годы пройдут, прежде чем вы вернетесь. Если судьба пожелает, вы найдете меня ждущим. Это хорошая земля,— сказал пикт.— Она похожа на мои родные северные горы. Я буду ждать.

Несмотря на возражения Мерлина, он поклялся, что так и поступит.

Мерлин вытащил Артура из носилок и, взяв на руки, с трудом прошел в пещеру.

Он поднес короля к ящику и открыл его. Раздев Артура, он опустил его в ящик.

Артур дышал — это все, что знал Мерлин. Крышка медленно закрылась.

В последний раз Мерлин подошел к зеркалу.

В руках он держал меч, который пикт передал ему, прежде чем отойти от пещеры. Мерлин стоял перед зеркалом и видел истощенного темнолицего человека в изорванной одежде, покрытой грязью и засохшей кровью.

Вокруг гудели установки.

До сих пор он действовал инстинктивно.

Что дальше?

И зеркало ответило ему:

— Подойди к ящику справа, Мерлин, и нажми четыре маленькие кнопки. Ящик сохранит твою жизнь. Когда ты проснешься, люди будут смотреть на звезды. Тогда наступит твой час. Сегодня мы потерпели поражение. Нужно ждать лучшего дня.

— Артур?— спросил он.

— Он был, есть и будет. Для тебя приготовлено место. Спи.

Мгновение Мерлин колебался, затем задал последний вопрос:

— А Нимье?

— Ее судьба вне наших знаний, Мерлин.

Он положил меч на скамью перед зеркалом, где сидел так

часто. Клинок по-прежнему сверкал. Только человеческие надежды тускнеют.

Мерлин медленно повернулся, отыскал кнопки и нажал, как ему было приказано. Забегали огоньки. Мерлин тупо смотрел, пока они снова не погасли. Тогда он прошел к ящику.

Раздевшись, он вошел внутрь и почувствовал, как поднимается жидкость.

Сколько времени пройдет?

Белое тело под луной, приглашающий жест и смех, обнаженные ноги, легко бегущие по закрытой тенями земле,— с этой картиной перед глазами Мерлин уснул.

СОДЕРЖАНИЕ

Кошачьим взглядом	3
Звездная стража	117
Зеркало Мерлина	261

Серия «Мифы Вселенной»

Выпуск 2

ЭНДРЮ НОРТОН

Кошачьим взглядом
Звездная стража
Зеркало Мерлина

Ответственный за выпуск *Н. И. Тимошин*

Сдано в набор 14.07.92. Подписано в печать 5.11.92. Формат
84×108/32. Бумага типографская. Печать высокая. Усл. печ. л.
21,84. Тираж 50 000. Заказ 236.

МП «Энталпия», г. Москва, ул. Делегатская, 9

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и информации России.
144003, г. Электросталь Московской области, ул. Тевояна, 25.

КОШАЧЬИМ ВЗГЛЯДОМ
ЗВЕЗДНАЯ СТРАЖА
ЗЕРКАЛО МЕРЛИНА

Э.НОРТОН

